

МФФ

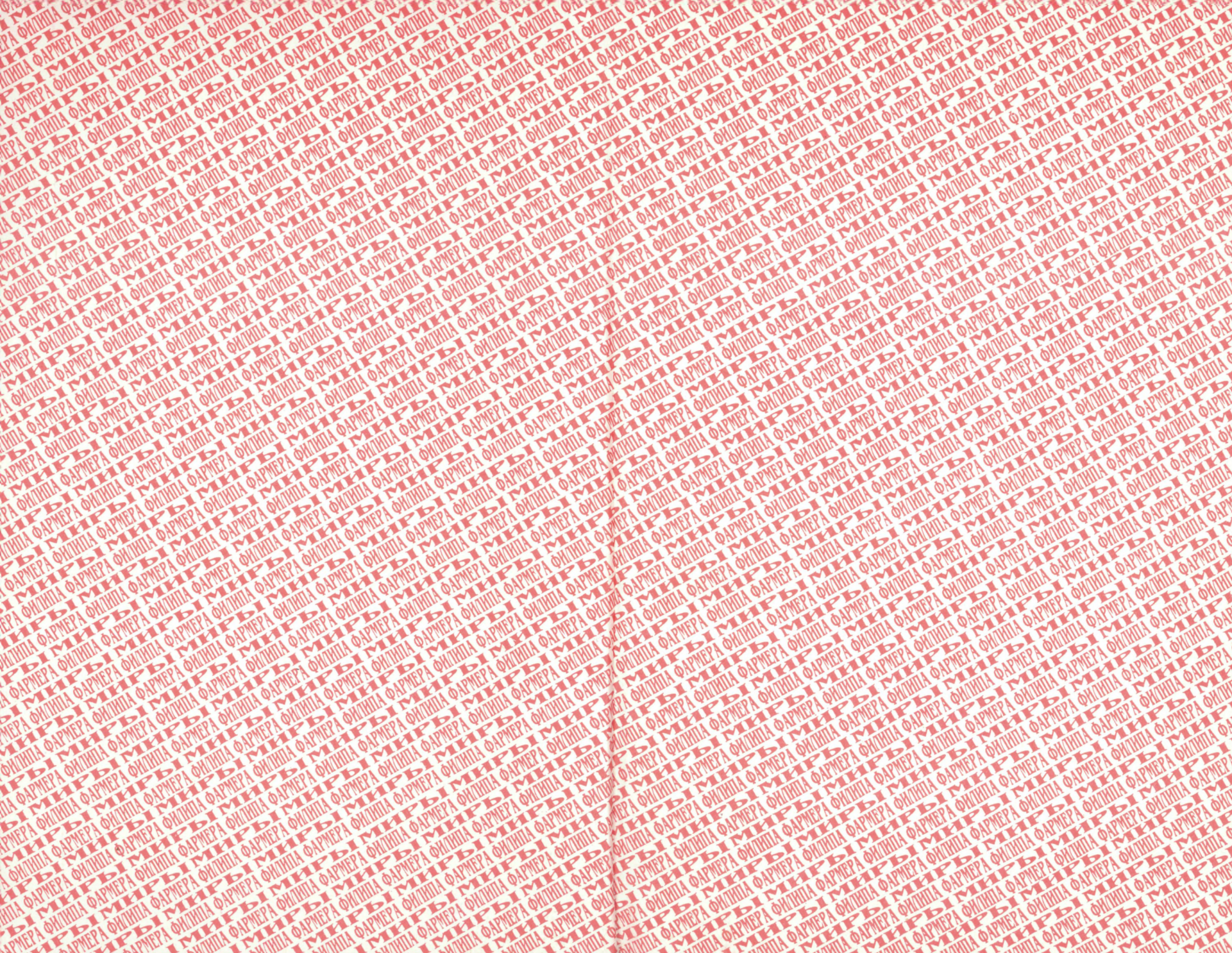
МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

2

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

2

ФИЛИП ФАРМЕР

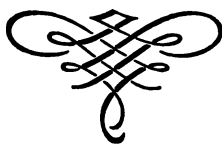

WORLDS OF PHILIP FARMER

THE WORLD OF TIERS

**A PRIVATE COSMOS
BEHIND THE WALLS OF TERRA**

**«POLARIS» PUBLISHERS
1996**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

**ЛИЧНЫЙ КОСМОС
ЗА СТЕНАМИ ТЕРРЫ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996**

Серия основана в 1996 году

Миры Филипа Фармера. Т. 2 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 383 с.

Эта книга продолжает великолепную сагу об обитателях Много-
ярусного мира.

Вошедшие в нее романы «Личный космос» и «За стенами
Терры» повествуют об удивительных приключениях Пола Януса
Финнегана, защищающего Вселенную от нашествия Черных Зво-
нарей.

**Произведения, включенные в данное издание,
охраняются законом Российской Федерации об
авторском праве. Перепечатка отдельных романов
и всего издания в целом запрещена без разрешения
издателя. Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключительно с
письменного разрешения издателя.**

A Private Cosmos
Copyright © 1968 by Philip José Farmer

Behind the Walls of Terra
Copyright © 1970 by Philip José Farmer

© Издательство «Полярис»,
перевод, составление, оформление,
название серии, 1996

ISBN 5-88132-137-5

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Во второй том собрания фантастических сочинений Филипа Фармера вошли продолжающие сериал «Многоярусный мир» романы «Личный космос» и «За стенами Терры». В этом томе читатель снова встретится с героями предыдущих книг: Властителем Ядавином (который, правда, не играет столь значительной роли, как в первых двух романах), его сестрой Ананой Светлой и хитроумным Полом Янусом Финнеганом, более известным как Кикаха-Ловкач из племени хроваков.

На этот раз смертельная опасность угрожает не только главным героям, но и всем «карманным вселенным» властителей. В незапамятные времена властители в поисках бессмертия создали матрицы для переноса сознания из одного тела в другое. Но матрицы, структура которых совпадала со структурой человеческого мозга, обрели собственный разум — холодный рассудок машины — и, в яростном стремлении получить, наконец, живое тело, начали захватывать тела властителей, стирая память и душу прежних владельцев. Почти неуничтожимые матрицы получили имя Черных Звонарей. В долгой и разрушительной войне почти все Звонари были загнаны в специально для них созданный мир и запечатаны там. Но пятьдесят чудовищ, способных овладеть телом любого человека, остались на свободе, затерявшись среди тысячи и восьми карманных миров.

Война дорого обошлась и победителям. Их наука была уничтожена, превратившись в список инструкций по управлению грандиозными машинами, принцип действия которых не был известен никому из оставшихся в живых. Властители разбрелись по своим мирам, занявшись бесконечными и бесплодными склоками.

Звонари ждали много тысяч лет. И наконец пришел их час...

В романе «Личный космос» нашествие Черных Звонарей на многоярусный мир Ядавина-Вольфа отражают Ловкач-

Кикаха и сестра Ядавина Анана, бежавшая из своего собственного мира от безжалостных Звонарей. В живых остается только один искусственный разум — Табююз, хранитель всех знаний Звонарей, готовый наладить производство матриц и начать захват миров. Для этого ему нужна лишь подходящая база. И он рассчитывает найти ее на Земле.

В погоню за ним в начале следующей книги, «За стенами Терры», отправляются Кикаха и Анана, но их подстерегает неожиданное препятствие. Двое властителей — Рыжий Орк, полноправный властитель Земли, безжалостный экспериментатор, поставивший себе целью проследить эволюцию земной культуры, и его соперник Уртона — ведут сложную игру, намереваясь избавиться друг от друга. И пришельцы из многоярусного мира вовсе не нужны им. Безумное тщеславие и самонадеянность двоих властителей не может поколебать даже страшная угроза нашествия Звонарей.

Чем закончатся приключения Кикахи в Лос-Анджелесе и куда занесет судьба его и Анану, вы узнаете, прочитав эту и следующие книги сериала «Многоярусный мир».

Ниже мы помещаем предисловие Роджера Желязны к первому изданию романа «Личный космос».

Год назад, читая «Создателя вселенных», я как будто вернулся в далекое детство. Мне и теперь вспоминается то солнечное субботнее утро в Балтиморе, когда, взяв книгу Филипа Хосе Фармера, я решил пробежать взглядом страницу или две перед началом работы над собственной повестью. И тогда, раскрыв чудесную обложку Гэхена* с зеленым небом и серой гарпией (Подаргой), я забыл обо всем и не написал в тот день ни строчки.

Когда первый том подошел к концу, я отправил записку моему местному поставщику книг и попросил его немедленно отыскать продолжение, которое называлось «Врата творения». Моя просьба была удовлетворена, и, когда я одолел второй том, яркий субботний день сменился темной ночью, которая заполнила весь мир до края небес. В воскресенье, вместо того чтобы заняться своей повестью, я написал Филипу Фармеру письмо — письмо восторженного поклонника.

* Известный американский художник-иллюстратор.

У меня нет желания рассказывать об авторе таких произведений, как «Любовники», «Огонь и ночь» и «По женщине на день» — кстати, две последние книги я считаю лучшими в его творчестве. Если бы он рисовал картины или сочинял мелодии, мне бы и в голову не пришло сравнивать их с его историями или даже друг с другом. Два первых тома «Многоярусного мира» написаны в лучших традициях приключенческого романа. Лично я причисляю их к очень хорошим примерам этого жанра. По темам и стилю они отличаются от всех других его историй; они отличаются даже друг от друга, поэтому мы можем называть их уникальными и как всегда несравненными. В глубине души я надеялся на продолжение сериала. И теперь, узнав, что Фармер уже работает над ним, я не могу сдержать своей радости.

Другими словами, меня примерно за год тянуло к книге, которую вы сейчас держите в руках.

Пытаясь оценить свои чувства и определить, чем именно привлекли меня два первых тома, я нашел несколько причин, по которым они мне так понравились.

Во-первых, меня пленила концепция физического бессмертия с сопутствующими ему преимуществами и бедами. Эта тема проходит через книги, как блестящая нить медной проволоки. Во-вторых, я восхищен идеей миниатюрных вселенных, и, на мой взгляд, она не имеет ничего общего с упоминанием о различных параллельных мирах. История о вселенных, специально созданных, чтобы служить кучке могущественных разумных существ, — это сюжет настоящего мастера. Что же касается очаровательной структуры многоярусного мира, то здесь я снимаю перед автором шляпу.

Кроме этих идей и находок Фармер собрал команду персонажей, которые мне очень понравились. Особенно я хотел бы отметить Кикаху — жуликоватого парня, чья смелость и ловкость оттенены бесподобным обаянием. В первом томе он едва не отобрал у Вольфа приз зрительских симпатий. И наоборот, во втором томе мы встречаем жалких, никуда не годных интриганов, которых на время связала судьба. Мы видим скопище подлых, бесчестных и противных личностей, готовых ради забавы перерезать друг другу глотки. Я чертовски

влюблен в елизаветинский театр и поэтому получил огромное удовольствие, узнав в начале книги об их близких родственных связях.

«Священные существа могут быть притягательными и омерзительными (лебедь и осьминог), прекрасными и уродливыми (непорочное дитя и беззубая ведьма), добрыми и злыми (Беатриче и Belle Dame Sans Merci*), историческими и вымышленными (человек, встреченный на дороге, или персонаж, известный по рассказу или сну); они могут оказаться титулованными особами, неприметным попутчиком в купе или теми, кто нравится нам при определенных условиях, однако эти условия столь абсолютны, что возникает благоговение».

(У. Х. Оден «Творчество, знание и понимание»).

Филип Хосе Фармер живет на солнечном Западе, по другую сторону мира, в местечке, которое называется Калифорнией. Мы никогда не встречались с ним, разве что на страницах наших книг. Я восхищаюсь его чувством юмора, той изумительной способностью находить идеальную и единственно верную фразу для всего, что он пишет. Владея любыми оттенками эмоционального спектра, Фармер может предстать перед читателем непреклонным, мрачным и туманным, а затем, подобно радуге, озарить нас светлой и безмятежной радостью. Он обладает очаровательным тактом в описании священного и мирского. Его простота в применении этих понятий вызывает благоговение.

Любой автор, обращая читателей в свою веру, должен уводить их в место без времени и пространства, которое люди называют воображением. У Фармера есть к этому особый дар и особое умение.

Процитировав Одена, я должен согласиться с его наблюдением — писатель не может читать вещи другого автора, не сравнивая их с собственным творчеством. Со мной это происходит постоянно. И я почти всегда с трепетом склоняю голову, читая книги трех фантастов: Старджона, Фармера и Брэдбери. Их понимание священных тем настолько транссубъективно,

* Бессердечная красавица (фр.).

что личные особенности каждого автора становятся универсальными и оживляют человеческое бытие, как рождественская елка с гирляндами неоновых лампочек. Но даже в этой необычной манере Филип Фармер имеет свой уникальный почерк...

Все, о чем он говорит, хотелось бы сказать и мне. Однако ему это удастся, а мне — нет. Он мастер того, что Генри Джеймс назвал «углом зрения», и его «у.з.», отличаясь от моего собственного, неизменно оказывается шире и точнее. Я просто не могу угнаться за ним. А значит, на белом свете есть люди, которые превосходят меня в том, что мне нравится делать. И от этого я жую бороду и вспоминаю Джорджа Лондона в роли Мефистофеля. После возвращения в столичную Оперу он сыграл в «Фаусте» Гуно. Помните: Маргарита воспаряет в небеса, он протягивает руки, но перед ним опускаются железные ворота; и тогда он хватается за засов, какое-то время смотрит на Всевышнего, отворачивается, медленно опускается на колени, и его рука срывается с замка — а потом занавес. И именно так я чувствую вещи. Но мне не удастся выразить это словами — вот почему я восхищаюсь Филипом Хосе Фармером.

Так что же мне сказать о его новой книге? Может быть, лучше предоставить слово Шекспиру:

Лепид. Что за штука твой крокодил?

Антоний. По форме, сир, он похож на себя самого:
Столь же широк, как его ширина;
Столь же высок, как его высота;
Он движется на своих конечностях
И живет тем, что его питает.
А когда элементы жизни выходят из него,
Он переселяется в иные миры.

Лепид Какого он цвета?

Антоний. Своего собственного.

Лепид. Любопытная гадина.

Антоний. Прелюбопытнейшая. И слезы у него мокрые.

(«Антоний и Клеопатра», акт 2, сцена 7)

И действительно, господа, лучше тут не скажешь. Книга Фармера — это мастерство, приправленное таллантом, и, как любая из его историй, она целостна,

уникальна и похожа только на саму себя. Я рад, что такой человек оказался моим современником и соотечественником. Таких, как он, немного. И я бы даже сказал, ни одного.

Прочитав его книгу, вы поймете, что я имел в виду.

Сейчас в Балтиморе холодный и серый февральский день. Но это не имеет значения. Я снова обращаюсь к Филипу Хосе Фармеру, который живет на солнечном Западе. Уважаемый сэр, если вы хотели порадовать других людей своими книгами, я должен публично заявить, что вам это удалось на сто процентов. Вы не только прояснили множество холодных и серых дней в ненастье моего мира, но и согрели их великолепием своей души. Желаю вам продолжать в том же духе.

Цвет у этой штуки свой собственный, а слезы мокрые. Ее написал Филип Хосе Фармер. И больше тут нечего сказать.

Роджер Желязны

ЛИЧНЫЙ КОСМОС

ГЛАВА 1

Под зеленым небом и желтым солнцем, на черном жеребце с темно-красной гривой и голубым хвостом, Кикаха скакал навстречу судьбе.

Сто дней назад, за тысячу миль отсюда, он покинул деревню хроваков — людей «медвежьего народа». Устав от охоты и простой жизни, Кикаха соскучился по манерам и, более того, по вкусу цивилизации. В конце концов он решил заточить острие интеллекта. К тому же у тишкветмоаков, единственного цивилизованного народа на этом уровне, имелось еще много такого, чего он не знал.

Поэтому, оседлав и снарядив в дорогу двух коней, Кикаха попрощался с вождями и воинами, расцеловал своих жен и позволил им взять себе новых мужей, если он не вернется в течение шести месяцев. Верные жены пообещали ждать его вечно, но их слова вызвали у Кикахи улыбку — они поклялись в этом и своим прежним мужьям, перед тем как те ушли по тропе войны и больше не вернулись.

Некоторые воины хотели проводить его через горы до самых Великих прерий, но он отказал в их просьбе и уехал один. Ему потребовалось пять дней, чтобы преодолеть перевал. А потом он потерял еще один день, сбивая со следа двух молодых воинов из племени вакангишушей. Очевидно, они ждали его на перевале Черной ласки несколько месяцев, зная, что однажды Кикаха будет проезжать по этой тропе. Из всех наиболее желанных скальпов сотни лучших воинов пятидесяти народностей Великих прерий и приграничных горных хребтов волнистые волосы Кикахи считались самым ценным трофеем. Не меньше двухсот храбрецов пытались подстеречь Кикаху и заполучить его скальп, но никто из них не вернулся живым. Многие боевые отряды забирались в горы, чтобы атаковать укрепленную частоколом крепость, которую хроваки возвели на высоком холме. Они надеялись застать «медвежий народ» врасплох и добыть в бою голову величайшего из

воинов. Но лишь большой набег ошангстеров — племени полуконей — оказался близок к успеху. Весть об этом набеге и о победе над ужасными кентаврами облетела сто двадцать девять племен прерий. Ее воспевали на советах старейшин и в вигвамах вождей во время Кровавых фестивалей.

Два вакангишуша, удерживая почтительную дистанцию, по-прежнему шли по следу. Они хотели дожидаться момента, когда Кикаха устроится на ночлег. Смелчаки вели себя тихо и осторожно. И они могли бы преуспеть там, где потерпели неудачу остальные, но красный ворон, размером с орла, спустился в сумерках с небес и дважды каркнул, пролетая над Кикахой.

Птица зависла над одним из спрятавшихся храбрцов, сделала двойной круг, подлетела к дереву, за которым припал к земле второй воин, и вновь описала два круга. Кикаха с улыбкой наблюдал за ней, радуясь тому, что не пожалел труда на приручение разумной птицы. Той ночью он пронзил стрелой первого индейца, который подкрался к его стоянке, а тремя минутами позже заколол ножом второго.

У него возникло искушение отклониться от намеченного маршрута миль на пятьдесят и швырнуть копье позора с привязанными к нему скальпами воинов прямо в середину лагеря враждебных вакангишушей. Подобными подвигами он завоевал себе имя Кикахи — божественного ловкача и обманщика — и теперь при каждом удобном случае старался поддерживать свою репутацию. Однако на этот раз он решил отказаться от подобного удовольствия. Образ Таланака, города-горы, манил его, как драгоценный камень, сиявший в свете костра.

Поэтому Кикаха удовлетворился тем, что повесил оба оскальпированных трупа вниз головами на толстой ветке дерева, и снова поскакал на восток, сохранив тем самым жизни нескольким вакангишушам, а возможно, и собственный скальп. Кикаха любил прихвастнуть своей хитростью, быстротой и силой, но сам он понимал, что никто не застрахован от поражения и гибели.

Когда-то его называли Полом Янусом Финнеганом. Он родился в Терре-Хоте, штат Индиана, на планете Земля, в ближайшей отсюда вселенной. (А все вселенные примыкают друг к другу.) При росте в шесть футов и один дюйм он весил сто девяносто фунтов и, несмотря на реальный возраст, выглядел мускулистым и широкоплечим молодым человеком. Его загорелую кожу покрывали медные пятнышки веснушек, а также более трех дюжин глубоких или мелких шрамов, которые виднелись на лице и других частях тела. Густые

и волнистые волосы цвета расплавленной бронзы доходили до плеч и были заплетены на этот раз в две тугие косички. Светло-зеленые глаза, вздернутый нос, длинная верхняя губа и раздвоенный подбородок придавали лицу веселое и добродушное выражение.

Головную тесьму из львиной шкуры украшали торчавшие вверх медвежьи зубы, а с правой стороны располагалось длинное черно-красное перо из хвоста ястреба. Ожерелье из больших львиных зубов свисало на обнаженную грудь. Пояс из медвежьей шкуры, расшитый бирюзовым бисером, поддерживал брюки из кожи пятнистого оленя. Наряд завершали мягкие и удобные мокасины. С каждой стороны пояса свисали ножны. В одних находился длинный стальной кинжал, в других — небольшой и хорошо сбалансированный метательный нож.

Кикаха использовал стремена и седло облегченного типа, которые племена прерий ввели недавно в употребление вместо одеял. В одной руке он сжимал копье, в другой — поводья. Колчаны и кожаные сумки, притороченные к седлу, содержали разнообразное оружие, а на деревянном седельном крюке висел небольшой круглый щит с нарисованной головой рычавшего медведя. Ближе к крупу крепилась свернутая накидка из медвежьей шкуры, в которой хранилась походная утварь для приготовления пищи. На другом седельном крюке, в плетеной корзине, висел глиняный кувшин с водой.

Вторая лошадь, бежавшая позади, несла седло, кое-какое оружие и легкое снаряжение.

Кикаха не торопясь спускался с гор. Тихо насвистывая мелодии этого мира и песни родной Земли, он ни на секунду не терял бдительности: внимательно осматривал местность, лежавшую впереди, и часто оглядывался назад.

Желтое солнце над головой медленно двигалось по дуге в безоблачном светло-зеленом небе. Воздух казался сладким от аромата белых цветов, сосновых игл и слабого запаха, исходящего от изредка встречавшихся кустов с пурпурными ягодами.

Однажды он услышал крик ястреба, и пару раз из рощи доносилось рычание медведей. Кони настороженно подергивали ушами, но панике не поддавались. Они выросли вместе с прирученными медведями, которых хроваки держали в стенах крепости.

Вот так, настороже, но наслаждаясь дорогой, Кикаха спускался с гор в Великие прерии. К тому времени он достиг высшей точки пологого изгиба, который протянулся на сто

шестьдесят миль, и огромная территория раскинулась перед ним как на ладони. Ровный склон на протяжении восьмидесяти миль казался настолько плавным, что Кикаха почти не чувствовал спуска. В низине изгиба ему предстояло пересечь реку или озеро, чтобы затем так же незаметно начать подниматься вверх. Слева, как будто бы милях в пятидесяти, а на самом деле на расстоянии в тысячу миль, находился монолит Абхарплунты. Он возносился вверх на сотню тысяч футов, и на его вершине располагались следующая страна и еще один монолит. Там, на верхнем уровне, находилась Дракландия, где Кикаху знали как барона Хорст фон Хорстманна. Он не был там уже два года, и если бы вернулся, то оказался бы бароном без замка. Его жена, дракландская баронесса, не пожелав мириться с долгими отлучками супруга, развелась с ним и вышла замуж за лучшего друга фон Хорстманна — барона Зигфрида фон Листбета. Кикаха отдал им свой замок и ушел на уровень Американдии, который нравился ему больше всех остальных.

Кони неслись вперед в свободном и легком галопе, а Кикаха по-прежнему высматривал признаки врагов. Он внимательно следил за животными, в число которых входили не только породы, сохранившиеся или давно вымершие на Земле, но и звери из других вселенных. Всех их в этот мир перенес властитель Вольф — хотя в ту пору его называли Ядавином. Некоторых существ он создал сам в биолaborаториях своего дворца, который находился на вершине самого верхнего монолита.

Повсюду паслись огромные стада бизонов — тот мелкий вид, который до сих пор известен в Северной Америке, и гиганты, вымершие в американских прериях примерно десять тысяч лет назад. В отдалении маячили огромные серые туши мастодонтов и мамонтов с изогнутыми бивнями. В траве паслось несколько гигантских существ, чьи большие головы сгибались вниз под тяжестью многочисленных шишковатых рогов и загнутых клыков, которые выступали из ороговевших губ. Ужасные волки высотой по грудь Кикахе крались за стадом бизонов, ожидая, когда какой-нибудь детеныш отобьется от матери. Чуть дальше, в зарослях высокой травы, Кикаха заметил огромное девятисотфунтовое тело в черную и желтовато-коричневую полоску. Это прятался «фелис атрокс» — безгривый лев, некогда бродивший по травянистым равнинам Аризоны. По всей видимости, он хотел утащить детеныша мамонта у зазевавшейся мамы или, возможно, затеял охоту на одну из многочисленных антилоп, которые паслись поблизости.

В небе кружили ястребы и канюки. Нечеткий клин уток, пролетев над головой, с криком направился к рисовым болотам в горах.

Навстречу Кикахе двигалось стадо неуклюжих длинношеих существ, которые чем-то напоминали дальних родственников верблюдов — что, впрочем, соответствовало действительности. С ними шли несколько тонконогих верблюжат, и именно их надеялась умыкнуть стая ужасных волков, выжидавшая момент, когда взрослые самцы потеряют бдительность.

Жизнь и обещание смерти царили везде. Воздух пьянил сладостью, и вокруг не было ни одного человека. Вдали промчалось стадо диких лошадей, ведомое великолепным чалым жеребцом. Взгляд всюду натывался на диких зверей, и это нравилось Кикахе. Прерии таили опасность, но они возбуждали его, и он думал о них, как о своем собственном мире — несмотря на то что планетой по праву создателя владел властитель Вольф, а он, Кикаха, объявившись здесь как незваный гость, незаконно пребывал в чужих владениях. Но в некотором смысле этот мир принадлежал и Кикахе. Во всяком случае, он пользовался его дарами больше, чем Вольф, который обычно жил во дворце на вершине последнего монолита.

На пятидесятый день Кикаха увидел Большой торговый путь тишкветмоаков. Никакого пути в привычном смысле слова не было. Трава здесь росла так же густо, как и везде вокруг. Но через каждую милю дорогу отмечали два деревянных столба, торцы которых венчала маска Ишкветламу — тишкветмоакского бога торговли. Путь начинался у границ могучей империи тишкветмоаков и тянулся на несколько тысяч миль, пересекая по дуге Великие прерии и объединяя собой многочисленные, почти неизменные торговые места степных и горных племен. По этому пути огромные фургоны везли оружие и прочие товары, предназначенные для обмена на меха, шкуры, травы, слоновую кость и клыки, на пойманных животных и взятых в плен людей. Священный договор защищал торговый путь от нападения, и, оставаясь на нем, любой человек — по крайней мере, теоретически — находился в относительной безопасности. Соответственно, за пределами узкой тропы, отмеченной резными столбами, ему приходилось полагаться на самого себя, так как он становился добычей для всех и каждого.

В надежде отыскать караван тишкветмоаков и разузнать свежие новости Кикаха ехал по торговому пути несколько дней. Так никого и не встретив, он свернул с дороги, уводившей

его в сторону, и помчался по дикой прерии в далекий Таланак. Через сто дней после того как он покинул деревню хроваков, священная тропа вновь пересекла его путь. Теперь она вела прямо к цели, и Кикаха решил оставаться на ней.

Через час после рассвета появились полукони.

Кикаха не мог понять, что они делали в такой близости от тишкветмоакской границы. Видимо, кентавры совершали набег — придерживаясь соглашения о ненападении на торговом пути, они без зазрения совести атаковали тишкветмоаков за его пределами.

Какой бы ни была причина их появления, Кикахе грозила смертельная опасность. Полукони нарушили бы любой священный договор, лишь бы поймать своего заклятого врага.

Кикаха пустил коней в галоп. Кентавры, заметив беглеца, тут же помчались в погоню. Конечно, эти существа могли скакать быстрее, чем конь, отягощенный всадником, но они находились в миле слева от него. А Кикаха знал, что впереди, в каких-то четырех милях, располагалась пограничная застава. Внутри ее стен ему бы ничего не угрожало.

Первые две мили он гнал жеребца на предельной скорости. И тот отдал хозяину последние силы. Пена летела из открытой пасти. Грудь стала мокрой от пота. Кикахе было жаль коня, но он не собирался щадить животное, ведь речь шла о его собственной жизни. Кроме того, полукони все равно забили бы жеребца на мясо.

Проскакав две мили, полукони приблизились настолько, что ему удалось определить их племя. Они оказались шойшателями. Эти существа обычно разбойничали в трехстах милях отсюда — около Деревьев Множества Теней. Они выглядели, как кентавры из земного мифа, но отличались более крупными формами, а их лица и внешние черты вообще не имели к Греции никакого отношения — то были темные, скуластые и широкие лица степняков. Огромные головы раза в два превосходили по размерам человеческий череп. Их украшали оперенные шапочки и разноцветные ленты. Длинные и черные волосы по традиции народов прерий заплетались в одну или две косы.

Верхний человеческий торс кентавра содержал большой мехоподобный орган, который закачивал воздух в пневматическую систему лошадиной части тела. Он раздувался и опадал под грудной костью, придавая кентаврам причудливый и зловещий вид.

Полуконей создал Ядавин — властитель многоярусного мира. Он вырастил их тела в своих биологических лабораториях и наделил первых кентавров разумом. Для этого Ядавин воспользовался

человеческими мозгами, изъятыми у скифских и сарматских кочевников Земли, а также у представителей ахейских и пеласгийских* племен. Некоторые полукони до сих пор говорили на этих языках, но большинство из них постепенно перенимали наречия индейских племен.

Шойшателы упорно преследовали Кикаху. Они почти уверовали в возможность изловить своего смертельного врага. Почти — потому что горький опыт многих степных племен давно рассеял иллюзии о том, что Кикаху можно поймать или, поймав, удержать.

Конечно, шойшателям хотелось захватить его живым, чтобы позже насладиться изощренными пытками. Но они решили убить его по возможности быстрее. Пленение Кикахи потребовало бы от них сдержанности и терпения. А при малейшем промедлении коварный враг мог снова ускользнуть от погони.

Пересев на другую лошадь — черную кобылу с серебристой гривой и белым хвостом, — Кикаха пустил ее в быстрый галоп. Жеребец отстал. Его грудь побелела от пены; он дрожал и задыхался. Вскоре копые полуконя повергло животное наземь.

Рядом пронеслось несколько стрел. Позади, не долетая, падали копыя. Но Кикаха даже не удосужился ответить врагам парой метких выстрелов. Пригнувшись к шее кобылы, он понукал животное криками. Вскоре полукони сократили дистанцию настолько, что копыя и стрелы стали пролетать в опасной близости от него. И тогда на вершине небольшого холма Кикаха увидел сторожевую заставу. Квадратный двор защищала ограда из вкопанных в землю заостренных бревен. Чуть выше ее с каждой стороны выступали крыши блокгаузов. В центре форта на высоком шесте развевался тишкетмоакский флаг, где на зеленом фоне алый орел попирает лапами черную змею.

Он увидел часового, который, разглядев орду полуконей, поднес к губам тонкий конец длинного горна. Но Кикаха не слышал сигнала тревоги — ветер дул от него, а громкий стук копыт заглушал все остальные звуки.

С морды кобылы срывались клочья пены, но она продолжала свой безумный бег. Полукони неотвратимо приближались; стрелы и копыя едва не задевали Кикаху. Над головой пролетела бола, три камня которой были связаны в треугольник смерти. Когда ворота заставы открылись и появилась

* Пеласги — древнейшее население Греции.

тишкветмоакская кавалерия, его кобыла оступилась, однако собрала последние силы и выровняла бег. Но Кикаха знал, что виной тому не усталость, а стрела, попавшая ей в крестец. Пробив плоть и кожу, наконечник снова вышел наружу. И теперь лошадь уже не могла скакать по-прежнему.

Еще одна стрела вонзилась в ее тело позади седла. Кобыла начала падать: осев на передние ноги, она повалилась на голову. Вовремя выскочив из седла, Кикаха не удержал равновесия и покатился кубарем. Над ним в кувырке пролетело тело лошади. Животное рухнуло наземь и замерло. Кикаха вскочил на ноги и побежал к тишкветмоакам.

Позади него раздался ликующий крик полуконя, и, оглянувшись, Кикаха увидел вождя в оперенном головном уборе. Тот мчался к нему наперерез, потрясая массивным копьем. Кикаха выхватил метательный нож, развернулся и выждал момент, когда кентавр занес копьё. Метнув нож, Кикаха тут же отпрыгнул в сторону. Копье пролетело над плечом, едва не задев шею. Метательный нож вонзился в мехоподобный орган, чуть ниже груди кентавра. Полуконь рухнул на всем скаку, сломав при падении кости лошадиных ног и позвоночник человеческого торса. Над головой Кикахи в полуконей полетели копья. Одно из них сразило храбреца, который задумал добиться успеха там, где потерпел поражение вождь. Не рискнув проявить себя в метании, он решил пронзить врага копьём, вложив в удар всю силу своего пятисотфунтового тела.

Когда полуконь упал, Кикаха поднял копьё и метнул его в ближайшего кентавра. Наконечник застрял в грудине лошадиного торса. А затем кавалерия, превосходившая полуконей по численности, проскакала мимо него и вступила в рукопашный бой. Кентавров отогнали, но это дорого обошлось людям. Поймав лошадь, хозяина которой сразил томагавк полуконя, Кикаха вскочил в седло и поскакал за тишкветмоаками к открытым воротам сторожевой заставы.

— От вас всегда одни неприятности, — сказал ему чуть позже командир гарнизона.

Кикаха усмехнулся:

— Лучше признайтесь начистоту: вам и самим хотелось встряхнуться. Вы же здесь умирали от скуки, разве не так?

Командир улыбнулся и махнул рукой.

Вечером, нанизав на острие копья длинное перо белой цапли, к форту приблизился полуконь. Проявив уважение к символу вестника, командир запретил открывать огонь. Кентавр остановился у ворот заставы и закричал Кикахе:

— Ты снова ушел от нас, Ловкач! Но тебе никогда не удастся вернуться в прерии, потому что мы будем ждать тебя! И не думай, что на Большом торговом пути ты будешь в безопасности! Мы уважаем торговый путь. Любого, кто пойдет по этой тропе, полукони пропустят с миром. Любого, но не тебя, Кикаха! Ты будешь убит! Мы поклялись не возвращаться в свои жилища, к нашим женщинам и детям, пока не убьем тебя!

— Тогда ваши жены найдут других мужей, а дети вырастут, позабыв лица отцов! — прокричал в ответ Кикаха. — Вам никогда не поймать меня, жалкие полуклячи!

На следующий день в форт прибыла смена караула, и многие кавалеристы отправились на отдых в Таланак. Кикаха уехал вместе с ними. Полукони так и не появились. А потом городская жизнь завертела его, и он начисто забыл об угрозах шойшателей. Но однажды ему пришлось вспомнить о них.

ГЛАВА 2

Река Ватцеткол начиналась из бокового русла великой Газирит, которая пересекала страну хамшемов в Дракландии на монолите Абхарплунты. Петляя по густым джунглям, она доходила до самого края уровня, врывалась в узкий каньон, прорезанный за столетия в твердой скале, и падала вниз сплошной стеной воды. Достигая подножия отвесного склона, высота которого равнялась ста тысячам футов, потоки гигантского водопада превращались в водяную пыль. Облака, клубившиеся на середине монолита, скрывали от людских глаз брызги и пену, а основание утопало в стене тумана. И те, кто посмел войти в него, говорили, будто там темнее ночи, а сырость настолько плотна, что мешает дышать.

В миле или двух от скалы монолита сырое марево кончалось, и туман снова конденсировался в воду, возрождая реку. Поток с ревом мчался по узкому руслу среди глыб известняка, а чуть позже расширялся и петлял по равнине около пяти сотен миль. Пройдя прямой отрезок протяженностью в двадцать миль, река разветвлялась и, обогнув с двух сторон скалистую гору, вновь сливалась в единое русло. Затем она резко сворачивала на запад и через шестьдесят миль исчезала в огромной пещере, проникая по сети подземных каналов внутрь монолита, на вершине которого находился ярус Американдии. Только властитель Вольф, Кикаха и орлицы Подарги знали, где она выходила наружу.

Гора, которую огибала река, состояла из одной сплошной глыбы жадеита.

Создавая эту вселенную, Ядавин выплавил пирамиду в три тысячи футов высотой. Жадеит с примесями нефрита представлял собой умопомрачительную гамму полос яблочно-зеленого, изумрудного, коричневого, розовато-лилового, желтого, голубого, серого, красного и черного цветов с различными оттенками. Ядавин установил пирамидальную скалу на краю Великих прерий и направил русло реки вокруг ее основания.

Тысячи лет жадеитовая гора оставалась неприкосновенной. Лишь птицы гнездились на ней, и рыбы вились у ее подножия среди холодных и скользких водорослей. Когда в этот мир через врата-ловушку пришли предки современных америндейцев, они наткнулись на жадеитовую гору и сделали ее своим божеством. Но кочевые племена предпочитали селиться на почтительном расстоянии — как можно дальше от нее.

Чуть позже властитель перенес к жадеитовой горе могучий и цивилизованный народ из древней Мексики. По словам Ядавина (ставшего впоследствии Вольфом), это произошло около тысячи пятисот земных лет назад. Невольные переселенцы могли принадлежать к той цивилизации, которую в современной Мексике считают эпохой ольмеков. Но они называли себя тишкветмоаками. Этот удивительный народ, облюбовав пирамиду, построил деревянные дома и бревенчатые стены вдоль западного и восточного берегов реки. Они дали горе имя своего бога-ягуара, и с тех пор называлась Таланак.

Кочульти (буквально, дом бога), или, попросту, храм Тошкун — богини письма, математики и музыки — находился на полпути к пирамидальной вершине ступенчатого города. Портал храма выходил на улицу Общих Благословений и снаружи выглядел довольно невыразительно. Фасад, изображавший лицо Тошкун — птицы-ягуара, — едва выделялся на склоне горы. Как и все другие внутренние помещения города, храм создали и украсили резьбой по камню с помощью притирания и сверления. Жадеит нельзя отколоть или стесать; его можно только сверлить. Но большая часть работы по созданию каменных шедевров искусства делалась с помощью притирания. Трение рождало очарование и полезность.

Для создания храма потребовалось несколько поколений рабов, которые притирали черно-белый жадеит, используя вместо наждака раздробленный корунд, стальные и деревянные инструменты. Рабы выполняли основную черновую работу, а потом за дело принимались мастеровые и художники. Тишкветмоаки утверждали, что в каждом камне сокрыта форма,

выявление которой является праведным делом — тем более если речь шла о городе Таланаке.

«Боги прячут, человек находит», — говорили зодчие.

Пройдя в проем двери, который сжимали кошачьи клыки Тошкун, посетитель храма попадал в огромную пещеру. Она освещалась сотней бездымных факелов и солнечным светом, который проникал через отверстия в потолке. За красно-белой жадеитовой перегородкой, высота которой доходила до пояса, стоял хор послушников, облаченных в черные мантии. Их выбритые головы были окрашены в алый цвет. Хор возносил молитвы великой богине Тошкун и властителю мира Олли-мамлу.

В каждом из шести углов помещения находился алтарь в форме зверя, птицы или молодой женщины, стоявшей на четвереньках. На поверхности алтарей виднелись изображения картограмм, небольших фигурок животных и абстрактных символов — результат многих лет самоотверженного труда и неутолимой страсти. На одном из алтарей лежал изумруд величиной с голову взрослого мужчины, и история камня имела непосредственное отношение к Кикахе. Откровенно говоря, его терпели в Таланаке только из-за этого изумруда. Однажды камень выкрали из храма, но Кикаха выследил хамшемских разбойников и, догнав их на следующем уровне, вернул изумруд — хотя и не бесплатно. Впрочем, это другая история.

Кикаха находился в библиотеке храма. Огромный зал располагался в глубине горы, и посетители попадали сюда только через общий алтарный зал и длинный широкий коридор. Помещение освещалось солнечным светом, который вливался сквозь шахты в потолке, но в основном здесь пользовались факелами и масляными лампами. Стены сверлили и терли до тех пор, пока не возникло несколько тысяч небольших ниш. Теперь в них хранились тишкетмоакские книги — вернее, свитки из сшитых вместе овчин. К каждому концу свитка крепился цилиндр из черного дерева. Цилиндр в начале книги закрепляли на высокой жадеитовой раме, и человек, стоя перед ней, разматывал свиток в процессе чтения.

Кикаха устроился в самом освещенном углу помещения — как раз под отверстием в потолке. Одетый в черное, жрец Такоакол объяснял Кикахе значение некоторых картограмм. Во время прошлого визита Кикаха усердно изучал письменность тишкетмоаков. В тот раз ему удалось запомнить только пятьсот рисунков-символов, а для беглого чтения требовалось знать по крайней мере пару тысяч.

Такоакол многозначительно поднял палец, выкрашенный в желтый цвет, и постучал длинным ногтем по символу дворца могущественного миклосимла — императора тишкветмоаков.

— Подобно дворцу властителя, который стоит на вершине самого верхнего уровня мира, дворец миклосимла венчает высочайший уровень Таланака, величайшего из городов мира.

Кикаха ему не возражал. Когда-то столица Атлантиды — страны, занимавшей внутреннюю часть предпоследнего по высоте уровня, — в четыре раза превосходила Таланак по численности жителей и своему великолепию. Но прежний властитель разрушил ее, и теперь руины прекрасного города заселили летучие мыши, птицы и ящерицы.

— Но там, где у мира пять уровней, — продолжал жрец, — Таланак имеет трижды по трижды три уровня, или улицы.

Жрец поднял руки к груди, сложил кончики пальцев в молитвенном жесте и, прикрыв раскосые глаза, нараспев произнес проповедь о магических и теологических свойствах тройки, семерки, девятки и цифры двенадцать. Кикаха не прерывал его, хотя и не понимал большую часть особых технических терминов.

И тут из коридора до него донесся странный лязгающий звук. Он прозвучал лишь раз, но Кикахе хватило и этого. Тот, кто знаком с наукой выживания, не нуждается во втором предупреждении. Жизнь в диком и жестоком мире пропитала его тело раствором разумного беспокойства. И наверное, поэтому даже в моменты отдыха и любовных утех он всегда сохранял бдительность и готовность к действию. Останавливаясь в каком-нибудь месте, будь это даже безопасный и сотни раз проверенный дворец властителя, он неизменно проверял сначала все возможные пути отхода и укрытия для засад.

Вот и сейчас он знал, что в этом городе и особенно в святилище храмовой библиотеки ему не может угрожать никакая опасность. Но сколько раз в его жизни случалось так, что причин для беспокойства не было, а опасность вдруг грозила превратиться в неотвратимую смерть.

Слабое позвякивание повторилось. Кикаха, забыв извиниться за свое поведение, быстро побежал к сводчатому проходу, из которого доносился странный и зловещий шум. Многие жрецы в черных мантиях смотрели ему вслед, оторвав взоры от конторок с наклонными крышками, на которых они рисовали новые свитки. Послушники и ученики косились на него из-за книг, висевших перед ними. Кикаха выглядел, как состоятельный тишкветмоак. Куда бы его ни забрасывала судьба, он старался во всем походить на местных жителей.

Но, несмотря на загар, белая кожа отличала его даже от самого светлого из них. Кроме того, Кикаха носил на поясе два ножа, и одно это уже выделяло его в среде духовенства. Он первый, кроме самого императора, посмел войти в храм при оружии.

Такоакол окликнул его и спросил о причине беспокойства. Повернувшись к нему, Кикаха приложил палец к губам, но жрец начал выкрикивать язвительные насмешки. Кикаха пожал плечами. Конечно, дело могло кончиться тем, что его посчитают чудаком или чрезмерно подозрительным к посетителям. Такое случалось уже много раз в других местах. Но это его не волновало.

Едва он подошел к сводчатой арке, как раздалось новое позвякивание, а затем какое-то легкое поскрипывание. Звуки походили на медленные или, вернее, осторожные шаги людей, облаченных в латы. Причем люди в коридоре явно не принадлежали к тишкветмоакам. Местные воины носили доспехи из стеганой одежды, а она не могла так лязгать. У них имелось стальное оружие, но брэнчание ножен отличалось от звуков, которые он теперь слышал.

Кикаха хотел отступить через библиотеку и скрыться в проходе, который выбрал заранее. В тени арочного проема он мог бы наблюдать за всеми, кто входил в библиотеку.

Но, не устояв перед желанием рассмотреть незваных гостей, Кикаха отважился выглянуть из-за угла.

В двадцати футах от себя он увидел человека, с ног до головы облаченного в стальные доспехи. Позади него попарно шагали четверо рыцарей и около тридцати солдат, лучников и меченосцев. Воинов могло оказаться гораздо больше, потому что цепочка людей уходила за поворот коридора. Сколько раз в жизни Кикахе приходилось удивляться, пугаться и переживать потрясения. Но никогда еще его реакция не была такой заторможенной, как теперь. Несколько секунд он не мог даже шевельнуться, и только потом ледяная корка оцепенения начала понемногу таять.

Он узнал этого высокого рыцаря во главе отряда, чье лицо виднелось сквозь открытое забрало шлема. Им оказался король Эггесхайма — Эрх фон Тарбет.

Но он и его люди не могли находиться на этом уровне! Они жили в Дракландии, на следующем ярусе планеты. Их горное плато располагалось на вершине монолита, который возносился выше облаков. Кикаха, известный в Дракландии под именем барона Хорста фон Хорстманна, гостил несколько раз у короля фон Тарбета и однажды сбросил его с коня в рыцарском поединке.

В принципе он мог бы допустить появление короля и его людей на уровне Америкиндии, хотя для этого им пришлось бы спуститься вниз по отвесной скале монолита, высота которого составляла сто тысяч футов. Однако их вторжение в город вообще не поддавалось объяснению. Никто не мог пройти незамеченным через своеобразные оборонительные рубежи города. Правда, Кикахе это однажды удалось, но тогда он шел сюда один.

Сбросив оцепенение, Кикаха развернулся и побежал. Он понял, что тевтоны могли попасть в город только через ворота, которые обеспечивали мгновенный переход из одного места в другое. Но как они их нашли? Даже тишкветмоаки не знали о воротах, ведущих в Таланак. Никто из посторонних не мог бы догадаться об их существовании. Ими пользовались только властитель Вольф, его супруга Хрисеида и Кикаха — вернее, они знали, как ими пользоваться.

И все же тевтоны ворвались в город. Как они нашли ворота и почему прошли через них в Таланак — на эти вопросы предстояло ответить позже — если, конечно, у Кикахи появится такая возможность.

На Кикаху накатила волна паники, но он тут же отогнал ее прочь. Вторжение тевтонов могло означать только одно — этим миром овладел неизвестный властитель. Он послал людей в погоню за Кикахой, сломив сопротивление Вольфа и Хрисеиды. Следовательно, они либо убиты, либо бессильны что-либо сделать и нуждаются в его помощи. Ага! Значит, им снова нужна его помощь! И он опять должен убежать, спасая свою жизнь!

В городе находилось трое врат. Первая пара располагалась в храме Оллимамла — на самой вершине Таланака, рядом с дворцом императора. Одни из них были довольно крупными. Очевидно, ими и воспользовались люди фон Тарбета, если они двинулись такими силами. А тевтоны должны располагать большими силами, иначе им никогда не одолеть отрядов гарнизона, фанатичных горожан и многочисленных телохранителей императора.

Если только завоеватели не пленили каким-то образом императора, подумал Кикаха. Тишкветмоаки будут подчиняться приказам своего правителя в любом случае — независимо от того, диктует он их сам или повторяет слова захватчиков. Но это не может длиться долго. Народ Таланака — люди, а не муравьи, и они в конце концов должны взбунтоваться. Горожане почитали императора как воплощение бога и второе лицо после всемогущего создателя Оллимамла, но

еще больше они любили жадеитовый город и уже дважды в своей истории совершали убийство богоподобных миклосимлов.

Кикаха стремительно приближался к проходу на противоположной стороне огромного зала. А в библиотеку уже входили завдеватели. Возгласы удивления и последовавшие за этим крики заставили его бежать еще быстрее. Кричали в основном жрецы. Среди возгласов ужаса и негодования Кикаха услышал отборную брань дракландских воинов, которые говорили на языке средневековой Германии. Лязг мечей и доспехов смешался с криками и мольбой.

Кикаха надеялся, что дракландцы воспользовались только одним коридором. Если они перекрыли все выходы из зала библиотеки... Но нет, это просто невозможно. Насколько он знал, арочный проход, к которому он приближался, шел куда-то в глубь горы. Проход мог пересекать и другие коридоры, но ни один из них не выходил наружу. Так ему говорили жрецы. Возможно, по каким-то причинам они обманули его или непреднамеренно ввели в заблуждение, не разобрав искаженную речь Кикахи на тишкветмоакском языке.

Лгали они ему или говорили правду, он выбрал этот путь. Единственная проблема заключалась в том, что коридор заканчивался где-то в глубине горы.

ГЛАВА 3

Библиотека занимала огромное помещение. Чтобы создать этот зал, пятьсот рабов высверливали его по двадцать четыре часа в сутки в течение двадцати лет. Расстояние между двумя противоположными арками составляло около ста восьмидесяти ярдов. Вбежавшие в библиотеку захватчики могли выстрелить в Кикаху в любой момент.

Зная это, Кикаха бежал зигзагами. Достигнув арки, он прыгнул вперед и в кувырке преодолел проход. Просвистев над его головой, несколько стрел от ricoшетили от каменной стены и заскользили по плитам пола. Кикаха вскочил на ноги и помчался по коридору. Свернув за поворот, он резко остановился. Мимо него быстрым шагом прошли два жреца. Они заметили его, но ничего не сказали. А когда их слух пронзили ужасные крики, жрецы, забыв о нем, побежали на шум голосов. Лучше бы они бежали в другом направлении, подумал Кикаха. Судя по стонам и воплям, дракландцы устроили в библиотеке настоящую резню.

Однако эта пара жрецов могла наткнуться на его преследователей и тем самым задержать их на несколько секунд. Конечно, жаль жрецов, но не его вина, если их убьют.

Впрочем, он мог бы рассказать им об опасности. Но Кикаха не собирался тратить время и предупреждать посторонних ему людей, когда молчание могло помочь ему оторваться от погони.

Он снова побежал. Сворачивая в проход, который шел под углом в сорок пять градусов, Кикаха услышал позади крики. Он остановился и снял с подставки горевший факел. Подняв его повыше, Кикаха осмотрел потолок. В двадцати футах над его головой находилось круглое отверстие. Свет оттуда не проникал, а значит, вентиляционная шахта где-то изгибалась перед тем, как стыковаться с другой, догадался Кикаха.

Таких шахт в горе насчитывалось около тысячи. Каждая из них была более трех футов в диаметре, иначе рабы, сверлившие шахты и туннели, просто не могли бы работать.

Мысль о шахте понравилась ему, но, не имея под рукой ни лестницы, ни шеста, Кикаха, к своему великому огорчению, отказался от нее.

Услышав скрежет металла о камень, Кикаха забежал за поворот и прижался к стене. Пылавший факел впился в лицо первого дракландца. Лучник закричал и, отшатнувшись, сбил с ног второго солдата, который следовал за ним. Конические стальные шлемы со звоном покатались по каменным плитам пола.

Кикаха пригнулся, метнулся вперед и, используя солдата с обожженным лицом как прикрытие, выхватил из ножен дракландца длинный меч. Прижав к лицу обе руки, ратник кричал, что ему выжгли глаза. В это время поднялся тот солдат, которого сбили с ног. Его фигура помешала лучникам открыть стрельбу. Кикаха выпрямился, рассек мечом незащищенную голову воина, а затем, пригнувшись, убежал за поворот.

Лучники упустили момент. Стрелы попали в каменную стену. Кикаха вбежал в большое складское помещение. Здесь хранилось множество ценных предметов, но его интересовали только длинные раздвижные лестницы, которые использовались в библиотеке. Он поднял одну из них и приставил верхний конец к краю шахты в потолке. Прислонив к нижним ступенькам дракландский меч, Кикаха схватил другую лестницу и побежал по коридору к следующей двери. Оказавшись в новом проходе, он остановился под отверстием шахты и, воспользовавшись лестницей, начал взбираться по вертикальному туннелю. Прижимаясь спиной к одной стене шахты и упираясь ногами в другую, Кикаха медленно поднимался вверх.

Он надеялся, что первая лестница и меч под ней введут в заблуждение его преследователей. Пуская стрелы в темное отверстие, они потеряют время. И когда до них дойдет, что он не собирается падать вниз, как медведь из дупла, они, возможно, начнут шевелить мозгами. Скорее всего дракландцы подумают, что он успел добраться до изгиба шахты. Кому-то из них прикажут подняться по туннелю и продолжить погоню. Но какими бы проворными ни оказались солдаты, им придется задержаться, чтобы снять тяжелые кольчуги, броню, гамашы и стальные шлемы.

Хотя если они действительно умны, кое-кто сможет раскусить его трюк. И тогда солдаты начнут осматривать коридоры, ведущие в глубь горы. А значит, они скоро окажутся под этим отверстием, и стрелы пронзят тело несчастного беглеца.

Мысль о подобной кончине подстегнула Кикаху, и он стал карабкаться еще быстрее. Он поднимался вверх на несколько дюймов, прочно упирался ногами в стену, а затем распрямлял колени. Переставив ногу выше, он преодолевал следующие пять-шесть дюймов; спина скользила вдоль стены, и только потом поднималась вторая нога. Хорошо, что жадеитовые стены оказались гладкими и скользкими, а не такими твердыми, как сталь, и шероховатыми, как скала или дерево. Поднявшись на двадцать футов — а это означало возможное падение с высоты сорока футов, — он достиг шахты, которая шла под прямым углом, то есть горизонтально полу.

Кикаха изогнулся и, вытянув шею, взглянул вниз. Под ним по-прежнему была лишь лестница, приставленная к краю вертикальной шахты. Снизу не доносилось ни звука. Он подтянулся вверх и забрался в горизонтальное ответвление.

В этот момент до него донесся слабый голос. Очевидно, дракландцы попались на его хитрость. И теперь они либо поднимались вверх по первой шахте, либо, одолев ее, ползли по тому же горизонтальному туннелю, что и он.

Кикаха решил охладить их пыл. Если он как-то обнаружит себя, они полезут за ним или — что еще хуже — окажутся под ним. Солдаты в шахте могут передать друг другу по цепочке луки и стрелы и подстрелить его без всякой опасности для себя.

Пытаясь определить направление той шахты, к которой он приставил первую лестницу, Кикаха добрался до соединения, где три горизонтальных туннеля встречались с одним вертикальным. В проходе стало гораздо светлее. Быстро проскочив мимо отверстия в полу, он приблизился к освещенному месту, осторожно заглянул за поворот и увидел тевтона,

сидевшего спиной к нему. Солдат как раз принимал факел, который ему передали из вертикальной шахты. Мужчина в отверстии бранился и жаловался, что факел опалил его, а ратник, сидевший на краю горизонтального туннеля, свирепо шикал и шептал, что им следует соблюдать тишину.

Поднимавшиеся воины сняли латы и оставили внизу все оружие, кроме кинжалов в ножнах. Солдат на лестнице передавал им луки и колчаны стрел. Люди в вертикальной шахте по цепочке поднимали оружие вверх. Кикаха подумал, что на их месте он сначала послал бы в горизонтальный туннель шестерых или семерых надежных воинов, предотвращая тем самым возможность нападения со стороны беглеца.

Он хотел наброситься на этого единственного пока солдата, но решил подождать, когда тому передадут все оружие, которым тевтоны планировали воспользоваться во время погони. И так лук за луком, колчан за колчаном, мечи и даже латы передавались наверх, а солдат, сидевший у края отверстия, складывал их рядом с собой. Кикаха недоумевал: неужели они не понимали, что латы будут затруднять их движения и дадут беглецу преимущество? К тому же в тяжелых кольчугах и нательной одежде им придется задыхаться и потеть. Он понимал, что единственной причиной, по которой солдаты тащили весь этот скарб, было строгое соблюдение устава. Если правила предписывали ношение лат в каждой боевой операции, то доспехи надевались независимо от того, требовала этого обстановка или нет.

Солдат, поднимавший оружие, и люди, висевшие в шахте, ругались шепотом. Кикаха едва различал их голоса. Очевидно, они боялись вызвать нарекания офицеров, которые стояли внизу.

На полу туннеля лежало уже тридцать пять луков и столько же колчанов, мечей, шлемов и кольчуг. Значит, около этой шахты солдат собралось больше, чем Кикаха видел в коридоре рядом с библиотекой. А ведь какое-то количество воинов должно остаться внизу, и в том числе офицеры, которым не захочется тратить время и силы, снимая с себя стальные пластины и кольчуги. Солдат, сидевший в туннеле, и офицер, стоявший внизу, стали перекрикиваться. Видимо, им не приходило в голову передавать свои сообщения через людей, находившихся в шахте. Как выяснилось, человек в туннеле был шликрумом. (Это местное туземное слово, заимствованное германскими завоевателями с Земли, обозначало у дракландцев чин сержанта.)

Кикаха внимательно слушал, надеясь узнать о планах врага. Тевтоны могли воспользоваться и другими шахтами.

Они могли загнать его в ловушку или спокойно расстрелять из-за угла. Тем не менее разговор касался иных тем, и Кикаха остался при своих опасениях. Он настороженно оглядывался и вел себя, как птица, заметившая кота, хотя пока ничто не предвещало появления дракландцев. Шликруму тоже не помешала бы такая бдительность, но он, очевидно, чувствовал себя в полной безопасности.

И это чувство его подвело. Когда сержант согнулся, подавая руку ближайшему ратнику в шахте, Кикаха вогнал свой нож в его правую ягодицу. Шликрум закричал и упал головой вперед в отверстие. Кикаха пинком подбавил ему скорости. Раненый сержант повалился на солдата, который пытался выбраться из шахты; они оба рухнули на следующего воина; вскоре десять тевтонов с пронзительными криками вывалились из отверстия в потолке. Они падали друг на друга, и звуки ударов становились глуше по мере того, как росла куча тел. Шликрум, упавший последним, растянулся на верху живой пирамиды. Несмотря на рану, он пострадал намного меньше остальных. Скатившись на пол, сержант попытался встать, но не удержался на ногах и, упав рядом с телами товарищей, так и остался лежать, издавая тихие стоны.

Офицер в тяжелых доспехах рыцаря с лязгом подошел к нему и нагнулся, намереваясь спросить, что случилось. Из-за шума внизу Кикаха не мог расслышать слов, а потому решил заняться стрельбой из лука. Позиция оказалась неудобной, однако он научился стрелять под любым углом, и стрела, как всегда, угодила в цель. Попад в щель между плечевой и шейной пластинами, она вонзилась в плоть. Рыцарь рухнул наземь, придавив собой раненого сержанта. Кикаха заметил на спине офицера серебристый ранец, пристегнутый к доспехам ремнями. Он никогда не видел ничего подобного, но, к сожалению, на любопытство уже не оставалось времени.

Солдаты, взявшиеся было уносить раненых и убитых, побросали своих товарищей и разбежались, спасаясь от стрел. Послышался шум голосов, но после окрика офицера наступила тишина. Кикаха узнал голос фон Тарбета. И тогда он вдруг понял, что означало это вторжение или, вернее, дикая охота за его головой.

Фон Тарбет был королем независимого государства Эггесхайм — горной страны с населением около шестидесяти тысяч человек. Кикаха, проживавший в Дракландии под именем барона Хорста фон Хорстманна, одно время поддерживал с ним дружеские отношения. И их дружба продолжалась до тех пор, пока он не одолел короля в турнире на копьях.

А когда фон Тарбет застиг в объятиях барона свою дочь, невинную принцессу, его недовольство переросло во враждебность. Король как бы ненароком, но довольно ясно дал понять придворным, что не будет мстить за смерть фон Хорстманна, если кто-то убьет его в стенах замка фон Тарбета. Узнав об этом, Кикаха тут же скрылся, а позже, поддерживая репутацию барона-разбойника, ограбил торговый караван, направлявшийся в Эггесхайм. Затем появились гворлы и Арвур. Кикахе пришлось забыть о титуле и замке. Спасая жизнь, он бежал на уровень Америкиндии. И с тех пор прошло уже несколько лет.

И все же вряд ли фон Тарбет пошел на такой риск ради мести Кикахе. А главное, откуда он узнал, что Кикаха здесь? Кто мог ему сказать, что Кикаха и есть фон Хорстманн? Допустим, по стечению невероятных обстоятельств он обнаружил врата и раскрыл способ их применения. Но почему тогда король вторгся в Таланак — самый неприступный город планеты? Слишком много вопросов оставалось без ответа.

Какое-то время спустя послышались тихие голоса и топот кожаных сапог. Конец лестницы отодвинулся от края отверстия, а потом ее вообще убрали. Кикаха понял, что тевтоны решили забраться наверх по другим шахтам. Конечно, многие из них остались без доспехов и оружия. Он задумчиво взглянул на грудку амуниции у своих ног. Но фон Тарбет мог послать за подкреплением. И поэтому Кикаха решил убраться.

Увидев раненого воина, который выбирался из-под тел упавших солдат, Кикаха выпустил в него стрелу. Потом быстро выстрелил еще в пятерых, поскольку любой из оставшихся в живых со временем может стать его потенциальным убийцей. В течение пяти минут он переходил из туннеля в туннель, двигаясь то вправо, то влево. Трижды он замечал солдат, пробиравшихся вверх по шахтам, и посылал стрелу в переднего ратника. Дважды он стрелял через отверстия в людей, проходивших по коридорам.

Но Кикаха знал, что, как бы он ни старался, ему не перекрыть всех шахт. А короля дракландцев не устрашат потери. В шахты, которые он очистил от солдат, вновь лезли ратники — свет факелов и голоса указывали на то, что по ним поднимались новые и новые воины. Кикаха отбросил лук и колчан, оставив себе только ножи. Отыскав очередную вертикальную шахту, он начал карабкаться вверх. Он надеялся найти место, где отверстие шахты выходило наружу. И там, на склоне горы, выше улицы Общих Благословений, он мог бы попытаться скрыться.

Однако фон Тарбет наверняка учел эту возможность и, конечно же, послал лучников на верхние и нижние улицы.

Если бы удалось сбить солдат со следа, затеряться в путанице туннелей и дожидаться темноты, Кикаха мог бы спуститься ночью по жадеитовому склону горы. Во многих местах ее покрывали выступы барельефов и орнаментов. Он мог бы добраться по ним до самой реки.

Кикаху томила жажда. Увлечшись изучением тишкветмоакских символов, он ничего не пил с самого утра. А теперь потрясение, бой и бегство иссушили его, как лист гербария. Небо покрылось толстыми сталактитами густой слюны; казалось, что в горле перекачивалась пустынная галька, раскрышенная копытами верблюдов.

В случае необходимости он мог бы перебиться без воды остаток дня и всю следующую ночь. Но это ослабило бы его. Следовательно, требовалось раздобыть воду. А поскольку существовал только один способ получить ее, Кикаха не долго мучился с выбором пути.

Он ползком вернулся к шахте, по которой только что карабкался вверх. И тут его осенило. Он даже улыбнулся. Да что это на него нашло? Неужели потрясение оказалось настолько сильным, что он лишился хитрости и нетрадиционного мышления? Надо же! Он едва не упустил свой шанс на спасение. Конечно, идея была абсолютно безумной, но ее ненормальность служила Кикахе лучшей рекомендацией и делала успех весьма вероятным. Если только еще не слишком поздно...

Без труда спустившись вниз, он добрался до груды доспехов. Солдаты больше не поднимались по этой шахте; видимо, теперь они предпочитали более удаленные проходы. Кикаха снял с себя тишкветмоакскую одежду и, засунув ее в колючугу, спрятал в куче. Он торопливо надел доспехи, но долго не мог найти подходящей блузы и шлема. Наконец, разобравшись со снаряжением, он склонился над отверстием и окликнул солдат внизу. Кикаха в совершенстве умел имитировать чужую речь, и, хотя прошло несколько лет с тех пор, как он слышал эггесхаймский диалект, ему довольно легко удалось воспроизвести требуемые интонации.

Солдаты, затаившиеся внизу, заподозрили обман. Они, как оказалось, имели на плечах не только шлемы, но и головы. И все же им не хватило ума, чтобы до конца разбраться в происходящем. Они подумали, что Кикаха пытается заманить их в зону обстрела.

— Ikh'n d'untershlikrum Hayns Gimbat! — прокричал он. — Я капрал Хейнц Чимбет!

Имя «Хейнц» считалось самым распространенным в Дракландии, а фамилию «Чимбет» вполне мог носить уроженец Эггесхайма, где почти все фамилии оканчивались на «бет». Среди низших классов Дракландии, где поощрялись смешанные браки германцев и туземцев, Чимбеты встречались в каждой захудалой деревушке. Поэтому Кикаха не сомневался, что в отряде штурмовиков найдется несколько солдат с такой фамилией.

В секторе обзора появился сержант. Пристально всматриваясь в ствол шахты, он громко спросил:

— Vo iss de trickmensch? Где Ловкач?

— E n'iss hir, nettrikh. Ikh hap durss, — ответил Кикаха. — Где угодно, только не здесь. А меня мучает жажда.

— Frakk zu fyer de vass? — взревел сержант. — Ты просишь воды? В такое время? Shaysskopp!

Искренняя просьба, вызвав возмущение сержанта, тем не менее сняла с Кикахи все подозрения. Пока сержант бушевал, оба конца туннеля озарились светом факелов, возвещавших о приближении солдат, которые благополучно выбрались в горизонтальный проход. Заметив среди прибывших ратников офицера, Кикаха отошел от отверстия шахты и поспешил к нему с докладом. Этому рыцарю пришлось-таки снять доспехи. Очевидно, фон Тарбет решил возложить руководство погоней на одного из своих офицеров.

Кикаха даже узнал его. Это был барон фон Дибрис, правитель небольшого княжества у границы Эггесхайма. Он приезжал к королю на несколько дней, когда там гостил Кикаха.

Пригнув голову, чтобы оставить часть лица в тени, лжекапрал повысил голос на пол-октавы. Фон Дибрис выслушал его, но не удостоил своим вниманием. Перед ним стоял безликий низкородный солдат, вот и все. Кикаха доложил, что Ловкач бесследно исчез. И еще он поспешил добавить, что сержант внизу отказался подавать наверх воду, посчитав эту просьбу безрассудной.

Барон, облизав пересохшие губы, не согласился с мнением сержанта. И вскоре ратники, стоявшие на лестницах, подняли привязанные к шестам бутылки с водой. Получив свою порцию, Кикаха попытался отползти назад, чтобы скрыться с глаз рыцаря. Он надеялся спуститься в коридор и под шумок покинуть помещения храма. Однако фон Дибрис нарушил его планы, приказав разведать путь до следующего горизонтального уровня. Барон обругал его и заставил снять доспехи. Стягивая кольчугу, Кикаха приготовился нанести удар: без шлема

и лат его должны были узнать с первого взгляда. К счастью, барон интересовался только поисками варвара-убийцы.

Кикахе не терпелось задать несколько вопросов. Но его любопытство вызвало бы новые подозрения, поэтому он решил вести себя тихо. И он покорно лез вверх по шахте, а затем передавал луки, колчаны и длинные мечи. После этого отряд разделился на две части, и обе группы разошлись в противоположных направлениях. Через какое-то время они снова встретились и, немного передохнув, полезли выше.

В туннелях, которые они оставляли внизу, становилось светло и шумно. По шахтам взбирались все новые и новые люди. Кольцо облавы неудержимо сжималось. Фон Тарбет, или тот, кто командовал вторжением, прекрасно владел обстановкой и не щадил сил многочисленных солдат.

Кикаха оставался в той же группе воинов. Никто из них его не знал, так что проблем не возникало. Когда им встречались другие группы, Кикаха старался помалкивать. Как и многие другие ратники, он не расставался со шлемом — тем более что барон фон Дибрис не приказывал его снимать.

Шахты сузились. Двигаться стало значительно труднее. Люди перешли на гусиный шаг, и отряд вытянулся в одну длинную цепь. Солдаты находились в хорошей форме, но подобный вид передвижения вызывал дрожь в ногах и боль в спине. Хотя Кикаха и не испытывал таких мук, он тоже жаловался и ругался, стараясь ничем не отличаться от других.

Могло показаться, что прошло несколько часов, но на самом деле поиски длились около восьмидесяти минут. Наконец их группа из шести человек пробралась в большое круглое помещение. В противоположной стене имелось круглое отверстие, выходившее наружу. Подойдя к необычному окну, солдаты подставляли ветру разгоряченные лица и смотрели вниз. У подножия горы стояли войска, а на улице Общих Благословений виднелась группа рыцарей. С высоты они казались маленькими фигурками, но их гербы и вымпелы говорили о многом. Кикаха узнал флаги и униформу Эггесхайма. Тут же реяли знамена дюжины королевств и нескольких баронатов.

Повсюду лежали тела убитых и раненых. Очевидно, бои между тевтонами и таланакским гарнизоном перешли в другой район — на самые верхние ярусы города.

Далеко внизу протекала река. По двум мостам, которые мог видеть Кикаха, прокатывались потоки беженцев, спешивших уйти на окраины и в старый город.

Чуть позже с верхней улицы по длинному пологому спуску проскакал верховой тишкветмоак. Он остановился перед фон Тарбетом, который к тому времени вышел из храма. Король вскочил на лошадь и, оправив мантию, позволил вестнику заговорить. Голову тишкветмоака украшал роскошный убор из длинных, изогнутых белых перьев; на нем была алая накидка и зеленые гамаша. По-видимому, он являлся важным должностным лицом при императоре. Вельможа докладывал о чем-то фон Тарбету, а это означало, что император находился в плену.

Если бы Кикахе удалось удрать, он вряд ли нашел бы укрытие в городе. Жители Таланака покорно подчинялись приказам правителя, и если закон обязывал их докладывать о появлении Кикахи, они будут делать это как истинные патриоты.

Один из солдат заговорил о награде, обещанной тому, кто даст информацию, способствующую поимке Кикахи, — десять тысяч дракнеров, титул, баронат Хорстманна, его замок, земли и подданных. Если же награду заслужит простолюдин, он и его жена будут причислены к знати. Денег предлагалось больше, чем король Эггесхайма получал за два года от сбора пошлыны.

Кикахе хотелось узнать о судьбе его бывшей жены Лизы фон Хорстманн и его друга фон Листбета, который владел баронатом все это последнее время. Но, почувствовав тошноту при мысли об их возможной участи, он счел лучшим оставаться в неведении.

Кикаха высунулся из окна, чтобы глотнуть свежего воздуха, и его внимание привлек человек, которого он уже видел второй или третий раз. Этот рыцарь всегда находился позади фон Тарбета, сжимая в одной руке меч и держа в другой металлический ранец. Теперь он сопровождал фон Тарбета на улице, и, когда король возвращался в храм, за ним, едва не наступая на пятки, шел рыцарь с серебристым ранцем.

Очень странно, подумал Кикаха. События последнего дня напоминали ему дикий и кошмарный сон. Он никак не мог понять, что же здесь происходит. Но одно Кикаха знал наверняка: Вольфа лишили власти над этим миром, иначе такого бы не случилось. А значит, он либо мертв, либо захвачен в плен в собственном дворце. Возможно, ему приходится скрываться в этой или другой вселенной.

Вскоре капрал приказал группе возвращаться назад. Ратники снова обследовали все шахты их сектора. Когда они

спустились в коридор, голод, жажда, жара и усталость валили их с ног. Самочувствие солдат еще больше ухудшилось от злобных нападков и проклятий офицеров. Рыцари не могли поверить, что Кикахе удалось сбежать. Фон Тарбет был вне себя от гнева. Он переговорил с офицерами, уточнил планы, а затем приказал возобновить поиски. Во время передышки ратникам раздали бутылки с водой, твердые сухари и полоски сушеного мяса. Кикаха сидел у стены среди других солдат и говорил только тогда, когда к нему обращались. Воины в его группе служили вместе и хорошо знали друг друга. Но никто из них даже не поинтересовался, из какого взвода чужак, — все слишком устали, чтобы о чем-то говорить или надоедать вопросами.

Поиски прекратились только через час после наступления сумерек. Офицер объявил, что Ловкач никуда от них не денется. Все мосты перекрыты, и потоки беженцев возвращены обратно в город. Каждый мост охранялся многочисленными постами, а другой берег реки прочесывали патрули. Кроме того, в городе начались повальные обыски домов.

И солдаты поняли, что поспать им этой ночью не удастся. Сутки на ногах из-за какого-то смутьяна и мошенника! К тому же офицер сказал, что, если Кикаху не найдут, поиски будут продолжаться весь следующий день и всю следующую ночь.

Солдаты не протестовали. Они знали, что любое недовольство карается побоями, а затем кончается кастрацией или петлей на шее. Но среди своих они болтали о многом, и Кикаха внимательно слушал длинные разговоры, стараясь извлечь интересовавшие его сведения. Эти крепкие закаленные воины воспринимали свою тяжелую долю как должное. Они привыкли подчиняться и не задумываясь выполнили бы любой, даже бессмысленный приказ.

Их колонна шла по улицам города, печатая твердый шаг; из уст солдат рвались безмолвные крики от боли в бедрах. Кикахе удалось пристроиться в задний ряд, и, когда взвод свернул на темную и безлюдную улицу, он скрылся в нише одного из дверных проемов.

ГЛАВА 4

Дверь, рядом с которой он стоял, так просто снаружи не открывалась. Жители Таланака запирали дома изнутри на большие засовы, защищая себя и свое имущество от воров и преступников, которые царствовали в городе по ночам.

Там, где есть цивилизация, всегда находятся и вору. И в данный момент Кикаха решил воспользоваться этим обстоя-

тельством. Во время предыдущего визита в Таланак он преднамеренно сблизился с пятью-шестью представителями преступной среды. Эти люди знали множество скрытых ходов, которые вели в город и из него, а Кикаха интересовался ими на тот случай, если ему когда-нибудь придется бежать, спасая свою жизнь. Преступники, с которыми он познакомился — в основном контрабандисты, — оказались интересными людьми. Но никто из них не мог сравниться с прекрасной Клататол. У нее были длинные и блестящие черные волосы, большие карие глаза, густые ресницы, гладкая кожа с бронзовым оттенком и пышная фигура, хотя, как и большинство тишкетмоакских женщин, ее немного портили широкие бедра и толстые икры. Но Кикаха редко требовал совершенства от других людей. Он знал, что небольшая асимметрия являлась фундаментом истинной красоты.

Став любовником Клататол, он продолжал ухаживать за дочерью императора. Постепенно двойная жизнь запутала его окончательно, и тогда, по любезным просьбам брата императора и шефа полиции, он покинул гостеприимный Таланак. Ему разрешили возвратиться в любое время, но только после того как дочь императора выйдет замуж и скроет лицо под чадрой, как того требовал обычай благородной знати. Кикаха уехал, так и не простившись с Клататол. Он отправился на восток, в одно из небольших независимых государств, которое называлось Кватсл-слет. Когда-то давно его покорили тишкетмоакские войска, и оно до сих пор выплачивало Таланаку дань. Тем не менее этот цивилизованный народ* сохранил свои традиции и довольно своеобразную культуру. Чуть позже Кикаха узнал, что дочь императора, следуя традиции, вышла замуж за своего дядю. Он мог бы вернуться в жадеитовый город, но тоска погнала его прочь, и Кикаха уехал к хровакам — «медвежьему народу» — в далекие горы у границы Великих прерий.

И вот теперь он решил пробраться к дому Клататол, чтобы выяснить, может ли она тайно вывести его из города... И захочет ли она помочь ему после их ссоры, подумал он. В последний раз при встрече она попыталась убить его. Но даже если Клататол уже простила ему прежнюю измену, она могла рассердиться вновь, узнав, что он вернулся в Таланак, но ни разу не захотел с ней встретиться.

* В первой главе Филип Фармер пишет, что тишкетмоаки были единственным цивилизованным народом на этом уровне.

— О, Кикаха! — прошептал он. — Ты считаешь себя умным и ловким, но всегда остаешься в дураках! К счастью, я единственный, кто знает об этом. И каким бы болтуном меня ни называли, я никому не расскажу о моем великом секрете!

Появилась луна, но не серебряная, как на Земле, а зеленая, как сыр, из которого, по словам юмористов-фольклористов, она и сделана. Превышая в два с половиной раза размеры земной луны, она важно шествовала через беззвездное черное небо, разливая серебристо-зеленый свет по жадеитовой дороге с белыми и коричневыми прожилками.

Небесное светило медленно двигалось в вышине, и его свет, как упряжка, которую тащили мыши, вытягивался вперед и все ближе подбирался к нише, в которой прятался беглец.

Кикаха взглянул на луну, и ему захотелось оказаться на ней. Они с Вольфом бывали на ее поверхности много раз, и если бы ему удалось добраться до маленьких врат, спрятанных на верхнем ярусе Таланака, он мог бы вновь вознестись туда. Но фон Тарбет, очевидно, знал о существовании малых врат. В любом случае это следовало выяснить наверняка. Одни из врат находились в святилище храма тремя улицами выше подножия горы; другие располагались почти у вершины гор-рода.

К тому времени захватчики перекрыли все улицы и начали обход домов на нижнем уровне. Зная, что Кикаха скрывается где-то в городе, тевтоны решили оттеснить беглеца на верхние улицы и гнать до тех пор, пока он не нарвется на мощную цепь солдат, которая размещалась двумя уровнями ниже дворца. Все улицы до завершения облавы предполагалось изредка патрулировать небольшими отрядами ратников. На большее у фон Тарбета не хватало людей.

Кикаха выбрался из ниши, перешел улицу и, одолев небольшую ограду, начал спускаться вниз по барельефам богов, животных, людей и абстрактных символов, которые выступали на поверхности горы между двумя улицами. Он двигался медленно и осторожно. Руки и ноги не всегда находили опору на гладком камне. К тому же он заметил группу воинов, охранявших пологий спуск с верхнего яруса. В свете пылавших факелов Кикаха увидел среди них нескольких всадников.

На полпути он прильнул к стене и замер, как муха, которая заметила вдали смутные очертания грозной и огромной руки. Внизу проскакали четверо конных патрульных. Они остановились у спуска, немного поболтали с охраной и двинулись дальше. Кикаха тоже тронулся в путь. Спустившись

на улицу, он начал пробираться вдоль стены, куда выходили фасады домов и ниши затемненных дверных проемов. Кикаха по-прежнему нес лук и колчан, хотя без них мог бы двигаться более свободно и бесшумно: Тем не менее, предчувствуя, что оружие понадобится, он мирился с неудобствами и дополнительной тяжестью.

Время шло, и луна на северо-западе уже готовилась уплыть за монолит, когда Кикаха наконец достиг улицы Клататол. Это был район бедняков и рабов, которые недавно приобрели свободу. Здесь располагались ночлежные дома и таверны для матросов речного торгового флота. Тут же обитали наемные охранники и погонщики торговых караванов, которые сопровождали фургоны с добром на просторах Великих прерий. В этих кварталах жили воры и убийцы, которых еще не прибрала к рукам полиция, а их уличенные в преступлениях собратья скрывались здесь от правосудия.

Обычно в этот час улицу Подозрительных Запахов наводняли толпы шумной и лихой публики. Но военное положение, введенное захватчиками, изменило ситуацию в корне. По опустевшей улице изредка проносились конные патрули, а местные жители прятались в домах, закрыв окна и двери на крепкие засовы.

Этот уровень, как и большую часть нижних улиц, строили — вернее, протирали — в самом начале, когда тишкетмоаки решили превратить жадеитовую гору в свою столицу. Дома и лавки стояли здесь на улице, а не врезались в гору. По крышам этих строений проходила следующая улица, с домами поменьше, выше которых находилась третья улица. На ней тоже стояли дома, и их крыши венчала последняя, четвертая улица. Таким образом, на большой ступенчатой пирамиде города существовала маленькая пирамида бедных кварталов.

Улочки на крышах домов соединялись узкими лестницами, протертыми в жадеитовой скале между каждым пятым и шестым домом основной улицы. По ступеням без труда можно было провести небольшое животное, например овцу или свинью, но лошадь скорее всего поскользнулась бы на узких выступах крутого подъема.

Кикахе оставалось пересечь бульвар Зеленых Птиц, который начинался сразу же после четвертого уровня домов на улице Подозрительных Запахов. Дом Клататол — если только она жила на прежнем месте — находился на третьем уровне. Кикаха собирался перелезть через ограждение и, повиснув на руках, спрыгнуть на крыши верхних домов, а затем сходным образом перебраться на улицу третьего уровня. В этом районе

города в скале не делали барельефов, по которым мог бы спускаться уставший и загнанный беглец.

Перебегая бульвар Зеленых Птиц, он услышал цокот железных подков. Из крытой галереи храмового фасада выехали трое всадников на черных конях. Впереди скакал рыцарь в тяжелых доспехах; чуть сзади, почтительно приотстав, его сопровождала пара вооруженных ратников. Коня перешли в галоп; всадники пригнулись к шеям скакунов. Черные накидки взвивались, словно зловещий дым от пламени дьявольских намерений.

Их разделяло значительное расстояние, и Кикаха мог бы удрать, преодолев ограждение и прыгнув на крыши домов нижней улицы. Но если у них есть луки и стрелы — а он не исключал такой возможности, — они могли сойти с коней и спокойно подстрелить его. Луна здесь светит намного ярче, чем ее сестричка на Земле. К тому же, если стрелы не попадут в него, они позовут других тевтонов и начнут по-важный обычай во всех домах этого района.

Впрочем, обыск начнется теперь в любом случае, подумал Кикаха. Хотя... Если он убьет их до того, как кто-нибудь услышит... Но они тоже могут... Ладно, попытка — не пытка.

При других обстоятельствах Кикаха целился бы в седоков. Он с детства любил лошадей. Но когда речь шла о его собственной жизни, сентиментальность отходила на второй план. Кикаха знал, что смерть в конце концов находит каждого человека, но ему хотелось отложить эту встречу на максимально возможный срок.

Целясь в коней, он довольно быстро уложил двух животных. Они тяжело упали на бок, придавив телами седоков. Но рыцарь неудержимо приближался. Он опустил копьё, нацелив острие в живот Кикахе. И тогда стрела вонзилась в шею коня. Животное упало на голову, задние ноги задрались выше крупа. Всадник вылетел из седла. Даже в воздухе он продолжал сжимать копьё. Рыцарь выпустил его только перед самым падением. Тело сложилось, как огромный черный эмбрион; от удара о каменную плиту конический шлем треснул, отскочил в сторону и со звоном покатился по улице. Воин проехал на боку несколько ярдов; перевязь мантии лопнула, и накидка осталась чернеть позади, как тень, оторвавшаяся от тела.

Несмотря на падение и тяжелые латы, рыцарь вскочил на ноги и вытащил меч из ножен. Он открыл рот, чтобы позвать на помощь тех, кто мог его услышать. Но стрела прошла между зубами и впилась в мозг. Он выронил меч и упал на спину.

Взглянув на мертвого коня, Кикаха увидел серебристый ранец, привязанный к седлу. Он оказался закрытым. Ключ, вероятно, находился в натальной одежде рыцаря, но на его поиски не оставалось времени.

Итак, он имел трех мертвых коней, одного убитого рыцаря и, возможно, еще парочку трупов. Стычка прошла сравнительно тихо. Во всяком случае, никто пока тревоги не поднимал.

Однако груду тел на дороге могли заметить с верхних улиц. Решив не искушать судьбу, Кикаха перебросил лук и колчан через ограждение, а затем и сам последовал за ними. Не прошло и шестидесяти секунд, как он уже стоял на третьем уровне и стучал в толстые ставни дома Клататол. Условный пароль состоял из трех ударов, пятисекундной паузы, повторных двух ударов, четырехсекундной паузы и завершающего удара. В другой руке Кикаха сжимал нож.

Как он ни прислушивался, ответа не последовало. Вспомнив еще одно воровское правило, Кикаха выдержал паузу, сосчитал до шестидесяти и еще раз отстучал условный код. И тут на верхней улице послышался стук копыт, а чуть позже тишину разорвали встревоженные голоса. Раздались крики, затрубил сигнальный рог. Вверху и на основной нижней улице замелькали факелы. Где-то в стороне забили боевые барабаны.

Внезапно ставни распахнулись. Едва не получив удар в лицо, Кикаха быстро пригнулся. В комнате было темно, но он уловил неясные очертания женского лица и голого тела. От женщины исходил запах чеснока, жареной рыбы и подгнившего сыра, столь любимого всеми тишкветмоаками. Кикахе никогда не удавалось примирить красоту выделанного жадеита с этим зловонием, исходившим от людей. А во время первого визита к Клататол он вообще оконфузился. Но он просто ничего не мог с собой поделать — ассоциации иногда вызывают очень нежелательный результат.

Теперь же этот запах говорил ему о Клататол, прекрасной и одновременно отвратительной, как ее сыр. Или лучше сказать, как ее похабный язык. Судя по всему, темперамент воровки по-прежнему оставался горячим, как исландский гейзер.

— Ш-ш-ш! — шепнул Кикаха. — Нас могут услышать соседи!

Клататол извергла еще одну скатологическую и богохульную серию проклятий.

Кикаха зажал ей рот рукой, откинул голову женщины назад и напомнил, что без труда может сломать ей пару

позвонков. Оттолкнув Клататол в глубь комнаты, он влез в окно, прикрыл ставни, а затем повернулся к своей хозяйке и помог ей встать на ноги. Женщина молча достала масляную лампу и зажгла ее. При слабом мерцающем свете она приблизилась, покачивая бедрами, прильнула к Кикахе, обвила его руками и начала целовать в лицо, шею и грудь. Слезы стекали по ее щекам, и она сквозь рыдания шептала нежные слова.

Кикаха тоже целовал ее в ответ, стараясь не замечать тяжелого дыхания, в котором смешались запахи чеснока, перегара и гнилого червивого сыра.

— Ты одна? — тихо спросил он.

— Разве я не поклялась, что буду хранить тебе верность? — удивилась она.

— Да, но я о таком и мечтать не мог. Это была твоя идея. Тем более мы оба знаем, что ты не прожила бы без мужчины и недели.

Она рассмеялась и повела его в заднюю комнату. Помещение, похожее на куб, с потолком в форме купола, служило ей спальней и рабочим кабинетом. Здесь она планировала свои контрабандные операции и распределяла товар. Мебель почти отсутствовала, а предметом первой необходимости являлась кровать, которая состояла из деревянного остова, кожаных натянутых ремней и наваленной на них кучи мехов и оленьих шкур. Кикаха лег на постель. Заметив, что он выглядит усталым и голодным, Клататол пошла на кухню. Он крикнул ей вслед, что его устроит сушеная говядина, хлеб и вода. Еще он попросил фруктов, если только они у нее есть. Одним словом, все, кроме сыра. Местный сыр он не переносил — ни запаха, ни его червей.

Набив рот, он попросил ее рассказать о вторжении. Клататол сидела на постели и кормила гостя из своих рук. Она хотела возобновить их любовную связь, прерванную несколько лет назад, но Кикаха охладил ее пыл, сказав, что в его положении люди обычно думают о собственной жизни, а не о любви.

Несмотря на прочие недостатки, Клататол отличалась практичностью и, возможно, поэтому согласилась немного повременить. Она встала, надела блузу, украшенную зелеными, черными и белыми перьями, затем накинула на себя розовый хлопчатобумажный плащ. Пополоскав рот вином, разбавленным десятью частями воды, она положила на язык кусочек благовоний, села рядом с Кикахой и начала рассказывать.

Клататол обитала на самом дне общества и имела доступ к тайным информационным каналам уголовного мира. Но

даже она не могла рассказать того, что он хотел знать. Завоеватели появились как бы из ниоткуда и полились сплошным потоком из задних покоев храма Оллимамла. Они смели охрану, ворвались во дворец и захватили семью императора, подавив сопротивление телохранителей, а затем и сил гарнизона.

Захват Таланака спланировали и исполнили почти идеально. Пока второй предводитель, фон Свиндеберн, удерживал дворец и занимался преобразованием полиции и войск Таланака, фон Тарбет повел непрерывно возрастающее число захватчиков на штурм города.

— Все парализовано, — рассказывала Клататол. — Нападение оказалось абсолютно неожиданным. Эти белые воины в доспехах выливались потоком из храма Оллимамла... как будто их посылал сам Властитель. И у наших ратников просто опускались руки.

Горожан и полицию, которые пытались организовать сопротивление, безжалостно перебили. Остальное население укрылось по домам, а когда слух о вторжении достиг нижних улиц, многие бежали через мосты на другую сторону реки. Но вскоре все пути отхода были перекрыты.

— Странная вещь... — сказала Клататол. Она немного поколебалась, но решила закончить фразу: — Складывается такое впечатление, что им абсолютно нет дела до наших богатств и власти над городом. Ты мог бы назвать захват Таланака побочным следствием. Я правильно повторила твои слова? Мне кажется, они захватили город только потому, что считают его садком, в котором плавают золотая рыбка.

— Ты имеешь в виду меня? — спросил Кикаха.

Клататол кивнула:

— Я не знаю, зачем ты им так сильно понадобился. Но, может быть, это известно тебе?

— Нет, — ответил Кикаха. — Кое о чем догадываюсь, но точно не знаю. Мои домыслы лишь собьют тебя с толку и займут время. А мне сейчас нужно выбраться из города и бежать. И здесь, любовь моя, без твоей помощи не обойтись.

— Тогда полюби меня, — попросила она.

— С радостью, будь у нас время.

— Я могу спрятать тебя в таком месте, где у нас будет сколько угодно времени, — сказала она. — Конечно, там есть и другие люди...

Ее последние слова пробудили в Кикахе подозрительность. Ему не хотелось быть с ней грубым, особенно в сложившейся ситуации, но она понимала только язык силы. Схватив ее

запястье, он резко выкрутил его. Лицо Клататол исказилось от боли, и она попыталась вырвать руку.

— Какие другие люди?

— Прекрати делать мне больно, и я скажу. Может быть, скажу. Вот если поцелуешь, то точно скажу.

Дело стоило того, чтобы потратить несколько секунд, поэтому он ее поцеловал. Аромат благовоний, исходивший изо рта Клататол, наполнил ноздри Кикахи и пробрал его до кончиков ног. Он почувствовал легкое опьянение и на миг решил отдаться в плен ее ласк.

Но разум взял свое — он засмеялся и мягко отстранился от нее.

— Ты по-прежнему самая красивая и желанная женщина из всех, кого я видел, а мне встречались тысячи и тысячи красавиц. Я сожалею, Клататол. По улицам шагает смерть, и она ищет меня.

— Интересно, что ты скажешь, когда увидишь ту, другую женщину... — начала она.

Клататол застенчиво опустила взор, и ему снова пришлось сжать ее руку, напоминая, что любые недомолвки будут автоматически приводить к страданиям. Она не обижалась — возможно, потому, что в ее понимании эротическая любовь всегда включала некоторую долю грубости и боли.

ГЛАВА 5

За несколько дней* до вторжения войск фон Тарбета из внутренних покоев храма Оллимамла выбежали трое светлокожих чужаков. Первой появилась черноволосая женщина. Клататол — ужасно ревнивая и резкая в суждениях — назвала ее самой прекрасной на свете. Позже к женщине присоединились двое мужчин — огромный толстяк и дохляк-коротышка. Все трое носили странную одежду, и никто из них не говорил по-тишкветмоакски. Между собой они разговаривали на вишпавамле — литургическом языке жрецов. Так уж получилось, что воры, укрывшие троих чужаков, знали лишь несколько слов священного языка, да и то в основном из молитв и повседневных восхвалений.

Кикаха понял, что Клататол говорила о властителях. Именно их язык Вольф ввел в этом мире как священный.

* В оригинале: «...всего на несколько минут раньше фон Тарбета», но эта фраза вступает в противоречие с седьмой главой, где говорится о том, что они прошли в Таланак за четыре дня до вторжения дракландцев.

Бегство от фон Тарбета указывало на то, что они лишились собственных вселенных и проникли в многоярусный мир в поисках спасения. Но каким образом такой незначительный король, как фон Тарбет, мог вмешаться в дела властителей?

— За этих троих назначили награду? — спросил Кикаха.

— Да. По десять тысяч кватлумлов за каждого! А за тебя — тридцать тысяч и высший официальный пост во дворце миклосимла. Возможен даже брак с членами императорской семьи, хотя на это только намекнули.

Кикаха промолчал. Желудок Клататол заурчал, словно переваривал обещанную награду. Через вентиляционное отверстие в потолке доносились слабые вибрирующие голоса. В комнате, где прежде царила прохлада, стало невыносимо жарко. Пот струился по его рукам; на темно-бронзовой коже женщины поблескивали желтые капельки. Из соседней комнаты, где находились кухня, душ и туалет, слышалось тихое журчание и бульканье воды.

— У тебя, наверное, дух захватывает при мысли о таких деньгах, — произнес наконец Кикаха. — Почему бы тебе и твоей шайке не получить их за наши головы?

— Мы воры и контрабандисты! Среди нас есть даже несколько убийц. Но запомни: мы не предатели! И пусть завоеватели с розовыми лицами обезьян засунут себе эти деньги... — Клататол замолчала, заметив улыбку Кикахи, и мрачно усмехнулась в ответ. — То, что я говорю, правда. Однако сумма огромная! Ты должен понять нас, мудрый и хитрый койот. Розоволицые могут когда-нибудь уйти. В противном случае горожане поднимут мятеж. И мы не хотим, чтобы толпа разорвала нас на куски, подвергнув пыткам и посчитав продажными предателями.

— Однако, наверное, есть и другие доводы?

Она улыбнулась:

— К тому же три беглеца обещали заплатить нам во много раз больше того, что предложили розоволицые. От нас требуется только вывести их из города.

— А как они исполнят это обещание? — спросил Кикаха. — Вряд ли им удастся вернуться в свои вселенные...

— Куда вернуться?

— Они могут предложить вам что-нибудь материальное... прямо сейчас?

— У них есть драгоценные камни, и цена камешков выше, чем награда за их головы, — ответила она. — Знаешь... Я никогда не видела ничего подобного. Они словно не от мира сего!

Кикаху позабавила уместность этой избитой фразы. Ему хотелось спросить, есть ли у беглецов оружие, но он сообразил, что Клататол не отличит лучемер от палки. Кроме того, вряд ли властители доверяли своим «благодетелям».

— А как насчет меня? — спросил он, даже не поинтересовавшись, что трое беглецов предложили кроме драгоценностей.

— Ты — Кикаха, любимец властителя, и этим все сказано. К тому же каждый знает, что тебе известны все сокровища мира. Разве может быть нищим человек, вернувшийся огромный изумруд Ошкватсму?

— Скоро в твои двери начнут барабанить розоволицы, — сказал Кикаха. — Они перевернут весь этот район вверх дном. Надо уходить, пока не поздно.

Клататол настояла на том, чтобы он позволил ей завязать ему глаза. Проверив повязку, она покрыла его голову капюшоном. Понимая бесполезность споров, он безропотно отдал себя в ее руки. Еще раз проверив, что он ничего не видит, она несколько раз повернула его на одном месте, а затем заставила опуститься на четвереньки.

Послышался легкий скрип камня, который повернула Клататол. Она втолкнула Кикаху в узкий проход, куда ему едва удалось протиснуться. Когда он поднялся на ноги, она взяла его за руку. Спотыкаясь и держась за стены, он поднялся по ста пятидесяти ступеням, прошел двести восемьдесят шагов по пологому склону, спустился вниз по лестнице, насчитав триста перекладин, а затем прошел еще сорок шагов по прямой. Клататол остановила его и сняла с него капюшон и повязку.

Кикаха заморгал. Он находился в круглом помещении около сорока футов в диаметре. По стенам змеились зеленые и черные полосы жадеита. Над головой виднелось вентиляционное отверстие в три фута шириной. Укрепленные на стенах факелы наполняли комнату мерцающим светом. Кикаха с удивлением рассматривал сундуки, кресла из жадеита и дерева, рулоны материи и мехов, бочонки с пряностями, бочки с водой, кое-какое санитарное оборудование и стол с блюдами, сухарями, мясом и неизменным вонючим сыром.

У стены на корточках сидели шесть тишкветмоаков. Их лоснившиеся черные челки прикрывали настороженные глаза. Некоторые курили небольшие сигары. Вооружение мужчин составляли кинжалы, мечи и небольшие топоры.

В креслах сидели трое светлокожих людей. Ближайший из них, с бледной сероватой кожей, большим носом и акульим ртом, не доставал Кикахе и до груди. Второй выглядел, как

огромный мешок сала, и из кресла во все стороны свешивались застывшие водопады жира.

Но при виде женщины Кикаха раскрыл рот от изумления.

— Подарга! — вскричал он.

Женщина превосходила по красоте всех, кого он видел когда-либо в своей жизни. Тем не менее Кикаха встречал ее раньше — вернее, видел ее лицо. Но вот тело в ту пору было другим.

Окликнув ее еще раз, он заговорил на искаженном микенском наречии, которым пользовалась она и ее орлицы:

— Подарга! Я не знал, что Вольф вытащил тебя из тела гарпии и перенес твой мозг в такую прекрасную оболочку. Я восхищен...

Кикаха замолчал. Она смотрела на него так, словно совершенно не узнавала. Очевидно, она не хотела, чтобы остальные знали о ее прошлой жизни в птичьем теле. А он, обычно тактичный и сообразительный в подобных ситуациях, разболтался от избытка чувств, как мальчишка...

Но ведь Подарга узнала, что Вольф и есть тот Ядавин, который выкрал ее из Пелопоннеса три тысячи двести лет назад. Это он поместил ее мозг в тело гарпии, которое для забавы создал в биологической лаборатории. Заподозрив Вольфа в новых злых умыслах, она не позволила ему исправить содеянное. Лелея ненависть к нему, она осталась в крылатом теле с птичьими ногами и поклялась отомстить Вольфу во что бы то ни стало.

Неужели она передумала? Он заметил, что ее голос звучал по-другому — наверное, изменился при перемещении мозга из тела в тело.

— Что ты там бормочешь, лебляббий? — спросила она на языке властителей.

Кикаха почувствовал желание дать ей пощечину. Лебляббиями властители презрительно называли людей, которые населяли их вселенные и почитали своих владык как богов. Само же слово означало маленьких ласковых животных из той вселенной, в которой некогда обитала раса властителей. Эти зверьки ели лакомства с рук хозяев и могли съесть даже их экскременты. И еще они часто сходили с ума.

— Ладно, Подарга, можешь притворяться, что не понимаешь по-микенски, — сердито сказал он. — Но все-таки следи за языком. Что-то ты перестаешь мне нравиться.

На ее лице появилось удивленное выражение.

— Так ты жрец? — спросила она.

Вот же, черт, подумал Кикаха. Работая над телом, Вольф определенно постарался. В каждой черточке сквозило совер-

шенство. Все та же белая безупречная кожа, какой он ее помнил; все те же длинные черные и блестящие волосы. Конечно, черты лица не были идеально правильными, но легкая асимметрия лишь усиливала красоту. И при других обстоятельствах Кикаха давно бы уже заболел от страсти.

Ее наряд состоял из шелкового на вид светло-зеленого халата и сандалий. По всей вероятности, она собиралась ложиться в постель, когда обстоятельства заставили ее спастись бегством. Но почему Подарга связалась с этими властителями? В уме Кикахи тут же возник ответ. Конечно же, она находилась во дворце Вольфа, когда туда ворвались захватчики. Но что произошло потом?

— Где Вольф? — спросил он.

— О ком ты хочешь узнать, лебляббий? — удивленно отозвалась она.

— Ядавин иногда называл себя Вольфом, — пояснил Кикаха.

Она пожала плечами:

— Его здесь нет. А если он и находился в этом мире, то его, наверное, убили Черные Звонари.

Кикаха запутался еще больше.

— Черные Звонари?

Однажды Вольф рассказывал о них — очень кратко, потому что разговор прервало появление Хрисеиды. Позже, когда они с Вольфом отбили дворец у Ваннакса*, Кикаха хотел расспросить его о Черных Звонарях. Но так и не удосужился сделать это.

Один из тишкветмоаков заговорил с Клататол резким голосом. Кикаха понял смысл его слов — старый контрабандист перечислял вопросы, которые ему предстояло задать троим чужеземцам. Тишкветмоаки не понимали их языка.

На вопросы отвечала светлокочая женщина.

— Я Анана, сестра Ядавина. Этот тощий — Нимстовл, прозванный нами Висельником. Тот другой — Толстяк Юдубра.

И тогда Кикахе стало все ясно. Вольф рассказывал ему о своей сестре Анане Светлой. Это ее лицо он использовал в качестве модели, когда создавал в биолaborатории Подаргу. Он воспроизводил облик сестры по памяти, так как не видел ее к тому времени более тысячи лет. Значит, сейчас с момента их последней встречи прошло около четырех тысячелетий.

* В первой книге «Многоярусного мира» Кикаха и Вольф захватили замок властителя Арвура, а Ваннакс, хотя и был властителем, играл в сюжете совершенно другую роль. Очевидно, Фармер перепутал имена.

Вольф говорил, что Черные Звонари использовались когда-то как хранилища воспоминаний. Зная, что даже сложный человеческий мозг не может вместить в себя объем тысячелетнего опыта, властители экспериментировали с пересадкой воспоминаний. При необходимости записанные воспоминания можно было переносить из хранилища обратно в человеческий мозг или демонстрировать их другим лицам.

Раздался робкий стук. Круглая дверь в дальнем конце помещения повернулась вокруг оси, и вошел еще один мужчина. Он жестом подозвал воров, и они, собравшись в круг, о чем-то зашептались. Чуть позже Клататол отошла от них и заговорила с Кикахой.

— Награду за каждого из вас утроили, — прошептала она. — Кроме того, розоволицы пообещали покинуть Таланак, как только тебя поймают. Король фон Тарбет поклялся, что все здесь пойдет по-старому.

— Если бы ты решила сдать нас властям, то не стала бы мне этого говорить, — задумчиво ответил Кикаха.

Но, возможно, она просто притворялась нежной и влюбленной, стараясь усыпить его бдительность. Если они нападут на него, их будет восемь против одного. Он не знал, на что способны властители, поэтому не брал их в расчет. С двумя ножами в такой небольшой комнате... Впрочем, ладно, чему быть — того не миновать. Поживем — увидим.

— Фон Тарбет объявил, что, если тебя не приведут к нему в течение двадцати четырех часов, он убьет императора и его семью, а затем уничтожит всех жителей города. Он сказал это во время офицерского совета. Один раб подслушал их беседу, и теперь о ней знает весь город.

— Если фон Тарбет говорил на германском языке, как его мог понять тишкветмоак? — сердито спросил Кикаха.

— Фон Тарбет говорил с фон Свиндеберном и другими офицерами на языке властителей, — ответила она. — Тот раб прислуживает в храме и знает священный язык.

На тайну вторжения могли пролить свет только Черные Звонари. Кикаха довольно долго жил при дворе короля и встречался с тевтонскими рыцарями каждый день. Во время церемоний и богослужений они едва понимали слова жрецов и уж тем более не знали священный язык настолько, чтобы говорить на нем. А значит, в их облике и под их именами действовали другие существа...

Клататол оборвала его размышления.

— Розоволицы нашли тайник за стеной моей спальни, — сказала она, — а значит, они скоро обнаружат и тайный ход. Мы больше не можем оставаться здесь.

Двое мужчин вышли из комнаты и тут же вернулись с раздвижной лестницей. Когда ее вытянули во всю длину, конец лестницы вошел в вентиляционное отверстие. Кикаха немного успокоился, но полностью его подозрения не рассеялись.

— Теперь вы могли бы смело сдать нас фон Тарбету. Никто не посчитал бы вас предателями. Наоборот, как истинные патриоты, вы...

Двое мужчин скрылись в вентиляционном отверстии. Остальные велели, чтобы теперь Кикаха и трое чужаков поднялись по лестнице.

— Мы слышали, что император одержим демоном, — ответила наконец Клататол. — Его душа отлетела в холод мимо луны, а его тело занял демон. Он еще не освоился в теле миклосимла и иногда действует очень неловко. Жрецы тайно разнесли эту весть по всему городу. Они призывают нас бороться с этим величайшим злом. И мы не выдадим тебя, Кикаха, любимец властителя Оллимамла, как не выдадим и других.

— Он одержим? — переспросил Кикаха. — Откуда вы это знаете?

Клататол не отвечала, пока они не поднялись по вертикальной шахте до горизонтального туннеля. Один из контрабандистов зажег потайной фонарь, лестницу втащили наверх, сложили и понесли с собой.

— Император вдруг начал говорить только на священном языке, — продолжила Клататол. — И жрецы заметили, что он не понимает других тишкветмоаков. Фон Тарбет и фон Свиндеберн тоже пользуются только вишпавамлом, поэтому они заставляют жрецов переводить их приказы.

Кикаха не понимал, зачем демону понадобилось овладеть императором Квотшамлом. К тому же, по идее, литургический язык должен был опалить уста и уши демонов, если бы они попытались говорить на нем. Но Кикаха не хотел указывать на отсутствие логики в тех рассуждениях, которые благоприятствовали ему.

Отряд торопливо передвигался по туннелю — толстый Юдубра громко пыхтел и жаловался. Он с трудом протиснулся в шахту; к тому же порвал одежду и исцарапался.

Кикаха спросил Клататол, насколько хорошо охраняется храм Оллимамла. Он все еще надеялся, что малые тайные врата не обнаружены. Но она ничего не знала об охране храма. Кикаха спросил, как они собираются выбраться из города. Клататол ответила, что этого ему лучше не знать, ибо тогда, попав в плен, он никого не выдаст. Кикаха не стал

с ней спорить. Не имея понятия, как они покинут город, он уже представлял, что случится дальше. Во время своего прошлого визита в Таланак он выяснил, как она и ее друзья провозили контрабанду мимо таможи. Клататол пока ничего не знала об этом.

Впереди в дрожавшем свете фонаря мелькали ноги, руки и шея Ананы. Кикаха коснулся ее руки и сказал:

— Женщина Клататол говорит, что император и по крайней мере два предводителя завоевателей одержимы демонами. По ее словам, они внезапно перестали понимать родную речь и начали говорить только на языке властителей.

— Черные Звонари, — ответила Анана после небольшой паузы.

Внезапно по туннелю прокатились крики. Отряд остановился; фонарь тут же погасили. С обоих концов туннеля приближались пятна света; голоса падали из каменных пастей верхних шахт и вскипали в зевах нижних проходов.

Кикаха обратился к властителям:

— Если у вас есть оружие, лучше снимите его с предохранителей.

Никто ему не ответил. Отряд сомкнулся в плотную цепь. Все держали друг друга за руки. Седой контрабандист повел их по проходу, который пересекал предыдущий туннель. Около пятидесяти ярдов пришлось идти гусиным шагом. Голоса преследователей становились все громче и ближе. А потом послышался шум воды. Фонарь зажгли снова. Через несколько секунд беглецы оказались в небольшом помещении. Единственным выходом была дыра в полу у противоположной стены. Из отверстия около четырех футов в диаметре вырывались брызги воды и неясный глухой рев. От ужасной вони заслезились глаза.

— Шахта идет под крутым углом, а туннель для сточных вод, с которым она соединяется, находится пятьюдесятью футами ниже, — объяснила Клататол. — По этой шахте можно скользить. Но мы пользуемся ею только в самых критических случаях. Если вы не будете притормаживать и сорветесь, вас затянет в туннель, который полон нечистот. Он почти вертикально уходит в реку и кончается глубоко под водой. Если вам удастся остаться в живых и выплыть на поверхность, вас выловят патрули, которые объезжают этот участок реки на лодках.

Клататол объяснила технику спуска. Люди уселись на скользкий мокрый желоб и начали спускаться по шахте, тормозя руками и ногами. Преодолев две трети пути — во всяком случае, им так показалось, — беглецы пролезли в

забитое грязью отверстие и оказались в шахте, о которой знали только опытные контрабандисты. Ее создавали несколько поколений преступников, и она вела вверх, к туннелям богатых кварталов, выше уровня, с которого они только что бежали.

Клататол сказала, что этот сложный маршрут приведет их в помещение, где они войдут в другую, более широкую сточную трубу. Тридцать лет назад крупная банда преступников с большими усилиями и даже жертвами замуровала ее вход, и благодаря их усилиям она теперь оставалась сухой. Поток нечистот отвели в два боковых сточных туннеля. Сухая труба уходила вниз, глубоко под воду. Но у самого конца ее пересекала горизонтальная шахта, которая вела к отверстию, достаточно удаленному от стоков и патрульных лодок. На другом берегу реки находилась пристань, где стояли торговые корабли. Чтобы добраться до них, надо было проплыть милю или около того.

Поднявшись по внутренним переходам на три улицы вверх, отряд добрался до горизонтальной шахты, которая открывала путь к спасению и вела к сухому стоку.

Кикаха так никогда и не узнал, что там произошло на самом деле. Вряд ли тевтоны могли разгадать их хитроумный замысел. Скорее всего они направили несколько поисковых групп на различные уровни, и одна из них случайно оказалась в нужном месте. К сожалению, охотники увидели свою добычу первыми.

Внезапно вспыхнули факелы, послышались крики, вопли, и что-то с глухим звуком начало вонзаться в тела. Несколько тишкетмоаков повалились навзничь, а потом перед Кикахой упала Клататол. Он увидел застывшее лицо, голубовато-черное в тусклом свете фонаря, который стоял на полу туннеля. Челюсть отвисла, взгляд устремился в вечность. В дюйме выше правого уха торчала короткая арбалетная стрела. Кровь струилась по голубовато-черным волосам, заливая ухо и шею.

Кикаха медленно переполз через тело. Мышцы онемели от потрясения, вызванного внезапным нападением, и в ожидании своей роковой стрелы. Он стремительно побежал по туннелю и метнулся в проход, который показался ему пустым. Позади него в темноте послышалось тяжелое дыхание. Потом кто-то жалобно выругался, и Кикаха узнал голос Ананы. Он поинтересовался судьбой двух других властителей, но она не знала, что с ними произошло.

Они ползли и шли утиным шагом, пока их ноги и спины не заныли от боли, пробиравшей до мозга костей. Без всякой

системы, полагаясь только на интуицию, они сворачивали в боковые проходы и дважды поднимались по вертикальным шахтам. Наступил момент, когда беглецы оказались в полной темноте и безмолвии. Они слышали лишь бешеный стук своих сердец. Им снова удалось оторваться от погони.

Отдохнув, они направились дальше вверх. Поскольку им предстояло выйти на поверхность, Кикаха решил дожидаться наступления ночи. Путь предстоял тяжелый. Но, несмотря на огромную усталость, сон не шел, и они продолжали бодрствовать. Их тревога, прыгнув с трамплина подсознания, достигла той точки, когда глаза уже больше не закрывались. Ноги подергивались, руки дрожали; и даже примирившись с этим, они не могли ни забыться во сне, ни проснуться полностью. Время от времени один из них постанывал от злобных кошмаров.

Ночь заглянула в отверстие шахты, выходящей на поверхность горы. Они выползли из нее и начали пробираться по каменным выступам. Внизу виднелись патрули. На верхней улице слышались стук копыт и голоса солдат. Когда конные ратники исчезли в темноте, беглецы перелезли через ограждение и взобрались по склону к следующей улице.

Нижние кварталы города искрились точками нескольких сотен факелов. Солдаты и полиция проверяли дома. Они все дальше продвигались наверх; кольцо блокады сжималось, и зона поиска становилась все меньше и меньше. Поисковые отряды были повсюду.

— Если тебя полагалось взять живым, то почему же они открыли стрельбу в туннеле? — спросила Анана. — В такой темноте они могли попасть в любого.

— Мы появились так неожиданно, что солдаты просто испугались, — ответил Кикаха.

Он устал. Его томили голод и жажда. В груди вскипала ненависть к убийцам Клататол. Печаль придет позже — печаль, но не чувство вины. Он никогда не винил себя, если существовала хоть какая-нибудь причина для оправдания. Конечно, Кикаха имел некоторые невротические слабости и истерические достоинства — этого не избежал еще ни один человек, — но чувство необоснованной вины среди них не числилось. В любом случае он не нес ответственности за ее гибель. Она вошла в дело по собственной воле и знала, на что идет.

Тем не менее в любом событии можно найти и светлую сторону, даже в смерти Клататол — на ее месте мог оказаться он.

По лабиринту шахт Кикаха спустился за едой и питьем. Анана отказалась ждать его на поверхности склона. Она испугалась, что он не найдет дорогу назад, и решила сопровождать его в этой опасной вылазке. Туннель вывел их к отверстию в потолке какого-то дома. Хозяева похрапывали в своих постелях. Комнату наполнял густой аромат вина и кислого пива. Чуть позже Кикаха снова вернулся в шахту, прихватив несколько веревок, хлеб, фрукты, говядину, сыр и две бутылки с водой.

А потом они снова ждали, когда ночь, обжевав монолит, захватит город. И они вновь карабкались по склону горы или перебирались во внутренние шахты, когда неподалеку появлялось слишком много солдат. Как-то раз Анана спросила его, почему они выбрали это направление, и Кикаха ответил, что других вариантов попросту нет. Нижние районы города, снаружи и внутри, напоминали пчелиный улей.

ГЛАВА 6

В полночь они пробрались по вентиляционной шахте в жилой дом и тихо проскользнули мимо спящих. Улица, на которой находился дом, располагалась на уровень ниже императорского дворца, и здесь сеть внутренних шахт кончалась. Все лестницы и дороги, ведущие вверх, охранялись отрядами тевтонов. Кикаха надеялся, что им удастся подняться по склону горы, но это оказалось невозможным. Поверхность склона на протяжении сорока футов намеренно оставили голой и гладкой.

Беглецы-перебежали в тень у подножия скалистой стены и неожиданно наткнулись на ноги в сапогах, которые торчали из темной ниши. Ноги принадлежали убитому часовому; рядом лежал еще один мертвый солдат. Одному перерезали горло, другого придушили куском проволоки.

— Здесь побывал Нимстовл! — прошептала Анана. — Ты знаешь, мы за такие штучки прозвали его Висельником.

В трехстах ярдах от них вспыхнули факелы приближавшегося патруля. Кикаха выругал Нимстовла за то, что тот оставил здесь тела. Впрочем, для патруля не составляло большой разницы, убиты часовые или ушли со своего поста. В любом случае за этим последовала бы тревога.

Небольшая калитка в стене оказалась незапертой. Она закрывалась снаружи на засов. Кикаха и Анана, схватив оружие караульных, вошли в нее и побежали по ступеням лестницы, протертой в гладком неприступном склоне. Запыхавшись

и жадно глотая воздух открытыми ртами, они в конце концов достигли верхней площадки.

Снизу слышались крики. В проходе калитки появились факелы, и солдаты загрохотали сапогами по ступеням. Забили барабаны, взревели сигнальные трубы.

Оба беглеца метнулись вперед, но не к дворцу справа от них, а к ряду ступеней слева. За невысокой оградой мерцали серебряные кровли и серые железные клетки. В ноздри ударил запах соломы и животных, вонь старого мяса и свежего кала.

— Зоопарк императора, — сказал Кикаха. — Я тут когда-то бывал.

В дальнем конце длинной, вымощенной плитами дорожки что-то шевельнулось, как нить бахромы на кромке ночи. Темная тень пересекла несколько пятен лунного света и исчезла в огромном проеме колоссального белого здания.

— Нимстовл! — воскликнула Анана.

Она хотела броситься за ним, но Кикаха грубо дернул ее за руку. Лицо женщины исказилось и превратилось в отвратительную маску, отлитую из белого серебра луны. Глаза расширились, как у взбешенной совы. Она вырвалась и отпрыгнула от него.

— Как ты посмел касаться меня, лебляббий?

— Запросто, — резко ответил он. — И запомни впредь — не называй меня лебляббием. Я могу не только ударить. Я могу тебя убить. Мне претит высокомерие тех, кого я презираю. Твоя гордость основана на пустом, отвратительном и болезненном эгоизме. Ты ничем не лучше меня и сама об этом знаешь. Если я еще раз услышу от тебя унижительные оскорбления, можешь распрощаться с жизнью. К тому же ты пока во всем зависишь от меня.

— Я? Завишу от тебя?

— Конечно, — ответил он. — Разве у тебя есть какой-нибудь план спасения? Хотя бы что-нибудь пригодное, пусть даже с риском для жизни?

Содрогнувшись от усилий, она взяла себя в руки и успокоилась. Ей даже удалось улыбнуться. И если бы он не знал о ярости, kloкотавшей в ее груди, эта улыбка могла бы показаться ему самой прекрасной, очаровательной и соблазнительной из того, что он видел в двух вселенных.

— Да! У меня нет плана. Ты прав. Я завишу от тебя.

— Как бы там ни было, мыслишь ты реально, — сказал он. — Большинство властителей, как я слышал, надменны и тупы. Они скорее умрут, чем признают свою зависимость и слабость.

Однако подобная гибкость делала ее более опасной. Ему не следовало забывать, что она — сестра Вольфа. Судя по его рассказам, Вала и Анана являлись наиболее опасными из всех ныне живущих женщин. Возможно, он немного преувеличивал, и здесь сказывалась вполне простительная семейная гордость, но в словах Вольфа, очевидно, имелась доля правды.

— Оставайся здесь! — приказал Кикаха, а затем быстро и бесшумно побежал за Нимстовлом.

Кикаха не мог понять, как двум властителям удалось пройти сюда. А главное, откуда они узнали о малых тайных вратах, спрятанных в храме? Пока он видел только одно объяснение: во время пребывания во дворце Вольфа они нашли карту с расположением всех врат. По-видимому, Анана в тот момент находилась где-то в другом месте или, зная о карте, по каким-то личным причинам притворялась теперь несведущей.

Но если о вратах узнали оба властителя, то почему их не нашли Черные Звонари, тем более что у них было гораздо больше времени? Через минуту он получил ответ на свой вопрос. Звонари знали о вратах и выставили охрану из двух человек. Кикаха наткнулся на их трупы — одного убили ножом, другого задушили. Кикаха увидел сдвинутую в сторону угловую панель стены. Из потайной комнаты пробивался луч света. Проскользнув в узкое отверстие, он попал в небольшой склеп. На плитах пола сверкали четыре серебряных полумесяца, вделанных в камень. Однако половинки к ним, некогда висевшие на стене, исчезли. Два беглых властителя прошли во врата и унесли с собой оставшиеся полумесяцы, чтобы никто больше не мог воспользоваться ими.

Взбешенный, Кикаха вернулся к Анане и сообщил ей эту новость.

— Путь к спасению закрыт, но мы еще не проиграли, — добавил он.

Они побежали по извилистой аллее из диоритовых плит, украшенных по краям драгоценными камнями. Кикаха остановился перед огромной клеткой, в которой сидели две орлицы, достигавшие в высоту десяти футов. Они повернули к нему бледно-красные головы. Желтые клювы хищно раскрылись, когти импульсивно сжались, а крылья и тела затрепетали. Свет луны переливался на зеленых, как полуденное небо, перьях. Глаза казались алыми щитами, в центре которых чернели пятна зрачков.

Одна из них заговорила голосом гигантского попугая:

— Кикаха! Что ты здесь делаешь, подлый обманщик?

В огромной голове орлицы находился мозг женщины, похищенной Ядавином три тысячи двести лет назад с берегов Эгейского моря. Ради забавы властитель перенес этот мозг в тело птицы, которое он создал в своей биолaborатории. Лишь некоторые из зеленых орлиц имели человеческий мозг. И только сорок из первых пяти тысяч особей выжили с тех давних времен. Они размножались партеногенезом, поэтому остальные миллионы гигантских орлиц являлись их потомками.

Кикаха ответил на микенском наречии:

— Девиванира! А что ты делаешь в этой клетке? Я думал, ты птица Подарги, а не императора.

Орлица вскрикнула и вцепилась в прутья решетки. Кикаха, стоявший слишком близко, отскочил назад и засмеялся:

— Верно говорят, что вы глупые птицы! Вы готовы убить даже тех, кто хочет дать вам свободу!

— Свободу? — спросила другая орлица.

— Да, — быстро ответил Кикаха. — Мы предлагаем вам бежать вместе с нами. Если вы поможете нам выбраться из Таланака, мы выпустим вас из клетки. Но прежде дайте нам свое слово. Да или нет? Говорите быстрее. У нас мало времени.

— Подарга приказала нам убить тебя и Ядавина-Вольфа! — закричала Девиванира.

— Вы можете с этим немного повременить, — ответил Кикаха. — Но в случае отказа вам уже никогда не вырваться из клетки. Неужели вы не хотите снова ощутить чувство полета и еще раз увидеть своих подруг?

На ступенях дворца заматались факелы. Их огненная дорожка направилась к зоологическому саду.

— Да или нет? — крикнул Кикаха.

— Да! — ответила Девиванира. — Клянусь грудью Подарги, да!

Чтобы помочь Кикахе, из тени выбежала Анана, и орлицы, рассмотрев ее лицо, захлопали крыльями:

— Подарга!

Кикаха не стал говорить, что она сестра Ядавина-Вольфа, но на всякий случай успокоил орлиц:

— Лицо Подарги делалось с натурщицы.

Однажды, во время экскурсии с императором, он не пожалел времени и обследовал каждый уголок зоопарка. Теперь же, похвалив себя за предусмотрительность, Кикаха сбежал в кладовку и вернулся с несколькими обрезками веревок. Он спрыгнул в небольшой ров перед клеткой и всем телом налег

на железный рычаг. Сталь скрипнула, и массивная дверь открылась.

Анана на всякий случай натянула тетиву лука. Девиванира, пригibas голову, выбралась из клетки и безропотно позволила Кикахе привязать к своим ногам концы веревок. Ее подруга Антиопа, с трудом протиснувшись сквозь дверь, терпеливо ждала своей очереди.

Кикаха объяснил им план побега, и, когда солдаты ворвались в зоопарк, две огромные птицы вскочили на край низкой ограды, которая окружала территорию верхнего уровня. Орлицы не привыкли взлетать подобным образом; обычно, находясь на земле, они разбегались и отталкивались вверх в мощном прыжке. Но теперь им приходилось полагаться только на силу крыльев и медленное планирование.

Кикаха подлез под Девиваниру, сел на веревку, ухватился за ноги орлицы чуть выше огромных когтей и закричал:

— Анана, ты готова? Давай, Девиванира! Летим!

Несмотря на тяжесть, обе птицы подпрыгнули в воздух на несколько футов и забили крыльями. Кикаха почувствовал, как веревка впилась в его тело. Последовал резкий рывок вперед и вверх; ограда осталась позади. Внизу виднелись угловатые склоны, исполосованные зелеными и серебристыми нитями жадеита. Между ними проступали улицы, искрившиеся точками пылавших факелов. А затем все это угрожающе понеслось на него.

В трех тысячах футов, у подножия горы, изгибалась широкая река, блиставшая черным расплавленным серебром.

Склон проносился в опасной близости от них. Будучи во много раз сильнее земных орлов, зеленые птицы могли удерживать довольно значительный вес, но взрослый человек был для них чересчур тяжелым. И в этой ситуации они лишь пытались замедлить падение.

Орлицы снижались параллельно склону и неистово колотили крыльями, пролетая над ограждениями, выступавшими по краям улиц. Потом они мучительно медленно — или это так казалось Кикахе — удалялись от поверхности горы и, стремительно пронесшись над улицей, зависали у края очередного уровня. Белые, коричневые, красные, серые и черные полосы жадеитовой горы мелькали у самых ног. Птицы взбивали крыльями воздух, и все повторялось сначала.

Обоим седокам приходилось подтягивать ноги, чтобы не цепляться за выступы склона и решетки оград. Сердце оставалось при каждом новом спуске и тут же заходило в бешеном стуке, словно пытаясь вырваться из груди.

Дважды их царапали и били ветви деревьев, когда они проносились над вершинами крон. А один раз орлицы с трудом отвернули в сторону, едва не врезавшись в высокую башню, построенную на крыше зажиточного дома. При этом они еще больше приблизились к склону горы, и седоков протащило по черно-коричневой жадеитовой скале. К счастью, поверхность оказалась гладкой, и люди лишь слегка ободрали кожу. Орнамент барельефа мог бы переломить им кости или нанести глубокие порезы.

Позади остался последний уровень — улица Отвергнутых Жертвоприношений. (Кикахе так и не удалось узнать, по какой причине она получила столь странное название.) Они пролетели чуть ли не в дюйме над жадеитовой оградой, и, увидев острые пики на ее конце, Кикаха почувствовал в ягодицах почти физическую боль. Тем не менее все кончилось благополучно.

Они падали в реку под острым углом.

Ширина русла равнялась примерно одной миле. На противоположном берегу виднелись доки и баркасы; чуть ближе на якорях стояли торговые корабли. В основном это были длинные двухпалубные галеры с высокой кормой и одной-двумя мачтами, на которых крепились квадратные паруса.

Кикаха быстро оценил ситуацию, и, когда орлицы снизились к серой, с черными бликами воде, он приготовился сделать то, о чем заранее договорился с Ананой. Кикаха предвидел, что птицы, вырвавшись из города и глотнув воздух свободы, первым делом попытаются убить своих освободителей. Поэтому он посоветовал Анане сохранять бдительность и прыгать в воду при первых признаках опасности.

До поверхности воды оставалось футов пятьдесят, когда Девиванира попыталась вонзить в Кикаху клюв. К счастью для Кикахи, ей не удалось согнуться настолько, чтобы схватить и разорвать намеченную жертву. Огромный желтый клюв промелькнул в восьми дюймах над его головой.

— Прыгай! — закричала она. — Ты утащишь меня в воду! Я же утону!

Кикаха этого и добивался, поскольку боялся, что птицы догадаются об очень простом и эффективном способе уничтожения своих ездоков. Если бы Девиванира зависла в воздухе, а Антиопа спустилась к Кикахе, она могла бы как следует ошипать его клювом. Затем две птицы поменялись бы местами и расправились с Ананой.

Он откинулся назад, перекувырнулся в воздухе и, вытянувшись всем телом, без всплеска нырнул в воду вниз головой. Выплыв на поверхность, он увидел завершение ве-

ликолепного прыжка Ананы. Беглецы находились в двухстах пятидесяти ярдах от ближайшей из пяти заякоренных галер. На расстоянии полутора миль вниз по течению показались приближающиеся яркие огни. В свете факелов поблескивали шлемы и мелькали весла, взбивавшие воду.

Над рекой, набирая высоту, летели орлицы — два черных пятна в потоках лунного света.

Кикаха окликнул Анану, и они поплыли к ближайшему кораблю. Одежда и оружие тянули Кикаху ко дну. Он сбросил с себя тунику, а потом скрепя сердце избавился от пояса и длинного ножа. Ему не хотелось расставаться с ними, но испытания последних сорока восьми часов и нехватка еды истощили его силы. Анана сделала то же самое.

В конце концов они добрались до галеры и вцепились в якорную цепь, переводя дыхание и со всхлипами втягивая воздух в натруженные легкие. На палубе судна царила абсолютная тишина. Если тут и был вахтенный матрос, то он, очевидно, спал.

Патрульная лодка быстро двигалась вверх по течению. Однако Кикаха считал, что солдаты их заметить не могли. Он быстро изложил Анане план дальнейших действий. Набрав в легкие побольше воздуха, Кикаха нырнул под корпус корабля. Добравшись до середины судна, он развернулся и направился вдоль продольной балки к корме, ощупывая доски через каждые несколько гребков. Наконец он всплыл под нависавшей кормой, так и не отыскав того, что хотел. Анана, которая исследовала дно передней половины галеры, встрети-лась с ним у якорной цепи. Она тоже ничего не нашла.

Кикаха отдышался и заговорил:

— Может случиться так, что ни на одном из этих кораблей не окажется тайника для контрабандных товаров. По теории вероятности мы можем обыскать еще сотню посудин, но так ничего и не найти. А патруль все ближе и ближе.

— Тогда давай уйдем по суше, — предложила Анана.

— Только в том случае, если мы не найдем тайника. Без коней на суше нечего делать. И нам не удастся уйти от погони.

Кикаха поплыл к следующей галере и снова исследовал киль. Это и еще одно судно не имели потайных камер. К тому времени Кикаха уже отчетливо слышал плеск весел патрульной лодки.

Внезапно с той же стороны донесся хлопок, похожий на выстрел из слоновьего ружья. Потом раздался второй хлопок, и вслед за этим послышались крики орлиц и людей.

Корпус галеры закрывал обзор, но Кикаха догадался, что случилось. Зеленые орлицы вернулись, чтобы выследить и убить его. Не обнаружив Кикаху, они решили выместить злобу за долгий плен на ни в чем не повинных солдатах. Упав с ночного неба, они атаковали речной патруль. Хлопающие звуки раздались после того, как орлицы раскрыли свои огромные крылья, замедляя стремительное падение. И теперь, оказавшись в лодке, они рвали людей когтями и клювами.

Послышалось несколько всплесков. Крики и вопли длились около минуты. А затем наступила тишина.

Клич триумфа, похожий на рев слона, сменился хлопанием огромных крыльев. Кикаха и Анана нырнули под четвертую галеру, стараясь скрыться от зорких глаз орлиц.

Всплыв на поверхность воды под высокой кормой, Кикаха услышал шелест крыльев. Чуть позже он увидел, как птицы, сделав несколько кругов над соседним судном, поднялись в воздух и исчезли в темно-зеленой мгле ночного неба. Очевидно, они отказались от затеи найти его. Или просто хотели набрать высоту, чтобы неожиданно напасть с небес. Он окликнул Анану, но она куда-то исчезла. Кикаха не видел ее уже несколько минут. А значит, она либо утонула, либо нашла тайник для контрабанды, либо попросту испарилась в воздухе.

Он поплыл к передней части судна, и вскоре его рука прошла по краю отверстия, вырезанного в киле. Кикаха приподнял голову и разглядел светлый проем, выделявшийся на фоне темно-серого днища. Проникнув в это отверстие, он оказался в квадратном помещении, которое освещалось небольшой лампой. Верхняя часть люка выдавалась над водой на пару футов, а выше находился настил, который служил полом потайной камеры. Кикаха проморгался и увидел Анану, стоявшую на четвереньках. Сжимая нож в руке, она с усмешкой смотрела то на него, то себе под ноги.

Взобравшись на борт люка, Кикаха понял причину ее странных взглядов. На полу, растянувшись у ее ног, лежал мужчина в тишкетмоакской одежде.

— Он спал, когда я вылезла из воды, — с улыбкой сказала Анана. — Наверное, мне просто повезло, потому что он мог бы проткнуть меня копьем еще до того, как я бы что-то заметила. Мне пришлось на всякий случай ударить его по шее, и теперь, вероятно, он еще долго не проснется.

Ширина настила от стены до люка с каждой стороны равнялась примерно четырем футам. Тайник был пуст, не считая небольшой кучи мехов, одеял, бочонка с картограммой джина и нескольких деревянных ящиков с металличе-

скими уголками, в которых могла храниться еда — а Кикаха очень надеялся на это. Пустота тайника имела одно большое преимущество — контрабандный товар уже забрали, а значит, можно не ожидать появления пловцов, нанятых для приема груза. Дым от лампы поднимался к множеству мелких отверстий в потолке и верхней части стены. Прислонившись щекой к нескольким из них, Кикаха почувствовал легкий сквознячок. Он понимал, что свет из тайника невозможно заметить с палубы — даже тем, кто будет находиться прямо над ними. Но Кикаха хотел убедиться в этом наверняка.

— Такие тайники есть на многих галерах, — сказал он Анане. — Иногда капитаны знают о них, а иногда — не знают. — Он указал на мужчину. — Мы допросим его позже.

Кикаха связал тишкветмоаку лодыжки и, перевернув пленника на живот, скрутил ему руки за спиной. Несмотря на усталость и желание заснуть, он снова погрузился в воду. Вынырнув рядом с якорной цепью, Кикаха вскарабкался по ней на палубу и тщательно осмотрел галеру. Постовых он не обнаружил, но получил хорошее представление о конструкции судна. Кроме того, он нашел несколько полосок сушеного мяса и сухари, сложенные в водонепроницаемые кишки. Орлиц в поле зрения не оказалось. Патрульную лодку снесло течением, и ему не удалось разглядеть в ней тела — если только они там были.

Когда он вернулся в тайник, пленник уже пришел в себя.

Петоток сказал, что прятался здесь от полиции, но отказался говорить, за что именно и по какому обвинению. Он ничего не знал о вторжении. И более того, даже не поверил их рассказу.

Кикаха на миг задумался, а затем обратился к Анане:

— Я думаю, наш побег видели многие, поэтому поиски в городе скоро прекратятся. Они начнут искать нас в старом городе, на фермах и в сельской местности. Они обыщут каждый корабль. А потом, потеряв наш след, дракландцы позволят городу вернуться к нормальной жизни. И эта галера отправится куда-нибудь по реке.

Кикаха спросил Петотока, где они могут достать еды, чтобы им троим хватило ее на месяц. Глаза Ананы расширились.

— Жить месяц в этой сырой и вонючей дыре? — недоверчиво спросила она.

— Если ты только хочешь остаться в живых, — ответил Кикаха. — Я искренне надеюсь, что мы не задержимся здесь слишком долго, но мне хотелось бы иметь резерв продуктов на случай непредвиденных обстоятельств.

— Но я сойду здесь с ума! — закричала она.

— Сколько тебе лет? — спросил он. — Не меньше десяти тысяч, верно? Неужели ты до сих пор не научилась правильно относиться к таким ситуациям, как эта?

— Я никогда не предполагала, что окажусь в подобной ситуации, — огрызнулась она.

Кикаха улыбнулся:

— Так, значит, за десять тысячелетий случилось что-то новенькое? Ты должна быть рада развеять старую скуку.

Она неожиданно засмеялась:

— Я устала и немного расстроилась. Но ты прав. Лучше прятаться от смерти, чем смертельно скучать. И то, что с нами случилось... — Она развела руки в стороны, показывая, что у нее нет слов.

Действуя по указке Петотока, Кикаха вновь взобрался на палубу и спустил на воду небольшую шлюпку. Причалив к берегу и взломав дверь небольшого товарного склада, он наполнил лодку продуктами и вернулся к галере. Потом ему пришлось привязать лодку к якорю и сплавить за Ананой. А дальше начался каторжный труд. Они ныряли, плавали и снова ныряли, перенося в сетках пакеты с едой. К концу работы они так устали, что едва выползли из воды на борт люка. Кикаха отпустил шлюпку, и ее снесло течением. Проводив ее взглядом, он нырнул в последний раз.

Дрожа от холода и перенапряжения, Кикаха отчаянно боролся со сном. Имея за плечами богатый опыт, он опасался оставлять контрабандиста без охраны. Анана предложила не создавать себе лишних проблем. По ее мнению, пленника полагалось прикончить. Петоток с тревогой прислушивался к разговору, хотя они говорили на языке властителей, которого он не понимал. Увидев, как Анана чиркнула пальцем по горлу, пленник догадался о причине спора, и, несмотря на темную кожу, его лицо побледнело.

— Я не буду убивать без надобности, — сказал Кикаха. — Кроме того, если он даже умрет, нам все равно придется дежурить по очереди. Что, если явятся другие контрабандисты? Застав нас спящими, они воспользуются моментом, и мы окажемся в их власти. Клататол и ее друзья устояли перед соблазном получить награду, хотя я не уверен, что они удержались бы от большей суммы. Однако другие могут не проявить такого благородства.

Он нес первое дежурство и не засыпал только потому, что все время поливал лицо и голову водой, беседовал с Петоток и шагал по настилу тайника. Когда прошло два часа, Кикаха разбудил Анану, похлопав ее по щекам и брызнув в

лицо водой. Взяв с нее обещание не поддаваться дремоте, он закрыл глаза и погрузился в беспросветный сон.

Они дважды сменяли друг друга. Потом Анана разбудила его в третий раз, но уже не для того, чтобы передать дежурство.

Закрыв ладонью рот Кикахи, она шепнула ему на ухо:

— Тихо! Ты храпел! А на борт поднялись люди!

Кикаха долго лежал, прислушиваясь к торопливому топоту, разговорам, крикам, ударам и грохоту груза, который передвигали с места на место. Солдаты простукивали переборки и палубы, пытаясь отыскать потайные отсеки.

Прошло тысяча двести секунд, каждую из которых Кикаха молча отсчитал. В конце концов поисковая группа ушла.

И снова Кикаха с Ананой пытались по очереди наверстать упущенный сон.

ГЛАВА 7

Когда беглецы почувствовали себя достаточно отдохнувшими, чтобы бодрствовать вместе, Кикаха спросил Анану, как она оказалась в такой ситуации.

— Черные Звонари, — ответила та и подняла правую руку.

На среднем пальце сверкнуло кольцо из черного металла с большим темно-зеленым драгоценным камнем.

— Я отдала все свои драгоценности контрабандистам, но это оставила себе, — сказала Анана. — Я отказалась отдать им его. Мне пришлось сказать, что они могут снять кольцо только с моего трупа. И в какой-то момент я подумала, что они убьют меня. — Она помолчала. — Дай-ка вспомнить, как это началось. Сначала Черные Звонари не представляли никакой угрозы. Около десяти тысяч лет назад ученые нашей расы создали искусственную форму жизни. И они подошли к ее созданию во время поисков истинного бессмертия.

Звонари имели форму колокола. Они изготавливались из черного материала, не поддававшегося разрушению. Звонарь не пострадал бы даже в том случае, если бы рядом с ним взорвалась водородная бомба. Его можно было бросить в центр пылающей звезды, и он оставался бы там невредимым миллиарды лет.

Ученые создали Звонарей таким образом, что те действовали чисто автоматически. Они не имели собственного разума и первоначально изготавливались, как обычные устройства. Прибор помещали на голову человека, крохотные датчики считывали поверхностный потенциал кожи, и колокол

автоматически выпускал два очень тонких, но крепких электрода. Они проникали сквозь череп и внедрялись в мозг.

Через эти электроды Звонарь разгружал содержание человеческого ума и расчленял цепочки гигантских протеиновых молекул, составляющих память. Он разрывал сложнейшие нервные связи, уничтожая все, что хранилось в сознании и подсознании человека.

— А какой в этом смысл? — спросил Кикаха. — Зачем властителям понадобилось разлагать разум на части, то есть разгружать себе мозг? Они же превращались в ничего не сознающих младенцев — *tabula rasa*.

— Конечно, но ты не понял их идеи до конца. Все содержание разгруженного и расчлененного мозга вносилось в сознание человека, который принадлежал властителю, — раба.

Кикаха привык ничему не удивляться. И слова Ананы вызвали у него скорее не изумление, а тошноту.

— Но зачем? Для чего...

— Это было необходимо, — серьезно и рассудительно ответила Анана. — Раб все равно бы когда-нибудь умер. Так какая разница? А властитель мог бы сохранить жизнь — даже в том случае, если бы его телу нанесли смертельную рану.

Она не стала говорить о величии той технологии, которая позволяла властителям жить тысячи и даже миллионы лет, не будь в их мире несчастных случаев, самоубийств и взаимного истребления. Кикаха знал это и без нее. Отсутствие старения, даже в легкой степени, наблюдалось у всех существ многоярусной планеты. Воды этого мира содержали синтезированные Вольфом субстанции, которые предохраняли людей от старения примерно тысячу лет. Эта же вода уменьшала способность к воспроизведению потомства, поэтому проблем перенаселения не возникало.

— Поначалу Звонари представляли собой устройства, с помощью которых воспоминания властителя могли переписываться в мозг носителя. Подобным образом властитель как бы переходил в новое тело, если старое умирало от ран.

На случай непредвиденных обстоятельств матрицу-колокол создавали с таким расчетом, чтобы запись, дублировавшая мозг, могла храниться потрясаяще долгое время. Колокол оснастили мощным энергоблоком, который при желании потребителя мог обеспечивать любое функционирование записанного ума. Кроме того, матрица автоматически откачивала нервную энергию носителя для подзарядки своей силовой батареи. В процессе сканирования ума нервные связи расчленялись. Это вызывало разрушение всех ячеек психо-

структуры, и после перезаписи в колокол мозг становился абсолютно пустым. Его содержание копировалось в матрицу, которая превращалась не только в хранилище, но и в дубликат записанного ума.

— Я могу это повторить, лишь бы ты понял, — добавила Анана.

— Пока мне все ясно, — ответил Кикаха. — Но я не думаю, что каким-то расчленением и разрушением молекул, сканированием и копированием разума можно достичь истинного бессмертия. Мозг — не чашка, а разум — не вода. Его не перелить из одной головы в другую. И это не настоящий перенос разума. На самом деле ваши ученые переписывали содержание обоих полушарий и других долей мозга, стирая при этом всю информацию, которая хранилась в них. Но разве созданные ими колокола имели подсознание? Мне это напоминает запись на магнитофоне — лента прокручивается, и создается идентичный мозг, но только в другом вместилище. Однако дублированный мозг всегда будет оставаться лишь жалким подобием оригинала. В действительности первый мозг умирал. А второй воспринимал себя первым только потому, что нес в себе его воспоминания. Но на самом деле оставался копией.

— Устами младенца глаголет истина, — с усмешкой сказала Анана. — И ты был бы прав, не будь на свете такой штуки, как психика или душа. А у властителей имелось неоспоримое доказательство того, что в каждом разумном существе обитает некая надпространственная и вневременная сущность. Она есть даже у вас, людей, и является своего рода воплощением психической памяти тела, или сомы. Она как бы отражает психосому или, возможно, наоборот.

В любом случае психика представляет собой вторую половину «реального» человека. И когда скопированный телесный мозг встраивался в матрицу-колокол, психика, или душа, тоже переходила туда. Вот почему, передавая запись разума новому носителю, колокол наделял его и новой душой.

— У вас есть доказательства того, что душа существует? — удивленно спросил Кикаха. — Это что — фотографии? Чувственные симптомы? Какие-то предметные факты?

— Сама я о них ничего не знаю, — ответила Анана. — И честно говоря, не знаю таких людей, которые видели бы эти доказательства. Но нас заверяли, что они существуют.

— Прекрасно! — воскликнул он с сарказмом, который она просто не могла не заметить. — И что же дальше?

— Первая стадия эксперимента потребовала свыше пятидесяти лет, и только потом, мне кажется, колокола стали абсолютно безопасными и идеально настроенными. Исследования в основном велись на рабах. Многие из них погибли или стали идиотами.

— Во имя науки!

— Во имя властителей! — поправила она. — Во имя бессмертия для властителей. Но подопытные люди, а позже и подопытные властители сообщали о невыносимом чувстве разобщения с реальностью, о муках раздвоения, которые они переживали все то время, пока их разум находился в колоколах. И тогда ученые обнаружили, что при выдвинутых электродах мозг в матрице обретал способность к восприятию внешнего мира — вернее, к фрагментам внешнего мира, поскольку восприятие оказалось очень ограниченным. Чтобы преодолеть чувство изоляции и паники, ученые улучшили разрешающую способность электродов-антенн. С тех пор колокола могли воспринимать звуки, запахи и простейшие зрительные образы.

— Значит, Черные Звонари являются бывшими властителями? — спросил Кикаха.

— Нет. Кто-то из ученых случайно наткнулся на зачатки разума у неиспользованных колоколов, и оказалось, что они могут развивать свою собственную сущность. Фактически, любая неиспользованная матрица являлась недоразвитым Звонарем. И если с ней беседовали, играли, обучали речи и называли по имени, то есть развивали эмбриональную личность, устройство переставало быть вещью и превращалось в разумное существо — пусть очень странное и чуждое нам, но разумное.

— Другими словами, ведро для мозгов обрело сознание, — подытожил Кикаха.

— Вот именно. Ученых пленило это открытие. Они создали отдельную программу по обучению разумных матриц. Они обнаружили, что колокол может стать таким же многофункциональным и умным, как взрослый властитель. К тому времени о первоначальном проекте забыли. Но недоразвитые колокола по-прежнему использовались как хранилища для избыточных воспоминаний властителей.

— Мне кажется, я знаю, что случилось потом, — сказал Кикаха.

— Никто не знает, что там случилось на самом деле, — возразила Анана. — Ученые вырастили десять тысяч полностью развитых матриц и какое-то число малышей. Однажды какому-то колоколу удалось ввести свои иглы-антенны в череп

властителя. Он расчленил и уничтожил его мозг, а затем перенес свой разум в тело носителя. И тогда, одного за другим, они захватили всех занятых в проекте ученых.

Догодка Кикахи оказалась верной. Властители создали своего собственного Франкенштейна.

— К тому времени мои предки увлекались созданием личных вселенных. Каждый творил, что хотел, — продолжала Анана. — Как истинные властители, они считали себя богами — если только боги действительно существовали когда-то на свете. Тем не менее наша первая вселенная продолжала оставаться домом для подавляющей массы населения.

Используя тела носителей, Звонари перебрались из материнской вселенной в личные миры. Со временем истина раскрылась, но никто не знал, кого они уже захватили, а кого еще нет. Слишком многие из властителей прошли через процедуру перемещения памяти, и по крайней мере десять тысяч из них оказались, как мы это называем, «прозвенными».

Война с Черными Звонарями длилась двести лет. И я родилась в эпоху великих битв. К тому времени они уничтожили почти всех ученых и технологов. Больше половины населения погибло в боях. Родную вселенную властителей разграбили и превратили в ядерный циклон. Это стало концом прогресса и науки. Это стало началом солипсизма* властителей. Те, кто выжил, имели в своем распоряжении огромное могущество, великолепную аппаратуру и хитроумные устройства, но знание принципов, стоявших за этой технологией, было утеряно навсегда.

Из десяти тысяч Звонарей спаслось лишь пятьдесят. Они исчезли, и нам не удалось отыскать их след. Остальных девять тысяч девятьсот пятьдесят Звонарей загнали в специально созданную для них вселенную. Вокруг нее установили тройное ограждение, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти.

— А пропавшие пятьдесят?

— Их так и не нашли. Какое-то время властители жили на грани паники, подозревая всех и каждого. Однако случаев «прозвонка» не наблюдалось, и страхи понемногу улеглись. Но о пятидесяти пропавших Звонарях мы не забывали никогда. — Анана снова подняла правую руку. — Видишь это кольцо? Оно может обнаружить колокол Черного Звонаря на расстоянии двадцати футов. К сожалению, оно не может распознать Звонарей, которые находятся в телах носителей. Но

* Солипсизм — доведенный до крайности субъективный идеализм.

они не любят удаляться от своих матриц. Когда тело получает серьезное ранение, Звонарь старается перенести свой мозг обратно в матрицу, иначе вместе с телом погибнет и он.

Кольцо, обнаружив матрицу-колокол, включает тревожное устройство, вживленное в мозг властителя. Сигнал от него стимулирует особую зону нервной системы, и властитель слышит звон колоколов. Вот почему этих существ прозвали Звонарями. Насколько мне известно, колокольный звон не раздавался около десяти тысяч лет. Но две недели назад мы трое услышали его вновь, и каждый из нас понял, что древний ужас вырвался на свободу.

— Так это те пятьдесят, которых вы не досчитались? — спросил Кикаха.

— Возможно, не все пятьдесят. Сама я видела лишь нескольких, — ответила Анана. — Мне кажется, исчезнувшие Звонари прятались в одной из личных вселенных. Они вернулись в матрицы и пролежали где-то десять тысячелетий, пока какой-то человек, какой-то лебля... — Она замолчала, увидев выражение лица Кикахи, а затем продолжила: — Какой-то человек случайно натолкнулся на их тайное убежище. Он оказался любопытным и положил одну из матриц себе на голову. Колокол автоматически выпустил иглы-антенны, пробудив Звонаря от многовекового сна. Он произвел обезболивание кожи и на несколько мгновений лишил человека подвижности, чтобы тот не оказал сопротивления при внедрении в мозг. Звонарь вонзил электроды в череп, разрядил воспоминания и разрушил конфигурацию нервной системы. Он перенес свой разум в тело жертвы, а затем в образе человека нашел носителей для остальных сорока девяти Звонарей. И вот теперь эта свора оборотней решила нанести молниеносный ответный удар.

Трудно сказать, сколько вселенных посетили Звонари и скольких властителей они убили или превратили в носителей. Однако им не повезло с троими: Ананой, Нимстовлом и Юдуброй. Анане и Нимстовлу удалось сообщить Юдубре о грозившей опасности, и тот разрешил им укрыться в его вселенной. Только Черные Звонари могли заставить властителей забыть о вечной вражде с сородичами. Но когда Юдубра начал восстанавливать свою систему защиты, через нее прорвался враг. Троице властителям удалось открыть врата в многоярусный мир и попасть во дворец Вольфа.

До них дошли слухи, что Ядавин стал слабым, больным и мягкосердечным. Они выбрали его мир в надежде на то, что он даст им приют, если они проявят к нему дружелюбие. Но дворец оказался пустым, и они встретили только толосов —

полуметаллических, полупротеиновых роботов, которые прислуживали Вольфу и Хрисеиде и охраняли их.

— Вольф исчез? — удивленно переспросил Кикаха. — И Хрисеида тоже? Но куда?

— Я не знаю, — ответила Анана. — У нас почти не было времени на осмотр дворца. Нам пришлось бежать из центра управления. И мы вошли во врата, даже не зная, куда они ведут. По воле судьбы они доставили нас в храм Оллимамла, из которого мы бежали в город Таланак. Нам посчастливилось встретить Клататол, и ее шайка укрыла нас от посторонних глаз. Не прошло и четырех дней, как город захватили дракландцы. Я не знаю, как Черные Звонари овладели фон Тарбетом и его людьми.

— Они прошли через врата в Дракландию и захватили двух королей, подданные которых до сих пор ни о чем не догадываются, — ответил Кикаха. — Звонари, конечно же, не знали, что я нахожусь в Таланаке. Однако по фильмам и записям во дворце они посчитали меня ключевой фигурой этого мира. Звонари явились сюда за вами, но кто-то проболтался им о моем приезде в Таланак. И они решили устроить на меня облаву.

— А зачем им нужен ты?

— Я знаю почти все о тайных вратах и ловушках дворца. Звонари, очевидно, хотят пробраться в арсенал Вольфа, но для этого необходим условный код. Вот почему я нужен им живой. И ради этой информации они готовы идти на любые жертвы.

— Скажи, а во дворце есть какие-нибудь летательные аппараты? — спросила Анана.

— Нет, у Вольфа никогда их не было.

— Значит, Звонари принесут сюда самолеты из моего мира. Им придется разобрать их на части, чтобы протащить через узкие врата во дворец. Какое-то время уйдет на сборку. Но если люди увидят самолет, они потребуют от Звонарей каких-то объяснений.

— Да, и Звонари скажут им, что это магические лодки, — ответил Кикаха.

Он вспомнил о роге Шамбаримена, или Илмарволкина, как иногда его еще называли. Эх, будь у него этот рог... Когда в резонансных точках любой вселенной на нем проигрывали определенную последовательность нот, эти точки становились вратами между двумя вселенными. Кикаха знал, как использовать рог для открытия врат многоярусного мира. А значит, они могли бы обойтись без серебристых полумесяцев. Но Анана

не видела рога. Возможно, Вольф и Хрисеида забрали его с собой.

Дни и ночи, сменявшие друг друга, не отличались особым комфортом. Чтобы размять ноги, беглецам приходилось кружить вокруг колодца люка, но, когда это делал Петоток, Кикаха предусмотрительно привязывал к его шее веревку. Спали они по очереди, сменяясь через два часа. Поначалу Кикаха решил экономить масло и зажигать лампу только в исключительных случаях, но темнота в крошечном тайнике действовала настолько угнетающе, что они держали лампу зажженной большую часть времени.

Третий день ожидания принес перемены. На борт поднялось множество людей. Якорь вытащили, и судно отогнали к пристани. Сквозь деревянные переборки и настил палубы доносились звуки погрузки. Она продолжалась сорок восемь часов без перерыва. Наконец галера покинула гавань, и гребцы взялись за работу. Шли дни, а спрятавшиеся в тайнике люди слышали только стук колотушки, задававшей темп, визгливый скрип уключин, плеск весел и журчание воды.

ГЛАВА 8

Путешествие продлилось шесть дней, а затем судно остановилось, бросило якорь, и звуки разгрузки заполнили узкое пространство их убежища. Кикаха не сомневался, что они плыли на запад к краю Великих прерий.

Когда все затихло, он нырнул в воду. Всплыв под изогнутой кормой, Кикаха увидел доки, корабли, костер перед большим бревенчатым зданием и невысокую, поросшую лесом гряду, которая тянулась на востоке.

Он узнал последний приграничный порт для речных кораблей. Здесь товары перегружались в гигантские фургоны и отправлялись караванами по Большому торговому пути.

Кикаха не собирался отпускать Петотока. Тем не менее он проявил такт и спросил пленника, хочет ли тот остаться или рискнет присоединиться к тишкетмоакам. Петоток ответил, что его разыскивают за убийство полицейского, поэтому он хотел бы пойти с ними.

Пробравшись на ферму у городской окраины, они украли одежду, трех лошадей и оружие. Для этого им пришлось оглушить фермера, его жену и двух сыновей, пока те спали крепким сном.

Тихо проскользнув мимо укреплений города и форта, беглецы поскакали к холмам и за час до рассвета оказались у границы Великих прерий. Они решили какое-то время следо-

вать по торговому пути, направляясь в деревню хроваков, которая находилась в горах, за тысячу миль отсюда. Там они могли спланировать поход к любым тайным вратам на этом уровне.

Во время заточения в тайнике галеры Кикаха всеми силами старался поддерживать моральный дух Ананы. Он шутил и смеялся, правда, потихоньку, чтобы не услышали матросы. Теперь же он походил на извергавшийся вулкан — смех, юмор и восторженные крики изливались из него подобно лаве. Анана назвала его самым счастливым человеком, какого она когда-либо видела в своей долгой жизни. И действительно, Кикаха буквально сиял от радости.

— А почему бы и нет? — Он взмахнул рукой, показывая на Великие прерии. — Этот воздух напоен ароматами солнца, земли и жизни. Куда ни посмотри, везде обширные холмистые степи. Они похожи на прерии Северной Америки до прихода белых людей, но я бы назвал их более экзотическими, романтическими, цветастыми, и ты сама можешь выбрать для них какое угодно определение. Тут пасутся миллионы бизонов, диких лошадей, оленей и антилоп. Здесь можно увидеть огромных хищников — полосатых степных львов, прозванных учеными «фелис атрокс», и бегущих львов, которые напоминают пуму, прошедшую эволюцию гепарда. Кругом рыщут ужасные степные волки, койоты и собаки прерий. Это царство жизни! Ты увидишь не только доколумбовских животных, но и множество вымерших на Земле зверей, которых Вольф успел протащить через врата в свое время. Ты увидишь мастодонтов, мамонтов, уинтатериев, степных верблюдов и многие другие раритеты.

А сколько здесь кочевых племен америндейцев! Это какое-то смешение американских индейцев, скифов, сарматов, белых кочевников из России и Сибири. А полукони! Ты бы только видела этих кентавров, созданных Ядавином! Их речь и обычаи во многом такие же, как и у остальных племен прерий.

Об этих местах можно говорить бесконечно! А сколько я еще не знаю, но узнаю однажды! Представь, этот уровень занимает площадь, на которой могли бы поместиться Северная и Южная Америки моей родной Земли!

Это сказочный мир! Мой мир! Я верю, что рожден для него, и именно поэтому мне повезло попасть сюда! Это опасный мир — но скажи, какой мир, включая и Землю, не опасен? Ты права! Возвращаясь в прерии, я чувствую себя самым счастливым из людей! И меня не затащишь теперь на Землю ни за какие деньги — потому что этот мир мой!

Анана слегка улыбнулась и покачала головой:

— Ты восторгаешься так только потому, что еще молод. Подожди, пока тебе стукнет десять тысячелетий. И ты вряд ли тогда найдешь повод для радости.

— Хорошо, я подожду, — ответил Кикаха. — Мне уже пятьдесят лет, но я чувствую себя трепетным двадцатипятилетним юношей — если ты, конечно, извинишь меня за такую банальную фразу.

Анана не знала, что означают банальные фразы, и Кикаха постарался ей это объяснить. Он выяснил, что Анана бывала на Земле несколько раз и что ее последний визит приходился на 1888 год. По ее словам, она отправлялась туда «на каникулы».

На исходе дня они подъехали к роще. Кикаха сказал, что им следует устроить здесь стоянку на ночь. Он отправился на охоту и вернулся с карликовым оленем. Путешественники освежали его и зажарили мясо над небольшим костром. Потом, нарубив ветвей и соорудив платформу на развилке двух больших суков, они договорились нести часовые вахты. Анана сомневалась, стоит ли ей спать во время дежурств Петотока, но Кикаха сказал, что беспокоиться не о чем. Тишкетмоак провел всю жизнь в городе. Этот дикий край казался ему открытой пастью смерти. И он был слишком напуган мыслью об одиночестве, чтобы замысливать побег или убийство своих спутников. Анана смущенно улыбнулась и призналась, что рада компании Кикахи.

Слова Ананы удивили его — причем удивили приятно.

— В общем-то ты тоже человек, — ответил он. — И возможно, с тобой еще не все потеряно.

Она рассердилась, повернулась к нему спиной и притворилась, что засыпает. А он еще долго усмехался, неся первую вахту.

В небе светил зеленый прожектор луны. Вокруг раздавалось множество звуков, но все они шли издалека — где-то в прерии трубил мамонт или мастодонт, а из глубины рощи порывивал лев. Чуть позже он услышал фыркание дикой лошади, вслед за которым донесся свист гигантской ласки. Протяжный звук заставил Кикаху похолодеть; кони встряхнули головами и тихо заржали. После людей и полуконей самым опасным зверем в прерии считалась ласка. Кикаха насторожился. Но прошел час; огромная тень так и не появилась. Лошади постепенно успокоились.

Разбудив Петотока, Кикаха рассказал ему о животном и приказал высматривать каждую тень, похожую на длинное верткое тело. Заметив испуг в глазах тишкетмоака, Кикаха

посоветовал ему стрелять во все, что покажется подозрительным. Теперь он знал, что Петоток не заснет во время своего дежурства.

Уже на рассвете, заканчивая очередное дежурство, Кикаха заметил странный отблеск на белом пятне, появившемся в небе. Сначала он подумал, что ему померещилось, но луч солнца вновь отразился от летающего объекта. Самолет находился далеко, но быстро приближался. Вскоре Кикаха разглядел длинный, похожий на иглу корпус. Когда самолет пронесся над рощей, он заметил выпуклость в верхней части корпуса, напоминавшую кабину, а в ней — силуэты четырех человек.

Потом самолет помчался в сторону прерий и исчез в бескрайних просторах.

Кикаха разбудил Анану и рассказал ей о том, что видел.

— Наверное, Звонари протащили самолет из моего дворца. Это плохо, — ответила она. — Самолет может быстро покрывать огромные расстояния. К тому же он оснащен двумя дальнобойными лазерами. Кроме того, у Звонарей есть ручные лучеметы.

— Нам придется пробираться по ночам, — задумчиво сказал Кикаха. — Однако и тогда мы будем часто оказываться на открытой местности. В прерии достаточно рощ, но на нашем пути их не так много.

— Они могли унести из моего мира несколько самолетов, — сказала Анана. — И один из них может летать по ночам. У них есть приборы ночного видения, которые определяют местоположение тел по излучаемому теплу.

С тревожным чувством путешественники выехали на открытую местность, надеясь, что судьба все-таки не сведет их со Звонарями. На следующий день, поднимаясь на гребень небольшого холма, Кикаха увидел всадников, которые скакали вдаль. Сначала он решил, что это кочевники прерий или тишкветмоаки. Но Кикаха ошибся. Латы воинов поблескивали на солнце; несмотря на жару, солдаты носили шлемы и кирасы. Он обернулся, чтобы предупредить попутчиков.

— Это скорее всего тевтоны из Дракландии, — сказал он. — Я не знаю, как они добрались сюда так быстро. Впрочем, подожди... Ну да! Очевидно, они прошли через ворота в десяти милях отсюда. Полумесяцы вделаны в вершины двух вкопанных глыб вблизи небольшого родника. Я думал завернуть туда по пути, чтобы осмотреться. Хотя в этом мало толку — ворота действуют только в одну сторону.

Тевтонов, видимо, послали на поиски Кикахи, чтобы перерезать ему путь, если он попытается уйти в горы к хровакам.

— Им потребуются миллионы людей, чтобы найти нас в Великих прериях, и даже тогда мы можем без труда улизнуть от них, — сказал Кикаха. — Но меня беспокоит самолет. И, честно говоря, кое-что еще.

Три дня прошло без происшествий, если не считать случая, когда в небольшом овраге они наткнулись на семейство «фелис атрокс». Взрослые животные вскочили на ноги и предостерегающе зарычали. Самец весил около девятисот фунтов; на его темно-желтой шкуре выделялись бледные полосы. Голову украшала короткая грива, не более дюйма длиной. Самка уступала ему в размерах и весила не больше семисот фунтов. Рядом резвились два детеныша ростом с небольших оцелотов.

Кикаха тихо велел спутникам держаться позади него, затем медленно развернул дрожавшего жеребца и не спеша, почти шагом, направился обратно. Львы кинулись следом, но, сделав несколько прыжков, остановились, свирепо рыча и сверкая глазами. Они не стали продолжать погоню. Позади них лежала наполовину обглоданная туша дикого полосатого ослы, и у них не было желания гоняться за незваными гостями.

На четвертый день они увидели торговый караван тишкветмоаков. Кикаха скакал в полумиле от него. Его не могли узнать с такого расстояния, и, пользуясь этим, он хотел собрать о караване по возможности больше сведений. Кикаха не мог объяснить Анане точной причины своего любопытства — просто ему нравилось узнавать всякие вещи, чтобы потом не оставаться в дураках, когда случалось что-то непредвиденное. Вот и все.

Анана боялась, что Петоток воспользуется случаем и убежит с караваном. Но Кикаха не расставался с луком, а их спутник не раз уже видел его мастерство в обращении с оружием.

Караван состоял из сорока огромных фургонов. Для дальних перевозок тишкветмоаки предпочитали двухъярусные десятиколесные повозки. Каждый фургон тянула упряжка из сорока мулов, более крупных, чем першероны. Рядом катили небольшие фургончики, оборудованные под спальни и столовые для охранявших караван кавалеристов. Кикаха насчитал около пятидесяти охранников. Позади тянулась вереница запасных лошадей для кавалерии и сменных мулов для повозок. Всего в караване оказалось около трехсот пятидесяти мужчин, женщин и детей.

Кикаха по-прежнему сохранял выбранную им дистанцию, изучая каждую деталь.

— Что ты об этом думаешь? — спросила его Анана.

Он усмехнулся:

— Караван пройдет в двухстах милях от гор хроваков. Он будет добираться туда чертовски долго, поэтому мой план не очень практичен. К тому же он слишком смел. И еще надо учесть, что с нами едет Петоток.

Дав немного поуговаривать себя, он рассказал ей о своем плане. Поначалу Анана решила, что он спятил. Но после недолгих размышлений признала, что риск и нестандартность идеи действительно могут привести к успеху — если только им очень повезет. Но, как Кикаха уже сказал, приходилось брать в расчет Петотока.

Несколько раз, улучив момент, когда тишкветмоак удалялся по нужде, Анана заводи́ла разговор о его убийстве. Она твердила, что их спутник опасен, что он может вонзить в их спины нож при любом удобном случае, не говоря уже о предательстве в обмен на свободу и жизнь. Кикаха соглашался с ней, но не желал совершать неоправданное убийство. Он подумывал, не оставить ли Петотока в прерии, но боялся, что его поймают преследовавшие их Звонари.

Беглецы удалились от каравана и пару дней двигались параллельным курсом на расстоянии трех-четырех миль. По ночам они отъезжали еще дальше, поскольку Кикаха не хотел, чтобы караванщики застали их врасплох. На третий день он решил оставить караван и отправиться на юг.

Под вечер, заметив в небе блестящую точку, их маленький отряд помчался к группе редких деревьев, которые могли прикрыть их густыми кронами. Привязав лошадей к кустам, они прокрались в высокой траве на вершину холма и начали следить за караваном.

Тишкветмоаки находились довольно далеко, и трое беглецов едва различали фигуры людей. Самолет опустился перед первым фургоном и завис в футе от земли. Караван остановился.

Через какое-то время у самолета собралась группа людей. Даже с такого расстояния Кикаха видел, как они яростно махали руками. Но торговцы протестовали напрасно. Когда они вернулись к фургонам, начался тщательный обыск, который длился весь день. Тишкветмоаки работали не покладая рук. Разгрузив повозки, они отошли в сторону, после чего Звонари осмотрели каждую щель.

— Хорошо, что мы отказались от моего плана, — заметил Кикаха. — Нас бы уже нашли! Я смотрю, твои Звонари — довольно доскональные парни!

Ту ночь они провели в густых зарослях кустарника. О горячем ужине и костре пришлось на время забыть.

Утром Кикаха подполз к каравану и увидел, что самолет улетел. Тишкветмоаки, вставшие, очевидно, на рассвете, уже заканчивали погрузку и сборы. Он вернулся на ночную стоянку и разбудил дремавшую Анану.

— Теперь, когда Звонари обыскали караван, они вряд ли повторят подобную проверку. Мы могли бы осуществить наш замысел. Вот только Петоток...

Тем не менее Кикаха решил повременить с путешествием на юг. Они продолжали двигаться вблизи каравана. Ему казалось, что Звонари какое-то время не будут появляться в этих местах.

На пятый день, оставив Анану и Петотока под двумя деревьями на южном склоне холма, Кикаха отправился поохотиться и через пару часов вернулся с небольшим оленем в седле. Его спутники по-прежнему находились там, где он их оставил. Однако Кикахе не понравилась поза тишкветмоака, который неуклюже растянулся на спине. Его рот был открыт, глаза неподвижно застыли. Из солнечного сплетения торчала рукоятка ножа.

— Этот лебляббий напал на меня! — заявила Анана. — Он хотел овладеть моим телом! И когда я отказалась удовлетворить его похоть, он попытался силой добиться своего!

Это верно, Петоток иногда посматривал на Анану с явным вождением, но так поступал бы любой мужчина. Однако он никогда не тянул к ней руки и не выказывал никаких намеков. Возможно, он не упустил бы своего при удобном случае, но Кикахе не верилось, что Петоток посмел силой домогаться Ананы. Он боготворил ее и всегда смущался, оставаясь с ней наедине.

С другой стороны, Кикаха не хотел предъявлять Анане обвинений в убийстве и лжи. Дело сделано, и уже ничего не поправишь. Поэтому он просто сказал:

— Вытащи нож и вытри его о траву. Мне всегда было интересно, что ты сделаешь, если я сообщу о желании обладать тобой. Теперь я это знаю.

Она удивила его своим ответом:

— Ты — не он. Да и тебе ничего не докажешь, пока не покажешь, правда?

— Нет, не правда, — жестко ответил Кикаха и с любопытством взглянул ей в лицо.

По словам Вольфа, властители не имели понятия о морали — вернее, большая часть их расы. Анана была исключительно красивой женщиной. И вряд ли она отказалась от любовных

утех. Тем не менее тысячелетия могли покрыть ее чувства толстой коркой льда. Он знал, что наука властителей преодолела фригидность. Но могла ли такая привлекательная женщина сохранить свою страстную натуру через сотню веков?

С другой стороны, Вольф говорил, что, несмотря на опыт и меры предосторожности, каждый властитель жил одним днем. Подобно людям, они плыли в потоке событий и времени. Их память тоже являлась глубоким омутом, в котором воспоминания лишь изредка всплывали на поверхность. И хотя тоска и скука одолевали их значительно чаще, чем так называемых смертных, они не страдали от пресыщенности чувств. Самоубийства среди них случались намного реже, чем в сопоставимой группе людей. Но это могло объясняться и тем, что склонные к самоубийству властители покончили с собой несколькими тысячелетиями ранее.

Какими бы ни были чувства Ананы, она не раскрывала их Кикахе. И если ее, как и Кикаху в данный момент, терзала сексуальная неудовлетворенность, она стойко переносила страдания. Возможно, Анана считала просто невозможным делить ложе с низкородным и отвратительным для нее существом. Однако он не раз слышал истории о сексуальном интересе, который властители проявляли к своим наиболее привлекательным подданным. Вольф и сам говорил, что, будучи Ядавином, он предавался безудержному разврату среди самых прекрасных женщин этого мира. Пользуясь безраздельной властью, он получал все, что хотел.

Кикаха пожал плечами и тяжело вздохнул. К счастью, ему следовало подумать о более значительных делах. В конце концов жизнь и смерть были важнее.

ГЛАВА 9

В течение двух следующих дней путешественники скакали вдали от каравана, так как охотничьи отряды тишкветмоаков заготавливали продовольствие и охотились на бизонов, оленей и антилоп. Скрываясь от них, двое беглецов едва не столкнулись с небольшим отрядом сатвикилапов.

Эти америндейцы, разрисованные с головы до ног черными полосами, имели довольно внушительный вид — свитые в косы, длинные черные волосы были сложены в кольца, образуя на макушках маленькие башенки; из носовых перегородок торчали кости; на шеях висели ожерелья из львиных зубов; а боевой наряд дополняли панталоны из львиной кожи и оленьи мокасины. Они проскакали в ста ярдах от Ананы и Кикахи. К счастью, сатвикилапы преследовали стадо

бизонов и в пылу охоты не заметили укрывшихся в овраге всадников.

В общем-то тишкветмоаки преследовали тех же бизонов, но находились с другой стороны стада. Их отделяла от индейцев огромная, в милю шириной, колонна животных.

И тогда Кикаха принял окончательное решение. Он сказал, что этой ночью они сделают то, о чем договаривались раньше. После некоторых колебаний Анана согласилась попробовать. На самом деле она согласилась бы на все, лишь бы укрыться от Звонарей.

С наступлением сумерек они приблизились к лагерю тишкветмоаков и стали ждать своего часа. Поужинав жареным мясом, а затем напившись джина и водки, караванщики разошлись спать. По обеим сторонам растянутой цепочки фургонов, на довольно значительном расстоянии друг от друга, стояли трезвые караульные. Но поскольку караван находился на Большом торговом пути и их охраняли резные столбы с деревянными ликами бога торговли, постовые, конечно же, не ожидали нападения со стороны людей или полуконей. Их выставляли для того, чтобы в лагерь не забрело какое-нибудь животное. Случалось, что гигантская ласка или лев нападали на лошадей и даже тишкветмоаков, но такое происходило редко, поэтому караульные в основном дремали на своих постах.

Сняв с лошадей всю упряжь, Кикаха шлепнул их по крупу, и они убежали в степь. Он знал, что этим домашним животным скорее всего не выжить в дикой прерии. Но жалость — плохой советчик, и у каждого своя судьба. По правде говоря, их шансы на жизнь ничем не отличались от его собственных.

Кикаха и Анана привязали к спинам бутылки с водой и съестные припасы, а затем, зажав в зубах ножи, прокрались в испятнанной лунным светом темноте к заснувшему каравану и незаметно проскользнули мимо двух караульных, которых отделяло друг от друга не меньше сорока ярдов. Кикаха выбрал двенадцатый по счету десятиколесный фургон, и они направились к нему, обходя небольшие повозки, в которых похрапывали мужчины, женщины и дети. К счастью, собак здесь не было, и, кстати сказать, по довольно веской причине. Гепардовые пумы и ласки считали их особым деликатесом, поэтому тишкветмоаки отказывались брать в прерию своих любимых животных.

Им с трудом удалось пробраться через плотно упакованный груз на нижней платформе фургона. Отодвинув несколько деревянных сундуков и распахав по сторонам рулоны тканей и ковров, они, как могли, замаскировали нору,

в которой собирались провести дневные часы. С невероятными усилиями Кикаха затолкал вытасщенные товары туда, куда они могли войти. Он надеялся, что никто не заметит перестановки предметов.

У беглецов имелись две пустые бутылки для естественных нужд; ворох одеял заменял им ложе, которое они считали вполне удобным, пока фургон не тронулся в путь. Рессоры у повозки отсутствовали; и хотя пешему путнику прерия казалась достаточно ровной, тряска превращала фургон в чрезвычайно неудобную обитель.

Скрываясь в тайнике на корабле, Анана жаловалась, что замкнутое пространство действует на нее угнетающе. Теперь же, по ее словам, она чувствовала себя замурованной под гигантским обвалом. И хотя полуденная температура редко превышала семьдесят пять градусов по Фаренгейту*, Кикаха и Анана задыхались в душной тесноте. Отыскав несколько отверстий, они прижимались к ним лицами, пытаясь освежить легкие небольшой дозой свежего воздуха.

Кикаха расширил отверстия. Ему не хотелось делать большие щели — их могли заметить караванщики. Но он успокаивал себя тем, что в пути на нижнюю платформу обычно никто не заглядывал.

В первый день беглецы почти не спали. Ночью, дождавшись часа, когда лагерь погрузился в сон, они выползли наружу и прокрались мимо часовых в открытую степь. Отыскав источник, Кикаха и Анана выкупались, наполнили водой бутылки и удовлетворили свои естественные нужды, потому что в фургоне это было невозможно сделать — вернее, можно, но с большими неудобствами. Они поупражнялись, разминая мышцы, которые затекли от тесноты, тряски и непрерывных рывков.

Кикаха с усмешкой подумал о том, что он никогда еще не совершал таких дерзких поступков. А разве это не наглость? Они скрывались буквально под носом, а точнее, под задом тишкетмоаков. Будь Кикаха один, он чувствовал бы себя более удобно и непринужденно. В общем-то Анана почти не жаловалась, но ее невольные вскрики, несдержанные стоны и ругательства раздражали его все больше и больше. Там, в тесном пространстве их берлоги, они часто натыкались друг на друга. И каждый раз Анана реагировала слишком уж бурно. Она велела ему оставаться на другой половине «катафалка», просила не трястись над ней и изводила насмешками.

* Около 24°C.

Кикаха начал всерьез подумывать о том, чтобы предложить ей скрываться от Звонарей порознь. Если она откажется, он может оглушить ее, оттащить подальше в прерию и оставить там. Временами ему даже представлялось, как он перерезает ей горло или привязывает Анану к дереву, чтобы львы и волки могли без помех терзать ее тело.

И какой черт дернул его начать эту любовную интрижку?

И тут Кикаха поймал себя на слове. Да, он сам сейчас подумал о любви. Но как он мог влюбиться в такую злобную, надменную и кровожадную сучку?

Тем не менее Кикаха влюбился. Несмотря на отвращение, презрение и ненависть, он начинал любить Анану.

Ему доводилось влюбляться много раз — и в этом, и в предыдущем мире... но никогда еще обстоятельства не складывались таким странным и трагическим образом.

Спору нет, если не считать Подарги, походившей лицом на Анану, и действительно чудесной, почти неземной Хрисеиды, его спутница была самой прекрасной женщиной из всех, кого он когда-либо видел.

Но Кикаха не придавал этому большого значения. Конечно, он ценил в женщинах красоту и формы, но любил в основном тех, кто обладал приятным характером, сообразительностью и юмором. Он терпеть не мог тупых и надменных красавиц. Встретив умеренно привлекательную и, возможно, даже некрасивую женщину, он мог бы влюбиться в нее, если бы нашел какие-то родственные интересы.

Но Анану он считал высокомерной и безжалостной.

Тогда откуда в нем это чувство любви, которое бок о бок уживалось с неприязнью?

«А кто его знает, — подумал Кикаха. — Чужая душа — потемки, а своя собственная — дремучий лес. И я этому даже рад. Мне бы не хотелось знать все о себе заранее».

К сожалению, его любовь была, по-видимому, безответной. Конечно, Анана могла проявлять к нему какой-то сексуальный интерес, но это скоротечное чувство будет нести в себе амбиции и презрение. А она никогда не полюбит лебляб-бия. И вряд ли она вообще способна любить. Властители считали себя выше подобных чувств. Во всяком случае, так говорил ему Вольф.

Второй день прошел гораздо быстрее первого; обоим удалось поспать. Ночью, во время прогулки к ручью, они столкнулись с львиным прайдом, явившимся на водопой почти одновременно с ними. Людям пришлось забраться на дерево. Время близилось к рассвету, а львы не выказывали желания уходить. В конце концов Кикаха начал отчаиваться. Солнце

вот-вот могло появиться из-за монолита, и тогда им уже не удастся проскользнуть в фургон. Он сказал Анане, что они должны спуститься вниз и криками отпугнуть больших кошек.

Как обычно, у Кикахи имелся собственный своеобразный план. Он подозревал, что у Ананы есть какое-то припрятанное или вживленное в тело оружие. И Кикаха надеялся, что она теперь воспользуется им. Но оружия у нее не оказалось, или она просто не посчитала ситуацию столь безнадёжной, чтобы раскрывать свои неучтенные резервы. Анана сказала, что, если ему так хочется, он может отпугивать чудовищ сам; она же намеревалась оставаться на дереве до тех пор, пока животные не уйдут по доброй воле.

— При обычных обстоятельствах я бы согласился с тобой; — сказал Кикаха. — Но нам надо вернуться в фургон буквально через полчаса.

— Я не собираюсь туда возвращаться, — ответила Анана. — Кроме того, ты не успеешь добыть еды. А я не хочу голодать целый день в этом гробу.

— У нас есть сушеное мясо и фрукты, — напомнил он.

— Я и так не ела весь день, — ответила она.

Кикаха полез вниз. Большинство львов даже не обратили на него внимания. Но один самец прыгнул на ствол, и его лапа с длинными когтями промелькнула в шести дюймах от ноги человека. Кикахе пришлось подняться повыше.

— Наверное, они не в том настроении, чтобы пугаться, — сказал он. — Бывают такие дни, когда их ничем не проймешь, — вот, например, как сегодня...

Забравшись на вершину дерева, он разглядел фургоны, белевшие невдалеке в лунном свете. Потом луна ушла за монолит, и на востоке появилось солнце. Караван пробуждался — дымились походные костры, люди торопливо готовили завтрак и собирались в долгий путь. Кикаха с беспокойством следил за группой солдат, которые седлали коней. Воинов украшали алые стеганные панцири, зеленые юбки, желтые гамашки и деревянные каски с длинными разноцветными перьями. Кавалеристы растянулись в цепь и образовали полумесяц, внутри которого шагали мужчины и женщины, несшие горшки, котелки, кувшины и прочую посуду. Они направлялись к ручью.

Кикаха застонал. Ему не раз случалось попадать в силки собственной хитрости. Но эта ситуация могла закончиться очень печально. Поэтому он ни секунды не сомневался в выборе дальнейших действий — лучше столкнуться лицом к лицу со львами, чем попасть в плен к тишкветмоакам. Возможно, ему удалось бы уговорить их не выдавать его тевтонам.

Но шанс был так мал, что он просто не мог рисковать, полагаясь на их великодушие.

— Анана, я ухожу на север, — сказал Кикаха, — и ухожу немедленно. Ты пойдешь со мной?

Она взглянула вниз на большого самца, который кружил у подножия дерева и следил за людьми, сверкая злыми зелеными глазами. Открыв пасть, он ощерил четыре изогнутых клыка — два сверху и два снизу, — которые напоминали длинные и острые ножи.

— Ты, наверное, сошел с ума, — сказала она.

— Если хочешь, можешь оставаться здесь — до тех пор, пока тебя отсюда не снимут!

Перебравшись на другую сторону дерева, он начал спускаться. Огромная львица вскочила на ноги и встревоженно зарычала. Вслед за ней поднялись и другие львы. Ветер донес до них запах приближавшихся людей.

С минуту львы метались по берегу, не зная, что делать. Самец, стоявший под деревом, рывкнул и бросился в заросли; остальные последовали за ним. Спрыгнув с нижней ветви, Кикаха побежал в том же направлении. Он не оглядывался, но надеялся, что у Ананы хватит ума поспешить за ним следом. Если солдаты ее поймают или хотя бы заметят, они обшарят все вокруг в поисках других беглецов.

Он услышал шелест травы за спиной, и Анана догнала его. Оглянувшись, Кикаха увидел мелькнувшую среди ветвей голову солдата и, схватив Анану, увлек ее в заросли высокой травы.

Но их успели заметить. Послышался крик. В общем-то этого следовало ожидать, и теперь...

Кикаха поднял голову и осмотрелся. Первый всадник выехал на открытое место, приподнялся в стременах и замахал рукой, указывая в ту сторону, где прятались беглецы. К нему торопливо приближались остальные. Взяв копьё наперевес, кавалерист поскакал вдогонку за чужаками.

Кикаха уныло осмотрел местность — равнина, высокая трава да несколько деревьев. Вдали виднелась серая многогорбая масса — стадо мамонтов или мастодонтов. Где-то в траве затаились львы.

Большие кошки могли стать его козырной картой. Вспугнув их, он мог не только спастись от плена, но и заставить бежать своих преследователей.

— За мной! — воскликнул Кикаха и помчался вперед.

Он бежал изо всех сил. Позади него кричали солдаты и слышался приближавшийся стук копыт.

Но львы подвели его. Они разбежались в стороны, прыгая, как кузнечики. Животные не поддались панике и не пожелали ввязываться в схватку. Они не дали ему возможности убежать. План не удался — лошади и всадники не попадали под натиском львов, разъяренных внезапной атакой.

Проскакав мимо беглецов, кавалеристы развернули коней; их копыта образовали полукруг. Солдаты, оставшиеся за спиной, сделали то же самое. Кикаха и Анана оказались зажатыми в кольцо. Куда бы они ни побежали, их везде поджидала острая сталь.

— Вот что значит быть слишком хитрым, — сказал Кикаха.

Анана даже не улыбнулась. Да и ему не очень-то хотелось смеяться.

Кикаха приуныл еще больше, когда их, связанных и беспомощных, отвели назад к каравану. Предводитель Клишкват уведомил пленников, что награда за них утроена. И хотя он слышал о Кикахе и, конечно же, восхищался им и уважал как любимца властителя, правила теперь диктовали розоволицые люди. А ведь это в корне меняет дело, не так ли?

Кикаха признал, что Клишкват прав, и спросил, жив ли до сих пор император. Предводителя удивил такой вопрос. Да, миклосимл жив и здоров. Это он предложил награду за беглецов. И лишь благодаря его стараниям империя тишкветмоаков заключила союз с розоволицыми волшебниками, которые прилетали к ним три дня назад в бесколесном фургоне. И так далее, и тому подобное.

Кикаха хотел поговорить с караванщиками и объяснить им истинную ситуацию в Таланаке. Он надеялся уговорить их отпустить его, но из этого ничего не вышло. Имперская сеть сигнальных барабанов и почтовых пони уже ознакомила приграничные города с положением дел в великой столице. Большую часть этих сообщений составляла ложь и подтасованные факты, но Клишкват верил им, а не словам Кикахи. И тот не винил его за это.

Двух пленников хорошо накормили; женщины вымыли их, намазали маслом, причесали и одели в богатые одежды. В это же время между владельцами фургонов и солдатами завязался отчаянный спор. Предводитель считал, что кавалеристы, поймавшие беглецов, должны разделить награду с ним. Его помощники тоже надеялись получить какие-то деньги. Затем появились представители остальной части караванщиков. Они потребовали, чтобы награду разделили поровну на всех и каждого.

Начальники и солдаты принялись кричать на вновь прибывших. Назревала стычка. Наконец предводитель успокоил

своих подчиненных и сказал, что видит только один выход из создавшегося положения: их спор должен решить сам император. По сути, это означало разбирательство в верховном суде Таланака.

Солдаты запротестовали. Эта история могла затянуться на годы. А судебные издержки сожрали бы большую часть полученных денег.

Напугав людей верховным судом, Клишкват предложил компромисс, который, как он надеялся, устроил бы многих, если не всех. По его мнению, одну треть награды следовало отдать солдатам; вторую — руководству каравана, то есть предводителю и его помощникам; оставшуюся треть — поровну распределить среди остальных караванщиков.

Спор не затихал ни за обедом, ни за ужином. Все это время караван не трогался с места.

Когда же все стороны наконец пришли к полюбовному согласию, возникли новые вопросы. Надо ли каравану двигаться дальше в надежде, что магическая небесная лодка прилетит к ним еще раз, как пообещали розоволицы люди? В этом случае они могли бы передать пленников прямо в руки великих волшебников. Или лучше отправить их в Таланак в сопровождении солдат, а самим продолжать путь?

Некоторые закричали, что волшебники могут не вернуться. Но если они даже вернутся, в их лодке не хватит места для беглецов.

Другие говорили, что солдатам нельзя доверять доставку пленников в столицу. Они могут забрать всю награду себе. К тому времени, когда караван вернется в город, конвоиры истратят полученные деньги и обращаться в суд будет уже бесполезно.

И так далее, и тому подобное.

Кикаха спросил одну из женщин, как розоволицы разговаривали с предводителем каравана.

— Мы видели четырех розоволицых, и каждый из них имел в магической машине свой трон, — ответила она. — Их слова переводил жрец. Он сидел в ногах того, кто находился спереди и справа. Розоволицы говорили на вишпавамле. Я узнала священный язык, на котором читают молитвы. Сами-то мы его не понимаем, поэтому жрец сначала выслушивал приказы волшебников, а затем переводил их нашему предводителю.

Поздно ночью, когда луна забралась на середину небесного моста, спор разгорелся с новой силой. Кикаху и Анану увели на ночлег. Они спали на постелях из мехов и одеял, которые им приготовили на верхней платформе фургона.

Утром они проснулись от того, что караван тронулся в путь. Тишкветмоаки решили взять пленников с собой в надежде, что магическая лодка вернется, как и обещали розоволицые.

В течение дня Кикахе и Анане разрешали идти пешком в колонне каравана. Шестеро солдат стерегли их днем, и шестеро других стояли по ночам на страже у фургона.

ГЛАВА 10

На третью ночь события начали развиваться именно так, как предполагал Кикаха. Шестерым охранникам не захотелось делить награду со всем караваном. Они провели большую часть ночи, перешептываясь друг с другом, и Кикахе, которого разбудили, чтобы проверить, хорошо ли он связан, удалось подслушать все, о чем они говорили.

Он велел Анане не оказывать никакого сопротивления, если в ближайшее время ее разбудят караульные. Через полчаса пленников грубо растолкали и посоветовали им помалкивать, пообещав в противном случае перерезать глотки. После чего провели их мимо двух оглушенных воинов.

В небольшой роще их ждали оседланные кони. Похитители заранее запаслись всем, что могло понадобиться в долгом путешествии, включая еду и запасных лошадей. Отряд крадучись отъехал на несколько миль, а затем перешел на легкий галоп. Они скакали всю ночь и первую половину следующего дня, не слезая с коней, пока не убедились, что ушли от погони. Оставив торговый путь в стороне, солдаты отклонились далеко на север, и вряд ли преследователи могли бы найти их след.

Второй день они снова провели в седле, двигаясь параллельно торговому пути. А потом тишкветмоаки решили вернуться на безопасную тропу. Долгое пребывание за ее пределами заставляло их нервничать.

Кикаха и Анана скакали в центре отряда. Руки им связали с таким расчетом, чтобы они могли держать поводья. В полдень солдаты устроили привал. Но едва они успели доесть жареного кролика и приступить к овощному рагу, как с ближайшего холма раздался крик дозорного. Он галопом поскакал к ним и, приблизившись, повторил:

— Полукони!

Воду из горшков тут же вылили в костер, а мокрую золу закидали пылью. В панике солдаты забыли собрать свою утварь. Двоих пленников посадили в седла, и отряд помчался к торговому пути, который находился в нескольких милях к югу.

Вот тут-то они и увидели стадо бизонов, похожее на волну, катившую по прерии. Огромное стадо растянулось в бесконечную колонну, ширина которой достигала нескольких миль. Ее правый фланг находился в трех милях от всадников, и земля дрожала от топота четверти миллиона копыт.

По какой-то причине, известной только бизонам, животные бежали. Они неслись на запад — причем так быстро, что могли отсечь отряд тишкветмоаков от торгового пути. Тем не менее у солдат оставались шансы на успех. И чтобы оценить их по достоинству, им следовало приблизиться к стаду.

Полукони заметили людей и перешли на быстрый галоп. Их было около тридцати — вождь в оперенном головном уборе, закаленные воины, чьи волосы украшали разноцветные перья, и три-четыре новичка, еще не побывавших в бою.

Кикаха тяжело вздохнул; ему показалось, что по иронии судьбы они наткнулись на отряд шойшателей. Однако кентавры находились еще слишком далеко, и он пока не различал их боевой раскраски. Но осанка вождя напоминала ему того полуконя, который выкрикивал угрозы у ворот тишкветмоакской заставы.

Кикаха засмеялся и покачал головой. Теперь уже не имело значения, из какого они племени. Полукони считали его своим заклятым врагом, и, оказавшись он в их власти, они поиздевались бы над ним с исключительной жестокостью.

Он обернулся к Таквоку, вожаку солдат, и крикнул:

— Разрежь веревки на наших запястьях! Они нам мешают! Мы не убежим от вас, можешь не беспокоиться!

Таквок направил было к нему коня, но вдруг изменил свое решение. Он не захотел приближаться к Кикахе на такой скорости. По-видимому, он испугался, что их кони столкнутся друг с другом или что коварный пленник выбьет его из седла. Тишкветмоак покачал головой и помчался дальше.

Кикаха выругался и, припав к шее жеребца, попытался выжать из него все, на что тот был способен. Но великолепный конь не реагировал на его понукания — он и без того бежал на пределе своих сил.

Жеребец летел как на крыльях и все же почти на полкорпуса отставал от коня, на котором скакала Анана. Скорее всего животные обладали равными силами, однако Анана меньше весила. Тишкветмоаки немного отстали и растянулись в неровный полукруг, в центре которого находились Анана и Кикаха. По обе стороны от них мчалось по трое солдат. Полукони только что перевалили на другую сторону холма. При виде огромного стада они замедлили бег, но уже

через миг, свирепо замахав оружием, поскакали по склону за добычей и славой.

Стадо с топотом неслось на запад. Солдаты и пленники под углом в сорок пять градусов приближались к его правому флангу. Поднимаясь на холм, полукони отклонились немного в сторону и подгадали направление погони. Кроме того, огромная скорость позволяла им все больше сокращать расстояние между собой и намеченными жертвами.

Оценив угол, образованный флангом и передними рядами огромной колонны бизонов — почти квадратный строй, — Кикаха понял, что их отряд может проскочить перед стадом. С этой минуты скорость и удача означали спасение, а любое промедление грозило смертью под копытами бежавших животных. Двигаясь наперерез, всадники попали бы под натиск левого фланга; поэтому им следовало скакать наискось — вперед и под углом.

Вскоре им предстояло выяснить: способны ли кони выдержать такой рывок и не оступится ли кто-нибудь из них на ходу.

Анана оглянулась — Кикаха что-то прокричал, подбадривая ее. Его крик потонул в грохоте копыт, сотрясавших землю. Низкий вибрирующий гул напоминал вулкан, вот-вот готовый выплеснуть на земную твердь потоки раскаленной лавы.

Рев, запах животных и облако пыли ошеломили Кикаху. Вместе с испугом пришло возбуждение. Страх не в первый раз помогал ему выйти из оцепенения, приводя в состояние, похожее на экстаз. События вдруг стали крупномасштабными, погоня — прекрасной, и призом в этих скачках могло стать как неожиданное спасение, так и быстрая смерть. Кикаха почувствовал себя чуть ли не богом. В подобные моменты, когда смерть так близка и возможна, он буквально ощущал свое бессмертие.

Это чувство быстро проходило, но, пока оно длилось, Кикаха знал, что переживает мистическое состояние.

Со стороны могло показаться, что он решил столкнуться с ближним углом стада, образованным флангом и передними рядами животных. Перед ним вздымались косматые коричневые бока гигантских бизонов. Он видел горбы, сновавшие вверх и вниз, словно бурые дельфины в волнах. Мелькали темные коричневые лбы, массивные опущенные головы, мокрые черные носы, красные глаза, черные глаза, белые глаза с красными прожилками; а ноги двигались так быстро, что сливались в какую-то круговерть. Пена падала из открытых слюнявых и зубастых пастей на лохматые груди и ноги. Уши

наполнял неопиcуемый грохот, будто сама земля, не выдержав тяжести огромных тел, начинала раздвигаться в стороны. На миг Кикахе показалось, что еще секунда — и равнина треснет под копытами, а из открывшейся бездны повалит огонь и дым.

В ноздри бил терпкий запах бизонов — тех самых, которые вымерли на Земле десять тысяч лет назад. Ничто не сравнилось бы с видом этих гигантских зверей: бока, потные от панического, разрывавшего сердце бега; рога, выступавшие в стороны и вперед на добрых десять футов. Жижа из-под хвостов пачкала бежавших следом. В общий смрад влеталось зловонье пены, летеvшей из пастей, и крови из легких — хотя здесь Кикаху, возможно, немного подводило воображение.

Сюда же примешивался запах коня, вспотевшего от страха и безумного бега.

— Хай-ий-яя! — закричал Кикаха, обернувшись к полуконям.

Как ему хотелось сейчас освободиться от пут, чтобы угрозить кентаврам поднятым оружием. Клич потонул в грохоте бежавшего стада. Но Кикаха надеялся, что полукони увидели его открытый рот и усмешку. Он надеялся, что они поймут, как он презирает смерть и своих врагов.

К тому времени кентавры находились в ста пятидесяти ярдах от беглецов. Они прилагали невероятные усилия, стараясь догнать людей. Их темные, широкие и скуластые лица исказились от напряжения.

Слава победы ускользала у них из рук, и они знали это. Полукони понимали, что, когда отряд людей пройдет под углом перед правым краем стада, они по-прежнему будут отставать ярдов на пятьдесят. И когда их воины доберутся до передних рядов, добыча вырвется далеко вперед. А потом бизоны будут постепенно настигать кентавров, и лучшие из них, так и не добравшись до другой стороны стада, падут под ударами опущенных лбов, изогнутых рогов и мощных острых копыт.

Несмотря на это, полукони продолжали погоню. Впереди всех мчался необстрелянный юнец, чья тесьма на голове еще не познала ни пера, ни скальпа. Молодой кентавр скакал с невероятной скоростью. Кикаха даже выпучил глаза. Никогда прежде ему не доводилось видеть такого резвого полуконя — а уж он-то перевидал многих. С каждой секундой юнец приближался на несколько ярдов. Лицо его побагровело и искажилось от усилий. Казалось, еще немного, и лицевые мышцы порвутся, как перетянутые струны.

Полуконь взмахнул рукой — и в воздух взвилось копьё, описывая длинную пологую дугу. В самый последний момент Кикаха вдруг понял, что может случиться почти невероятное.

Копьё летело в сторону его жеребца. Снижаясь по кривой, оно пролетело над тишкветмоакскими всадниками. Кикаха дернул поводья, направляя коня влево, но тот лишь мотнул головой и немного замедлил бег. Почувствовав легкий толчок, Кикаха понял, что копьё вонзилось в животное.

Жеребец начал падать. Его передние ноги подогнулись, задние оттолкнулись от земли, и круп взлетел в воздух. Шея просела под седоком, и Кикаха вылетел из седла.

Он не знал, как это у него получилось. Что-то сработало в нем, как срабатывало и прежде. Кикаха не упал и не покатился по земле — он приземлился на ноги и побежал к черно-коричневой стене стада. Позади раздался стук копыт. Он прозвучал так близко, что Кикаха услышал его даже сквозь рев и топот огромного стада. А потом звуки завертелись вокруг, сила инерции выбила землю из-под ног. Кикаха упал на траву и заскользил на животе.

Над ним пронеслась тень — силуэт всадницы и коня. Рядом проскакали остальные шестеро. Кикаха увидел, как Анана оглянулась через плечо, но в следующий миг ее и тишкветмоаков скрыла накатившая волна бизоньего стада.

Они ничем не могли ему помочь. Секундное промедление означало смерть под копытами бизонов или от копий полуконей. И если бы на его месте оказалась Анана, он сделал бы то же самое. У каждого своя судьба, так что же пенять на других...

Наверное, полукони вопили в тот миг от восторга. Жеребец Кикахи был мертв. Копьё воткнулось в его круп, и животное при падении сломало шею. Перед кентаврами, беспомощный и безоружный, стоял их величайший враг — Ловкач, так часто ускользавший у них прямо из-под носа. Но теперь ему никуда не деться — если только он не бросится под копыта гигантов, скакавших в десяти шагах от него.

Как видно, эта мысль и пришла преследователям в головы, потому что они стремглав понеслись к нему, а необстрелянный юнец попытался отрезать Кикаху от стада. Побросав копьё, томагавки, дубины и ножи, кентавры мчались к своему врагу с голыми руками. Они хотели взять его живым.

Кикаха не размышлял ни секунды. Он быстро вскочил на ноги и побежал к стаду. Перед ним замелькали косматые бока. Животные, достигавшие шести футов в холке, бежали с такой быстротой, словно за ними гналось само время, угрожая уничтожить, как сделало это с бизонами на Земле.

Взглянув на подбегавшего юнца, Кикаха издал свирепый вопль и, вытянув перед собой руки, отчаянно прыгнул вперед. Его колено ударилось о массивное плечо, и он вцепился в косматую шкуру. Быстро подтянувшись вверх и изогнувшись всем телом, Кикаха оседлал огромного самца и прижался животом к его спине.

Между двумя бизонами зияла темная щель. Кикаха приподнялся, чтобы снова прыгнуть, но, почувствовав тошноту, тут же опустился вниз и уткнулся лицом в подскакивавший круп. Он медленно, но верно соскальзывал вниз.

Тогда он ухватился за торчавшие космы на правом боку и одним рывком развернулся так, что мог теперь упираться ногами в заднюю часть бизоньей спины, цепляясь за горб.

Кикаха и сам почти не надеялся на спасение; что же касается молодого полуконя, считавшего Ловкача своим пленником, так тот вообще не верил своим глазам. Он скакал рядом с бизоном, на котором сидел Кикаха, и, открыв рот, изумленно смотрел на человека. Кентавр даже протянул к нему руки, будто надеялся, что Ловкач через миг свалится в его объятия.

Кикаха держался из последних сил. Он знал, что вскоре полуконь оправится от потрясения. И, вытащив из-за пояса нож или томагавк, сделает смертельный бросок. На таком расстоянии промахнуться почти невозможно. И наверняка запас оружия у кентавра на этом не закончится.

Кикаха подтянул ноги к животу, присел на корточки и сблизил стопы, по-прежнему цепляясь за шерсть. Едва сохраняя равновесие, он медленно повернулся боком, прыгнул и упал на спину соседнего бизона, который бежал рядом.

Что-то темное пролетело, вращаясь, над его правым плечом. Томагавк угодил в горб соседнего животного и, отскочив, исчез в гуще стада.

Кикаха поспешно подобрался к горбу бизона, снова подобрал под себя ноги и прыгнул. Но, поскользнувшись, потерял равновесие и сорвался в щель между двумя животными, в последний момент ухватившись за шерсть. Он беспомощно висел на боку бизона, и, когда животное приседало в бешеной скачке, ноги Кикахи касались травы. Соскользнув немного вниз, он оттолкнулся от земли и вцепился в шерсть на спине огромного самца. Подгадав момент, Кикаха забросил ногу на круп, подтянулся и устроился верхом позади высокого горба.

Молодой полуконь продолжал погоню. Остальные немного отстали. Скорее всего они подумали, что Кикаха сорвался и погиб под копытами бизонов. Увидев его восставшим из

мертвых, они испытали настоящее потрясение. Верткий и хитрый неуловимый враг смеялся над ними прямо из пасти смерти.

Юнец, увидев Кикаху, буквально ошалел. Оттолкнувшись всеми четырьмя копытами, он подпрыгнул и оказался на спине крайнего бизона. Полуконь тут же прыгнул снова и, как горный козел, скачущий по съезжающим глыбам, оседлал горб следующего животного.

Теперь удивляться пришлось Кикахе. Полуконь замахнулся ножом, его лицо исказила усмешка. Он словно хотел сказать: «Ты умрешь, Кикаха! Ты умрешь прямо сейчас! А меня будут воспевать в каждом жилище, в каждом вигваме всех народов прерий и гор! Отныне я буду самым великим воином среди людей и полуконей!»

Что-то такое явно носилось в его огромной голове. И он действительно мог стать самым известным среди всех обитателей прерии. В случае успеха он на всю жизнь прославился бы как убийца Кикахи-Ловкача.

Тот-кто-проскакал-по-бешеным-бизонам-и-перерезал-горло-Кикахе.

Но при третьем прыжке его копыто соскользнуло со спины бизона. Он перекатился через горб и упал между двумя животными. Его задние ноги взлетели вверх, круп задрался. Это был конец, хотя Кикахе не удалось разглядеть, что с ним сделали копыта бизонов.

Тем не менее попытка героя почти удалась. И хотя он был всего лишь полуконем, Кикаха воздал должное его храбрости. А потом ему пришлось подумать о собственной участи.

ГЛАВА 11

Поравнявшись с Кикахой, кентавры начали осыпать его стрелами.

Заранее предугадав их маневр, он соскользнул на бок бизона и, намотав на руки шерсть, повис, зацепившись ногой за спину. Такое положение оказалось очень ненадежным. Шерсть выскальзывала из рук, а соседнее животное бежало так близко, что грозило раздавить его своей массой.

Над головой проносились стрелы. Что-то чиркнуло по ноге и взлетело в воздух. Томагавк, отскочив от головы бизона, едва не задел лицо Кикахи. Внезапно животное захрапело, и Кикаха догадался, что легкие зверя пробила стрела. Огромный самец немного пригнулся, пару раз споткнулся, но все-таки выравнивал бег.

Кикаха дотянулся до соседнего бизона и, ухватившись за него, намотал на руку его длинные пряди. Отпустив раненое животное и сбросив ногу с его спины, он снова повис на руках. И вновь, как цирковой наездник, оттолкнулся обеими ногами от земли, подпрыгнул и закинул левую ногу на спину бизона.

Позади с ревом рухнул раненый самец. Скользнув по траве, он замер на боку — из его тела торчали две стрелы. Двое животных успели перепрыгнуть через него, но третье споткнулось, и тут же образовалась куча мала. По меньшей мере десять огромных бизонов сучили ногами, брыкались, бодались и умирали, когда в них врезались все новые и новые животные.

А потом что-то случилось в голове колонны. Кикаха почти ничего не видел, поскольку висел на боку бизона и изо всех сил старался удержаться на двух прядках шерсти. Ему были видны лишь хвост, круп и ноги. Внезапно животные замедлили бег и повернули налево.

Бизон справа от Кикахи яростно взревел, словно получил смертельную рану. Впрочем, так оно и было. К счастью, его повело в другую сторону, иначе он просто раздавил бы человека. Животное рухнуло наземь; из огромной дыры в спине хлынула кровь.

И тут Кикаху озадачили сразу два обстоятельства: за какие-то три-четыре минуты громopodobные звуки панического бегства ослабили настолько, что он услышал мычание отдельных животных, когда те падали в траву, получив жестокие ранения; а во-вторых, его ноздри заполнил запах паленых шкур и горелой плоти.

Ближайшее животное рухнуло на всем скаку, и бизон, за которого цеплялся Кикаха, остался один. Он мчался вперед, минуя тела убитых и тяжело раненных сородичей. Перепрыгивая через самку с полуотсеченной головой, он едва не упал, и резкий толчок ослабил хватку цепких рук. Кикаха свалился в траву, перекувырнулся и вскочил на ноги, готовый встретиться с тем, чего еще не понимал.

Мир покачивался перед ним, как штормящее море. Кикаха задыхался, дрожал и обливался потом. Тело его покрывали бизоний навоз, засохшая пена и пыль. Постепенно Кикаха пришел в себя. Готовый прыгнуть в любую сторону, он медленно осмотрелся.

Повсюду лежали мертвые бизоны. Время от времени взгляд наткался на трупы полуконей. Уцелевшая часть стада свернула влево. Поток из миллионов тонн плоти удалялся все

дальше и дальше. Шум копыт превратился в почти неразличимый гул.

Внезапно громкий треск заставил Кикаху подпрыгнуть. Звук напоминал кораблекрушение тысячи больших галер, брошенных на острые рифы. А потом он увидел гибель множества животных. Целый ряд протяженностью в милю и более того скосило за каких-то шесть-семь секунд. Набегавшие животные натыкались на павших, в них тут же врезались все новые бизоны, копыта стучали по копытам.

Стадо остановилось. Уцелевшие животные тупо стояли, тяжело дыша. В огромной куче тел жалобно мычали задавленные трупами и раненые бизоны. Их пронзительные стенания еще больше подчеркивали гнетущую тишину, которая нависла над местом кровавой бойни.

А потом Кикаха увидел тех, кто остановил гигантское стадо. Слева, в четверти мили от него и в двадцати футах над землей, завис самолет. Он походил на иглу и не имел крыльев. Белый металл корпуса украшали черные пятна и причудливые узоры. В верхней передней части находился прозрачный купол. Внутри виднелось пять силуэтов.

Самолет гнался за тишкетмоаком, который пытался ускользнуть на лошади. Однако слово «гнался» не передает того, что происходило на самом деле. Аппарат двигался быстро, но как будто лениво и без усилий. В один миг он оказался позади беглеца. Из цилиндра спереди кабины вырвался ярко-белый луч и коснулся крупа лошади. Та упала. Тишкетмоака выбросило из седла. Он тяжело рухнул наземь, перелетел через голову и, корчась от боли, поднялся на ноги.

Кикаха осмотрелся и в четверти мили от себя увидел Анану. Рядом с ней стояли несколько тишкетмоаков. Двое человек лежали на земле — очевидно, мертвые. Одного из них придавила лошадь. Чтобы люди не смогли скрыться, пришельцы уничтожили всех коней.

И более того, они расстреляли всех полуконей.

Вряд ли Звонари подозревали, что среди этих людей находятся те, кого они ищут. Скорее всего, увидев погоню, они спустились и решили спасти туземцев в обмен на какую-нибудь информацию. К тому же кожа Ананы и Кикахи была более светлой, чем у солдат, которые сопровождали их. Но тишкетмоаки тоже различались оттенками кожи, и некоторые выглядели довольно светлокожими. Поэтому Звонари решили проверить каждого человека. Или... Впрочем, возможных вариантов было много, и любой из них теперь не имел значения. Как ни крути, а выходило одно — Кикаха и Анана снова оказались в безвыходном положении. И не могли

убежать. С таким оружием, как у Звонарей, шутить не приходится.

Усталость понуждала его смириться с судьбой, но Кикаха и не думал сдаваться. Его размышления прервал тихий стук копыт. Услышав за спиной дыхание, он прыгнул вперед и откатился в сторону, рассчитывая ускользнуть от врага, нападавшего сзади, — если его действительно атаквали.

Мимо пролетело копьё. Когда оно упало в траву, позади Кикахи раздался разъяренный рев. Кикаха обернулся и увидел полуконя, который медленно надвигался на него. Тело кентавра покрывали ожоги и раны. Круп обгорел, хвост наполовину обуглился. Он подволакивал задние ноги, но упорно двигался вперед, решив перед смертью поквитаться с Кикахой. В левой руке у него поблескивал длинный тяжелый нож.

Подобрав копьё, Кикаха метнул его в кентавра. Закричав от отчаяния, полуконь попытался уклониться, но его подвели искалеченные ноги. Не успел он сделать и шага, как копьё вонзилось в его человеческий торс. Наконечник вошел в мехоподобный орган, выпиравший под грудной костью. Кентавр упал. Но жизнь еще теплилась в его теле. Собрав последние силы, он поднялся на передние ноги, вырвал копьё из груди и, не обращая внимания на кровь, хлеставшую из раны, метнул оружие в Кикаху. Тот как раз направлялся к поверженному полуконю, намереваясь вогнать копьё поглубже и тем самым прикончить врага.

Кикаха не ожидал броска. К счастью, рука умиравшего кентавра ослабла. Копьё пролетело несколько футов и воткнулось в землю у ног Ловкача. Полуконь взревел от обиды и разочарования. Наверное, он надеялся на хвалебные песни здесь и на небесном совете мертвых. Но теперь он понял, что если Кикахе и суждено погибнуть от руки полуконя, то слава этого подвига достанется кому-то другому.

Кентавр упал на бок и выронил нож. Его передние ноги задергались, свирепое лицо обмякло, а черные глаза с укором уставились на врага.

Кикаха быстро обернулся и увидел самолет, который находился примерно в четверти мили от него. Зависнув в футе над землей, аппарат догонял двух тишкетмоаков, которые убегали к холмам. Анана лежала на земле. Кикаха не знал, что с ней произошло. Скорее всего она притворилась убитой, что, собственно говоря, собирался сделать и он.

Вымазав себя кровью кентавра, Кикаха лег неподалеку от него и, припрятав под бедром длинный нож, зажал под мышкой копьё. Древко поднималось вертикально вверх, и издали

казалось, что оно торчит из его тела — вернее, Кикаха надеялся, что это будет выглядеть подобным образом.

Трюк был продиктован отчаянием и вряд ли бы удался. Но большего он придумать не мог. Оставалось полагаться лишь на то, что Звонари, обладая другим типом сознания, могли не знать некоторых человеческих хитростей. В любом случае попытка стоила усилий. Каким бы печальным ни оказался результат, Кикаха в общем-то и не собирался жить вечно.

Поймав себя на вранье, Кикаха улыбнулся. Он ничем не отличался от других людей и, как все, надеялся жить долго и очень долго. Он сражался за жизнь, не скупясь на хитрости и усилия, и пока этот стиль давал неплохие результаты.

Время шло, но ничего не происходило. Прохладный ветер сушил на теле Кикахи кровь и пот. Солнце перебралось на последнюю четверть зеленого неба. Кикаха подумал, что с приходом сумерек его шансы на успех возросли бы вдвое. А если бы у него еще оказалась пара лошадей, то ничто не помешало бы ему удрать.

Перед глазами промелькнула тень. Кикаха напрягся. Самолет? Послышалось резкое карканье. Да это же ворона.

Скоро сюда слетятся все пожиратели падали, подумал Кикаха. Их тут будет, как перца в жарком, — галки, вороны, канюки, огромные грифы, гигантские кондоры, ястребы и орлы и даже зеленые орлицы Подарги размером с молодого мамонта.

А потом на праздничный пир прибегут койоты, степные лисы, обычные и ужасные волки, которые уже сейчас задирают носы и ловят запах поживы.

Он представил, как из высокой травы выходят огромные хищники, не брезгующие мясом дармовой дичи. Разогнав другое зверье, они начнут пожирать бизоньих и полуконей. Следом появятся девятисотфунтовые степные львы и, ссорясь между собой, будут кидаться на всех и каждого, распугивая птиц и мелких зверей.

От этого видения Кикаху прошиб пот. Тихо шикнув, он отогнал от себя любопытную ворону. Где-то рядом завыл волк. Невдалеке пролетел кондор, нацеливаясь на бизонью тушу.

Почти вслед за ним промелькнула еще одна тень. Сквозь ресницы Кикаха увидел над собой самолет. Машина беззвучно пронеслась над ним и пошла на снижение. Побоявшись повернуть голову, Кикаха потерял ее из виду. Но Звонари пролетели на высоте пятидесяти футов и вряд ли заметили с такого расстояния его маленький обман с копьем.

Кто-то закричал на языке властителей. Порыв ветра заглушил слова, и Кикаха не понял смысла фразы.

Стало тихо, а затем до него снова донеслись голоса, на сей раз с подветренной стороны. Если Звонари по-прежнему находились в кабине, то самолет двигался где-то между ним и Ананой. Кикаха надеялся, что какой-нибудь Звонарь придет осмотреть его «тело». Конечно, они могли подлететь к нему на самолете, и это был бы наихудший вариант. Машина умела зависать в воздухе на любой высоте, а значит, они могли бы даже пощекотать его, не вылезая из кресел. Впрочем, бояться им нечего. У Звонарей имелись ручные лучеметы, и вряд ли они держали их на предохранителе. Для прикрытия тех, кто выйдет наружу, они могли использовать мощный лазер, установленный в кабине.

Он не услышал шагов приближавшегося Звонаря. А тот, видимо, наставил на Кикаху лучемет и без колебаний выстрелил бы, обнаружив копые, зажатое под мышкой. В принципе Кикаха оказался в действительно безнадежном положении.

Но удача по-прежнему сопутствовала ему. На сей раз Кикахе помог бизон. Он поднялся позади Звонаря, замычал и бросился в атаку на двуногого врага. Звонарь резко повернулся. Кикаха тут же откатился за мертвого полуконя и, используя его как прикрытия, осторожно поднял голову.

Не сделав и трех шагов, тяжело раненный бизон упал. Звонарю даже не пришлось стрелять из лучемета. Тем не менее на несколько мгновений он повернулся к Кикахе спиной, а его спутники в кабине следили в это время за другим Звонарем, который пробирался по горе трупов к Анане.

Услышав мычание бизона, один из сидевших в кабине повернулся и стал наводить ствол лазера, но Звонарь, поставив ногу на тело упавшего бизона, успокоил его движением руки и указал на труп животного. Человек в кабине кивнул и перевел взгляд на другого Звонаря. Кикаха поднялся и, сжимая в руке нож, бросился на врага. Звонарь медленно обернулся и на миг застыл в изумлении. Потом вскинул лучемет, однако Кикаха успел метнуть нож первым.

Скорее всего тяжелый клинок вообще не предназначался для бросков, и о балансировке даже мечтать не приходилось. Но практике метания ножей Кикаха посвятил несколько тысяч часов. Он бросал ножи любых видов с любого расстояния и под любым углом — даже стоя на голове. Кикаха буквально извел себя строгой дисциплиной, бросая ножи до тех пор, пока ему не начинало казаться, что он даже дышит ножами. Дело дошло до того, что при виде их он терял аппетит.

Бесконечные часы тренировок, пот, усилия и дисциплина окупались сполна. Клинок вонзился в горло Звонаря, и тот упал на спину. Лучемет лежал на земле.

Кикаха рванулся к оружию, поднял его и осмотрел. Эта модель была ему незнакома, но действовала так же, как и все другие лучеметы. Небольшая задвижка на боку приклада выполняла роль предохранителя. Спусковым крючком служила выпуклая пластина, слегка выступавшая на внутренней стороне рукоятки.

Звонарь на заднем сиденье кабины повел стволом лазера в сторону Кикахи. Синий луч искрился белыми пятнами и прожигал в земле дымящуюся борозду. Он скользнул по куче бизонов, и те вспыхнули языками пламени. Однако лазер работал вполсилы.

Кикаха даже не успел выстрелить. Луч сбоку поразил Звонаря, и он рухнул на пол. Полоска ослепительного света приподнялась и упала, рассекая самолет пополам. Звонарей в кабине охватило пламя.

Кикаха осторожно поднялся на ноги и закричал:

— Анана! Это я, Кикаха! Не стреляй!

Из-за холмика косматых и рогатых трупов появилось лицо Ананы. Она улыбнулась ему и весело закричала:

— Значит, это правда? Я их всех уложила!

Кикаха поискал глазами того Звонаря, который пошел к Анане, и увидел его распростертое тело. Сделав пару шагов навстречу Анане, Кикаха почувствовал тревогу.

Теперь у нее есть лучемет и самолет — вернее, часть самолета. Возможно, спутник ей больше не нужен...

Но, сделав еще пару шагов, Кикаха понял, что его опасения пока напрасны. Он ускорил шаг и улыбнулся. Анана не знала этот мир так хорошо, как он, а силы, которым она противостояла, были слишком велики. Она не откажется от такого полезного союзника.

— Как, во имя Шамбаримена, тебе удалось уцелеть? — изумленно спросила Анана. — Я же сама видела, как стадо отрезало тебе путь к спасению. И эти ужасные полукони гнались по твоим следам...

— Они оказались слишком самонадеянными, — ответил Кикаха и усмехнулся.

Он рассказал ей о том, что произошло. Какое-то время Анана молчала, а затем спросила:

— А ты точно не властитель?

— Точно. Я человек, да еще и хужер*, хотя не такая уж это и заслуга, чтобы ею хвастаться.

— Ты дрожишь, — заметила она.

* Хужеры — уроженцы штата Индиана.

— Просто я быстро возбуждаюсь, — ответил Кикаха и еще раз улыбнулся. — Ты тоже похожа на листик на ветру.

Анана взглянула на лучемер, зажатый в ее дрожащей руке, и мрачно усмехнулась.

— Мы оба многое пережили.

— Ничего, не рассыплюсь, — сказал Кикаха. — И нечего тут оправдываться. Пошли посмотрим, что тут у нас есть.

Тишкветмоакские солдаты казались издали маленькими фигурками. Когда Анана открыла стрельбу из лучемера, они разбежались. И, по всей видимости, не думали возвращаться. Кикаху это устраивало. Ему не хотелось связываться с ними, а тем более помогать.

— Я притворилась мертвой, а потом бросила в него копье и убила, — рассказывала Анана. — Звонари в самолете так удивились, что даже застыли. Мне оставалось только поднять лучемер и перебить их, как вонючих крыс.

Простая, чистая и прекрасная сказка, но Кикаха не верил ей. У Ананы не было такого отвлекающего фактора, как поднявшийся на ноги бизон. Если бы она вскочила и замахнулась копьем, лучемер рассек бы ее на кусочки. Звонарь действительно лежал с торчавшим из горла древком, но слишком уж мало крови выступило из раны. Кикаха не заметил на нем других повреждений, но при тщательном осмотре он мог бы найти на трупе одно или два небольших отверстия. Наряд Звонаря состоял из кольчуги, металлической юбки и конического шлема, поэтому дыра, прожженная в броне, бросилась бы в глаза.

Однако Кикаха не стал переворачивать труп и демонстрировать Анане свою подозрительность. Он пошел к самолету, половинки которого по-прежнему висели над землей. В каждой из них лежал мертвый Звонарь. В носовой части находился обугленный труп жреца-переводчика. Кикаха вытащил тела и осмотрел летательный аппарат. В кабине располагалось четыре ряда кресел, по два в каждом; между ними тянулся узкий проход. Передние кресла принадлежали пилоту и штурману. На передней панели находилось множество приборов и указателей. Анана сказала, что помечавшие их иероглифы взяты из классической письменности властителей. Теперь этими символами пользовались крайне редко, и смысл их стал забываться.

— Они утащили самолет из моего дворца, — сказала Анана. — У меня четыре таких машины. Я думаю, Звонари разобрали их и перенесли сюда по частям.

Она вкратце объяснила Кикахе устройство летательного аппарата. Когда самолет останавливался, килевая пластина

заряжалась гравитонами, находившимися в статическом состоянии. Именно поэтому обе половинки не падали на землю. Все необходимое для полета оборудование находилось в передней части, которая по-прежнему могла летать как целый самолет. Кроме аппарата предстояло парить над землей довольно долгое время. В процессе разрядки гравитонного поля она начнет медленно опускаться вниз и когда-нибудь окажется на земле.

— Жаль терять кормовой лазер, — сказал Кикаха. — Кроме того, он может попасть в плохие руки. У нас осталось только два лучемета — все остальное оружие превратилось в расплавленный металл. Давай возьмем его с собой.

— И куда мы полетим? — спросила Анана.

— К Подарге — царице зеленых орлиц, — ответил он. — На данный момент она самый толковый союзник из всех, кого я знаю. Если мы убедим ее не убивать нас какое-то время, она может нам здорово помочь.

Кикаха прошел в кормовую часть самолета и, достав из складского отделения кое-какие инструменты, начал отсоединять от турели массивный лазер, но внезапно остановился и с усмешкой сказал Анане:

— Я представляю, какими будут ваши лица, когда вы увидите друг друга! Наконец-то ты увидишь себя со стороны!

Анана промолчала. Используя лучемет и нож, она раздала тушу молодого бизона. Они перенесли мясо к ручью и поджарили его на костре. Оба так проголодались, что буквально исходили слюной. Им стало казаться, что кишки в их урчавших животах поедают друг друга, как алчные хищники. И они постарались набить их под завязку, лишив, так сказать, свою плоть своей же плоти.

После ужина они едва шевелили ногами и руками. Но, несмотря на усталость и полусонное состояние, Кикаха настоял, чтобы они отправились в полет без промедления. Он хотел добраться до гряды далеких гор. Там можно было спрятать самолет в пещере или за выступом скалы, а затем как следует отоспаться. Кикаха сказал, что оставаться в прерии опасно. Если появится еще один самолет, Звонари могут заподозрить неладное и спуститься. Кроме того, они могут выйти с ними на связь и, не получив ответа, расстрелять самолет из лазера.

Анана согласно кивнула — и уснула. Хорошо, что Кикаха успел расспросить ее о кнопках управления. Он поднял половинку самолета в воздух и на всей скорости повел ее

к горам. От встречного ветра его защищал обтекатель кабины, но потоки воздуха, завывая, врываются в открытую заднюю часть и трепали волосы Кикахи. По крайней мере, это не давало ему заснуть.

ГЛАВА 12

Они подлетели к горам на грани ночи, когда солнце уже ушло за монолит. Покружив минут пятнадцать над скалами, Кикаха остановил свой выбор на небольшой пещере с отверстием около двадцати футов в диаметре. Она располагалась на высоте двух тысяч футов, почти у самой вершины отвесной скалы. Включив заднюю скорость, Кикаха ввел самолет в пещеру, заглушил двигатель и, устроившись в проходе между креслами, провалился в зыбкие топи сна.

Но даже при такой усталости и в таком безопасном месте Кикаха спал вполглаза; он как бы парил у самой поверхности подсознания. Тревожные сны тянули к нему свои корявые пальцы, заставляя просыпаться и вскакивать не меньше дюжины раз. Несмотря на это, Кикаха проспал гораздо дольше, чем предполагал, и к тому времени, когда он проснулся, солнце успело одолеть уже целую четверть неба.

Он позавтракал куском бизоньего мяса и горстью круглых печений, которые нашел в небольшом отсеке под одним из кресел. Не обнаружив никакой другой еды, Кикаха решил, что Звонари разместили временный аэродром недалеко от места бизоньей бойни. Или, наоборот, самолет пробыл в полете так долго, что весь рацион экипажа подошел к концу. В принципе он мог бы придумать и другие объяснения.

Если и есть что-то общее в обоих мирах, так это неопределенность.

Приоткрыв полусонные глаза, Анана лениво наблюдала, как ее спутник, покончив с едой, выполнял серию энергичных упражнений и разминал затекшие мышцы. Завершив зарядку, Кикаха сполоснул руки и лицо водой. Прошлым вечером он выкупался в ручье, и теперь его вид мог претендовать на вполне приличную оценку. О бритье ему тревожиться не приходилось, поскольку, покидая деревню хроваков, он использовал средство, замедлявшее рост бороды на несколько месяцев. Это средство ему подарил Вольф, причем действие мази можно было нейтрализовать в любое время с помощью другой пасты, которую Кикаха оставил дома, в деревне хроваков.

Даже при пробуждении Анана выглядела так, будто собралась куда-то в гости. Однако она пожаловалась на плохой

запах изо рта и посетовала, что вынуждена справлять нужду при свидетеле.

Кикаха пожал плечами и сказал, что старой женщине, прожившей десять тысяч лет, следует быть выше человеческих слабостей. Анана не стала сердиться и лишь скромно спросила:

— Мы полетим сейчас? Или сегодня можно отдохнуть?

Кикаху удивила ее уступчивость. Анана отдавала ему право выбора, и, честно говоря, он не ожидал такого от властительницы. Уже который раз Анана демонстрировала реальный взгляд на жизнь и исключительную гибкость натуры. Она понимала, что это его мир, и полагалась на решения Кикахи. Кроме того, она, очевидно, оценила его ловкость и умение выходить из любых критических ситуаций. Однако Анана скрывала свои настоящие чувства. Скорее всего она останется с ним до определенного времени, а потом бросит его, когда он станет для нее обузой. В каком-то смысле Кикаха и сам одобрял подобные отношения. По крайней мере пока они довольно мило уживались друг с другом. Впрочем, не очень-то мило — Анана ясно дала ему понять, что никогда не согласится вступить с ним в близкие отношения.

— Я тоже не прочь отдохнуть, — сказал Кикаха. — Но среди хроваков мы будем в большей безопасности. Я даже знаю пещеру неподалеку от деревни, где мы спрячем самолет. А потом, отдохнув и набравшись сил, мы поговорим с моим народом, и я натравлю их на Звонарей, если только они захотят хорошей битвы. А они захотят. Они любят сражаться.

Анана заметила мигавший огонек на приборной панели.

— С нами пытается связаться другой самолет. Но запрос может идти и из штаба во дворце Ядавина. Мне кажется, они встревожились, не получив своевременного отчета.

— Я бы с удовольствием подурочил их, но с моим знанием языка властителей мне вряд ли удастся ввести их в заблуждение, — сказал Кикаха. — Конечно, могла бы попытаться и ты, но я думаю, они сразу узнают голос женщины. Пусть эта штука мигает. Пока меня тревожит другое... Скажи, а Звонари могут каким-то образом отследить местоположение нашего самолета?

— Да, могут, но лишь в том случае, если мы на несколько минут выйдем с ними на связь, — ответила она. — Или если самолет окажется у них на виду. Это мои машины, и я оснастила их некоторыми защитными устройствами — жаль, что только некоторыми.

— Не забывай, что они собрали у себя аппаратуру из четырех дворцов, — напомнил Кикаха. — Помимо твоей

техники у них есть приборы Вольфа, Нимстовла и Юдубры. И они могли установить их на самолетах.

— Тогда почему же они не установили их на этом самолете? — возразила Анана.

Она зевнула и прикрыла глаза, собираясь вздремнуть. Кикаха возмущился: она проспала уже двенадцать часов и могла бы, в конце концов, оторвать от кресла свою прекрасную задницу. И вообще, если она хочет остаться живой, ей лучше включиться в работу, не мешкая. Добавив несколько грубых фраз, он немного успокоился и посоветовал ей сделать соответствующие выводы.

Анана согласилась, что он прав. Это удивило Кикаху и даже немного насторожило. Анана села в кресло пилота, включила источник статического поля и сказала, что ждет дальнейших указаний.

Скользнув параллельно склону горы, самолет направился к краю уровня. Анана старалась держать машину в нескольких футах над острыми выступами скал. Через два часа они подлетели к грани монолита, на котором находился ярус Америкиндии. Каменная стена почти вертикально уходила вниз более чем на сотню тысяч футов. У ее основания располагался уровень Океана, хотя никакого океана там не было. Монолит у основания мира опоясывало море, ширина которого нигде не превышала трех сотен миль.

На другой стороне Океана виднелась полоска суши, окружавшая нижний ярус планеты. Ее ширина составляла около пятидесяти миль, но с высоты края монолита она выглядела тоненькой, как нить. Там, на пляже и холмах, густо поросших деревьями, жили люди, человекообразные существа и сказочные животные. Многие из них появились на свет в биолaborаториях Ядавина. Это он наделил их долголетием и неувядавшей юностью. Это по его прихоти ожили русалки и водяные, сатиры с копытами и козьими рогами, рогатые фавны с поросшими шерстью ногами, небольшие кентавры и другие существа, которым Ядавин придал сходство с героями греческой мифологии. Полоска суши являлась своего рода раем, садом Эдема с небольшой добавкой неземных штрихов, заимствованных из других вселенных.

На другой стороне Сада находилась грань мира — по сути дела, настоящий конец света. Кикаха несколько раз посещал эти места, устраивая себе так называемый «отпуск», а однажды за ним там гнались ужасные гворлы, которые пытались убить его и завладеть рогом Шамбаримена. Как-то раз он заглянул за грань, и это зрелище вызвало у него трепет и страх. Зеленая бездна внизу, под планетой, казалась

бездонным небом, и, сорвись он тогда со скалы, его падение длилось бы вечно.

Поведав все это Анане, Кикаха добавил:

— Мы могли бы укрыться внизу на долгое время. Там прекрасное место — без войн и кровопролитий, если, конечно, не считать одного-двух разбитых носов. Это мир чувственного наслаждения без всяких интеллектуальных прикрас и измышлений. К сожалению, через несколько недель он нагоняет такую тоску, что поневоле становишься алкоголиком или наркоманом. Но хуже всего то, что однажды туда спустятся Звонари. И к тому времени их сила значительно окрепнет.

— Можешь в этом не сомневаться, — кивнув, согласилась Анана. — Они начнут создавать новых Звонарей. Я полагаю, в одном из дворцов они найдут все необходимые материалы. В моем их нет, но...

— У Вольфа есть, — подхватил Кикаха. — Однако, чтобы вырастить и воспитать молодежь, достойную их общества, Звонарям понадобится как минимум десять лет, не так ли? И до этого времени их по-прежнему пятьдесят — вернее, сорок четыре.

— Сорок четыре или четыре, они не остановятся, пока не поймут и не убьют тебя и нас троих. Я сомневаюсь, что Звонари отважатся на захват других вселенных, пока не расправятся с нами. Загнав нас в этот мир, они будут продолжать охоту до тех пор, пока не уничтожат каждого.

— Или пока мы не расправимся с ними, — добавил Кикаха.

Анана улыбнулась:

— Вот этим ты мне и нравишься. Жаль, что ты не властитель. Мы бы...

Он попросил ее не уточнять детали и посоветовал вести машину вдоль края монолита. Спускаясь, они заметили, что отвесная скала оказалась не такой уж и гладкой. Во многих местах ее покрывали трещины, наросты и довольно плоские выступы. Тут имелись карнизы и выбоины, которые служили тропами для многочисленных тварей, знакомых и не знакомых Анане и Кикахе. В некоторых местах скала треснула, и образовались огромные разломы. Со временем они расширились и превратились в сравнительно большие долины, где не только струились ручьи и сверкали каскады водопадов, но даже текла река в полмили шириной. Она с ревом вырывалась из большой пещеры в конце громадного разлома и, низвергаясь с гигантского обрыва, устремлялась в море, которое находилось на семьдесят пять тысяч футов ниже.

Кикаха объяснил, что основные зоны обитания этой планеты располагаются на горизонтальных вершинах пяти монолитов. Их общая площадь приблизительно равняется той части Земли, которую покрывают моря и океаны, и она значительно превосходит поверхность земной суши. Сюда же следует прибавить обитаемые области на вертикальных монолитах, а они не уступают по площади африканскому континенту. Кроме того, здесь имеются обширные подземные территории — огромные пещеры, которые пронизывают бесконечными лабиринтами всю пирамиду многоярусного мира. В них обитают различные племена и животные, приспособившиеся к подземной жизни.

— Если все это учесть, а затем прибавить тот факт, что здесь нет засушливых пустынь и районов, покрытых льдом и снегом, мы получим площадь, которая в четыре раза превышает зону обитания моей родной Земли.

Анана заявила, что во время своих визитов она старалась не задерживаться на Земле и поэтому не помнит ее точных габаритов. Но кто-то ей говорил, что планета ее собственной вселенной примерно тех же размеров.

— Поверь мне на слово, это чертовски большое место, — сказал Кикаха. — Я здесь уже двадцать три года, и вся моя жизнь представляет собой одно большое путешествие. Тем не менее я видел лишь маленькую часть. И у меня просто дух захватывает от того, сколько еще предстоит увидеть и узнать, если, конечно, я останусь жив.

Машина быстро снижалась и теперь парила в десяти футах над зеленоватыми волнами Океана. Прибой взбивал белую пену у рифов и с ревом таранил монолит. Решив, что здесь недостаточно глубоко, Кикаха попросил Анану пролететь еще две мили над морем. Там они и сбросили четыре ранца, в которых находились матрицы Звонарей. Чистая вода позволяла видеть довольно глубоко, а солнце светило как раз под нужным углом. Ранцы все дальше и дальше уходили вглубь, пока их не поглотила зеленая мгла. Они пронеслись сквозь косяки рыб, которые мерцали всеми оттенками радуги; они проплывали мимо бробдингнаговских осьминогов, расцвеченных пурпурными и белыми полосами. Щупальца спрутов на миг касались металла, но тяжелые контейнеры неуклонно и быстро погружались на дно.

Кикаха считал, что топить ранцы было вовсе не обязательно. Матрицы пусты, а Звонари, некогда обитавшие там, погибли в телах своих носителей. Но Анана сказала, что не успокоится, пока до них может добраться какое-нибудь разумное существо.

— Шесть долой. Осталось сорок четыре, — подытожил Кикаха. — Теперь мы полетим в деревню хроваков, к племени «медвежьего народа». Моего народа.

Облетая монолит, самолет преодолел семьсот миль пологой дуги основания. Взяв управление на себя, Кикаха повел их «половинку» вверх и уже через десять минут воспарил на двенадцать миль выше отвесного края Америкиндии. После часа осторожных маневров над горными хребтами и получасовой разведки они подлетели к небольшому холму, на вершине которого располагалась деревня хроваков.

И тут Кикаха почувствовал себя так, словно ему в сердце вонзилось копьё. Высокие заостренные бревна, некогда ограждавшие деревню, исчезли. Тут и там из-под пепла торчали почерневшие пеньки.

Огромный вигвам для совета старейшин, жилища холостяков, медвежьих загоны, конюшни, зернохранилище, копильни и бревенчатые дома семейных жителей — все это исчезло или было погребено под серыми холмиками пепла.

Несмотря на дождь, прошедший ночью, кое-где все еще поднимались слабые струйки дыма.

На склоне холма виднелось несколько дюжин обугленных трупов — женщин, детей, медведей и собак. Они спасались бегством, когда их настиг луч.

Кикаха не сомневался, что это сделали Черные Звонари. Но как они узнали о его связях с хроваками?

Мысли корчились и ползли, как раненые звери. Наконец он вспомнил, что когда-то давно рассказал о хроваках двум тишкветмоакским жрецам. Однако они не знали даже примерного расположения деревни. А хровакские мужчины, направляясь к Большому торговому пути, всегда удалялись от нее на двести миль и дальше, тем самым сбивая со следа хитрых тишкветмоакских караванщиков. И хотя индейцы любили поговорить и похвастаться, они никогда не раскрывали местонахождения своей деревни.

Однако у «медвежьего народа» имелось множество врагов. Возможно, они и рассказали Звонарям о хроваках. И еще существовали фильмы о деревне и Кикахе, отснятые Вольфом. Он хранил их где-то во дворце. В начальных кадрах появлялась карта, на которой указывалось расположение деревни. Так вот откуда Звонари узнали о ее существовании...

Но зачем они сожгли деревню дотла? Что они этим хотели сказать?

Кикаха откашлялся и задал Анане несколько вопросов. Она отвечала с таким сочувствием, что в другое время

Кикаху приятно удивила бы ее реакция на печаль простого человека.

— Звонари делали это не из мести, — сказала она. — У них нет эмоций, и их разум чужд нашему образу мышления. Как я уже говорила, их создали и воспитали люди...

Даже сквозь пелену оцепенения Кикаха подметил, что она назвала властителей людьми.

— ...несмотря на это, Звонари по своей сути являются механической жизнью. Вне всякого сомнения, у них есть самосознание, которое ставит их выше других машин. Но они рождены из металла и в металле. Впитав в себя жестокость людей, они сохранили холодную и механическую безжалостность. Тем не менее они используют насилие только тогда, когда хотят с его помощью добиться какой-нибудь цели. Захватив мозг мужчины или женщины, они могут чувствовать страсть, сексуальное желание или голод, когда голодает тело их носителя. Но Звонари не могут неоправданно мстить, как люди. Они не стали бы уничтожать племя только потому, что здесь тебя любили и уважали. Я думаю, у Звонарей имелась веская, по их мнению, причина, чтобы сделать это.

— Наверное, они хотели убедиться, что я не прячусь в деревне, — сказал Кикаха. — А ведь Звонари не так и умны — иначе они бы просто дождались, когда я приду сюда.

Самолет стоял в укромном месте на склоне горы, откуда они могли наблюдать за ближайшими окрестностями. Однако, перед тем как приблизиться к сожженной деревне, Кикаха решил еще раз разведать местность. Если Звонари решили их выследить, они наверняка побеспокоились о хорошем укрытии. Бортовой определитель инфракрасного излучения не показал ничего, кроме нескольких зверьков и птиц. Но Звонари могли скрываться за какой-нибудь большой скалой. Хотя как бы они тогда вели наблюдение?

Возможно, машина Звонарей, уничтожив деревню, какое-то время рыскала вокруг. Не найдя Кикаху, они улетели куда-то еще, а великое племя навеки осталось под золой и пеплом.

— Я сажусь за штурвал, — тихо сказала Анана. — А ты говори, как найти Подаргу.

Кикаха был слишком удручен, чтобы прореагировать на ее необычную заботливость. Он решил поблагодарить свою спутницу позже.

По его указанию, Анана снова подлетела к краю уровня и спустилась на пятьдесят тысяч футов. Снизив скорость до ста

пятидесяти миль в час, она вела самолет на запад до тех пор, пока Кикаха не велел ей остановиться.

В задней части рассеченной кабины во время полета был слышен только вой ветра. Но когда машина зависла под огромным выступом блестящей черной скалы, Кикаха заговорил:

— Я мог бы похоронить их тела, но это потребовало бы слишком много времени. А Звонари обязательно вернутся туда.

— Ты все еще думаешь о них? — недоуменно спросила Анана. — Я хотела сказать, неужели тебя тревожит, что их тела сожрут любители мертвечины? Хватит! Выбрось их из головы! Они мертвы, и ты ничем им уже не поможешь!

— Ты ничего не понимаешь! — воскликнул Кикаха. — Называя их своим народом, я это и имел в виду. Я любил их, и они любили меня. Когда мы встретились впервые, они показались мне странными и непонятными людьми. Я, молодой среднезападный американец, внезапно вывалился в их вселенную из середины двадцатого века. А они были потомками индейцев, которые появились в этом мире двадцать тысяч лет назад. Даже теперь белые американцы считают индейцев непредсказуемыми и непостижимыми. Но у меня гибкая, ко всему привыкающая натура. Я усвоил их образ жизни и полюбил привычки хроваков. Мне нравилась простота их отношений, а они почти боготворили меня. Я стал Кикахой, Ловкачом, переменчивым, как ветер, увертливым и неуловимым. А они считали меня своим Кикахой — грозой и карой для всех врагов «медвежьего народа».

Со временем эта деревня превратилась в мой дом, и хроваки всегда оставались моими лучшими друзьями. И еще меня там ждали две прекрасные и милые жены. Детей мы так и не нажили, хотя Авивиша* думала, что беременна. Да, я вел светскую жизнь и на других двух уровнях планеты. Мой герой, барон-разбойник Хорст фон Хорстманн, вошел в историю этого мира. Но слава о нем поблекла, и я давно покинул Дракландию.

Потому что, черт возьми, я считал своим народом хроваков! Потому что я любил их, а они любили меня!

Кикаха громко зарыдал. Из груди, сжимая горло, рвался крик истерзанной души. Но и выплакав слезы, он чувствовал в сердце ноющую рану. Боль стала настолько сильной, что

* В первой книге «Многоярусного мира» у Кикахи тоже были две жены, но их звали Гиушовой и Ангванат.

Кикаха боялся даже шевельнуться. Наконец Анана неловко поднялась с кресла и положила ладонь на его руку.

— Все верно, — сказал Кикаха. — Мне уже лучше. Сажай самолет на тот выступ. Пещера Подарги находится в десяти милях к западу. Вход в нее охраняют зеленые орлицы. Подходить туда опасно в любое время, и особенно ночью. Два-три года назад мне довелось побывать в гостях у кровожадной гарпии. И тогда нам с Вольфом удалось уговорить ее выпустить нас из пещеры. — Он усмехнулся. — А за это мне пришлось заплатить ей ночью любви. От других пленников требовалось то же самое, но у многих ничего не получалось — возможно, от испуга или отвращения. И когда такое случалось, она разрывала их на куски, как бумагу, а затем терзала тела своими огромными и острыми когтями. Поэтому, Анана, я в каком-то смысле уже любил тебя. Вернее, женщину или женское существо с твоим лицом.

— Я смотрю, ты действительно почувствовал себя лучше, раз уж заговорил о таких вещах, — холодно сказала она.

— Не обижайся. Я просто пытаюсь шутить и болтать о том, что не напоминает мне о смерти, — ответил он. — Надеюсь, ты простишь меня за это?

Анана кивнула, но ничего не сказала в ответ. Кикаха тоже молчал. Они поели холодного мяса и сухарей, посчитав опасным разводить огонь. Свет костра мог привлечь внимание Звонарей и зеленых орлиц. А вокруг по скалам бродили страшные и коварные твари.

ГЛАВА 13

Ночь прошла без происшествий, хотя время от времени их будили далекие крики, дикий смех, рычание, рев и свист.

Позавтракав, они осторожно полетели вдоль склона скалы. Наконец Кикаха заметил орлицу, которая приближалась со стороны моря. Он направил к ней самолет, надеясь, что она не будет их атаковать или спастись бегством. Как видно, ее любопытство победило остальные эмоции. Самолет неподвижно завис в воздухе, и птица медленно закружила вокруг него.

Внезапно она бросилась прочь с криком:

— Кикаха-а-а!

Он думал, что она помчится к пещере. Но вместо этого орлица повела себя довольно странно — что, впрочем, свойственно всем женщинам, как сказал он Анане. Птица снова поднялась вверх. Кикаха жестом показал ей, что собирается спуститься на широкий выступ, где они могли бы поговорить.

Наверное, орлица решила, что там она сможет напасть на Кикаху, и опустилась рядом с самолетом, с громким шелестом сложив огромные крылья. Голова птицы с желтым крючковатым клювом и яростными горящими глазами грозно возвышалась над кабиной. Открыв обтекатель, Кикаха поднял лучемет. Но, заглянув за его плечо, орлица отпрянула назад с пронзительным криком:

— Подарга?!

Почтение к царице птиц не позволило ей расспрашивать, чье лицо она увидела.

Орлица относилась к Кикахе, как и все ее подруги. Но она помнила, что однажды тот гостил в их пещере вместе с Вольфом, а затем штурмовал дворец на вершине монолита — высшей точке планеты.

— Я Тивеста, — сказала она голосом огромного попугая. — Что ты здесь делаешь, Ловкач? Разве ты не знаешь, что Подарга приговорила тебя к смерти? Если мы поймаем тебя живым, ты познаешь перед смертью жестокие пытки.

— Тогда почему же ты не пытаешься меня убить? — спросил он.

— Потому что таков приказ моей повелительницы. Подарга узнала от Девиваниры, что ты освободил ее и Антиопу из тишкветмоакского плена. Она узнала, что в Таланаке творится что-то очень серьезное, но детали ей пока не известны. Подарга решила разобраться в истинном положении дел и временно отменила приговор — но ее решение не относится к Ядавину-Вольфу. У нас есть приказ препроводить тебя к ней, если ты будешь умолять об аудиенции. Хотя, честно говоря, Кикаха, я предупреждаю тебя — попав в пещеру, ты можешь остаться там навеки.

— Я не собираюсь молить об аудиенции, — ответил Кикаха. — И если я появлюсь в пещере, то только в этой машине и при оружии. Осмелишься ли ты передать мои слова Подарге? Если да, то скажи ей, что я буду ей верным помощником, если она захочет отомстить тишкветмоакам за смерть и пленение многих ее подруг. И еще передай, что в наш мир прокралось огромное зло. Пока оно не угрожает ей лично. Но ее рабство не за горами. И это зло уже тянет к ней и орлицам свои холодные пальцы, оно уже рядом с вашими гнездами. Я могу рассказать ей об этом — если только увижу ее.

Тивеста пообещала передать его слова царице и улетела.

Прошло несколько часов. Кикаха начал нервничать. Он сказал Анане, что безумие Подарги часто заставляет ее действовать вопреки ее же интересам. И вскоре они могут

увидеть стаю гигантских орлиц, которые ринутся на них с зеленого неба, чтобы раз и навсегда исполнить месть своей царицы.

К счастью, прилетела лишь одна из них, Тивеста, и сказала, что он может появиться в пещере на своей машине и взять с собой человеческую женщину. Кроме того, ему позволено брать любое оружие, которое он только захочет, — но пусть Кикаха берет его побольше, если собирается обманывать их мудрую Подаргу. Кикаха перевел Анане слова орлицы, поскольку они говорили на испорченном микенском наречии Древней Греции — великом языке Одиссея, Агамемнона и Елены Троянской.

Анану возмутила роль, которую ей отводили в этой игре. На ее лице появилась усмешка.

— Человеческая женщина! Неужели эта вонючая птица не узнала во мне властительницу?

— Наверное, нет, — ответил он. — В конце концов, ты выглядишь, как обычная женщина. Вы из той же породы, что и люди, и, несмотря на твое происхождение, культуру и воспитание, я тоже считаю тебя человеком. Ты хочешь сказать, что я не прав? Возможно. Но у Вольфа есть по этому поводу несколько интересных теорий.

Анана проворчала в ответ какое-то ругательство на языке властителей. Кикаха тронул самолет с места и последовал за Тивестой к отверстию пещеры, в которой Подарга уже пятьсот лет содержала свой двор.

Гарпия выбрала прекрасное место. Скала в несколько тысяч футов плавно нависала над входом и имела гладкую, как зеркало, поверхность. Снаружи вдоль пещеры шел широкий выступ. Однако к отверстию можно было подобраться только с одной стороны. Все входы к пещере охраняли сорок орлиц. Ниже выступа скала под углом уходила в монолит. Поэтому ни одно существо не могло проникнуть в пещеру сверху или снизу. Отряд отважных воинов мог бы спуститься сюда по веревкам, но, если бы на них напали, им пришлось бы туго.

Входом служило круглое отверстие около десяти футов в диаметре. За ним начинался длинный извилистый коридор, чьи каменные стены пять веков полировали перья гигантских птиц.

Со скрипом и визгом, царапая стены, их самолет пролетел по туннелю около пятидесяти ярдов и наконец оказался в обширной пещере. Ее освещали факелы и огромные, похожие на перья растения, которые сияли белым светом. Они тыся-

чами свисали с потолка и торчали из стен; их корни уходили в скалы.

Долетавший откуда-то сквознячок овеивал пылающие щеки Кикахи.

Пещера оставалась такой, какой он ее запомнил, — за исключением запаха. По всей видимости, Подарга произвела генеральную уборку помещений. Гниющий мусор на полу убрали, а сотни сундуков с сокровищами и шкатулки с драгоценными камнями установили вдоль стен и вынесли в другие помещения.

Выстроившись в два ряда, орлицы образовали для самолета проход. Гладкая гранитная пятидесятиардовая дорожка заканчивалась у каменной платформы. Десятифутовое возвышение представляло собой ряд ступеней из кварцевых блоков. Прежний, вырезанный в скале трон исчез. Вместо него в центре платформы стояло огромное золотое кресло, украшенное алмазами и рубинами. Древние мастера отлили его в форме феникса, распростершего крылья. Кресло некогда принадлежало радаманту Атлантиды, правителю четвертого уровня этой планеты. Подарга захватила трон во время набега на его столицу. С тех пор минуло четыреста лет; радамант погиб, атлантов почти не осталось, а огромный город превратился в руины и прах. Вольф хотел заселить эту страну заново, но что-то нарушило его планы. Он исчез, и появились Черные Звонари.

Подарга сидела на краешке трона. Три тысячи двести лет назад властитель Ядавин, потехи ради, создал ужасное тело гарпии и наделил его мозгом несчастной женщины. Птичьи ноги были толще и массивнее, чем у страуса, — им приходилось поддерживать вес человеческого торса. Нижняя часть тела ничем не отличалась от птичьей: ее покрывали зеленые перья и венчал длинный хвост. Выше пояса начинался торс женщины, с прекрасной белой грудью, длинной шеей и изумительно красивым лицом. Черные волосы ниспадали на грудь и плечи. В больших глазах пылал огонь безумия и ненависти. Вместо рук у нее были крылья — длинные и широкие, с зелеными, красными и черными перьями.

Подарга приказала Кикахе низким хрипловатым голосом: — Останови свою летательную машину! Тебе не следует подлетать ближе!

Кикаха попросил разрешения выйти из машины и приблизиться к подножию ступеней. Подарга сказала, что позволяет. Он велел Анане следовать за ним и небрежной походкой подошел к трону гарпии. При виде Ананы у Подарги расширились глаза.

— Двуногая женщина! — закричала она. — Ты тоже творение Ядавина? И он дал тебе мое лицо!

Анана знала, что все происходило как раз наоборот, и тон Подарги, вне всяких сомнений, задевал ее гордость. Но при всей своей надменности глупостью она не страдала.

— Мне кажется, так оно и было, — скромно ответила она. — Я не знаю, как появилась на свет, — просто появилась, вот и все. Это случилось около пятидесяти лет назад.

— Глупый ребенок! Этот монстр Ядавин держал тебя как игрушку! Зачем же ты ушла от него? Неужели ты надоела ему, и он отправил тебя в наш злой и жестокий мир, где живут и умирают по воле случая?

— Я не знаю, — ответила Анана. — Наверное, вы правы. Кикаха думает, что Ядавин сжалился надо мной и удалил мне часть памяти, поэтому я не помню свою жизнь во дворце, если только действительно жила там когда-то.

Кикаху восхитил ее рассказ. Она, оказывается, могла при-
врать не хуже его. Но потом он прикусил губу: сама того не ведая, Анана загнала себя в ловушку. Пятьдесят лет назад Ядавин находился в другой вселенной. Он жил в то время в Америке и носил фамилию человека, который усыновил его. В результате амнезии Ядавин забыл свою прошлую жизнь и превратился в Вольфа. А во дворце тогда правил Арвур.

Впрочем, какая разница? — успокоил себя Кикаха. Если Анана прикидывается, что не помнит свое рождение и жизнь во дворце, то ей и не полагается знать властителя.

Но Подаргу, очевидно, не волновали эти тонкости. Она повернулась к Кикахе и смерила его взглядом.

— Девиванира рассказала мне, как ты выпустил ее и Антиопу из клетки в Таланаке.

— А она рассказала тебе, что после этого они пытались убить меня в знак благодарности? — спросил он.

Гарпия приподняла крылья и яростно взглянула на Кикаху.

— Они выполняли приказ! Благодарность здесь ни при чем! Ты верный помощник Ядавина, который прозвал себя Вольфом, и поэтому тебе суждено умереть! — Она сложила крылья и снова приняла любезный вид, но Кикаха не обманывался относительно ее чувств. — Между прочим, где Ядавин? Что происходит в Таланаке? И кто такие эти драк-ландцы?

Кикаха рассказал ей все. Он умолчал лишь о двух властителях — Нимстовле и Юдубре — и представил дело так, будто Анана прошла через врата на уровень Американдии несколько лет назад, после чего попала в рабство в Таланаке.

Подарга люто ненавидела властителей. Если бы гарпия узнала, что Анана одна из них, или заподозрила в ней сестру Ядавина, его спутницу ожидали бы великие мучения. Это поставило бы Кикаху в очень затруднительное положение, с которым ему пришлось бы разобраться в течение одной-двух секунд. Конечно, он мог бы выбрать жизнь и дальнейшую борьбу с Черными Звонарями, но при этом погибла бы Анана. А встав на ее защиту, он просто подписал бы свой смертный приговор. И хотя они могли перебить перед смертью множество орлиц, такая перспектива его не очень утешала.

Но допустим, что нам удалось бы бежать, размышлял Кикаха. В принципе это вполне возможно. Если я убью Подаргу первым выстрелом и посею панику среди орлиц, мы можем заскочить в самолет и включить большие лазеры. С такой техникой мы не только прорвемся наружу, но и не дадим себя догнать.

Впрочем, Кикаха ни на миг не сомневался, что примет сторону Ананы.

— Так, значит, Ядавин мог погибнуть? — вскричала Подарга. — Это плохая весть! Я столько лет придумывала планы его пленения, что теперь мне хочется только одного! Я хочу, чтобы Ядавин жил как можно дольше, страдая от страшных пыток и мук! Я хочу, чтобы он поплатился за каждый день моей жизни! За каждый день! За каждый час!

Подарга вскочила на толстые короткие ноги, ее когти конвульсивно дернулись, и она завизжала от ярости. Обернувшись к Анане, Кикаха тихо прошептал:

— Теперь держись! Мне кажется, ее терпение лопнуло! Приготовься стрелять!

Но Подарга вдруг замолчала и забегала взад и вперед, словно птица, запертая в клетке. Наконец она остановилась и сказала:

— Ловкач! Почему я должна помогать тебе в борьбе с врагами Ядавина? Неужели только из-за того, что они лишили меня возможности отомстить?

— Но они и твои враги, — ответил Кикаха. — Пока они используют только человеческие тела. Но пройдет какое-то время, и Звонари догадаются, что носителями могут быть орлицы. Люди привязаны к земле. А что может сравниться с наслаждением жить в теле зеленой орлицы? Летать над всей планетой, словно в доме солнца! Парить, как богоподобное создание, над всеми тварями земли, над домами и городами людей! Оставаться недоступной, но видеть и знать все, окидывая тысячи миль одним зорким взглядом!

Неужели ты думаешь, что Черные Звонари этого не поймут? Как только такая мысль придет им в голову, они начнут погоню за орлицами, а возможно, и за тобой, Подарга. Они приложат к вашим головам свои устройства-колокола и опустошат ваши умы, а потом превратят вас в ничто! Они овладеют вашими телами и разумом.

Черные Звонари используют тела из плоти и крови, но они обращаются с ними так же, как люди со своей одеждой. Когда наряд изнашивается, они выбрасывают его прочь. И однажды от вас тоже откажутся, выбросив в мусорную кучу! Хотя это уже не будет иметь значения, потому что вы умрете задолго до того, как испортятся ваши тела.

Кикаха сделал небольшую паузу. Орлицы, похожие на зеленые десятифутовые колонны, неуклюже переминались с ноги на ногу; в их глотках вскипали крики бешенства. Подарга сохраняла невозмутимый вид, но Кикаха знал, что она задумалась над его словами.

— Теперь в живых осталось только сорок четыре Черных Звонаря, — сказал он. — Они обладают огромной мощью, но их мало. И теперь самое время прищемить им хвост, пока они не стали для нас смертельной угрозой. В лабораториях дворца на вершине мира они начинают изготавливать новых Звонарей — можете в этом не сомневаться. Наступит время, когда их станет несколько тысяч, а возможно, и миллионов, потому что они хотят обеспечить выживание своего вида. А выживание всегда зависит от численности.

И когда придет этот зловещий день, целые орды Звонарей пронесутся по нашему миру, и они будут уже неодолимы. Звонари овладеют всем и всеми. И если им захочется наслаждаться телами зеленых орлиц, они сделают это без вашего согласия.

В пещере повисла тишина. После долгого молчания Подарга сказала:

— Ты хорошо говорил, Ловкач. Мне немного известно о том, что произошло в Таланаке, потому что мои любимицы поймали несколько тишкветмоаков и заставили их говорить. Но эти люди почти ничего не знали и даже не слышали о Черных Звонарях. Однако они рассказали, что жрецы Таланака объявили своего императора одержимым демоном. Кроме того, твою историю подтверждает появление этой и других летательных машин, которые видели мои сестры. Жаль, что ты не захватил с собой плененные колокола, чтобы мы могли на них посмотреть. И мне не понятна та торопливость, с которой ты выбросил их в море.

— Я не всегда так умен, как мне бы хотелось, — ответил Кикаха.

— Есть еще один момент, который говорит в твою пользу, даже если история о Звонарях лишь наполовину верна или полностью лжива, — сказала Подарга. — Я давно хотела отомстить тишкветмоакам за то, что они убили многих из нас, а других посадили в клетки, как каких-то обычных зверушек. Они начали делать это с тех пор, как трон занял их нынешний правитель Квотшамл. Он воцарился три года назад и нарушил древнее соглашение, заключенное мной с его народом. Безумное пристрастие к новым животным в зоопарке и свежим чучелам в музее совсем помрачило его разум, и он объявил нам войну. Я послала ему предупреждение, чтобы он немедленно одумался, но в ответ Квотшамл посадил в клетку моих посланниц. Он просто сошел с ума. И поэтому он обречен!

Подарга продолжала говорить. Очевидно, общение с орлицами наскучило ей, и она истосковалась по чужакам с интересными новостями. А вести Кикахи привели ее в такое возбуждение, какого она не испытывала уже целых три года — с времен кровавого штурма дворца. Ее буквально прорвало. Она говорила и говорила. И делала это с таким пренебрежением по отношению к другим, что в ней сразу чувствовался истинный и абсолютный тиран. Она велела принести еду и питье, а затем пригласила гостей за огромный стол. Обед оказался очень кстати, но Анану после него стало клонить ко сну, а Кикаха еще больше оживился. Он посоветовал своей спутнице вернуться в самолет и немного поспать. Та догадалась, что он имел в виду, и, не сказав ни слова, встала, ушла в самолет и улеглась на ковре, который ей подарила Подарга.

ГЛАВА 14

Открыв глаза, Анана увидела Кикаху, который спал рядом. Курносый нос и длинная верхняя губа придавали его лицу по-детски милое выражение, но изо рта разило перегаром, а от тела несло какими-то экзотическими духами. Внезапно он перестал посапывать и открыл глаза. Зеленую, как лист, радужную оболочку глаз покрывали тонкие красноватые прожилки. Кикаха усмехнулся и сказал:

— Доброе утро. Хотя, кажется, уже перевалило за полдень.

Он сел и похлопал ее по плечу. Она резко отстранилась, и Кикаха заулыбался еще шире.

— Неужели такая надменная суперженщина, как властительница Анана Светлая, может ревновать по пустякам? Просто невероятно!

— Ты прав, это действительно невероятно, — холодно ответила она. — Кого мне ревновать? Тебя? Но с какой стати?

Он потянулся и зевнул.

— Нет, Анана, ты этого, наверное, не поймешь. Я знаю, тебе не нравится, когда властителей причисляют к людям, но для меня ты — женщина. Да-да, красивая и желанная женщина. Вот уже несколько недель мы находимся в тесном и почти интимном контакте. А я статный парень. Тысячи людей называют меня могучим и отчаянным воином, и, поверь, я говорю это не из-за желания похвастаться. Мы оба знаем, что тебя влечет ко мне, хотя ты презираешь себя за любовь к лебляббю.

— Неужели не нашлось ни одной женщины, которая попыталась бы тебя убить? — спросила она ледяным тоном.

— Их было не меньше дюжины. И все великие воины этого мира не подводили меня так близко к смерти, как женщины. — Он провел пальцем по двум шрамам, которые белели под ребрами. — Дважды они почти преуспели в том, чего не удавалось самым решительным воинам. И обе перед этим заверяли меня в своей любви. Так что лучше проявляй ко мне ненависть честно и открыто!

— У меня нет повода любить тебя или ненавидеть, — надменно ответила Анана. — Я властительница, и...

Ее прервало появление орлицы, которая передала им приглашение на завтрак. Подарга требовала, чтобы они немедленно шли к столу. И вестовая птица едва не взбесилась, когда Анана ответила, что ей прежде хотелось бы принять ванну и привести себя в порядок. Более того, она начала расспрашивать орлицу, есть ли среди всех этих сокровищ какие-нибудь благовония и косметика. Кикаха чуть заметно улыбнулся и сказал, что пойдет к Подарге один, чтобы как-то успокоить ее гнев, вызванный нарочитым промедлением Ананы. Орлица на негнущихся ногах провела его спутницу в угол пещеры, где на туалетном столике великолепной филигранной работы находилось все, что она хотела.

Задумавшись о чем-то, Подарга даже не заметила отсутствия Ананы и поприветствовала Кикаху так, словно испытывала к нему большое уважение. Усадив гостя за стол, гарпия сказала, что у нее появились интересные вести. На рассвете прилетела орлица с донесением об огромном боевом флоте, который двигался по реке, названной тишкветмоаками

Петшотакл. Извилистое русло этой широкой реки проходило по краю Деревьев Множества Теней.

Флот насчитывал сто баркасов, по пятьдесят человек в каждом, и состоял из пяти тысяч рыжебородых воинов, которые называли себя таюдами, то есть народом. Кикаха слышал о них от тишкветмоаков, которые жаловались на участвовавшие набеги рыжебородых, разорявших приграничные форты и города. Но куда направлялся такой огромный флот? Неужели они решили напасть на Таланак и подвергнуть его осаде?

Подарга сказала, что таюды приплыли из великого моря на западе, которое находилось за Сверкающими горами. Кикаха ни разу еще не пересекал Сверкающие горы, хотя давно мечтал об этом. Тем не менее он знал, что море действительно велико — тысяча миль в длину и триста — в ширину. Но он почему-то думал, что на его берегах живут америндейцы, похожие на жителей прерии.

Нет, сказала Подарга, удовлетворенная своим превосходством в знании мира. Нет и еще раз нет. Ее орлицы сообщили, что давным-давно там действительно обитали «оперенные шапки» (америндейцы). Но потом Ядавин похитил с Земли племя высоких светлокожих людей с длинными бородами. Они осели на восточном берегу, а затем построили укрепленные города и крутогрудые корабли. Со временем их народ покорил и поглотил соседние темнокожие племена. Сначала индейцы были рабами таюдов, но постепенно обрели равенство и породнились с ними. Их языки слились в один общий диалект, который состоял из видоизмененной речи таюдов и многочисленных слов, заимствованных у аборигенов.

Закрепившись на восточной окраине моря, рыжебородые образовали федерацию двух мощных королевств — короля Бракьи и короля Сорги, чьи имена означали соответственно «раздор» и «печаль». Чуть позже между ними завязалась долгая и тяжелая гражданская война, окончившаяся поражением Бракьи. Собрав верных воинов и женщин, он бежал из страны и, перебравшись через Сверкающие горы, поселился в верховьях реки. С годами их сила и численность увеличились. Они начали совершать набеги на тишкветмоакские форты, речные суда и торговые караваны. В частых стычках с полуконями таюды несли большие потери, но среди окрестных племен они не имели равных. Их города процветали, жены рожали детей, а мужчины добывали славу.

Разъяренный набегами таюдов, император Квотшамл послал в их земли несколько карательных экспедиций. Одна из них разрушила город на реке; другим не повезло — рыжебородые

разбили их наголову. И вот теперь, почувствовав слабость врага и собрав большие силы, таюды решили вступить в сражение с войсками императора. Их армия состояла из ловких, высоких и лютых воинов, но они явно не представляли себе размеров империи и численности народа, против которого собирались воевать.

— Возможно, они действительно этого не представляют, — согласился Кикаха. — Но к тому времени, когда они доберутся до Таланака, оборона может оказаться ослабленной вторжением дракландцев. И тогда, воспользовавшись ситуацией, мы сможем нанести удар и покорить жадеитовый город.

У Подарги мигом пропало хорошее настроение.

— Сначала мы нападём на рыжебородых и рассеём их, как стайку воробьев! Я сделаю их путь адской тропой!

— А почему бы не превратить таюдов в наших союзников? — спросил Кикаха. — Мы выступаем против Звонарей, тишкветмоаков и дракландцев. Битва и без того будет тяжелой. А еще надо принять в расчет их самолеты и лучеметы. Нам может понадобиться любая помощь, и я предлагаю переманить их на нашу сторону. Добычи и убийств хватит на всех — их будет более чем достаточно.

Подарга вскочила с кресла и ударом крыла смела все блюда на пол. Ее прекрасная грудь тяжело вздымалась и опадала от клокотавшей ярости. Орлица прожигала Кикаху свирепым взглядом, от которого хотелось бежать на край света. Но он смело посмотрел ей в глаза и спокойно сказал:

— Пусть рыжебородые перебьют наших врагов и своими телами выложат нам тропу победы. Ты говоришь, что любишь своих орлиц; ты называешь их своими птичками. Так почему же не спасти жизни многих из них, объединив наши силы с рыжебородыми?

Подарга закричала на него и впала в неистовый бред. Он понял, что сделал серьезную ошибку, не согласившись с ней. Но сказанного не вернешь. К тому же он почувствовал, как в нем вскипает волна ненависти и отвращения. Кикаха был по горло сыт ее надменными, жестокими и грубыми манерами.

Но он усмирил свою ярость, не дав ей превратить себя в прах, из которого не поднимался еще ни один человек.

— О прекрасная Подарга! Я склоняюсь перед твоей великой мудростью, силой и могуществом! — смиренно произнес Кикаха. — Поступай, как знаешь!

Оценив ситуацию, он решил поговорить с Подаргой еще раз, когда к той вернется рассудок.

После завтрака Кикаха и Анана вывели самолет из пещеры и поднялись на пятьдесят тысяч футов к грани монолита.

Подлетев к горному хребту, который возвышался неподалеку, они приземлились на вершине неприступного пика. Кикаха включил радио, и они с Ананой начали громко обсуждать все, что произошло с ними в пещере Подарги. В ходе разговора они подробно описали местоположение пещеры, надеясь, что их беседа дойдет до ушей тех, кому она предназначалась. Анана привела в действие бортовые радары и аппаратуру наблюдения.

Когда прошло несколько часов, она притворно удивилась, что у них работает радиопередатчик. Обругав Кикаху за невнимательность и глупость, Анана отключила радио и удовлетворенно засмеялась. Индикатор радара засветился мигающими точками. Сигнал шел из-за края Абхарплунты — монолита в центре яруса Америкиндии. Оба самолета летели из дворца властителя.

Поскольку обе машины уже засекли беглецов своими приборами, они могли обнаружить и то место, в котором укрылись их жертвы. Кикаха на предельной скорости повел самолет к грани уровня и резко спустился вниз. Он парил над входом в пещеру до тех пор, пока первый из двух перехватчиков не появился из-за края монолита. Заметив его, Кикаха влетел в пещеру и промчался по туннелю, не обращая внимания на скрежет и визг моторов.

После этого им оставалось только ждать. А в некотором отдалении от пещеры, вцепившись когтями в большие лазеры и ручные лучеметы, в зеленом небе плавно кружили орлицы Подарги. Увидев два самолета, подлетевших к входу их гнездовья, они молнией упали с зеленого поднебесья. Очевидно, Звонари давно уже засекли над собой орлиц, но не обратили на них внимания. Опознав в них птиц, они сосредоточились на пещере, накрыв отверстие прицелами дальнобойных лазеров.

Тем, кто находился в пещере, не пришлось ждать долго. Не прошло и нескольких минут, как вооруженная лучеметом орлица влетела с донесением. Застав врага врасплох, птицы уничтожили всех шестерых Звонарей — по три в каждом самолете. Летающие машины по-прежнему парили около отверстия, а единственными повреждениями были сгоревшие кресла и оплавившийся пластик прозрачного купола кабины.

Кикаха предложил Подарге спрятать оба самолета в пещере. В распоряжении Звонарей осталась еще одна машина, и они могли отправить ее вниз, чтобы выяснить причину исчезновения двух этих. Кроме того, у них могли оказаться и другие летательные средства, поскольку Нимстовл и Юдубра тоже имели самолеты.

— Двенадцать Звонарей долой, осталось тридцать восемь, — сказал Кикаха. — А у нас теперь есть транспорт и оружие.

Кикаха и Анана вылетели из пещеры на своей половинке самолета. Кикаха перебрался в одну из машин и пригнал ее в пещеру. Затем они совершили еще один вылет. Когда все три летательных аппарата разместились бок о бок в огромной пещере, Подарга потребовала, чтобы ее и нескольких избранных орлиц обучили управлению волшебными машинами. Но Кикаха попросил прежде вернуть им ручные лучеметы и лазеры, снятые с их боевой «половинки». Подарга погрузилась в мрачное раздумье, и Кикаха решил, что она хочет разделаться с ними, как со Звонарями. Кикаха и Анана находились в довольно скверном положении. Чтобы обеспечить успех операции, они отдали орлицам все свое оружие. Но у него еще имелся нож, который он намеревался метнуть в солнечное сплетение гарпии, если та подаст птицам хотя бы малейший знак. Конечно, это не спасет их от смерти, но, по крайней мере, он прихватит с собой на тот свет и Подаргу.

Не ясно, по каким причинам, но гарпия решила исполнить просьбу Кикахи. Лучеметы вернули, и он вновь установил на своей «половинке» дальнобойные лазеры. Однако его тревога усиливалась все более. Какие бы услуги он ни оказывал Подарге, она не желала прощать ему дружбы с Вольфом. И как только гарпия посчитает помощь людей необязательной, она оборвет его жизнь, как тоненькую нить. А это могло произойти и через тридцать минут, и через тридцать дней.

Улучив подходящий момент, Кикаха высказал Анане свои опасения.

— Этим все и должно будет закончиться, — сказала она. — Ядавин тут в общем-то и ни при чем. Тебе грозит опасность, потому что ты ее любовник. Гарпия знает, что, несмотря на красивое лицо и великолепную грудь, она всего лишь гибридное чудовище. Ей известно, что ее тело вызывает отвращение у всех мужчин, которых она принуждает к сексуальным отношениям. И Подарга не может им этого простить; ей приходится устранять каждого, кто в глубине души презирает ее. Мне тоже грозит опасность. Прежде всего, у меня женское тело, а она ненавидит всех женщин, потому что навечно приговорена оставаться полуптицей. Во-вторых, наши лица похожи как две капли воды, и она не позволит женщине с моим телом и ее лицом задерживаться на этом свете слишком долго. А в-третьих, она просто безумна. И порою пугает меня!

— Ты, властительница, признаешься, что испугалась? — воскликнул Кикаха.

— Даже прожив десять тысяч лет, я все равно боюсь некоторых вещей. Меня страшат пытки и мучения, а я уверена, что она будет пытать нас долго и страшно — если, конечно, у нее появится такая возможность. И еще я тревожусь за тебя.

— За меня? — с удивлением вскричал Кикаха. — Ты тревожишься за какого-то лебляббия?

— Ты не обычный человек, — возразила она. — В тебе так много от властителя... Может быть, ты приходишься Вольфу сыном?

— Нет, я не его сын, — усмехаясь, ответил он. — Но неужели ты можешь испытывать человеческие чувства? Я думаю, ты просто немного привязалась ко мне, — вот и все. Небольшое влечение, правда? Потому что даже мысль о том, что ты желаешь меня, унизительна для богоподобной особы. И я уже не говорю о такой гнусности, как любовь к презренному лебляббию. К счастью, властители не способны на любовь!

— Ты такой же безумный, как и твоя гарпия! — закричала Анана, метнув на него свирепый взгляд. — То, что меня восхищает твоя отвага и ум, еще не означает, что я вижу в тебе равного, а уж тем более своего мужчину!

— Конечно, о каком равенстве может идти речь, — согласился Кикаха. — Если бы не я, ты бы дюжину раз успела побывать в камере пыток и принять достойную тебя мученическую смерть. И знаешь, что я тебе скажу? Когда ты будешь готова признать свою любовь ко мне, я спасу тебя от смущения. Ты можешь просто назвать меня любимым, и все. Не нужно извинений и слез покаяния. Только одно слово и один взгляд. Не обещая своей любви, я даю тебе слово рассмотреть это предложение. И возможно — помни, возможно, — я даже соглашусь стать твоим возлюбленным. Ведь ты чертовски привлекательная женщина. Кроме того, я не хочу обидеть Вольфа тем, что отвергну его сестру, хотя, насколько мне помнится, он не слишком нежно отзывался о тебе.

Кикаха ожидал, что Анана рассердится. Но Анана только весело захохотала. И все же ему показалось, что смех был лишь «дымовой завесой».

Больше поговорить им не удалось. По распоряжению Подарги они обучали орлиц управлению воздушными машинами. Гарпия часами расспрашивала их о планировке Таланака, где ожидала встретить наиболее мощное сопротивление. Ее интересовали слабые места обороны, система коммуникаций и тому

подобные вещи. По ходу дела она отдавала приказы и выслушивала донесения. Сотни посланниц отправились в путь, чтобы созвать в поход армады орлиц. Тем, кто прилетал, приказывали отправляться к месту сбора у слияния рек Петшотакл и Квакойомл. Там им предстояло расположиться на скалах и дожидаться флота рыжебородых.

Подарге приходилось решать множество проблем. Прежде всего требовалось наладить систему обеспечения съестным. Для этого гарпия сформировала несколько отрядов охотниц. Поскольку речная зона Великих прерий кишела дичью, они без труда могли обеспечить пищей всю армию. Но при такой расстановке сил каждая пятая орлица как бы исключалась из боевых действий и занималась только охотой и доставкой провизии.

Как оказалось, орлицы не только проходили армейское обучение, но и подчинялись строжайшей дисциплине и иерархии. Однако несколько лет назад, во время штурма дворца, они лишились большей части своих офицеров, а Подарга в водовороте текущих дел не позаботилась о реорганизации войск и командного состава. Теперь же эта сложная, почти неодолимая проблема вышла на первый план и требовала незамедлительного решения.

На четвертое утро Кикаха вновь осмелился поспорить с Подаргой. Он сказал ей, что неразумно тратить мощь оружия на рыжебородых и что ей следует приберечь заряды до того момента, когда применение лучеметов станет насущной необходимостью. Он напомнил гарпии, что у Звонарей в Таланаке есть такие огневые средства, которые можно подавить лишь подобным вооружением. Более того, она собрала столько орлиц, что они могли бы нанести удар и по тишкветмоакам. Питание армии уже сейчас начинает вызывать головную боль, а ведь будут прилетать все новые и новые птицы. Но и это еще не все...

Продолжать Кикахе не дали. Гарпия закричала, что, если он не прикусит свой поганый язык, она вырвет ему глаза. Ее утомили его самонадеянность и дерзость. Он и так прожил слишком долго, поэтому не стоит кичиться своей ловкостью недобитого обманщика. Кроме того, ее приводит в ярость жеманство и кривляние Ананы — несомненно, еще более гадкого и омерзительного существа. Но пришла пора отмищения, и пусть он теперь испытает свою ловкость, выбираясь из пещеры. А этой блудливой девке лучше было бы спрыгнуть с обрыва в море, когда ей никто не мешал; теперь ей не хватит слез, чтобы вымолить себе прощение.

Кикаха смиренно молчал, но Подарга не унималась. Она кричала на него не меньше получаса. Внезапно гарпия замолчала, и ее лицо озарила задорная улыбка. Страх холодными пальцами прошелся по струнам его души. Кикахе показалось, что кожа на животе начала сворачиваться, будто каждая складочка пыталась спрятаться за другую.

Время ожиданий прошло, наступил миг действия. Он отбросил кресло назад, приподнял стол за край и с силой перевернул его на Подаргу. Гарпия пронзительно завизжала — тяжелый стол прижал ее к массивному креслу. Из-за края столешницы высунулось испуганное лицо, крылья раскрылись и затрепетали.

Он мог прожечь ей голову лучеметом, но не она сейчас представляла опасность. В зал вбежали две орлицы-прислужницы. В их клювах Кикаха увидел оружие. Пока птицы перекладывали лучеметы в лапы, он убил одну из них. Зеленые перья вспыхнули огнем; в ноздри ударил едкий запах.

Анана выхватила из-за пояса свое оружие, и оба луча скрестились на теле второй орлицы.

Кикаха окликнул Анану и метнулся к ближайшему самолету. Забравшись следом за ним в кабину, она без лишних слов включила передний лазер. Кикаха сел в кресло пилота, запустил двигатель, и самолет, поднявшись на фут, стремительно полетел к отверстию туннеля. Три орлицы попытались преградить путь, но летательный аппарат неудержимо... удар... стремился вперед... удар, еще удар. При каждом столкновении Кикаха вздрагивал и закрывал глаза. Самолет заклинило в проходе. Кикаху швырнуло грудью на приборную панель — он не успел пристегнуться ремнями. Закусив от боли губу, Кикаха увеличил мощность двигателя; металл визгливо заскрежетал о гранит, и самолет, словно шомпол в жерле орудия, продолжил движение.

На секунду светлое пятно выхода закрыла гигантская тень; раздался крик, еще один глухой удар, и самолет вылетел навстречу светло-зеленому небу. Над головами беглецов сияло солнце, а внизу, в полусотне тысяч миль, виднелась голубовато-белая полоска морского прибоя.

Подавив в себе страх и желание скрыться, Кикаха сделал крутой разворот, и самолет завис над выходом. Как он и ожидал, из зева пещеры выскользнул самолет — одна из машин, захваченных орлицами. Через несколько секунд появилась и их боевая «половинка». Анана навела на них луч лазера и рассекла обе машины по продольной оси. Распавшись на части, самолеты полетели вниз. В кабинах дымилась разрезанные тела зеленых орлиц. Обломки вскоре

превратились в крохотные черные точки, а затем исчезли в голубизне далекой пучины.

Кикаха снизился к пещере и выстрелил из переднего лазера в глубь туннеля. Вопли и крики подсказали ему, что он не ошибся в выборе цели. Во всяком случае, орлицы еще долго не отважатся выглядывать наружу. Он хотел направить луч лазера на скалу, чтобы завалить камнями вход в пещеру, но, пожалев заряд силовой батареи, решил отказаться от этой затеи. К тому времени в воздух поднялись сторожевые группы орлиц, которые скрывались на склоне монолита. Кикаха направил самолет в центр стаи и, сбивая зеленые тела, пронесся сквозь нее на предельной скорости. Анана сжигала орлиц залпами кормового лазера. С триумфом рассеяв врага, они помчались к горной гряде, отделявшей грань уровня от Великих прерий.

ГЛАВА 15

Когда внизу замелькали просторы прерии, Кикаха перешел на бреющий полет — это уменьшило вероятность того, что их обнаружит самолет Звонарей. Послушная машина проносилась над морем травы, пологими холмами и деревьями. Они пролетали над огромными серыми мамонтами, мастодонтами и гигантскими косматыми бизонами; под ними разбегались табуны диких лошадей и неуклюжих степных верблюдов. Они мчались над девятисотфунтовыми темно-желтыми «фелис атрокс», свирепыми львами, длинноногими гепардами с собачьими мордами, саблезубыми сайлодентами и волосатыми, глуповатыми на вид мегатериями. Там внизу оставались огромные, размером со слона, ленивцы; куда-то бежали ужасные волки, и покачивали ослиными головами архаические белушитерии высотой в двадцать один фут. На россыпях камней красовались мегацеросы — олени, рога которых выступали по сторонам на двенадцать футов. Самолет проносился над стадами антилоп, тысячи видов и сотни раскрасок; над странными существами с длинным раздвоенным рогом, торчавшим из носа; над «страшными» боровами шести футов в холке; над жуткими на вид бронтотериями, которых Вольф воссоздал в биолaborаториях дворца и выпустил в Великие прерии — эти серые гиганты, пятнадцати футов в длину и восьми в холке, грозили самолету, словно пальцами, плоскими рогами, торчавшими на кончиках носов. Но двое людей летели дальше — над койотами, лисами, страусоподобными птицами, утками, гусями, лебедями, цаплями, аистами, голубями, грифами, канюками, ястребами — и вокруг были тысячи

видов животных и птиц, миллионы и миллионы живых тварей, на многих из которых Кикаха не раз охотился в прошлом. За три часа им удалось стать свидетелями того, что они не увидели бы на Земле и за пять лет непрерывных путешествий.

Самолет пролетел над стоянками америндейцев, над вигвамами и круглыми хижинами вингашатаев, хаикховов и такотитов. А однажды под ними оказалась кавалькада полуконей, которую со всех сторон охраняли свирепые воины; женщины тащили на шестах имущество племени; детишки скакали и прыгали вокруг, как резвые жеребята.

При виде такого обилия жизни Кикаху пронизывал трепет восторга. Из всех землян только ему одному повезло оказаться в чудесном многоярусном мире. А такому везению не было цены, и если бы смерть настигла его сейчас и потребовала плату за годы любви и приключений, он отдал бы ей жизнь, не сказав ни слова. Судьба одарила его щедрой рукой, и лишь немногие могли бы похвастаться подобными дарами. Но, несмотря на это, ему хотелось жить — и жить бесконечно. Как много еще предстояло увидеть, узнать и проверить! А какие приключения ожидали его впереди, и сколько прекрасных, достойных любви и обожания женщин! Сколько врагов и смертельных схваток!

Едва он подумал об этом, как впереди показалась странная группа всадников. Кикаха замедлил скорость и поднялся на пятьдесят футов. Конных дракландцев сопровождал небольшой отряд тишкветмоакской кавалерии. Среди них он увидел троих Звонарей. Их выдавали серебряные ранцы, прикрепленные к седлам.

Отряд остановился, и люди замахали руками, решив, очевидно, что к ним прилетели другие Звонари. Кикаха не дал им времени на размышление. Он снизился, и Анана разрезала трех рыцарей на половинки. Остальные солдаты в панике ускакали прочь. Кикаха перенес контейнеры с матрицами в кабину и через час утопил их в широкой реке Петшотакл. Его смущало то обстоятельство, что отряд оказался так далеко от Таланака. Неужели они не слезали с коней несколько дней и ночей? И, кроме того, они скакали с противоположной стороны...

Но потом Кикаха понял, что солдаты прошли через врата, расположенные недалеко от моря. Врата находились в пещере около гряды низких, но довольно крутых холмов в пятидесяти милях отсюда.

Кикаха направил туда самолет и вскоре увидел отряд отдохавших воинов. Звонари оставили у пещеры солидную

охрану. Очевидно, они надеялись, что Кикаха решит воспользоваться этими вратами.

Застав охранников врасплох, он уничтожил их лучом, на всем ходу влетел в пещеру и увидел убежавшего Звонаря. Тот находился уже в нескольких шагах от большого круга врат. Однако, прежде чем он успел добраться до него, луч лазера прожег в нем огромную дыру.

— Шестнадцать долой. Осталось тридцать четыре, — сказал Кикаха. — И возможно, через несколько минут их будет еще меньше.

— Ты собираешься пройти через врата? — удивленно спросила Анана.

— Они выведут нас к храму Таланака, — ответил он. — Но мне кажется, нам надо приберечь их до того времени, когда мы будем иметь резервные войска.

Он не стал объяснять Анане своих планов и только попросил ее помочь избавиться от тел.

— Нам придется ненадолго уйти отсюда. И если Звонари пройдут через эти врата, им лучше не знать, что здесь произошло.

План Кикахи имел реальные шансы на успех, но все зависело от следующей фазы.

Они полетели к реке и минут через двадцать увидели флот из множества кораблей, которые по двое в ряд спускались на веслах вниз по течению. Корабли напоминали драконьи челны викингов, а воины издали выглядели, как древние скандинавы. Это были крупные широкоплечие мужчины в рогатых или крылатых шлемах, в грубых штанах из лохматых шкур и кожи. Вооружение состояло из секир, широких мечей, тяжелых копий и круглых щитов. Большинство носили длинные, выкрашенные охрой бороды, но попадались и чисто выбритые воины.

Едва самолет пошел на снижение, его встретили ливнем стрел. Однако Кикаха упорно сближался с первым кораблем, на котором заметил жреца — мужчину в длинной белой мантии с отложным малиновым воротником. Когда команда корабля выпустила все свои стрелы, самолет завис на высоте, куда не долетали боевые топоры. Изредка мелькали копья, и некоторые из них задевали корпус машины, но с помощью небольших маневров Кикахе удавалось избегать прямых попаданий в открытую кабину. Он окликнул жреца на языке властителей, и вскоре король Бракья согласился на переговоры с Кикахой. Они договорились встретиться на берегу реки.

У рыжебородых имелись веские причины для враждебности. Неделю назад точно такой же самолет предал огню несколько их городов и убил многих молодых людей. Все нападавшие имели внешнее сходство с Кикахой. Но Бракья вскоре изменил свое мнение, а когда жрец Витрас представил Кикаху как верного помощника Альвалданда Всемогущего, король начал проявлять к двум людям из летающей лодки огромное уважение. Чтобы объяснить ему смысл происходящего, Кикахе потребовалось два дня. Общение замедлялось переводом алхсгума, как таюды называли своих жрецов.

Продвижение флота пришлось задержать еще на один день. Вождей и Витраса отвезли на воздушной машине к пещере с вратами. Здесь Кикаха раскрыл им свой план. Бракья хотел посмотреть, как действуют врата, но Кикаха возразил, что это может насторожить Звонарей в Таланаке. Они поймут, что врата обнаружены, и атака таюдов потеряет внезапность.

Прошло еще несколько дней, прежде чем Кикаха наметил и уточнил порядок прохождения пяти тысяч воинов через небольшие врата. Операция требовала точного расчета времени. Кроме того, приходилось составлять колонны с выверенным количеством рядов, поскольку любая задержка могла привести к тому, что при отключении врат динамическое поле рассекло бы некоторых людей на части. Кикаха знал, что Звонарям удалось провести через врата гораздо бóльшую армию дракландцев, а значит, это могли сделать и таюды.

Его мучили сомнения и терзала тревога, но он старался выглядеть спокойным и уверенным. Подарга уже заканчивала собирать свою крылатую армаду для налета на Таланак. И если она по-прежнему намеревалась напасть сначала на рыжебородых, ее появления следовало ожидать со дня на день.

К тому времени Бракье и вождям уже не терпелось вступить в бой. Цветистые и восторженные рассказы Кикахи о несметных сокровищах Таланака распалили их алчность и превратили в фанатиков, жаждавших крови.

Кикаха соорудил около пещеры макет круглых врат и в течение трех дней обучал вождей и воинов порядку прохождения. Когда же воины усвоили необходимые предосторожности, королю Бракье не понравился их усталый и раздраженный вид, и он решил устроить им день отдыха.

С кораблей прикатили огромные бочки с пивом и огненным на вкус напитком. Таюды жарили мясо оленей и бизонов, диких лошадей и медведей. А потом началась пьяная оргия. Песни, крики, смех и хвастливая ругань сменялись

драками, в которых погибли и получили ранения несколько человек.

Кикаха велел Анане оставаться в шатре, потому что Бракья испытывал к ней ничем не прикрытое вожделение. Пока король удерживался от похотливых предложений и ограничивался лишь непристойными комплиментами — вполне обычная для таудов манера поведения, как сказал жрец. Но во хмелю он мог перейти от слов к действию, а это привело бы к стычке с Кикахой, поскольку все воины считали Анану его женщиной. Поддерживая их заблуждение, он даже жил с ней в одном шатре.

Той ночью Кикаха и Бракья решили выяснить, кто кого перепьет. И Кикаха потерял бы свое лицо, если бы отверг вызов короля. Он знал, что Бракья задумал напоить его до потери чувств, чтобы затем забраться в шатер Ананы. К тому же король весил на сорок фунтов больше, чем Кикаха, и, по идее, имел все шансы на успех. Однако Бракья уснул на рассвете, и те, кто продержался дольше его, отметили это событие радостными криками и новым возлиянием за его добрые сны.

Кикаха проснулся только около полудня. Он выбрался из шатра с таким ощущением, будто всю ночь бодался с огромным бизоном. Король встал позже и чуть не надорвал живот, смеясь над собой и своими похотливыми планами.

Он не сердился на Кикаху, а увидев Анану, приветствовал ее с почтением и улыбкой. Такой поворот событий порадовал Кикаху, но он не согласился начинать атаку в этот день, как запланировал раньше. Армия находилась в состоянии глубокого похмелья. Она не могла бы одолеть даже женщин, не говоря уже о врагах, которые ожидали их в Таланаке.

Бракья приказал прикатить в лагерь новые бочки, и пьяное пиршество возобновилось.

Кикаха вышел из королевского шатра. Внезапно на ближайшую ветвь перед ним опустился ворон — птица размером с земного стервятника — один из так называемых Очей Властителя. Ворон каркнул и заговорил скрипучим голосом:

— Привет тебе, Кикаха! О, как долго я искал тебя! Властитель Вольф послал меня с вестью, что он покинул дворец и направился в другую вселенную. Кто-то украл у него Хрисеиду, и Вольф отправился на поиски вора, чтобы убить его и вернуть назад свою женщину.

Ворон рассказал Кикахе о задействованных ловушках, перечислил врата, оставшиеся открытыми, и описал путь, по которому можно войти и выйти из дворца. Кикаха покачал головой и ответил, что с тех пор все изменилось. Он поведал

птице о захвате дворца Черными Звонарями, и ворона это не слишком удивило. Прослышав, что Кикаха находится в Таланаке, он недавно побывал в жадеитовом городе. И видел Звонарей, хотя, конечно, не знал тогда, кто они такие. Кроме того, ворон видел зеленых орлиц Подарги, которые летели в направлении Таланака. Тень от их огромной стаи покрывала землю, как росчерк под смертным приговором, а шелест крыльев звучал, как бой барабанов в день Страшного суда. Расспросив птицу, Кикаха понял, что орлиная армада напала на Таланак прошлым вечером.

Он вернулся к Бракье и передал ему эту новость. К тому времени лагерь захлестнула волна крикливой оргии. Бракья отдал приказ. Затрубили огромные горны, забили барабаны; воины становились в неровные, но вполне узнаваемые ряды. Бракья и вожди шли следом за Ананой и Кикахой, которые несли снятый с самолета дальнобойный лазер. За королем шагала отряд огромных воинов, двое из которых тащили кормовую пушку. За ними двигались колонны гладко выбритых воинов, которым запрещалось растить бороды до тех пор, пока они не убьют в битве врага. А дальше грозным строем тянулась остальная часть армии.

Кикаха, Анана и Бракья в сопровождении шестерых вождей вошли в круг черного металла. Командир второй группы начал отсчет, проверяя продолжительность активизации врат. К тому времени первая группа оказалась в небольшом помещении — хотя по земным стандартам оно считалось довольно внушительным. Кикаха думал, что они попадут в зал храма, но их перенесло к вратам, которые находились в центре города. Именно сюда он стремился попасть, убегая от Звонарей. Магический переход перепугал таюдов, и Кикахе пришлось выталкивать оцепеневших от ужаса воинов из круга.

А потом события завертились в стремительном водовороте, поглощая время, усилия и жизни людей. Старый город пылал в огне; за рекой горели дома и фермы. Как оказалось, орлицы забросали Таланак горящими факелами. В жадеитовой столице гореть было в общем-то нечему, но на улицах трещали в пламени и тлели тысячи трупов орлиц, попавших под массивный огонь лучеметов и лазеров. Повсюду валялись тела тишкветмоакских и дракландских воинов. Они усеивали мосты, переходы и плоские крыши. Битва переместилась к вершине города. Но основное сражение шло около храма и дворца императора.

В пылу жестокой битвы орлицы и защитники не заметили появления рыжебородых. Вернее, они заметили их только

тогда, когда в Таланак пробралось около трех тысяч воинов, и к тому времени уже ничто не могло помешать остальным двум тысячам пройти через малые врата. Сотни орлиц слетелись с вершины горы, чтобы атаковать таюдов. Они напали отовсюду. Из всей битвы Кикаха запомнил лишь расплавленный добела ствол лазера и медленное продвижение таюдов по кровавым трупам на верхние уровни города. Когда силовая батарея иссякла и лазер стал бесполезен, они начали уничтожать врага из ручных лучеметов. У самой вершины заряды кончились, и в ход пошли мечи.

В храме они наткнулись на груды обгоревших тел. По шести серебристым ранцам на их обугленных спинах Кикаха опознал Звонарей. Они попали под перекрестный огонь орлиц, вооруженных лучеметами. Это, очевидно, произошло в самом начале битвы — в первые минуты неожиданной атаки. Орлиц с лучеметами сожгли лазеры, но они успели нанести Звонарям тяжелый урон.

На пути в зал с большими пространственными вратами Кикаха нашел еще четверых мертвых Звонарей. Когда он, Анана, Бракья и другие таюды ворвались в огромное помещение, их взорам предстала батальная картина. Подарга и уцелевшие в сражении орлицы загнали в угол нескольких дракландцев, тишкветмоаков и двух — нет, трех — Звонарей. Это были фон Тарбет, фон Свиндеберн и Квотшамл, император тишкветмоаков. Их окружали воины, численность которых стремительно таяла под яростным напором гарпии и ее огромных птиц.

Кикаха, Анана и рыжебородые бросились в атаку. Они врубались в задние ряды орлиц; полилась кровь, в воздух полетели перья и куски мяса. Врагам пришел конец, и Кикаха кричал от восторга и возбуждения.

А потом, когда бой перешел в рукопашную схватку, он увидел, как три Звонаря, бросив солдат на произвол судьбы, метнулись к огромному кольцу из металла, которое находилось в углу зала. Подарга и несколько орлиц бросились в погоню. Кикаха тоже побежал за ними. Внезапно Звонари исчезли, следом пропала Подарга, а чуть позже — и орлицы за ее спиной.

Кикаха так расстроился, что даже закричал от злости. Но догонять их не стал. Он знал, что Звонари установили ловушку для преследователей, а значит, гарпия с орлицами уже угодили в нее. И как бы ему ни хотелось поймать этих трех металлических оборотней, он не собирался попадать в расставленные ими сети.

Не успел Кикаха отойти от врат, как на него набросились две огромные птицы. Ему удалось серьезно ранить обеих, и это немного охладило их пыл. Тем не менее они упорно теснили его к большому кольцу в углу зала. Одна из птиц подскочила и попыталась нанести удар клювом, но Кикаха взмахом меча укоротил ей клюв на пару дюймов. Другая орлица подпрыгнула и сделала ложный выпад. Он отмахнулся мечом, едва не прозевав атаку первой птицы.

Звать на помощь было некого — остальные тоже сражались и отбивали натиск зеленых орлиц. Внезапно Кикаха понял, что ему придется войти во врата. Если он не сделает этого, один из огромных загнутых клювов нанесет смертельный удар. Две птицы обступили его с обеих сторон, и если бы он повернулся к одной из них, вторая разорвала бы его на части.

В отчаянии он еще раз взглянул на Анану и рыжебородых, но те по-прежнему находились в гуще сражения. И тогда Кикаха сделал то, к чему его принуждали обстоятельства. Он повернулся, вскочил на круглую платформу и несколько секунд отбивался от орлиц. Затем врата пришли в действие, крыло птицы ударило его по голове, и он на какое-то время потерял сознание.

ГЛАВА 16

Кикаха открыл глаза и увидел странный причудливый пейзаж.

Он находился в широкой долине, окруженной невысокими горами. Серую почву равнины и окрестных холмов покрывала желтая, похожая на мох растительность.

Над ним простиралось небо иного мира. Синее — вернее, темно-синее, почти черное, — оно поразительно отличалось от зеленых небес многоярусной планеты. Можно было подумать, что это поздние сумерки, но солнце стояло в зените. Слева от него в небе висела колоссальная башня. На ее зеленом пятиступенчатом силуэте виднелись светло-голубые пятна и широкие белые разводы того, что казалось какой-то шершавой массой. Гигантская колонна клонилась набок и чем-то напоминала Пизанскую башню.

Увидев ее, Кикаха немного успокоился. Он бывал здесь десятки раз. И только удар по голове помешал ему узнать это место сразу. Он находился на луне — круглом спутнике пирамидальной планеты.

Забыв предыдущий опыт, Кикаха вскочил на ноги... и взлетел в воздух. Неуклюже взмахнув руками, он упал на

четвереньки и ткнулся в землю лицом. Удар смягчила коричневато-желтая растительность, похожая на мох. И все же из его груди вырвался сдавленный крик, прозвучавший в этой атмосфере как надсадный хрип.

Он осторожно встряхнул головой и вдруг увидел убежавших Звонарей, за которыми гнались четыре орлицы и Подарга. Однако слово «бег» не передавало того, что происходило на самом деле. Трое мужчин совершали неописуемо длинные прыжки, которые часто заканчивались падением. Они поскальзывались при приземлении или теряли равновесие еще в воздухе. В результате неуклюжие движения еще больше усугубляли их отчаяние, и со стороны происходящее выглядело довольно комично.

Кикаха от души посмеялся над ними, но быстро умолк, когда подумал о собственном положении. Пока ему ничего не угрожало. Однако все могло измениться — и в очень плохую сторону. Трое Звонарей приближались к тому месту, где они могли спастись от орлиц.

Даже с такого расстояния Кикаха видел тонкий край каменного кольца на поросшей лишайником земле. А значит, там находились еще одни врата. И Звонари, убегая из храмового зала, определенно знали о них. Очевидно, они намеренно установили их как своеобразную ловушку. И теперь, оставив в безвыходном положении своих преследователей и Кикаху, они вернутся в Таланак или, что более вероятно, во дворец властителя.

Кикаха даже не сомневался, что врата окажутся одноразовыми. Ими могли воспользоваться только те, кто первым вступил бы в их круг. После этого врата отключались до новой активации. А устройство их включения, конечно же, находилось в совершенно другом месте.

Кикахе нравилось узнавать новое, и он довольно неплохо разбирался в ловушках. Ему не раз доводилось сталкиваться с подобным типом врат, и он понимал, что в данной ситуации Звонари могли угодить в свою же западню. Они не рассчитывали, что их будут преследовать орлицы и гарпия. Птиц ошеломила мгновенная переброска на луну, и они еще не приспособились к слабой гравитации. Однако, работая крыльями, они не только удерживали равновесие при прыжках, но и снижали скорость падения. Их движения напоминали плавное планирование, и они все больше и больше приближались к людям.

Фон Тарбет и фон Свиндеберн подпрыгнули и, схватив друг друга за руки, приземлились внутри каменного кольца. Их фигуры тут же исчезли.

Квотшамл отставал от них секунд на пять, и, когда он опустился в круг врат, никакого переноса не произошло. Он остался стоять посреди круга. В неподвижном воздухе повис его крик отчаяния.

Подарга, раскрыв крылья и замедлив падение, опустилась ему на спину, и Звонарь упал под тяжестью ее тела. Гарпия издала громкий пронзительный крик — скорее отчаяния, чем триумфа, — а затем начала вырывать из спины человека кровавые куски мяса. Рядом опустились другие орлицы. Они обступили Подаргу и склонились над извивающейся жертвой. Желтые клювы терзали тело. Ранец, прикрепленный к спине Квотшамла, отлетел прочь и упал неподалеку.

В живых остались двадцать три Звонаря.

Кикаха медленно поднялся на ноги. Вскоре Подарга и ее птички закончат пляску смерти и начнут осматривать окрестности. Если он не поспешит укрыться, они заметят его, и это может очень плохо кончиться. Перспективы для бегства были неважными. В миле виднелись развалины древнего города Корада. Огромные белые здания сверкали на солнце огнями далекой надежды. Но даже если ему удастся добраться до них, он найдет там не спасение, а тюрьму. Единственные ближайшие врата, которые Кикаха мог использовать, находились не в городе, а в тайной пещере на холмах. Но между ним и пещерой пировали орлицы и Подарга.

Заметив, что птицы полностью поглощены кровавой трапезой, Кикаха попытался вспомнить способ быстрого передвижения. Он бывал здесь много раз, но с тех пор прошло довольно много времени. Поэтому адаптация во многом напоминала плавание в воде после нескольких лет жизни в пустыне. Говорят: стоит чему-нибудь раз научиться, и это уже навсегда остается с тобой. Однако аналогия — она и есть аналогия. Нырнув в воду, человек тут же начинает плыть. Кикахе же потребовалось несколько минут, прежде чем он снова освоил необходимую координацию движений.

К тому времени Кикаха преодолел четверть мили. Внезапно он услышал крики, которые выражали немного иные эмоции, чем удовлетворение от крови и жертвенной плоти. Он оглянулся. Его преследовали четыре орлицы и Подарга. Они подпрыгивали вверх, планировали в воздухе, затем, скользя по мху, проскакивали большие промежутки пространства. Их манера передвижения была похожа на полет летающих рыб. Очевидно, они не рисковали лететь при такой низкой силе тяжести.

Словно прочитав мысли Кикахи, орлицы перестали прыгать и взвились в воздух. Их несло вверх с огромной скоростью,

и вряд ли они испытывали что-то подобное на родной планете. Птицы снова закричали. И на этот раз в их крике чувствовалось разочарование. Взлетев, они потеряли скорость. Однако расстояние между ними продолжало сокращаться.

Кикаха узнал об этом только потому, что, высоко подпрыгнув, осмелился быстро оглянуться. Он немного замешкался и, приземляясь, поскользнулся. Инерция увлекла его вперед и вверх, он дважды перекувырнулся в воздухе и больно ударился о грунт. Все его усилия опуститься на ноги или на четвереньки ни к чему не привели. Упав, он задохнулся и, раскрыв рот, скорчился от боли. В глазах потемнело, но он заставил себя подняться на ноги.

Во время следующего прыжка Кикаха вытащил из ножен меч. Судя по ситуации, оружие могло понадобиться ему еще до того, как он доберется до города. Подарга и одна из орлиц обогнали его на довольно большой высоте, потом сделали крутой вираж и устремились к нему по длинной пологой дуге. Другие орлицы находились прямо над Кикахой. Сложив крылья, они ринулись в атаку.

По-видимому, пикировавшие птицы и гарпия рассчитывали напасть на него, когда он подпрыгнет. Кикаха продолжал двигаться вперед. Взглянув вверх, он обнаружил, что орлицы вот-вот его настигнут. Вытянув лапы с желтыми когтями, птицы напрягли их, как огромные амортизаторы, и приготовились к удару при столкновении. Подарга и ее напарница приближались, летя почти параллельно земле, и громко хлопали крыльями. Они неслись в шести футах над мхом.

В предвкушении Подарга оскалила зубы. С ее когтей стекала красная влага, губы и подбородок были в крови.

— Кикаха-а-а-а! — закричала она. — Наконец-то!

Кикаха удивился. Неужели она не видит меч в его руке? Или гарпия настолько обезумела, что не обращает внимания на оружие?

Однако теперь это не имело значения. Ему предстояло совершить очередной прыжок, который вверх бы его прямо в когти Подарги. И он изо всех сил подпрыгнул прямо вверх. Такого маневра орлицы не ожидали. Они промчались под ним, и их яростные крики пронесли мимо, как свисток пробегающего паровоза.

А потом крики птиц превратились в испуганные вопли. Кикаха услышал звуки глухих ударов. Крылья гулко захлопали — пикировавшие орлицы пытались замедлить падение.

Кикаха приземлился и двинулся дальше. Прыгая, он рискнул оглянуться. Подарга и четыре орлицы лежали на земле.

Вокруг них летали зеленые перья. Подарга лежала на земле вверх ногами и нелепо крутилась. Одна орлица потеряла сознание. Две другие уже поднялись на ноги. Приходя в себя от удара, они шатаясь ходили вокруг своей повелительницы. Четвертая орлица попыталась встать, но, взмахнув крыльями, с криком повалилась на бок.

Несмотря на полученную фору, Кикаха едва успел добраться до входа в здание. Подарга отставала всего на несколько футов. Обернувшись, он махнул мечом, но она отпрыгнула назад и, захлопав крыльями, свирепо закричала. Из рта у нее текла кровь, глаза выкатывались из орбит от неистового гнева, ниже правой груди виднелась глубокая рана. Очевидно, во время рукопашной или падения ее пронзил чей-то меч или коготь.

Теперь ее сопровождали только три орлицы. Увидев, что они отстали, Кикаха поднял меч и бросился к Подарге. Это так ее напугало, что к ней вернулся разум. Она развернулась, подпрыгнула и замахала крыльями. Кикахе не хватило какого-то ярда. Меч отсек лишь несколько длинных перьев на ее хвосте. Опустившись на землю, Кикаха скрылся в дверном проеме. Туда же попытались проникнуть и орлицы.

Две из них получили легкие ранения и отступили. За их спинами кричала и прыгала Подарга. Кикаха пробежал по большому коридору и пересек огромный зал, уставленный витиевато украшенными столами и креслами. Потом пробежал через следующую комнату, спустился по лестнице в коридор и, миновав большой внутренний двор, оказался в другом здании. В дверях покинутого им дома появилась орлица, а гарпия и оставшиеся птицы обошли здание вокруг. Если бы он остался у входа в здание, его атаквали бы с двух сторон — спереди и с тыла.

Кикаха подбежал к комнате, в которую вела, как он знал, только одна дверь. Его охватили сомнения. Может быть, остаться здесь? Или все же поискать подземные пещеры? В темных коридорах подземного лабиринта он без труда ушел бы от погони. С другой стороны, орлицы учуют его запах, где бы он ни находился. А в пещерах имелись твари еще похуже орлиц — опасные и отвратительные монстры. Между прочим, их придумал сам Кикаха. И именно по его просьбе Вольф создал и поселил здесь этих чудовищ.

Раздался крик. Кикаха прыгнул в дверной проем и быстро повернулся, готовый защищаться. Решение пришло само собой. Нужно добраться до пещер. Другого выхода нет, и, как бы ему ни хотелось передохнуть, он должен бежать.

Выскочив из комнаты, Кикаха вдруг остановился. Он понял, как можно перехитрить орлиц и добиться успеха. Да, он пойман в ловушку, и в данный момент ему, пожалуй, не выбраться из нее. Но это еще не означало, что он должен сдаться. Подарга находится в такой же западне, и у нее нет ни малейшего представления о том, как выбраться отсюда и вернуться на родную планету. А он знает путь к спасению. Значит, можно совершить сделку, если только она согласится повременить с местью. А он посмотрит, что из этого получится.

Большая комната была выложена мрамором. На толстой золотой цепи, подвешенной к центру потолка, покачивалась кровать, отделанная замысловатой серебряной и золотой инкрустацией. Стены украшали картины, изображающие светско-кожих, прекрасно сложенных людей. Их лица лучились неземной красотой, а величественные одеяния и многочисленные драгоценности говорили о достатке и развитой культуре. Безбородые мужчины и прекрасные женщины с раскосыми глазами носили сходные прически: их волосы желтого и бронзового цвета свободно падали на плечи. Они резвились на природе и играли в игры. В окнах нарисованных домов виднелось синее нарисованное море.

Фрески сделал Вольф, который имел к этому особый талант, и его мастерство заслуживало самых лестных эпитетов. Однако вдохновителем его был Кикаха. Именно он придумал этот мир луны, за исключением самой луны.

Вскоре после того как они отбили дворец у Арвура и Вольф снова провозгласил себя властителем планеты, он как-то вскользь заметил, что давно уже не бродил по луне. Это заинтересовало Кикаху, и он настоял, чтобы они немедленно отправились туда. Вольф ответил, что на луне нет ничего примечательного, кроме травянистых равнин, пологих холмов и небольших гор. И все-таки, пройдя через ворота, они устроили там пикник. Хрисеида — волоокая дриада с волосами в тигровую полоску — приготовила им полную корзину сладостей и спиртных напитков. Тут она ничем не отличалась от любой американской домохозяйки, которая собиралась на прогулку в парк или за город. На всякий случай они прихватили с собой оружие и нескольких толосов — полупротеиновых роботов, которые выглядели, как рыцари в полном боевом облачении. Даже здесь властитель не мог расслабиться и отдохнуть. Он всегда оставался настороже, ожидая нападения своих сородичей.

В тот раз они прекрасно провели время. Что бы там ни говорил Вольф, на луне чудес хватало. Восхитительное и

жуткое зрелище повисшей в небе планеты очаровывало. Да только ради этого стоило совершить такое путешествие. И потом, здесь можно было прыгать, словно ошалевший кузнецик.

К концу дня, когда Кикаха охмелел от вина, неведомого ни одному гурману на Земле, у него возникла идея о так называемом «проекте Барсума». Беседуя с Вольфом о Земле и некоторых книгах, которые им нравилось читать, Кикаха рассказал, что жил в молодости на ферме возле Терре-Хота, штат Индиана, и увлекался произведениями Эдгара Райса Берроуза. Особенно ему нравились Тарзан, Дэвид Икс и Джон Картер. В принципе он относился к ним одинаково, но Джон Картер нравился ему немного больше остальных.

И вот тут его осенила идея. Он даже подскочил, расплескав бокал вина.

— Придумал! Проект Барсума! Ты же сам говорил, что эта луна размером с Марс, верно? А в твоих лабораториях по-прежнему умеют творить биологические «чудеса»! Что, если мы создадим Барсум?

Он так разгорячился, что высоко подпрыгнул, но спьяну не удержал равновесия и свалился на закуску. К счастью, большую часть они уже съели. Кикаха перепачкался вином и едой, но в порыве ликования почти не замечал своего нелепого вида.

Вольф улыбался и терпеливо слушал. Но ответ властителя отрезвил Кикаху.

— Я мог бы в точности воспроизвести Барсум, — сказал Вольф. — И я нахожу восхитительным твое желание стать Джоном Картером. Но мне больше не хочется выставять себя богом и создавать разумных существ.

Уговоры ни к чему не привели. Вольф твердо стоял на своем. И, несмотря на свое упрямство, Кикаха знал, что спорить с ним бесполезно. С таким же успехом можно точить гранит с помощью чепухи, высосанной из пальца.

Тем не менее Вольф согласился засеять поверхность луны желтой растительностью, похожей на мох. Он сказал, что она за несколько месяцев уничтожит всю зеленую траву и займет пространство от ледяной шапки на северном полюсе до ледника на южном.

Он не хотел разочаровывать Кикаху и казаться капризным деспотом. Поэтому ему пришлось сделать кое-что еще. А потом проект заинтересовал его. Вольф вырастил в биологических коварных бентов, шустрых тоатов и других животных Барсума. И тут Кикаха понял, насколько сложен его проект

и каких сроков потребует. Причем результаты могли в корне отличаться от инструкций.

Вольф построил несколько разрушенных городов и попытался создать Дерево Жизни. Ему пришлось прокопать каналы.

Но он не пожелал создавать тарков — зеленых, красных, черных, желтых и белых барсумян. Конечно, Ядавин посчитал бы это пустяком, но Вольф не мог позволить себе такого. Он отказался разыгрывать роль Творца. Кроме того, формирование народов и культур порождало огромные научные и технические проблемы, не говоря уже о грандиозных усилиях и времени. А ведь только для начала проекта потребовалось бы свыше ста земных лет.

Да и откуда Кикаха мог знать, например, о сложностях эмбрионального развития марсианских яиц? Конечно, когда их откладывали, они занимали сравнительно небольшой объем и, возможно, мало чем отличались от футбольного мяча. К сожалению, Берроуз не указал их размеров. Скорее всего яйца после кладки помещали в инкубаторы под свет солнца, и через пять лет из них вылуплялись дети. Но к тому времени их рост достигал двух с половиной футов. И значит, яйцам зеленых марсиан полагалось как-то соответствовать этим размерам. Хотя можно предположить, что зеленые тарки были немного крупнее, чем гуманоидный тип марсиан.

А откуда яйца получали энергию для роста? Если ее подавать из желтка, эмбрион никогда не разовьется. Яйцо — самодостаточная система; оно не получает подпитки от матери, и здесь нет никакой пуповины для ее подвода. Предполагалось, что яйца будут обеспечивать себя энергией, поглощая солнечные лучи. Теоретически они могли бы это делать, но, учитывая небольшую площадь яйца, открытую для приема лучей, добытая подобным образом энергия будет очень незначительной.

Вольф даже не мог представить, какие биологические механизмы обеспечили бы такой феноменальный рост. Требовалась дополнительная энергия, а Берроуз об этом ничего не говорил. Проблему пришлось бы вводить в гигантский протейновый компьютер, который находился во дворце властителя.

— К счастью, мне не надо ломать голову над этим, потому что никаких разумных марсиан не будет, — с улыбкой сказал Вольф, — ни зеленых, ни каких-нибудь еще. Но я могу сделать так, что со стороны покажется, будто мы решили эту проблему.

Возникали и другие вопросы, которые требовали компромиссных решений. Постепенно луна становилась похожей

на Марс. Плотность воздуха оставили такой же, как на планете, хотя Вольф мог сделать атмосферу и более разреженной. Однако он не думал, что Кикахе понравится жить в таких условиях — плотность воздуха на Барсуме предположительно соответствовала земной атмосфере на высоте десяти тысяч футов. Кроме того, у Марса имелись две луны — Деймос и Фобос. Но атмосфера луны простиралась вплоть до гравитационной складки, существовавшей между спутником и планетой. И если бы два тела сходных размеров поместили бы на орбиты, соответствовавшие этим двум спутникам, они сгорели бы в течение нескольких месяцев. Вольф решил эту проблему очень хитро. Он вывел на орбиты две энергетические формы, которые сияли так же ярко, как Деймос и Фобос. Оба небесных прожектора вращались вокруг луны с той же скоростью и в тех же направлениях.

Позже, обдумав все аспекты проекта, Кикаха понял, что Вольф был прав. Конечно, они могли бы поселить здесь многочисленные народы из пробирок и привить им культуру, основанную на марсианских романах Берроуза, но ничего хорошего из этого бы не получилось. И не надо разыгрывать из себя бога. Вольф уже наигрался в это. И он знает, сколько бед и страданий приносят такие забавы.

Или все же стоит попробовать? В конце концов, подумал Кикаха, марсиане получают право на жизнь, и у них, как и у других разумных существ в уголках этого и других миров, появится возможность любить, надеяться и защищать свои идеалы. Конечно, они будут страдать; они познают боль, безумие и душевные муки. Но не лучше ли дать им жизнь, чем навеки оставить нереализованным их существование? И все из-за того, что кто-то решил избавить их от лишних мучений? Неужели Вольф не помнит своих слов о том, что, несмотря на лишения и тяготы, самой прекрасной вещью на свете является жизнь и что лучше терпеть и страдать, чем никогда не существовать?

Вольф признал правоту его слов, но попросил сохранять объективность и логику. Кикахе захотелось поиграть в Джона Картера только потому, что он мечтал об этом в детстве. Но это только мечта мальчишки с хужеровской фермы. А Вольф не собирался тратить свои силы и время на создание живых, дышащих и разумных зеленых марсиан или красных зоданган только по той причине, что Кикаха, обидевшись, мог пронзить его мечом.

Кикаха вздохнул, усмехнулся и, поблагодарив Вольфа за то, что тот сделал, прошел через ворота на луну. Он провел там прекрасную неделю. Во время охоты на бентов ему

удалось заарканить тоата, и он даже укротил его. А потом Кикаха бродил по руинам Корада и Тарка — так он назвал города, построенные толосами Вольфа. Но ему стало скучно, и он вернулся на планету. Он несколько раз возвращался сюда на «каникулы» — один раз со своей дракландской женой и несколькими тевтонскими рыцарями, а однажды с отрядом хроваков. Но все они чувствовали себя на луне очень тревожно и едва не поддавались панике, поэтому хороших каникул не получалось.

ГЛАВА 17

Три года минуло с тех пор, как Кикаха проходил через ворота на луну. И вот он снова оказался здесь, но такой ситуации, как эта, ему бы не привиделось и во сне. Гарпия и орлицы рыскали по зданию. А он попал в тупик. Пути дальше нет. Ничья. Он не мог выйти, но и им не удалось бы напасть на него без серьезных и, возможно, фатальных потерь. Однако у них имелось преимущество. Они могли найти воду и пищу. Времени у них достаточно, и они подождут того момента, когда, ослабев от жажды и голода, он уже не будет сопротивляться или просто уснет мертвецким сном. У них нет никаких причин торопить события. Орлиц никто не подгонял.

Однако ситуация вскоре могла измениться. Существовала возможность — и довольно вероятная, — что Звонари пожеляют вернуться сюда через другие ворота. И на этот раз они приведут с собой значительные силы.

Если Подарга думает, что Кикаха будет сидеть в комнате до полного изнеможения, она глубоко ошибается. Он, конечно, попробует еще несколько трюков, но, если они не сработают, Кикаха начнет прорываться с боем. А вдруг ему удастся дать отпор и проскочить мимо них к подземелью? Хотя надежды на это мало — клювы и когти у орлиц быстрые и острые. И все равно он не позволит им смеяться над собой.

Кикаха решил создать для них как можно больше проблем. Он выкатил из паза между стенами колесоподобную дверь и, оставив узкое отверстие, громко позвал Подаргу.

— Ты можешь думать, что я в твоей власти! — сказал он ей. — Но даже если это и так, что дальше? Неужели ты собираешься провести остаток жизни в этом заброшенном месте? Здесь нет гор, достойных называться вашим гнездовьем, а местность тоскливая и плоская! Вы даже не представляете себе, как трудно здесь добывать пищу! Все животные, которые обитают на открытой местности, будут бо-

роться за свои жизни до конца. А видели бы вы, какие они огромные и беспощадные!

Что же касается тебя, Подарга, ты больше не будешь править сотнями тысяч подданных! И даже если твои девственные орлицы снесут по яичку, чтобы увеличить число твоих слуг, для них настанут трудные времена, потому что вокруг полным-полно хищных тварей, которые по достоинству оценят и белок и желток! Я уж не говорю об огромных белых обезьянах, которым понравятся не только яйца, но и ваши косточки! А какие эти обезьяны хитрые и вероломные! Вы еще не встречались с ними, верно? — Он подождал немного, чтобы они обдумали его слова, а затем добавил: — Вы будете торчать здесь до самой смерти! Впрочем, я мог бы помочь вам вернуться на планету. Мне известны врата, которые ведут назад! Но для этого, Подарга, тебе придется объявить перемирие!

Наступила тишина. Затем раздались тихие голоса орлиц и гарпии. Наконец Подарга сказала:

— Твои слова довольно заманчивы, Ловкач! Но они меня не обманут! Мы подождем, пока ты заснешь или свалишься с ног от жажды! А потом мои птишки возьмут тебя живым и будут пытаться до тех пор, пока ты не скажешь нам все, что мы захотим узнать. И тогда я убью тебя. Ты понял, Кикаха? И что ты на это ответишь?

— Не так и много, — пробормотал он про себя и громко закричал: — Ты не дождешься этого! Я сам убью себя! Ты поняла меня, крылатая потаскушка? Или твоя куриная башка совсем перестала мыслить?

Визгливые проклятия и хлопанье крыльев подсказали ему, что она относится к его словам с таким же неодобрением, как и он к ее угрозам.

— Я знаю, где находятся врата, Подарга! И тебе никогда не найти их без моей помощи! Так что быстрее шевели своими мозгами! Я даю тебе полчаса! А потом не жди от меня поблажек!

Кикаха захлопнул дверь и сел, прислонившись спиной к красновато-коричневой отполированной древесине. Если бы птицы попытались сдвинуть дверь в сторону, он бы успел и подняться и приготовиться к бою. Кикаха решил немного отдохнуть. Тяжелая битва в Таланаке, переброска на луну и последующая погоня утомили его. И ему очень хотелось пить.

Наверное, он задремал. Вынырнув из черных маслянистых вод дремоты, он выбрался на гребень сознания. Во рту пересохло, в горле першило. Казалось, что вместо глаз ему вставили круто сваренные горячие яйца. Но дверь не двигалась, и он не

мог понять, что же его разбудило. Возможно, дало осечку его чувство бдительности.

Голова тяжело откинулась и уперлась в дверь. Сквозь дерево круглой плиты доносились слабые крики и шум. И тогда он понял, что именно пробудило его. Вскочив на ноги, Кикаха откатил дверь наполовину, и едва она отошла в сторону, как в комнату ворвались звуки жестокой битвы.

Подарга и три орлицы противостояли трем огромным темно-желтым животным, которые походили бы на кошек, не будь у них десяти ног. Эти два самца с пушистыми гривами и гладкошерстная самка представляли собой семейство бентов — львов, описанных Берроузом и созданных Вольфом в биолaborаториях дворца. Бенты охотились на тоатов и детенышей зитидаров — огромных белых обезьян*. Впрочем, они не брезговали и другой дичью, которую могли поймать. Обычно бенты выходили на охоту по ночам. Но, видимо, голод заставил их бродить по городу в дневное время. А возможно, их разбудил шум, и они пошли на запах крови.

Как бы там ни было, бенты напали на тех, кто загнал Кикаху в эту комнату. Они убили одну птицу — вероятно, в первой внезапной атаке, как подумал Кикаха. Зеленые орлицы считались очень грозными бойцами. Они могли обратиться в бегство двух тигров и не потерять при этом ни пера. До сих пор бентам удалось убить лишь одну из них и нанести другим несколько ран. Однако и их тела уже покрывала кровь из глубоких порезов.

Получив отпор, львы изменили тактику. Взревев, они отступили в глубь коридора и начали по очереди терзать обронку противника. Вышагивая вперед и назад, один из хищников внезапно бросался на орлиц. В большинстве случаев он останавливался за пределами досягаемости их желтых клювов, не менее опасных, чем боевые топоры. Но иногда бенту удавалось нанести удар огромной лапой с ужасными серповидными когтями. И тогда эта вылазка превращалась в настоящий бой: мелькали клыки, похожие на сабли, вонзались птичьи клювы; желтые и темно-красные когти вырывали клочья из темно-желтых шкур, косматых грив и крылатых тел. В вихре сверкали зеленые, желтые и красные глаза, брызги крови разлетались в стороны, а помещение наполнялось рычанием и криками. Но лев вдруг отбегал прочь и уступал место своим сородичам.

* Неточность автора: зитидары у Берроуза — выючные животные.

Подарга скрывалась за спинами огромных, как башни, орлиц.

Кикаха ждал. Вскоре три бента предприняли одновременную атаку. Самец и орлица покатались по полу и с грохотом врезались в дверь. Кикаха отпрыгнул, затем шагнул вперед и вонзил меч в сплетение тел. Его не волновало, кого убивать — льва или орлицу, — хотя он бы выбрал скорее последнюю. Птицы более разумны. Они могли концентрироваться на цели и стоять до конца — до его конца, то есть смерти.

Но кончик меча лишь слегка вошел в чью-то плоть, и два тела откатились в сторону. Оба животных создавали столько шума, что он не мог понять, кого из них ранил.

И тут перед ним открылась дорога для бегства, проходившая через центр коридора. Обоих орлиц атаквали самцы. Подарга прижалась к стене и выставила когти, защищаясь от взбешенной самки. У львицы шла кровь из глаз и полукровавого носа. Подслеповато шурясь, она не решалась наброситься на гарпию.

Кикаха помчался по проходу, но ему навстречу покатались вцепившиеся друг в друга противники. Решив перепрыгнуть через два тела, он оттолкнулся от мускулистой темно-желтой спины и взвился в воздух. К несчастью, Кикаха вложил в прыжок слишком много сил. Он ударился головой о мраморный потолок и порезал висок о большой алмаз, вставленный в мрамор.

Удар оглушил его. Покачиваясь, Кикаха двинулся дальше. Однако в тот момент его мог бы одолеть и ребенок. Напади на него орлицы или львы, они разорвали бы его с такой же легкостью, с какой волк убивает больного кролика. Но в яростной битве друг с другом им было не до него. Кикаха выбрался из здания и через несколько минут покинул город. Совершая огромные прыжки и скользя по гладкому мху, он направился к дальним холмам.

Высоко подпрыгнув, Кикаха пролетел мимо разорванного трупа орлицы, которая покалечилась при ударе о землю. Рядом с ней лежал огромный бент с распоротым брюхом. Очевидно, он набросился на раненую птицу, рассчитывая на легкую победу. Однако его подвела самонадеянность, и лев поплатился за свою ошибку.

Немногим позже Кикаха перепрыгнул через труп Квотшамла — вернее, его останков, разбросанных по желтому мху, — голова, ноги, руки, кишки, легкие и прочие органы.

Он запрыгал по склону холма, который почти заслуживал почетного звания горы. В двух третях пути к вершине, за изогнутым выступом гранитной скалы, покрытой крупными

пятнами кварца, находился вход в пещеру. Путь был открыт, и теперь ничто не мешало ему добраться до цели. Удача снова возвращалась к Кикахе, и он с улыбкой думал о том, что всего лишь несколько минут назад считал свое невезение фатальным.

Пронзительный крик за спиной подсказал Кикахе, что удача ему только померещилась. Он оглянулся. В четверти мили от него летели две орлицы и Подарга. Семейство бен-тов, очевидно, осталось в здании. Им не удалось остановить гигантских зеленых птиц. В каком-то смысле кошкам даже повезло — они остались живы и могли теперь насладиться пожиранием убитой ими орлицы.

Что бы там ни произошло, Кикахе опять грозила опасность. И он снова оказался на открытом пространстве. Его преследовательницы уже приноровились летать в условиях слабой гравитации. По сравнению с тем, как они летали на планете, их скорость увеличилась втрое — хотя, конечно, глаза у страха велики, и Кикаху могло подвести богатое воображение. К тому же, устав после сражения и потеряв много крови, они, безусловно, не могли лететь быстро.

Оглянувшись еще раз, он заметил чудовищные раны на телах Подарги и одной из орлиц. Их крылья двигались все медленнее и медленнее, и они начинали отставать от другой орлицы. Ее зеленые перья тоже покрывала кровь, но она не выглядела настолько слабой и израненной. Зеленая птица догнала Кикаху и устремилась вниз, как ястреб на суслика.

Однако «суслик» уже подготовился к атаке и заранее вытятил меч из ножен. Рассчитав момент, когда ее траектория совпадет с его прыжком, он развернулся в воздухе, и вытянутые лапы орлицы оказались в пределах досягаемости острого клинка. Она закричала и раскрыла крылья, пытаясь притормозить, но Кикаха нанес удар. Стой Кикаха на земле, он вложил бы в удар больше силы. Кроме того, инерция развернула Кикаху в воздухе, и, приземляясь, он потерял равновесие. И все-таки клинок отрубил на одной ноге орлицы все когти и рассек сухожилия на другой. А потом Кикаха упал на землю и, ударившись о камни, задохнулся.

Всхлипывая и хрипя, как порванная волюнка, он поднялся на ноги и нащупал рукой выпавший меч. Орлица, как раненая курица, сучила ногами и била крыльями по земле. Она даже не заметила, как Кикаха подошел к ней и опустил меч на вытянутую шею. Голова отлетела, и черный, с красным окаемом блестящий глаз, злобно уставившись на него, стал тускнеть и подергиваться холодной дымкой смерти.

Морщась от боли в отбитых легких, Кикаха набрал в грудь воздух и прыгнул к отверстию пещеры. Подарга и последняя орлица отставали на каких-то двадцать ярдов. Приземлившись у самого входа, он метнулся к дальнему концу пещеры — к гранитной стене, которая находилась в сорока футах от отверстия.

Его появление нарушило покой семейства огромных белых обезьян. Четырехрукий папа, рост которого достигал десяти футов, сидел на корточках справа от входа. Макушку его черепа, похожего на буханку хлеба, украшал огромный султан из белых волос; на гориллообразной физиономии поблескивали розовые пуговики колючих маленьких глаз. Он раздирал острыми клыками ногу небольшого тоата. Мама объедала голову убитого животного и одновременно кормила грудью двух детенышей.

(Вольф и Кикаха свалили дурака, создав этих белых обезьян. Они забыли, что единственными млекопитающими на Марсе Берроуза были люди и небольшие забавные существа. Но к тому времени на луне уже обитало несколько тысяч обезьян. И когда Кикаха обнаружил ошибку, Вольф предложил ему смириться и оставить все как есть. Не имело смысла уничтожать такое количество их первых питомцев и выращивать в биолaborаториях новые немлекопитающие виды.)

Внезапная встреча вызвала обоюдное удивление. Но Кикаха находился в движении, и это давало ему небольшое преимущество. Он с ходу повернул небольшой камень-ключ в углублении скалы и надавил на массивную глыбу, выпиравшую из черной стены. В результате часть стены повернулась вокруг оси, и перед ним открылся проход в следующее помещение. Он увидел квадратную комнату около двадцати футов в поперечнике. У одной из стен на гранитном полу мерцали семь полумесяцев, вделанных в камень. Справа, на уровне глаз, из стены торчало несколько колышков, на которых висели семь других полумесяцев из светло-серебристого металла. Судя по сходству нарисованных иероглифов, каждый из них соответствовал своей половинке на полу.

Когда оба полумесяца соединялись и создавали круг, они становились вратами в заранее предписанное место планеты. Кикаха знал, что двое врат являлись ловушками. Воспользовавшись ими, неосторожный человек оказался бы в тюрьме, которая находилась под дворцом властителя. И Вольф хвастался, что бежать из нее невозможно.

Кикаха торопливо осмотрел иероглифы. Ему не хотелось терять время, но он понимал, что без этого не обойтись. Свет едва проникал в помещение, и Кикаха почти не различал

отметок. Конечно, здесь не помешал бы какой-нибудь источник света, но создатели пещеры об этом не подумали. А теперь для сожалений не оставалось времени. Действовать приходилось без всяких размышлений.

В пещере стало шумно, как внутри литавров. Две взрослые обезьяны вскочили на кривые короткие ноги и сердито заревели. Верхними парами рук они колотили себя по груди, а нижними — по животу. Но как только животные начали приближаться к Кикахе, на них налетели Подарга и последняя уцелевшая орлица. Они ворвались в пещеру, как пули, выпущенные из двустволки.

Птицы надеялись схватить беззащитного и загнанного в угол человека, хотя опыт общения с Кикахой мог бы научить их осторожности. И теперь они поменяли трех раненых, уставших и, возможно, не очень резвых бентов на двух огромных, полных сил и разъяренных белых гигантов.

Кикаха с удовольствием посмотрел бы на их битву, подбадривая обезьян одобрительными выкриками, но он боялся спугнуть удачу, которая и без того уже подавала сигналы о том, что ее запасы кончаются. Отбросив подальше полумесяцы от врат-ловушек, он зажал в руке пять остальных. Четыре Кикаха сунул под мышку, намереваясь забрать их с собой. Пусть чудом, но гарпия могла ударить от обезьян. И если она воспользуется одним из оставшихся полумесяцев, ее путь закончится в казематах дворцовой тюрьмы.

Но судьба щедра на всякие неожиданности, а Кикаха слишком уж долго оттягивал момент, чтобы встать и уйти. И вот тогда случилось почти невероятное. Подарга вырвалась из рук обезьяны — вернее, самец швырнул ее изо всех сил, и она, пролетев кувырком через пещеру, оказалась в комнате с вратами. Кикаха начал торопливо вытаскивать меч и в попытках растерял свои полумесяцы. Тем временем гарпия ударила его лапой. Он врезался в стену, отбив о камни печенку и почки. Кикаха не мог замахнуться мечом — не хватало места, да и Подарга находилась слишком близко. Кроме того, удар настолько ошеломил его, что он просто не мог воспользоваться мечом.

Противники покатались по полу. Гарпия вонзила когти в бедра Кикахи, и он взвыл от боли. Она била Кикаху крыльями по лицу, голове, шее и плечам.

Не обращая внимания на боль и тумачи, он с силой ударил ее кулаком в подбородок, а затем оглушил рукояткой меча.

Глаза Подарги перекосились и остекленели; из носа потекла кровь. Гарпия повалилась на спину, раскинув крылья, как руки. Но когти еще впивались в бедра Кикахи смер-

тельной хваткой, и ему пришлось отдирать их один за другим. Кровь стекала по его ногам и собиралась в небольшую лужицу. Едва он оторвал от себя последний коготь, как в комнату на всех шести конечностях влетел обезумевший от ярости самец. Схватив меч обеими руками, Кикаха с силой опустил его на вытянутую лапу обезьяны. Удар потряс его до пят. Руки онемели, и Кикаха чуть не выронил клинок. На пол упала отрубленная у запястья лапа. Его окатил поток крови, который попал в лицо и на миг ослепил. Кикаха смахнул с ресниц густую жидкость и увидел, что обезьяна с криком удирает от него на двух ногах и трех лапах. На всей скорости самец налетел на орлицу, которая клювом и когтями потрошила труп убитой самки. Они вцепились друг в друга и покатались по пещере визжащим и ревушим клубком.

Тем временем Подарга пришла в себя. Она с криком вскочила на ноги и неистово заколотила крыльями. Кикаха поднял с пола полумесяц, взглянул на иероглиф в его центре и, отыскав на полу сходный знак, сложил концы половинок вместе. Рядом крутилась Подарга. Разъярив себя криками, она собралась было атаковать врага, но Кикаха развернулся и ткнул в нее мечом. Она увернулась, отскочила назад, и он шагнул в круг, образованный двумя полумесяцами.

— Прощай, Подарга! — закричал Кикаха. — Желаю тебе сгнить на этом самом месте!

ГЛАВА 18

Как только Кикаха выкрикнул имя гарпии, врата открылись и пещера исчезла. Без всякого ощущения перехода — а так случалось всегда — Кикаха оказался в другом помещении. Он по-прежнему стоял внутри круга из двух половинок. Контакт полумесяцев в пещере, а также внедрение массы его тела в излучаемое ими поле запустили устройство в действие и после трехсекундной задержки активировали врата. Он и незакрепленный полумесяц перенеслись на другой конец подпространства к той половинке, которая соответствовала таким же волновым параметрам.

Ему снова удалось бежать, а значит, можно позаботиться о ранах. Причем с этим делом надо поторопиться, иначе он просто-напросто истечет кровью.

И тогда Кикаха понял, к какой ошибке подтолкнул его натиск Подарги. Отбив атаку обезьяны, он поднял не ту половинку. Во время схватки они с гарпией откатились в угол, где валялись полумесяцы-ловушки, и кто-то из них подтолкнул ногой одну или обе половинки. Те смешались

с остальными полумесяцами, и при прохождении врат ему достался наихудший вариант.

Кикаха находился в тюремной камере под дворцом властителя.

Однажды он похвастался Вольфу, что может сбежать из любой тюрьмы и даже из его застенков, из которых якобы нет выхода. По его мнению, никакая тюрьма и никакие запоры не удержат ловкого и решительного человека. Побег мог потребовать подготовки и времени, но здесь все зависело в основном от ума и сноровки.

Выходит, он сам накликал эту беду.

Создавая тюрьму, Вольф постарался на славу. Камеры находились под восемьюдесятью футами твердого камня и не имели физической связи с внешним миром. Тюрьма представляла собой замкнутую и самодостаточную систему. Тем не менее пища и вода для заключенных подавались из дворцовой кухни через особые маленькие врата, которые могли пропускать предметы не больше подноса.

Кроме того, в тюрьме находились врата, через которые узника перемещали в камеру пыток, расположенную во дворце. Эти врата мог активировать только тот, кто знал о них и имел доступ к механизмам управления.

Диаметр цилиндрической комнаты равнялся примерно сорока футам. Свет исходил из пола, стен и потолка, поэтому теней не было. Созданные Вольфом фрески изображали природу его родной планеты. Вольф считал, что узниками тюрьмы могли стать только властители, дерзнувшие проникнуть в многоярусный мир, поэтому рисовал эти картины для их развлечения. Но в оформлении фресок чувствовалась жесткая ирония и глумление — все они изображали широкие и прекрасные панорамы открытых просторов, тем самым напоминая заключенному об узком и замкнутом пространстве его камеры.

Прекрасная мебель воплощала среднетьямарзанский стиль, соответствовавший в истории властителей тому периоду, который предшествовал Исходу. За дверцами огромных комодов и шкафов находились многочисленные приборы для развлечения и просвещения узника. И они появились в камерах несколько лет назад. Когда Вольф отвоевал дворец у Арвура, он многое изменил во дворце, в том числе и свою тюрьму. Ему не хотелось, чтобы его пленники изнывали от скуки, и он постарался снабдить их всем, чем только мог, поскольку часто покидал дворец на долгий срок и не всегда мог своевременно освободить попавшего в тюрьму властителя.

Так уж случилось, что до этих пор в камерах Вольфа не побывало ни одного пленника. По воле рока и к великому разочарованию Кикахи, первым узником стал лучший друг тюремщика, а тот куда-то исчез и мог вернуться довольно не скоро.

Кикаха надеялся, что Звонари еще не знали о его появлении в тюрьме, однако три индикатора, мигавшие в трех разных местах, уже сигнализировали о наличии гостя в одной из подземных камер. Первая лампочка находилась в спальне Вольфа; вторая пульсировала на приборной панели огромного пульта в центре управления; третья светилась где-то на кухне.

Заметив новый сигнал, Звонари встревожатся и попытаются разгадать его смысл, однако он лишь усилит их тревогу и неуверенность, потому что им не у кого спросить, что означают эти мигающие огоньки. Об их назначении знали кухонные толосы, но они не могли отвечать на вопросы. Вольф создал себе бессловесных слуг. Рты роботов предназначались не для болтовни, а для того, чтобы пробовать на вкус приготовленную пищу.

Успокоив себя этой мыслью, Кикаха осмотрел шкафчики с медикаментами. Подыскав антисептики, лекарства, бинты и обезболивающие средства, он очистил раны, наложил на них полоски псевдоплоти и остановил кровотечение. Мощные лекарства начали оказывать свое исцеляющее действие.

Кикаха выпил воды, а затем открыл бутылку пива. Он принял душ, вытерся и нашел в аптечке пару таблеток, которые могли успокоить его перевозбужденные нервы — после такой потери крови ему не помешало бы как следует выспаться. Однако таблетки могли и подождать. Поэтому он решил сначала поесть и закончить обследование комнаты.

По правде сказать, ему даже не хотелось думать об отдыхе. Время подгоняло. Он мог только догадываться о том, что происходило сейчас в Таланаке с Ананой и рыжебородыми. Их могли атаковать летающие машины Звонарей, оснащенные мощными лазерами. А чем теперь занимается фон Тарбет? Убежав от Подарги, он и фон Свиндеберн прошли через ворота во дворец. Неужели они удовлетворятся настоящим положением дел и будут отсиживаться наверху? Нет, подумал Кикаха. Они обязательно вернутся на луну через другие ворота. Звонари уверены, что он попал в их ловушку и что его можно взять живого и тепленького голыми руками. Но у них наверняка возникнут сомнения, и, значит, они отправят на луну последний самолет и какое-то количество воинов, а затем устроят на него большую охоту.

Кикаха даже усмехнулся. Они начнут искать его наверху, а он в это время будет находиться у них под самыми ногами. Конечно, есть вероятность, что Звонари найдут пещеру около Корада. Но в таком случае они проверят все оставшиеся полумесяцы, и по крайней мере один из Звонарей вскоре окажется в его камере. Тогда ни о каком сне не может быть и речи. Надо что-то придумать и побыстрее выбраться отсюда.

Но Кикаха знал, что ему необходимо выспаться, иначе он просто свалится с ног или станет таким медлительным, что с ним справится и ребенок. Взбодрившись бутылкой пива и тремя стаканами вина, он подошел к небольшой дверце в стене, над которой сиял желтым светом большой граненый топаз. Кикаха открыл дверь и вытащил из отверстия в стене серебряный поднос. На нем стояло десять серебристых, украшенных самоцветами тарелок, наполненных вкусной и изысканной пищей. Отобедав, он вернул поднос и остатки блюд в нишу.

Немного подождав, Кикаха понял, что ворота активируются как-то по-другому. Он захлопнул маленькую дверь и через пару секунд вновь открыл ее. Углубление оказалось пустым. Поднос вернулся через ворота на кухню, где его приняли толосы, чтобы вымыть и протереть тарелки. Через шесть часов роботы поместят в кухонные ворота новый поднос с едой и отправят его в спрятанную под скалой камеру.

Кикахе хотелось проследить порядок пересылки подноса. Он боялся проспать и упустить этот момент. К сожалению, в тюрьме не было часов, и ему приходилось полагаться только на свои биологические часы, которые в таких условиях могли и отказать.

Кикаха пожал плечами и упрекнул себя за излишнюю суету. Попытка — не пытка. Если он не успеет к воротам на этот раз, то всегда может попробовать в следующий. Однако ему требовалось выспаться. Кто знает, с чем он столкнется позже. А Кикаха по-прежнему надеялся вырваться из тюрьмы. Впрочем, для отдыха это лучшее место во всей вселенной — если только Звонари не найдут на луне пещеру с воротами.

Первым делом он решил обследовать все доступные помещения тюрьмы и лично убедиться в их безопасности. Кроме того, он надеялся найти какие-нибудь предметы, которые могли бы пригодиться в дальнейшем. Подойдя к двери в конце комнаты, Кикаха открыл ее и шагнул в небольшую пустую прихожую. Потом прошел в следующую дверь и оказался во второй цилиндрической комнате около сорока футов в диаметре. Роскошное убранство и обстановка при-

надлежали к иному стилю, названия которого он не знал. Странная мебель все время изменяла форму, и, когда Кикаха проходил рядом с диваном, креслом или столом, предметы ускользали от него в разные стороны. Стоило ему ускорить шаг, как мебель тут же начинала двигаться быстрее и по-прежнему оставалась вне досягаемости. Если же удиравший предмет приближался к другим вещам, они тоже убегали со своих мест и кружились вокруг Кикахи в умопомрачительном хороводе.

Комната предназначалась для того, чтобы развлечь, озадачить и, в конечном итоге, разъярить заключенного. Предполагалось, что это поможет ему отвлечься от мысли о своем незавидном положении.

Махнув рукой на прыгучий диван, Кикаха подошел к двери в противоположном конце комнаты. Она закрылась за ним, как и остальные двери. Он знал, что все они открываются только с одной стороны, но на всякий случай убедился в этом лично — а вдруг Вольф внес какие-то изменения. Дверь не открывалась. Кикаха стоял в небольшой прихожей. За ней находилась художественная мастерская. Следующая комната в четыре раза превосходила по размерам предыдущую; здесь располагался плавательный бассейн, который наполнялся сменяемой прохладной водой. Она переносилась через подпространство из дворцового водохранилища и вытекала сквозь другие врата. Вода вливалась на конце бассейна, а выливалась через зарешеченное отверстие в центре его дна. Кикаха изучил устройство циркуляции воды и перешел в следующую комнату.

Она не отличалась по размерам от первой: в ней находились гимнастические снаряды. В помещении поддерживалась повышенная гравитация — в полтора раза сильнее тяготения Многоярусной планеты и Земли. Большую часть снарядов Кикаха видел впервые — а уж ему-то довелось попутешествовать, как никому другому. С крюков и балок на потолке свисало несколько веревок и канатов, предназначенных, очевидно, для лазанья.

Соорудив из веревок лассо, Кикаха смотал его в кольцо и прихватил с собой пару тонких канатов. В общей сложности он прошел через двадцать четыре помещения, и все они отличались друг от друга. В конце концов он вернулся в первую комнату.

Любой другой заключенный подумал бы, что все помещения идут друг за другом цепочкой и образуют замкнутый круг. Но Кикаха знал, что между ними нет физических

соединений. Каждую комнату отделяло от следующей не меньше сорока футов гранита.

Переход из одного помещения в другое осуществлялся через ворота, вделанные в дверные проемы прихожих. Когда дверь открывалась, ворота активировались, и узник мгновенно переносился в другую прихожую, точь-в-точь напоминавшую ту, в которую он, по его мнению, входил.

Кикаха осторожно прокрался в комнату. Пока он обследовал тюрьму, сюда мог пробраться один из Звонарей. Поэтому ему хотелось убедиться, что никто еще не воспользовался ловушкой-полумесяцем, оставленным в пещере на луне. Комната была пустой, но Звонарь мог попасть в нее и пойти по кругу из двадцати четырех помещений. Кикаха пожал плечами и хитро усмехнулся. Потом поставил друг на друга три стула и, прихватив с собой это сооружение, пошел в следующую комнату, в которой находилась менявшая форму, неуловимая мебель. Кикаха выбрал диван и заарканил нелепый выступ на вершине его спинки. Выступ начал менять форму, однако его метаморфозы ограничивались объемом и размерами, поэтому лассо держалось крепко. Когда Кикаха приблизился к дивану, тот двинулся прочь. Кикаха быстро лег на спину и стал подтягиваться на веревке. Диван заматался из стороны в сторону. Однако толстый ковер предохранял от ушибов, хотя длинный колючий ворс кусал кожу. В конце концов Кикаха ухватился за диван и забрался на него. Тот остановился, задрожал — и застыл на месте, став таким же неподвижным, как обычная мебель. Но если бы Кикаха слез с него, он вновь возобновил бы свои бешеные скачки.

Привязав конец лассо к выступу, Кикаха заарканил спинку стула, который спокойно стоял поблизости. Вначале стул вел себя нормально, однако вблизи человеческого биополя он начал прыгать и удирать. Кикаха соскочил с дивана и с помощью маневров попытался подружиться с этим упрямым. Привязав к его спинке второй конец лассо, он установил стул около двери и, используя различные предметы вместо грузов, собрал с помощью веревок простейший механизм Руби Голдберга. Идея заключалась в том, что любой человек, прошедший в дверь, наткнется на веревку. При падении незваного гостя диван и стул должны были отскочить в стороны, затягивая при этом петлю вокруг его лодыжки. Конец петли крепился к веревке, протянутой между диваном и стулом. Вторая веревка соединяла выступ дивана с золотой люстрой, украшенной изумрудами и бирюзой. Встав на пирамиду из трех принесенных им стульев, Кикаха не спеша вытянул

стержень, который обеспечивал крепление люстры к потолку. Он вытащил его только наполовину и оставил в таком положении, что при малейшем рывке люстра упала бы вниз. Когда диван и стул будут удирать от прищельца, натяжение веревки вырвет стержень окончательно, и люстра рухнет на пол. Если его расчеты верны, она упадет на того, кто потянет веревку, привязанную к петле.

В общем-то Кикаха не ожидал, что эта ловушка остановит его преследователей. Вряд ли они будут настолько невнимательными, что не заметят петли. Тем не менее всякое могло произойти — этот и следующий миры полны дураков и неуклюжих идиотов.

Он прошел в художественную мастерскую. Его внимание привлек большой шар из пластика. Податливый материал мог сохранять любую приданную ему форму. Для этого после лепки в него вводилось особое вещество, которое вызывало гиподермическую реакцию. Кикаха отнес шар и игольчатый шприц в комнату с плавательным бассейном. Нырнув на дно, Кикаха затолкал пластиковый шар в выпускное отверстие. Он сделал из него диск, который наглухо перекрыл слив воды. Зафиксировав форму гипосоставом, Кикаха выплыл на поверхность и выбрался из бассейна. Уровень воды начал тут же повышаться — все получилось так, как он и ожидал. Система впуска и выпуска не имели обратной связи и регулирующих устройств, поэтому подача воды продолжалась даже при перекрытом стоке. Вольф не предусмотрел такой тонкости, хотя в принципе у него не было причин ломать над этим голову. Пленник мог распоряжаться своей жизнью по собственному усмотрению, в том числе топиться, вешаться или глотать серебряные вилки.

Кикаха прошел в следующую комнату. Забаррикадировав дверь мебелью и статуями, он вытерся полотенцем и лег спать. Звонарям придется попотеть и помокнуть, добираясь до него. В любом случае им не войти сюда, не наделав большого шума.

Услышав звон колокольчиков, привязанных к его нервам, Кикаха проснулся и приоткрыл глаза. Сердце заколотилось, как крылья взлетающей курапатки. Что-то вломилось в его сон — а вернее, в комнату. Сжимая меч в руке, он спрыгнул с дивана. В тот же миг, разметаив баррикаду, дверь распахнулась, и волна воды швырнула на пол какого-то человека. Он задышался и ловил ртом воздух, словно ему приходилось

долгое время задерживать дыхание. Дверь автоматически закрылась, и они остались один на один.

Кикаха с интересом рассматривал своего гостя — длинноногого, хорошо сложенного парня с бледной кожей, крупными веснушками и темными волосами, которые, подсохнув, могли превратиться в светло-рыжие локоны. Лучемета ему, видимо, не доверили, но за поясом торчал кинжал, а в ножнах виднелся короткий меч. Доспехи он снял, оставшись лишь в красной рубашке с короткими рукавами, большом кожаном поясе и желтом трико с широкими лампасами.

Выпрыгнув из-за дивана, Кикаха подбежал к нему с поднятым мечом. Ошеломленный противник даже не успел встать. Однако, сообразив, что ему дают возможность сдаться, он принял единственно правильное решение, вполне достойное любого разумного человека. Кикаха заговорил с ним на языке властителей, но парень изумленно покачал головой и ответил ему по-германски. Кикаха перешел на речь дракландцев и приказал мужчине сесть на стул. Человек дрожал от холода и мрачных предчувствий.

Его свободное владение германским языком убедило Кикаху, что он не Звонарь. Судя по диалекту, парень вырос в эйнхорнерских горах. Очевидно, Звонари не захотели подвергать себя опасностям неизведанных врат. Они послали на разведку воинов-смертников.

Пал До Шаптарп рассказал Кикахе все, что знал. Будучи баронетом, он командовал гарнизоном эггесхаймского замка, который принадлежал великому королю фон Тарбету. Во время набега на Таланак его оставили следить за порядком в замке. Но день назад фон Тарбет и фон Свиндеберн вернулись в Эггесхайм. Они вышли из небольшой часовни и приказали гарнизону и множеству других отрядов следовать за ними в «волшебную» комнату замка. Фон Тарбет объявил, что их заклятый враг Кикаха находится теперь на луне, поэтому для его поимки им придется прибегнуть к магии — разумеется, белой. Но король так ничего и не сказал о том, что случилось с солдатами в Таланаке.

— Они все погибли, — отозвался Кикаха. — Но как фон Тарбет общался с вами?

— В последнее время он говорит только через жреца, — ответил До Шаптарп.

— А тебе это не кажется странным?

Баронет пожал плечами:

— После стольких чудес и событий, которые случились в нашей стране, мы перестали чему-нибудь удивляться. Фон Тарбет объявил народу, что получил от властителя боже-

ственное откровение. Он сказал, что обрел дар говорить на священном языке. И ему более не позволено прибегать к другим языкам, ибо так властитель хотел дать понять всем людям, что фон Тарбет стал его любимцем.

— Хорошее объяснение, — подметил Кикаха.

— Над замком появилась магическая летающая машина, — продолжал До Шаптарп. — Она опустилась на площадь. Мы помогли разобрать ее на части и перенесли куски в комнату, из которой магические силы перебросили нас на луну.

Он рассказал о том, как они испугались, увидев над собой планету, на которой находились всего секунду назад. Она висела над ними в черном небе, угрожая упасть на луну и раздавить их своей гигантской массой.

Но человек привыкает ко всему.

Поисковые партии обнаружили пещеру на склоне холма. Недалеко от входа лежал труп орлицы без ноги и головы. В пещере валялись тела двух обезьян и еще одной орлицы. А потом солдаты нашли на полу семь вмурованных и пять незакрепленных полумесяцев. Услышав это, Кикаха понял, что Подарга прошла через врата и вернулась на планету.

Для проверки магических проходов фон Тарбет выбрал десять лучших рыцарей — по двое на каждый круг. Он надеялся, что кто-нибудь из них найдет и убьет Кикаху.

— А где же твой напарник?

— Со мной пошел Карл фон Ротадлер, — ответил До Шаптарп. — Но его больше нет в живых. Ворвавшись в комнату, он чудом не угодил в петлю, однако это не послужило ему предупреждением. Он всегда полагался на силу и меч, хотя мог бы прежде выяснить обстановку. Когда Карл вбежал в комнату, диван и стул понеслись от него прочь. Я не знаю, как ты заколдовал эти вещи, но ты действительно величайший маг. Предметы натянули веревку, она вырвала из потолка крепежный стержень, и люстра упала Карлу на голову.

— Значит, ловушка все-таки сработала! — воскликнул Кикаха. — Но как ты пробрался через комнату с водой?

— Когда Карл умер, я попытался вернуться в первую комнату, но дверь не открылась. Поэтому мне пришлось идти дальше. Подойдя к следующей двери, я изо всех сил толкнул ее, и она распахнулась. Меня окатило водой и отшвырнуло назад. Впрочем, выбирать мне не приходилось. Я снова приоткрыл дверь. Давление воды мешало протиснуться внутрь, меня сбивало с ног, а дверь постоянно закрывалась. Но я сильный, и мне удалось пробраться в подводный зал. К тому

времени прихожая заполнилась водой, и как только я оказался в затопленном помещении, дверь за мной закрылась.

К счастью, вода оказалась чистой, а свет — ярким, иначе бы я утонул, так и не отыскав другую дверь. Сначала я всплыл к потолку, надеясь, что там осталось воздушное пространство, однако вода заполнила все помещение, и мне пришлось отправиться к другому концу комнаты. Давление воды раз за разом открывало дверь, ее потоки вливались в промежуточную комнату, а потом дверь автоматически закрывалась. Очевидно, это продолжалось довольно долгое время. Когда я попал в прихожую, вода заполнила ее больше чем наполовину. Потом давление возросло, и дверь в эту комнату открылась. Мне пришлось немного подождать. А когда дверь начала понемногу открываться вновь, я влетел сюда и повалился на пол. Наверное, так волна выбрасывает моряка на пустынный остров.

Кикаха забыл обо всех своих вопросах. Вызвав потоп в бассейне, он снова загнал себя — и этого парня — в почти безвыходное положение. Пройдет несколько часов, и вода затопит каждую из двадцати четырех комнат.

— Так, — сказал он. — Если мы не выберемся отсюда через пять-шесть часов, нам придет конец.

До Шаптарп спросил, что он имеет в виду. Кикаха объяснил ему ситуацию, и дракландский рыцарь побледнел. Кикаха рассказал тевтону многое из того, что стояло за недавними событиями. Особое внимание он уделил описанию зверств и коварных замыслов Черных Звонарей.

— Ты раскрыл мне глаза на вещи, которых я давно не мог понять, — сказал До Шаптарп. — И поверь, они тревожили не только меня. Да и как иначе? Наша жизнь шла спокойно и гладко. Я готовился возглавить охотничью экспедицию на дракона. И тут наш король и фон Свиндеберн объявили священную войну. Они сказали, что властитель Герр Гутт приказал им захватить город на нижнем уровне. И нам предстояло отыскать трех опасных еретиков, скрывавшихся там.

Многие из нас никогда не слышали о Таланаке, тишкветмоаках и Кикахе. Однако мы знали и уважали барона-разбойника Хорст фон Хорстманна, на которого был объявлен розыск. А тут еще фон Тарбет сказал, что властитель даровал нашему городу магические средства и что отныне мы можем переходить с уровня на уровень. Он объяснил нам причину, по которой был вынужден пользоваться лишь речью властителей. Но ты открыл мне правду, и теперь я понял, что

души моего короля и многих добрых рыцарей пожраны адской нечистью. Их телами завладели демоны.

Баронет не совсем верно понимал суть дела, однако Кикаха не стал разубеждать его. Если кому-то нравится верить в суеверия, так и пусть себе верит на здоровье. Но он должен твердо уяснить, что под обликом двух королей скрывается ужасное зло.

— Скажи, я могу тебе доверять? — спросил он До Шартарпа. — Поможешь ты мне, после того как узнал истину? И веришь ли ты в то, что я тебе сказал? Конечно, все это пока не имеет никакого значения. Но вдруг мне удастся что-нибудь придумать, и мы выберемся из этой затопленной норы.

— Клянусь тебе в вечной верности! — воскликнул рыцарь.

Его слова не убедили Кикаху. Тем не менее ему не хотелось убивать баронета. До Шартарп еще мог пригодиться. Велев рыцарю поднять оружие, он повел его кружным путем в первую комнату. Вернувшись туда, Кикаха перерыл несколько шкафов и нашел записывающее устройство. Оно предназначалось для развлечения узников, но Кикаха придумал ему новое применение. Взяв в руки этот блестящий черный куб трех дюймов в поперечнике, он нажал на красное пятно в нижней грани и произнес несколько слов на языке властителей. Едва он коснулся белого пятна на боковой грани, как куб воспроизвел его слова.

Теперь им оставалось только ждать. Время тянулось медленно, и казалось, что уже прошло несколько часов. Наконец топаз над маленькой дверцей в стене засветился. Кикаха вынул поднос с едой для двух человек. На кухне теперь мигало два огонька, и толосы, заметив это, увеличивали порции вдвое.

— Садись и ешь! — сказал Кикаха. — Неизвестно, когда тебе еще удастся подкрепиться — если вообще когда-нибудь удастся.

До Шартарп поморщился. Кикаха старался не спешить и ел медленно. Внезапно дверь распахнулась, и в комнату стала просачиваться вода. Увидев это, Кикаха быстро проглотил остатки еды. Дверь закрылась, но почти тут же отворилась вновь и изрыгнула новую порцию воды.

Кикаха сложил тарелки на поднос и поставил его в нишу. Он надеялся, что у толосов не окажется каких-то более срочных дел. Если они задержат отправку подноса на кухню, пленникам уже ничто не поможет.

Включив куб на воспроизведение записанных инструкций, Кикаха положил его на поднос. Три раза нажав на белое

пятно, он установил устройство на шестьдесят повторений. И все же Кикаху терзали сомнения. Если толосы замешкаются и заберут поднос не сразу, воспроизведение записи закончится, и вся его затея ни к чему не приведет.

Топаз замигал и поблек. Кикаха открыл дверцу и убедился, что поднос исчез.

— Если толосы выполнят мой приказ, мы будем спасены, — сказал он тевтону. — По крайней мере, мы выберемся отсюда. Но если роботы откажутся подчиняться, то буль-буль-буль, и конец всем нашим тревогам.

Он велел До Шаптарпу следовать за ним в промежуточную комнату. Там они простояли около шестидесяти секунд.

— Если вскоре ничего не произойдет, — произнес Кикаха, — мы можем поцеловать свои...

ГЛАВА 19

Они стояли в центре большой комнаты на круглой пластине из серого металла. Экзотическая мебель относилась к стилю раннего радамантского периода. Стены и пол украшали плиты из розового камня с извилистыми черными прожилками. Двери и окна отсутствовали, но сквозь одну из стен была видна обстановка следующей комнаты.

— Сейчас на пульте у Звонарей замигало два индикатора, — сказал Кикаха. — Они сигнализируют о нашем появлении в камере пыток. Будем надеяться, что Звонари не поймут их значения.

Все эти необъяснимые огоньки, очевидно, приводили Звонарей в состояние паники. И конечно же, те бродили по дворцу, пытаясь выяснить причину сигналов.

Часть стены отъехала в сторону, и Кикаха вышел в соседнее помещение. Там их ждал толос, облаченный в рыцарские доспехи. Его рост достигал шести с половиной футов. Он передал Кикахе черный кубический магнитофон.

— Благодарю тебя, — сказал Кикаха и добавил: — Внимательно рассмотри нас. Я твой хозяин. Этот человек — мой слуга. Ты должен выполнять наши приказы. Если этот человек, мой слуга, попытается нанести мне какой-то вред, ты должен удержать его от подобных действий.

Все остальные существа во дворце — мои враги, поэтому ты будешь убивать каждого, кого увидишь. Но прежде ты возьмешь этот куб и дашь прослушать мой приказ другим толосам. Сейчас я надиктую необходимые инструкции. Я приказываю вам нападать на моих врагов и убивать их любой ценой. Ты меня понял?

Толос отдал честь, подтверждая свою готовность к действиям. Кикаха продиктовал инструкции, установил число повторений на тысячу раз и отдал кубическое устройство толосу. Бронированное существо отсалютовало еще раз и зашагало прочь.

— Они прекрасно выполняют приказы, однако считают своим хозяином только того, кто отдает им распоряжения последним, — сказал Кикаха. — Вольф знал об этом недостатке, но не хотел менять их программу. Он сказал, что эта особенность может однажды нам здорово пригодиться. К тому же о ней не могли узнать гипотетические захватчики дворца.

Он растолковал До Шаптарпу, как управляться с луче-метом, если тот когда-нибудь попадет ему в руки. А потом они отправились в арсенал дворца. Чтобы попасть туда, им предстояло перейти в другое крыло, а затем спуститься на шесть этажей. Зная, что Звонари контролировали перемещение всех лифтов, Кикаха направился к лестничной клетке.

Великолепие дворца произвело на тевтона огромное впечатление. До Шаптарп трепетал от благоговения. В огромных комнатах и залах хранились сокровища, за которые можно было купить все королевства Дракландии. Баронет шел с открытым ртом, пуская слюну, и трепетно разглядывал восхитительное убранство. Ему хотелось остановиться и осмотреться. Руки сами тянулись, чтобы пощупать, прикоснуться и, возможно, наполнить карманы. Внезапно он испугался. Абсолютная тишина и неопишемое богатство напомнили ему, что он находится в священном месте.

— Здесь можно бродить по многу дней, но так и не встретить других людей, — прошептал он хриплым голосом.

— Ты прав, мы могли бы блуждать здесь месяцами, — ответил Кикаха. — К счастью, я знаю, куда идти.

Он начал сомневаться, что от его напарника будет какая-нибудь польза. Возможно, в обычных условиях До Шаптарп действительно считался прекрасным воином. И то, что он уцелел в комнате с водой, свидетельствовало о его отваге и сообразительности. Но дворец властителя пугал тевтона и казался ему обителью сверхъестественных сил. Подобные чувства испытывал бы любой земной христианин, если бы его поместили в божественный город, которым коварно овладели черти.

Около лестничной клетки Кикаха почувствовал запах расплавленного пластика и сгоревшей протоплазмы. Он осторожно выглянул из-за угла. В ста шагах по коридору на полу неуклюже лежал толос. Рядом с ним валялась бронированная рука, отрезанная от тела лазерным лучом.

Чуть поодаль распластались два мертвых Звонаря. Кикаха узнал их по ранцам, прикрепленным к спинам. Робот свернул им шеи. Другие двое, с лучеметами в руках, вели возбужденную беседу. Один из них поднял оплавленные останки черного куба. Кикаха удовлетворенно усмехнулся. Прибор повредили лучом, и теперь его воспроизводящая система безнадежно испорчена. А значит, Звонарям никогда не узнать, чей приказ исполнял толос и какое сообщение хранило в себе записывающее устройство.

— Двадцать девять долой. Остался двадцать один, — прошептал Кикаха. Он резко отдернул голову и повернулся к баронету. — Теперь они будут начеку, — тихо сказал он. — Если бы не нападение робота, они бы, возможно, оставили арсенал без охраны. Но теперь Звонари знают, что во дворец пробрались враги. И они наверняка усилят охрану. Ладно, попробуем взять их по-другому. Нам предстоит довольно опасный путь, но что в этом мире не опасно? Давай-ка обратно на лестницу. Вернемся немного назад.

Он повел До Шаптарпа на шестой этаж. В огромном зале, около шестисот футов в длину и трехсот в ширину, хранились чучела животных и некоторых разумных существ из множества вселенных. Кикаха прошел мимо прозрачного куба, в котором, подобно стрекозе в куске янтаря, находилось существо, напоминавшее одновременно и насекомое, и человека. У него имелись усики антенн и огромные, почти человеческие глаза. Узкая талия переходила в тонкие ноги, покрытые розоватым пушком. Над грудью из худеньких плеч свисали четыре тонкие руки, а из огромного горба на спине выступали большие, как у бабочки, крылья.

Их вот-вот могли застать Звонари, но До Шаптарп остановился, чтобы посмотреть на странное существо.

— Этому экспонату десять тысяч лет, — объяснил Кикаха. — Ты видишь перед собой квисваса, жесткокрылого человека, выращенного в биолaborаториях Ананы — во всяком случае, мне так говорили. Однажды властитель нашего мира совершил набег на мир своей сестры и выкрал для своего музея несколько ее любимых существ. Этот квисвас, как я понял, одно время был любовником Ананы. Но нельзя же верить всему, что слышат уши, особенно когда один властитель рассказывает байки о другом. И все это, конечно, происходило много лет назад.

Огромные глаза квисваса смотрели на них сквозь толстый пластик десяти тысячелетий. Этот парень жил за пять тысяч лет до начала земной цивилизации. И хотя Кикаха видел его раньше, он вновь почувствовал благоговение, тревогу и свою

незначительность перед ликом времени. Несмотря на силу и ловкость, это существо оказалось здесь. И наверное, оно тоже сражалось за свою жизнь, как сражался сейчас Кикаха, — а возможно, даже более решительно и яростно. Но и он может погибнуть, как этот квисвас. И потом, набитый опилками, он будет смотреть невидящим взором на борьбу другого существа. Все проходит по кругу...

Он тряхнул головой и быстро осмотрелся. Философия — штука хорошая, но не при таких обстоятельствах. И для нее сейчас совсем нет времени. Кроме того, смерть приходит ко всем — даже к тем, кто избегает ее так изобретательно, как он. Так что нечего печалиться. Любая минута жизни достойна хорошей драки — при условии, что остальное прошлое тоже имело смысл.

— Интересно, что за история была у этого существа? — прошептал До Шаптарп.

— Наша история закончится тем же, если мы не поторопимся, — сказал Кикаха.

Подбежав к стене, Кикаха начал вращать рукой выступ, который казался таким же неподвижным, как и все остальные украшения. Он повернул завитушку вправо на сто шестьдесят градусов, потом влево на тот же угол, а затем покрутил ее вокруг оси, сделав два полных оборота. Часть стены отъехала назад. Стараясь успокоиться, Кикаха задержал дыхание. Он сомневался в правильности набранного им кода. Прошло столько лет, и он мог забыть последовательность набора. И в таком случае его ожидала расплата в виде облака ядовитого газа или лучей, рассекающих тело.

Он толкнул До Шаптарпа вперед. Тевтон попытался оказать сопротивление и испуганно закричал, когда они покатились в темную шахту. Кикаха закрыл его рот рукой и скомандовал:

— Молчи! Все в порядке!

Встречный ветер при спуске унес его слова вверх. До Шаптарп продолжал вырываться. А потом падение замедлилось, и баронет успокоился. Вскоре им показалось, что они неподвижно зависли в воздухе. Внезапно стены озарились светом, и они увидели, что все еще спускаются вниз. Шахта в нескольких футах над ними и под ними оставалась темной, и свет сопровождал их по мере спуска. Через несколько секунд они оказались на дне вертикального туннеля. Темнота над головой создавала впечатление, что это место уже сотни лет не видело ни одного живого существа.

— У меня чуть сердце не оборвалось, — сердито заворчал баронет.

— Я не мог поступить иначе. Стоило мне рассказать тебе о предстоящем падении, и ты бы никогда не отправился сюда по собственной воле. Я просто не хотел требовать от тебя так много.

— Но ты же прыгнул, — с укором произнес До Шартарп.

— Конечно. Но я практиковался в этом несколько раз. И у меня тоже не хватило духу на первый прыжок, пока я не увидел, как это делает Вольф, то есть властитель. — Кикаха улыбнулся. — Кроме того, я сомневался, что замедляющее поле включится. Звонари могли деактивировать эти врата. Вот бы мы влипли тогда, правда?

По всей видимости, До Шартарп не считал его шутку забавной. Кикаха повернулся к стене и привел в действие выпускное устройство. Оно включилось после того, как он отстучал по стене шахты необходимый код. Каменная плита скользнула в сторону, и они вошли в квадратное, хорошо освещенное помещение около тридцати футов в поперечнике. На полу виднелась дюжина серебряных, вплавленных в гранит полумесяцев. Соответствовавшие им половинки висели на колышках, вбитых в стену. Ни те, ни другие не имели никаких обозначений.

Кикаха вытянул вперед руку и предостерег До Шартарпа:

— Ни шагу дальше! Эта комната станет очень опасной, если мы не выполним определенный ритуал. А я не уверен, что помню все его детали.

Несмотря на прохладный воздух и легкий сквознячок, тевтона прошиб пот.

— Меня все время мучил вопрос, почему мы не пошли сюда сразу, вместо того чтобы бродить по коридорам, — сказал он. — Теперь я это понял.

— Надеюсь, что ты и впредь будешь таким разумным, — двусмысленно сказал Кикаха.

Он сделал три шага вперед, затем пошел боком, пока не оказался рядом с крайним правым полумесяцем, висевшим на стене. Кикаха развернулся кругом, шагнул к нему и, вытянув руку под прямым углом к стене, коснулся серебристого металла.

— Все нормально, солдат, — сказал он. — Теперь можешь гулять, как тебе захочется — во всяком случае, я на это надеюсь.

Однако, осмотрев полумесяцы, Кикаха перестал улыбаться.

— Один из них может провести нас в арсенал. Но я не помню, какой именно. То ли второй справа, то ли третий...

— А что произойдет, если ты выберешь не тот полумесяц? — спросил До Шаптарп.

— Один из них — правда, не знаю какой — выведет нас в центр управления, — ответил Кикаха. — Я бы и выбрал его, будь у меня лучемет. К тому же Звонари могли установить там индикаторы, срабатывающие при появлении неучтенной массы тел. Но главное, я не знаю, какой это полумесяц. Вторые врата выведут нас в подземную тюрьму, из которой мы недавно удрали. Третьи перенесут на луну, а четвертые — на уровень Атлантиды. Я забыл, что могут делать остальные полумесяцы, но один из них пошлет нас в довольно-таки нежелательную, если можно так сказать, вселенную.

До Шаптарп поежился и тихо произнес:

— Я смелый человек, и мне не раз доводилось доказывать это на поле брани. Но я чувствую себя, как ребенок, потерявшийся в лесу, в котором бродят злые волки.

Кикаха промолчал, хотя и оценил искренность воина. Он по-прежнему не мог сделать выбор между вторым и третьим полумесяцем. Но он должен выбрать один из них, потому что другого выхода отсюда не было — как и многие пути во дворец, шахта вела только в одну сторону.

— Я почти уверен, что нам нужен третий, — сказал он в конце концов. — Вольфу нравились тройки и кратные им числа. Но... — Он пожал плечами и добавил: — К чертям все страхи. Не стоять же нам тут вечно!

Кикаха приложил третий правый полумесяц к третьей левой половинке на полу.

— Я помню, что подвижные полумесяцы надо стыковать с противоположными фиксированными половинками.

Он подробно объяснил баронету различные тонкости при прохождении врат, а затем они оба вступили в круг, образованный двумя полумесяцами. Подождав около трех секунд, они без всякого намека на движение перенеслись в квадратное помещение около трехсот футов в длину. На выступах стен, на полках, подставках и колышках стояло, висело и лежало знакомое и незнакомое оружие.

— Получилось! — воскликнул Кикаха.

Он вышел из круга и сказал:

— Мы возьмем несколько ручных лучеметов, запас силовых батарей, веревки, самонаводящиеся ракеты и видеомаску-бинокль. Ах да! Нам не помешает несколько нейтронных гранат ближнего действия.

Ко всему прочему он прихватил два сбалансированных метательных ножа. До Шаптарп в это время упражнялся

в стрельбе из лучемета на небольшой мишени в задней части арсенала. Металлический диск толщиной в шесть дюймов расплавился через пять секунд. Кикаха прикрепил к спине металлический контейнер, в котором находились несколько самонаводящихся снарядов, мощный радиопередатчик для управления ими и аудиовизуальная маска.

Он надеялся, что Звонари еще не имели в своем распоряжении подобной техники. Если коридоры дворца обыскивали солдаты с управляемыми снарядами, то их обоих ожидала неминуемая смерть.

На двери виднелась печать Вольфа, и пока, как мог судить Кикаха, она оставалась нетронутой. Многочисленные системы безопасности делали невозможным неправомерное вторжение извне, однако выйти из оружейной комнаты не составляло никакого труда. Кикаха облегченно вздохнул. Звонарям не удалось пробраться сюда, а значит, у них нет управляемых снарядов. Хотя они могли принести их с собой из других вселенных. Но зачем тогда Звонари использовали самолеты? Все свидетельствовало о том, что снарядов у них не было.

Он надел на голову аудиовизуальную маску и, манипулируя пультом управления, повел снаряд в открывшиеся двери. Снаряд не превышал трех дюймов в длину и напоминал самолетик, сделанный из страниц ученической тетради. Его прозрачный материал делал снаряд почти невидимым, но под определенным углом и при сильном свете на крыльях проступали крошечные цветные пятна. Острый «нос» вмещал в себя «глаз», через который Кикаха получал четкое, хотя и немного ограниченное изображение; здесь же находилось «ухо». При желании оператор мог либо усиливать, либо уменьшать громкость передаваемых звуков.

Маневрируя снарядом, он убедился, что ближайшие коридоры пусты, и только тогда снял маску с головы. Когда они вышли из арсенала, Кикаха закрыл дверь, и она автоматически включила хитроумные системы безопасности. Он вел снаряд прямо по коридору, а когда им приходилось сворачивать за угол, прибегал к помощи маски.

Следуя за снарядом, Кикаха и До Шаптарп прошли около шести миль по горизонтальным и вертикальным переходам дворца. Покинув это крыло, они перешли в главный корпус, где находился центр управления. Осторожность заставляла их двигаться медленно, и поэтому путь казался бесконечно долгим.

Они прокрались мимо гигантского окна в той части дворца, которая нависала над краем монолита. Увидев солнце, До Шаптарп едва не упал в обморок. Небесное светило на-

ходило под ними. Он выглянул из окна, чтобы осмотреть пространство внизу. Оглядев полукруг Атлантиды с радиусом не меньше чем в пятьсот миль, а за ним кусок Дракландии и подкрылье Американдии, он побледнел как мел.

Кикаха оттащил его от окна и попытался объяснить ступенчатую структуру планеты. Поскольку дворец находился на самом верхнем ярусе планеты, он действительно располагался выше солнца, которое вращалось на уровне среднего монолита.

Тевтон прошептал, что понял его слова. Однако драк-ландец видел солнце только со своего уровня, да разве что еще с луны. И оба раза оно сияло высоко над головой.

— Если ты считаешь это зрелище таким уж устрашающим, — сказал Кикаха, — тебе не мешало бы взглянуть на край света с грани нижнего уровня, который мы называем Садам.

Они вошли в центральный корпус дворца и направились к центру управления, двигаясь еще медленнее. Наконец они попали в бробдингаговский зал, отделанный огромными зеркалами, которые не только отражали внешнюю физическую реальность, но и воспроизводили внутренний психический мир человека. Каждое зеркало, как объяснил Кикаха, улавливало волны от различных участков мозга. Синтезируя их и обогатив музыкой, цветовым содержанием и гармониками, оно воплощало результат в зрительные образы. Некоторые из них вызывали отвращение и ужас, другие пленяли красотой. Временами они были возмутительно непристойными, но иногда — божественно грозными и многозначительными.

— Они ничего не значат, — сказал Кикаха, — если только зритель не начинает интерпретировать их в соответствии со своим настроением. У них нет объективного смысла.

Его слова немного успокоили До Шаптарпа. Кикаха повел тевтона к широкой лестнице, по которой могли бы пройти и десять взводов солдат. Она тянулась вверх и вверх и, казалось, не имела конца, как будто вела в небесное царство.

ГЛАВА 20

Наконец баронет попросил остановиться и передохнуть. Кикаха согласился и отправил снаряд в разведывательный полет. На этаже, который находился под центром управления, не оказалось ни одного Звонаря. Однако на первых шести ступенях лестницы лежали обгоревшие и расплавленные тела десяти толосов. Очевидно, они поспешили наверх,

чтобы напасть на Звонарей, засевших в центре управления, и их скосило лазерным лучом. Устройство, которое могло это сделать, находилось на верхней лестничной площадке и представляло собой небольшой черный ящик на колесах. На конце длинной шеи из серого металла крепился маленький шар. Он определял местоположение любой передвигавшейся массы и разрушал ее лазерным лучом. Дальность действия такого механизма не превышала сорока футов.

Черный ящик вращал длинной шеей назад и вперед; линза объектива осматривала всю лестницу. Тем не менее она не заметила снаряд, пролетевший над устройством. А значит, «змееголовый», как назвал его Кикаха, мог определять только крупные предметы. Развернув снаряд, Кикаха направил его в глубь коридора — к двойным бронированным дверям центра управления. Они оказались закрытыми. Осмотрев через «телеглаз» декорированную поверхность стены, он увидел множество мелких дисков. К счастью, эти определители массы имели ограниченную зону действия и по центру коридора пролегла узкая дорожка безопасности. По-видимому, Звонари оставили ее для того, чтобы освещенный человек мог пройти в центр, не вызывая сигнала тревоги. Кроме того, здесь должна была располагаться и видеоаппаратура, поскольку Звонари не могли пренебречь такой мерой предосторожности.

Кикаха перемещал снаряд под самым потолком, так как не хотел, чтобы его заметили раньше времени. И вскоре он увидел линзы видеокамер. Их спрятали в двух бюстах, которые стояли на пьедесталах. Звонари постарались сделать отверстия совсем крошечными, но Кикаха обнаружил их почти сразу.

Он осторожно вернул снаряд обратно, снял маску и повел До Шаптарпа вверх по лестнице. Они не стали подниматься выше груды обгоревшей протоплазмы и пластика. Поравнявшись с ней, Кикаха остановил тевтона.

— Насколько я могу судить, — сказал он, — Звонари собрались в центре управления. Если бы нам удалось подняться на следующий этаж, мы могли бы поджарить их еще до того, как они о чем-то догадаются. Я хочу, чтобы ты все время наблюдал за нашим тылом. Будь внимателен! В центре управления имеется множество врат, через которые можно попасть в разные места дворца. Если Звонари отыскиали их, они могут воспользоваться этим преимуществом. Так что смотри в оба!

Пока они находились вне поля зрения «змееголового», который стоял на верхней площадке лестницы, Кикаха сел

и растрепал волокна на конце самой тонкой веревки. Привязав ее к снаряду, он надел маску и направил маленькую ракету вверх по лестнице. Та едва двигалась под тяжестью длинного шнура. «Змееголовый» продолжал осматривать ступени, однако снаряд и веревка, очевидно, не привлекали его внимания. По всей вероятности, его запрограммировали на большую массу. Тем не менее он мог передавать изображение в центр управления. Но если Звонари увидят веревку и снаряд, они постараются обойти непрошенных гостей, а затем, открыв стрельбу из-за перил, начнут внезапную атаку. Кикаха велел До Шаптарпу присматривать за лестницей и стрелять при первой необходимости.

Снаряд облетел «змееголового» и, подтягивая на буксире веревку, вернулся на нижнюю площадку. Кикаха снял маску, отвязал шнур, ухватился за его концы и, подтянув их немного, изо всех сил рванул веревку на себя. «Змееголовый» полетел вниз и с грохотом свалился на середине пролета. Он лежал на боку; шея с глазастым шаром моталась взад и вперед, но объектив не захватывал правую сторону лестницы. Подойдя сзади, Кикаха повернул небольшой диск на панели управления и отключил прибор.

Сжимая в правой руке лучемер, он отнес машину обратно на верхнюю площадку. Поставив «змееголового» на пол, Кикаха развернул его объектив к бюсту, который стоял в конце коридора неподалеку от дверей центра управления. Он настраивал прибор, включил его и отправил в последний путь по коридору. Вскоре оттуда раздался сильный грохот. Кикаха надел маску и повел снаряд в разведывательный полет. Как он и ожидал, «змееголовый» мчался по коридору до тех пор, пока не врезался в пьедестал статуи и не разнес его на куски. Лазерный луч кромсал каменные осколки; бюст лежал на боку, а линза видеокамеры целилась в стену. Внезапно шея «змееголового» развернулась, и луч уперся в упавший бюст.

Кикаха спустился по ступеням в коридор и вышел из поля зрения тех, кто мог выбежать на верхнюю площадку и осмотреть нижние пролеты лестничной клетки. Он снова надел маску и приподнял снаряд чуть выше двойных дверей неприступного центра управления. Снаряд, почти невидимый на фоне стены, нацелился вниз.

Кикаха ждал. Минуты шли одна за другой. Ему хотелось снять маску и убедиться, что До Шаптарп ведет наблюдение. Но он подавил это желание, предчувствуя, что двери вот-вот откроются.

И они действительно открылись. С обеих сторон высунились трубки перископов. Потом их втянули назад, и из

створок выглянула белокурая голова. Вслед за ней появилось и тело. Звонарь подбежал к «змееголовому» и отключил его. Кикаха даже расстроился. Он надеялся, что машина рассечет Звонаря лучом. Однако она реагировала лишь на те объекты, которые находились перед ней и входили в зону обзора.

Бюст расплавился до неузнаваемости. Звонарь внимательно осмотрел его, затем схватил «змееголового» за шею и понес прибор в центр управления. Кикаха провел снаряд под верхней балкой косяка и поднял его к потолку огромного помещения. В такой зал мог бы вместиться авианосец выпуска 1945 года. Кикаха направил снаряд к противоположной стене и опустил его на пол за центральным пультом. Изображение и звук потеряли четкость — двери закрылись, и это внесло ограничения в условия приема. В пределах небольшой дальности снаряд мог вести передачу и через материальные объекты, но при этом существенно снижалась разрешающая способность приемной аппаратуры.

Займатол рассказал Арсвурду о странном поведении электронного стража. Тот предложил заменить его другим, который, как он надеялся, будет работать без аварий. Но Звонари не имели запасной видеоаппаратуры. Впрочем, вторая камера в противоположном конце коридора работала пока исправно. Займатол пожалел, что они не следили за экранами мониторов и не знали теперь, отчего взбунтовалась машина. Вот уже несколько часов оба Звонаря пытались наладить связь с луной и сообщить фон Тарбету о мятеже дворцовых толосов.

Кикаха с удовольствием послушал бы их еще, но ему хотелось довести до конца задуманный план. Он отключился от снаряда в центре управления и привязал конец шнура к второй мини-ракете. Направив ее вверх, он оплел веревкой нового «змееголового» и без труда сдернул его с площадки. Тот пролетел еще дальше, чем предыдущий, и свалился у самой кучи сгоревших толосов в начале полета. Оптический прицел лазерной пушки уставился в потолок. Подкравшись к нему ползком, Кикаха вытянул руку из-за поверженных тел и отключил электронного стража. Потом отнес его к началу коридора и направил к бюсту с последней уцелевшей видеокамерой. Быстро сбегав со ступеней, Кикаха надел маску и послал второй снаряд вдогонку за «змееголовым». Через «ухо» снаряда до него донесся грохот разбитого пьедестала.

«Телеглаз» показал ему, что случилось почти то же самое. Он тут же развернул снаряд объективом к двери. Однако в коридор никто не выходил, и вскоре Кикахе надоело ждать впустую. Он переключился на снаряд в центре управления. Займатол настаивал на том, что неисправность двух машин

нельзя объяснить случайностью. Ситуация, по его мнению, казалась очень подозрительной, а значит, и опасной. И он отказывался выходить в коридор для выяснения причин этих слишком уж целенаправленных неисправностей.

Арсвурд отвечал, что, независимо от их мнений и чувств, они не могут сидеть здесь сложа руки, пока неизвестный враг все ближе подбирается к центру управления. Им следует убить его — тем более что пришельцем может оказаться Кикаха. А кто еще мог пробраться во дворец, когда все средства защиты включены и система обороны абсолютно неприступна?

Займатол сказал, что им нечего опасаться Кикахи, потому что он просто не может здесь появиться. Неужели фон Тарбет и фон Свиндеберн стали бы искать этого мошенника на луне, если бы его там не было?

Кикаху удивило, что фон Тарбет по-прежнему обыскивал Корад. Даже ребенок мог догадаться, что два полумесяца в пещере исчезли не просто так. Но, возможно, главный Звонарь настолько уверовал в хитрость врага, что решил, будто Кикаха снова разыграл с ними трюк и, припрятав два полумесяца, остался на луне. И все же почему он считал, что у Кикахи есть причина оставаться там?

Кикаха расстроился и даже немного испугался. Неужели Анана тоже прошла через эти врата? И не ее ли сейчас преследовали Звонари? Такая возможность опечалила и обеспокоила его.

Немного подумав, Займатол согласился, что только Кикаха мог настроить против них толосов. Арсвурд ответил, что в таком случае у них есть еще одна причина избавиться от непрошеного гостя.

— Каким образом? — спросил Займатол.

— Да уж не отсиживаясь здесь, — ответил Арсвурд.

— Тогда иди и поищи его, — предложил первый.

— Я так и сделаю, — ответил второй.

Кикаха отметил, что их беседа велась слишком уж человечески. Возможно, Звонари действительно состояли из металлических труб и опилок, но они абсолютно не походили на машины со сборочного конвейера. Каждый из них имел различия в характере и свою особую индивидуальность.

Арсвурд пошел к двери, но Займатол попросил его вернуться. Он напомнил, что их долг требует воздерживаться от напрасного риска. Звонарей осталось так мало, что смерть еще одного в значительной мере уменьшит их надежду на успех. И уже сейчас, вместо намеченного победного шествия, они вынуждены спасать свои жизни и бороться за выживание

расы. Кто бы мог подумать, что простому лебляббю удастся нанести им такой урон и остаться при этом безнаказанным? А главное, Кикаха даже не властитель — он просто человек.

Займатол сказал, что им следует дожидаться возвращения их лидеров. Связь наладить не удалось, поскольку что-то мешало создать канал общения. Кикаха, конечно, знал, почему их попытки оказались безуспешными. Структура пространственно-временного поля этой вселенной создавала особые искажения, которые препятствовали передаче сообщений по радио или лазерному лучу. А если бы самолет или ракета попытались перелететь с планеты на луну, они рассыпались бы на части, попав в узкую зону на полпути между двумя небесными телами. Переходить с луны на планету и обратно можно было только с помощью врат.

Двое Звонарей перешли на личные вопросы. Двадцать девять из них погибли. Двое находились здесь, и еще по двое — во вселенных Нимстовла, Ананы и Юдубры. Займатол считал, что их надо вызвать на помощь. Но они поступят еще мудрее, если вообще покинут эту вселенную, запечатав все выходы и входы. Есть множество других миров — так почему бы не отказаться от одного из них навсегда? Если эта планета так дорога Кикахе, пусть заберет ее — пожалуйста. А они тем временем перебрались бы в безопасное место, где создали бы миллионы новых Звонарей. И тогда, через десять лет, они сметут властителей с лица галактики.

Но фон Тарбет, которого они называли Граумграссом, обладал сверхъестественным упрямством. Он наотрез отказался уходить из Многоярусного мира. И оба Звонаря имели по этому поводу одинаковую точку зрения.

Несмотря на храбрые заявления о том, что им надо выйти и найти пришельца, Арсвурд в общем-то не очень этого хотел, а вернее, и не думал выходить из зала. Тем не менее он хотел показаться храбрецом.

Они выглядели, как обычные люди, и Кикаха не мог воспринимать их холодными, сверхлогичными и абсолютно безэмоциональными существами, описанными ему Ананой. Если исключить из их разговора несколько фраз, они могли бы сойти за двух солдат какой угодно страны или вселенной.

На какой-то миг он даже задумался: а нельзя ли урезонить Звонарей и что случилось бы, поселись они в этом мире, как другие существа?

Но жалость быстро прошла. Звонари предпочитали овладевать телами людей. Они не пожелали оставаться закрытыми в своих металлических «колоколах». Наслаждения и преимущества плоти слишком соблазнительны. Нет, они не

удовлетворятся тем, что останутся в матрицах. Они будут продолжать расчленять человеческие мозги и вселяться в тела, лишенные душ.

Войну необходимо довести до конца, то есть до тех пор, пока все Звонари или сам Кикаха не погибнут.

Кикаха вдруг почувствовал себя так, будто вся галактика легла ему на плечи. Если Звонари убьют его, они будут распространяться по всем направлениям, как раковая опухоль, и те немногие, кому довелось узнать об их целях, вскоре умрут. Но это его мир, и он не раз хвастался, что был самым счастливым человеком в двух вселенных. Лишь ему одному, единственному из землян, удалось перейти барьер между ними. И он любил эту планету больше, чем Землю. Он натворил здесь столько дел, сколько не мог сделать даже Вольф — властитель Многоярусного мира.

А теперь наслаждения и восторги ушли в прошлое; на их место пришла огромная ответственность, и он даже боялся подумать о ней, настолько она казалась невыносимой.

Однако для человека с таким грузом ответственности он действовал слишком безрассудно. Но именно поэтому Кикаха и оставался жив. Если бы он считал себя важной фигурой и прятался по кустам, как испуганный кролик, его бы давно поймали и убили. Хотя он мог бы убежать на уровень Океана. Но тогда от него не будет никакого толку. И каким бы безрассудным он ни был, ему лучше оставаться верным своим принципам. Возмнив о себе нечто, он станет частью прошлого, а Звонари превратятся во владык настоящего и будущего. И посему — будь что будет.

Кикаха подключился к третьему снаряду, провел его вдоль стены и оставил над двойной дверью. Положив маску и пульт рядом с собой, он объяснил До Шаптарпу план предстоящих действий. Тевтон посчитал идею сумасшедшей, но от спора воздержался — сам он ничего придумать не мог. Они подняли толоса и поволокли пятисотфунтовое тело вверх по ступеням. Протащив его по центру коридора между определителями поля, они поставили его на ноги и прислонили к дверям, после чего торопливо и осторожно вернулись на нижний этаж.

Быстро осмотревшись, Кикаха надел маску. Он опустил снаряд, нацелил его в бок стоявшего толоса и запустил мини-ракету в шлем робота. Удар вывел снаряд из строя, поэтому Кикаха не видел результат столкновения. Переключив управление на следующую мини-ракету, он расположил ее над дверью. Толос упал именно так, как Кикахе

хотелось. Голова и тело вошли в зону действия датчиков. А значит, в центре управления сейчас дико ревела сирена.

Он ждал, пока у него не лопнуло терпение. Двери не открывались. Какое-то время Кикаха продолжал контролировать снаряд, расположенный над входом, затем неохотно опустил его на пол и переключился на «телеглаз» внутри центра управления. Он видел лишь провода и заднюю панель главного пульта, но в наушниках не раздавалось ни звука. Однако Кикаха знал, что сирену уже отключили. Кикаха включил звук на полную громкость. Но Звонари молчали и не подавали признаков жизни.

Кикаха переключился на снаряд около дверей. Те были закрыты, поэтому он вновь сосредоточился на «телеглазе» за большим компьютером. Но в центре управления стояла гробовая тишина.

Что же происходит? Неужели они решили сыграть в игру «у кого первым сдадут нервы»? Может быть, они вынуждают его решиться на атаку?

Кикаха направил снаряд к стене, а затем медленно поднял его почти к потолку. Пространство впереди просматривалось только на фут, а дальше изображение становилось нечетким. Он хотел провести снаряд под потолком и резко опустить его у кресел перед компьютером. Кикаха надеялся увидеть Звонарей до того момента, как они заметят снаряд. Дело в том, что мини-ракету иногда использовали для убийства, разогнав до скорости пули. Однако из-за ограниченных возможностей «телеглаза» ему требовалось приблизить снаряд почти вплотную к врагу, и Звонари могли увидеть его, несмотря на идеальную прозрачность. Если кто-то из них закричит, Кикаха по звуку определит его местонахождение и направит мини-ракету в противника еще до того, как тот сойдет с лучом. В общем, шансы на успех казались неплохими. Осталось воплотить мечты в реальность.

Он опустил снаряд к тому пульта, за которым прятал его раньше. Мини-ракета снизилась почти до пола, но в поле зрения так ничего и не попало. Кикаха поднял «телеглаз» и сделал несколько кругов, все больше расширяя зону поиска. Звонари исчезли. Конечно, они могли заметить снаряд и на время спрятаться за консолями с аппаратурой. Однако это не имело смысла, если только Звонари не хотели отвлечь внимание оператора, управлявшего снарядом. Они могли покинуть комнату и отправиться на его поиски. Даже не зная, как именно работает снаряд, эти парни, очевидно, догадались, что зона управления ограничена и что оператор находится где-то рядом.

Кикаха велел До Шаптарпу усилить бдительность и не забыть воспользоваться нейтронными гранатами, если представится такой случай. Он ждал появления Звонарей на лестничной клетке. Однако враги появились с другой стороны. Не успел он закончить свои инструкции, как баронет закричал. Кикаха так испугался, что взмахнул руками. Маленький пульт управления взлетел в воздух. Кикаха тут же отпрыгнул в сторону и, срывая маску с головы, несколько раз перекувырнулся, чтобы сбить прицел врага. Он не знал, почему закричал тевтон, но времени на выяснение не оставалось. Кикаха не собирался подставлять себя под огонь противника.

Луч прошел рядом и прожег ковер. Стреляли из дальнего конца коридора, а этого он не ожидал. Звонарь снова выглянул из-за угла и прицелился в Кикаху. К счастью, До Шаптарп выстрелил первым, и противник, пальнув наугад, быстро отпрянул назад. На большом расстоянии эффективность лучемета заметно снижалась. На короткой дистанции он мог расплавить двенадцатидюймовую пластину и за долю секунды прожечь желудок человека. Но на таком расстоянии луч мог нанести лишь ожог третьей степени или, попав в глаза, ослепить.

До Шаптарп вернулся на нижние ступени лестницы и укрылся за грудой обугленных тел. Кикаха побежал по коридору в противоположном направлении, заподозрив, что его будут сейчас атаковать из-за ближнего поворота. Тактика Звонарей прояснялась. Один из них покинул центр управления для того, чтобы нанести удар с фланга. Он прошел через ворота, попытался застать врагов врасплох и вновь отступил куда-то еще. Другой же, скорее всего, отправился на луну, чтобы позвать на помощь других Звонарей.

Кикаха выругался и побежал к брошенной маске и пульта управления. Звонарь в дальнем конце коридора высунул голову у самого пола и выстрелил в До Шаптарпа. Тот открыл ответный огонь. Кикаха тоже присоединился к атаке, хотя его позиция по сравнению с тевтоном оказалась намного хуже. Звонарь отскочил прежде, чем лучи пересекли угол. На ковре из негорючего материала появились две оплавленные полосы.

Три гранаты остались около баронета, и бежать за ними не было времени. Кикаха схватил маску и пульт, развернулся и помчался по коридору. Он по-прежнему ожидал нападения из-за ближнего угла. Чувство опасности стало настолько сильным, что он приготовился прыгнуть в первую попавшуюся дверь. И когда до поворота остались две дверные

ниши, Кикаха увидел голову, появившуюся из-за угла. Он выстрелил. Луч проплавил черту на ковре и чиркнул по углу. Очевидно, Звонарь успел убрать голову. Прижимаясь спиной к нише, Кикаха направил луч вдоль стены, надеясь, что часть энергии от ricoшетит или обожжет того, кто скрывался за углом. Услышав крик, он понял, что кого-то напугал, а возможно, и подпалил.

Кикаха усмехнулся и ввалился в дверь, не дожидаясь, пока тот же трюк разыграют с ним Звонари. В общем-то радоваться было нечему, но он не мог удержаться от смеха, еще раз обманув врага.

ГЛАВА 21

Комната, в которой он укрылся, оказалась сравнительно небольшой и походила на сотни других помещений дворца, которые в основном служили для хранения бесценных произведений искусства. Однако в интерьере чувствовался вкус и какая-то неосязаемая теплота, словно в ней действительно жили люди или, по крайней мере, часто заходили сюда.

Кикаха быстро осмотрелся в поисках врат. Вольф оснастил дворец таким количеством тайных переходов, что и сам порою забывал о некоторых из них. Они имелись почти во всех помещениях. Однако, не заметив ничего подходящего, Кикаха решил поверить глазам, а не рассудку. В данный момент он мог полагаться только на свои чувства и инстинкты.

Кикаха вздохнул и с большой неохотой надел маску. Она не давала ему видеть и слышать то, что происходило в коридоре. Он переключился на снаряд в центре управления. Тот все еще находился в воздухе и кружил под потолком в соответствии с последним приказом. Не обнаружив ни одного Звонаря, Кикаха переключился на «телеглаз» за двойными дверями и провел его вниз по лестничному пролету. Чем ближе мини-ракета подлетала к нему, тем лучше становилась передача звука и изображения.

До Шаптарп отражал атаки Звонаря в дальнем конце коридора. А значит, реальную угрозу сейчас представлял только тот, кто находился за ближним поворотом. Кикаха направил снаряд к потолку и повернул его за угол коридора. Там стояли трое Звонарей, и у каждого имелся ручной лучемет. Лицо одного из них покраснело, как после загара. Чуть дальше к ним приближались еще двое, толкая перед собой гравитационные сани с огромным дальнобойным лазером. Его луч, посланный за угол, отражаясь и ricoшетируя от стен,

держал бы Кикаху на расстоянии. Пользуясь этим, остальные Звонари обстреляли бы его из ручных лучеметов. А потом, под прикрытием огня, они затащили бы большой лазер за поворот, и его мощности хватило бы на всю длину коридора. Он сжег бы все на своем пути.

Кикаха не колебался. Увеличив скорость, он направил снаряд к правому Звонарю, который толкал этот огненный молот. Изображение смазалось от скорости, и через миг экран почернел. Мини-ракета вошла в тело Звонаря или, попав во что-то твердое, разрушилась от удара. Отвязав контейнер от спины и поставив его рядом с собой, Кикаха вытащил еще один снаряд. Он выпустил его из комнаты и повел около потолка. Внезапно в коридор из-за угла выпрыгнул Звонарь. Он кричал и стрелял во все стороны, надеясь привести в замешательство противника. Увидев снаряд, Звонарь вскинул ствол лучемета, и Кикаха, направив на него «телеглаз», нажал на кнопку максимального ускорения. Изображение почернело. Снаряд вонзился в тело или разбился о стену. Впрочем, Звонарь мог расплавить его лучом.

Кикаха не рискнул выпускать следующий снаряд. Если Звонарь избежал смерти, теперь он будет заглядывать в каждую дверь, выискивая оператора снарядов. И возможно, он уже позвал на помощь остальных.

Кикаха снял маску и, сжимая в руке лучемет, подскочил к двери. Он оставил ее открытой, чтобы лучше управлять снарядами, и в какой-то мере это сыграло сейчас ему на руку. Противник наверняка будет осматривать сначала комнаты с закрытыми дверями.

Приблизившись к косяку, он столкнулся лицом к лицу со Звонарем. Кикаха держал лучемет на уровне груди. Увидев плечо мужчины, он нажал на курок, и Звонарь тут же почернел. Разорванная до костей плоть шипела и дымилась. Белки глаз стали темно-коричневыми, а затем водянистая жидкость глазных яблок закипела. Волосы вздыбились в зловонном пламени, белые зубы обуглились, губы раздулись и лопнули. Уши обвисли, свернулись и сжались в хрящеватые трубочки. Огнеупорная одежда плавилась и сползала слоями на пол.

Все это произошло за четыре секунды. Захлопнув дверь, Кикаха нажал пластину автоматического замка, подбежал к окну и отключил защитное энергетическое поле. Решив не оставлять врагу столь опасного оружия, он выбросил коробку со снарядами в пропасть, привязал веревки к стойке комода и вылез на карниз. Внизу зияла бездна в сто тысяч футов. Эта часть дворца выступала над краем монолита. При желании

Кикаха мог бы одним взглядом окинуть половину площади Атлантиды. Отогнав от себя мысль о долгом и долгом падении, он сконцентрировал внимание на небольшом выступе в шести футах ниже веревки. Кикаха скользнул вниз, повис на самом кончике тонкого каната и немного качнулся вперед. Когда его понесло к стене, он отпустил веревку, упал на выступ и обеими руками ухватился за край подоконника. Слегка подогнутые колени находились в опасной близости от невидимого силового поля.

Держась одной рукой за раму, он снял рубашку, намотал ее на ладонь и запястье, а потом вытащил нож. Отклонив голову подальше от окна и закрыв глаза, он медленно приблизил лезвие к раме. Силовое поле, активированное ножом, должно было вызвать мощную вспышку, которая могла прожечь не только ткань рубашки, но и руку. К тому же нож могло отбросить с такой силой, что рывок вывел бы его из равновесия и сбросил с карниза.

Но Кикаха надеялся, что поле останется невключенным. Это казалось почти невероятным. Вольф перед уходом запустил в действие все охранные устройства и ловушки. А если он что-то и забыл, то Звонари, конечно же, исправили его упущения.

Вспышка пронзила веки. Пламя лизнуло лицо, бедра, голые колени и ступни. Нож дернулся в руке, но Кикаха удержал его в зоне поля. Одежда задымилась и вспыхнула. Кисть и запястье будто сунули в духовку.

Он прыгнул в окно и упал на пол. После каждой вспышки защитному полю требовалась двухсекундная пауза для перезарядки, и Кикаха надеялся проскочить через окно за это время. Расчеты не подвели его, он остался жив, однако рубашку прожгло насквозь, рука почернела и начала покрываться волдырями. Вместо ножа на полу лежала скрученная полоска раскаленного металла. При других обстоятельствах Кикаху обеспокоили бы полученные ожоги, но теперь его могли остановить только очень серьезные ранения. Или смерть.

В тот же миг мимо окна пронесся канат с дымившимся концом. Луч лазера, прожигая дверь, перерезал веревку. А значит, скоро Звонари начнут охотиться за ним на нижних этажах. Что же касается бедняги До Шаптарпа, то ему лучше позаботиться о себе самому — причем как можно быстрее. Чтобы освободить путь на лестницу, дальнобойный лазер используют сначала против тевтона. И если у него хватит ума убраться с лестницы, он заставит Звонарей поделить свои силы.

Кикаха выглянул из-за угла и, никого не увидев, побежал по коридору. Приблизившись к лестничной клетке и перед тем как проскочить мимо нее, он осторожно взглянул вверх и вновь не заметил ни одного Звонаря. Добежав до конца коридора, он спустился по длинной лестнице, свернул в следующий переход и миновал зал с ретропсихическими зеркалами. Рядом находились кабины лифтов, но Кикаха побоялся ими воспользоваться. Звонари могли оснастить их бомбами-ловушками или, по крайней мере, телекамерами. Кикаха направлялся в комнату, где находились тайные врата, которые он приберегал на самый крайний случай. Теперь этот случай настал. Его вот-вот могли загнать в угол, и ему хотелось быть поближе к спасительным вратам.

Оказавшись в комнате, он распотрошил стул и вытащил из набивки сиденья заветный полумесяц.

Другая половинка находилась под основанием массивного пьедестала. На вид статуя весила около полутонны, однако пьедестал легко сдвигался с места. Кикаха сунул оба полумесяца за пояс и покрепче подтянул ремень. Половинки мешали двигаться, но служили страховкой, стоившей любых неудобств.

Во дворце имелись тысячи спрятанных полумесяцев и многие тысячи нигде не отмеченных врат. Конечно, ими мог воспользоваться и враг, но неосведомленный человек не знал, что ждет его на другом конце пути. Даже Вольф не помнил, где они все спрятаны и каково их место назначения. Информация о них имелаась в кодовом регистре, но этот особый прибор хранился в центре управления.

Кикаха выбежал из комнаты, но не сделал и пары шагов, как в дальнем конце коридора появился Звонарь. Другой выглянул из-за угла на противоположной стороне у лестничной клетки. Очевидно, его появление на этом этаже заметили на мониторах, и Звонари явились сюда в надежде поймать или убить заклятого врага. У них даже хватило ума обойти его с флангов и отсечь путь к отступлению.

Подбежав к окну, Кикаха деактивировал силовое поле и взглянул вниз. Выступ карниза находился в пятидесяти футах под ним, но ему не на чем было спуститься туда, и он не хотел усмирать еще одно оконное поле, если только в этом не возникнет абсолютной необходимости. Кикаха вернулся к двери, высунул лучемет и наугад выстрелил в обоих направлениях. Послышались крики, но они доносились изда-лека, и он понял, что ни в кого не попал. Взглянув на закрытую дверь комнаты напротив, Кикаха решил пересечь коридор и найти лучший путь для бегства. Но потом он

подумал, что дверь может оказаться запертой и тогда его накроют огнем с двух сторон. У Звонарей появится хорошая возможность подстрелить его и прожарить ему пятки до костей.

Однако для сожалений не оставалось времени. Если бы Кикаха не задержался, доставая полумесяцы, он мог бы сбить погоню со следа. А теперь его просто-напросто загнали в угол. Ему ужасно не хотелось использовать врата — они вели в Таланак, и он знал, как трудно будет возвращаться во дворец второй раз. К тому же До Шаптарп оставался один. Однако, несмотря на жалость и угрызения совести, он ничем не мог помочь ему.

Кикаха сложил из двух полумесяцев круг. Когда он выпрямился, в дверь влетела граната. Отскочив от стены, она прокатилась пару шагов и завертелась как юла. Их разделяло тридцать футов, а это означало, что он оставался вне досягаемости смертельного облака нейтронов. Но вскоре сюда влетят и остальные гранаты, оставленные им у груды поверженных толосов. А возможно, у Звонарей есть свой запас подобного оружия. Наконец, они могли принести на этот этаж большой лазер.

Кикаха вздохнул. Он знал, что бессмысленно оттягивать неизбежное, иначе Звонари лишат его и этой, последней, возможности.

ГЛАВА 22

Кикаха шагнул во врата и оказался в храме Таланака. Здесь же находились Анана, рыжебородые и несколько тишкетмоаков. Они стояли у стены и о чем-то говорили. Увидев его, воины отступили на шаг и закричали. Многие из них выглядели испуганными. Кикаха хотел шагнуть вперед, но они исчезли.

Над ним простиралось беззвездное небо. С запада на восток по небосклону мчался небольшой сияющий объект, и еще один медленнее плыл в другом направлении. Над головой ярким пятном висела накренившаяся масса «Пизанской» башни. Вдали, отражая свет планеты, сверкали мраморные здания Корада. В ста ярдах от него находились несколько воинов из взвода дракландских солдат, которые заметили, что кто-то появился во вратах. Над холмом завис темный продолговатый объект, в котором он узнал самолет Звонарей.

Потом все исчезло. Он стоял в пещере около десяти футов в ширину и восьми футов в высоту. Солнце ярко сияло в зубчатом отверстии входа. В отдалении росло гигантское,

странно изогнутое дерево с огромными пурпурными листьями в форме шестиугольников. За ним виднелись какие-то ярко-красные кусты и зеленый виноградник, который тянулся вверх без всяких опор, словно ряды веревок, поднятых в воздух музыкой индусского факира. За ними проглядывала тонкая голубая линия с белой нитью, вслед за которой тянулась черная полоса — море, прибой и песчаный пляж.

Кикахе приходилось бывать здесь прежде. И он узнал одни из врат, которые несколько раз использовал для спуска на самый нижний уровень планеты — уровень Сада.

Оцепенение улеглось, и Кикаха понял, что попал в резонансный кругооборот. Кто-то из его врагов включил устройство, которое ловило в западню человека, вступившего в любые врата данного контура. Краткая активация врат не позволяла пойманной жертве выйти за пределы круга. И если бы Кикаха попытался сделать шаг, его разрезало бы пополам — одна часть вылетела бы из врат, а другая отправилась бы к следующему кругу полумесяцев.

Пещера исчезла, и он оказался на вершине горного пика, который окружали такие же крутые скалы. Вдали, в жерле узкого бокового ущелья, проглядывало что-то похожее на Великие прерии. Скорее всего, он видел огромное стадо бизонов, бурлившее на коричневато-зеленой степи, как черное море. Над головой парил ястреб. Увидев человека, птица издала пронзительный крик. Кикаха знал, что этот вид ястребов, с изумрудно-зеленым хохолком и спирально закрученными на ногах перьями, встречался только на ярусе Америкиндии.

Горы пропали, и он снова оказался в пещере. По размерам она намного превышала пещеру в Саду, и внутри царил прохладный полумрак. К полумесяцам врат крепились провода, которые, пробегая по пыльному полу, скрывались за огромным камнем в двадцати футах от него. А значит, где-то сейчас зазвучал сигнал тревоги. У дальней стены виднелся шкаф с открытыми дверцами. На полках лежали приборы и оружие различных видов. Кикаха вспомнил эту пещеру. Как странно, что именно здесь кто-то создал резонансное кольцо. Пока Кикаха никого не видел. Но вскоре, услышав звон тревожной сигнализации, его ловец придет взглянуть на пойманную жертву.

Пещера исчезла, и он оказался в помещении из каменных плит, которые покосились в одну сторону, будто их толкнула гигантская рука. В проломе потолка сияло ярко-зеленое небо и виднелась часть тонкого черного монолита. Кикаха понял, что попал в разрушенный храм на уровне Атлантиды. А эта

черная каменная колонна, возносясь на сотню тысяч футов, поддерживала дворец властителя вселенной.

Внезапно он перенесся туда, откуда начал свое невольное путешествие. Кикаха вновь вернулся в комнату дворца, и двое Звонарей, ошеломленно взглянув на него, попытались поднять лучеметы. Он выстрелил первым, так как знал, что ему придется воспользоваться оружием. Луч рассек их тела.

Тридцать четыре долой. Осталось шестнадцать.

Комната исчезла. Анана и таюды стояли у врат. Кикаха крикнул ей:

— Резонансный кругооборот! Я пойман!

А потом он оказался на луне. Самолет немного приблизился и начал опускаться на склон холма. Если Звонари, сидевшие в кабине, еще не заметили мелькавшей во вратах фигуры, они увидят его на следующем круге или чуть позже. И им останется лишь навести на это место лазерный луч и подождать, пока он не появится снова.

Несколько дракландских солдат метнулись к Кикахе; другие натянули тетиву арбалетов. Кикахе не хотелось привлекать внимание Звонарей, и на этот раз он воздержался от стрельбы из лучемета.

Его перебросило в пещеру Сада. Чуть позже он оказался на вершине горного пика и очень испугался, потому что в момент его появления в плоскость врат влетел ястреб. Птица взбесилась от ужаса. Крикнув, она вцепилась ему в грудь и запустила в тело когти. Защищая лицо, Кикаха выставил вперед руку и почувствовал острую боль, когда ястреб клюнул его в локоть. Он отпихнул птицу от себя, и та, ослабив хватку, вырвала из груди человека кровавые клочья кожи и мяса. Ястреб вылетел из круга, и Кикаха раскрыл рот от удивления. Птица осталась цела. Ей лишь отсекло перья на кончике одного крыла, и все. Ястреб вылетел за границу поля как раз в момент очередной активации врат. Но он вылетел из круга уже в пещере на уровне Дракландии.

Такого точного, до крохотных долей секунды, совпадения не рассчитаешь и на компьютере.

В тот же миг в пещеру ввалился необычайно толстый человек. В одной руке он держал мертвого полуобгоревшего кролика, а в другой — лучемет. По-видимому, он знал, что здесь скоро появится мужчина или женщина — об этом говорило нацеленное оружие. Но он не ожидал, что ему в лицо вопьются когти и клюв кричащей от ярости птицы.

Выронив кролика и лучемет, Юдубра вытянул руки перед лицом, но Кикахе не удалось увидеть остального. Он оказался в развалинах храма Атлантиды. Кикаха присел и изо всех сил

подпрыгнул вверх, стараясь, чтобы ни одна часть тела не вышла за границы круга. На пике прыжка он оказался в дворцовой комнате. Однако этот маневр, предназначенный для того, чтобы избежать лазерного луча, который могли направить в круг, ему не пригодился. Два обугленных Звонаря лежали на полу. Их одежда все еще горела. Комнату наполнял запах паленой плоти. Кикаха не мог понять, что здесь произошло. В прошлый раз он едва задел Звонарей лучом, а тут вдруг такая картина, будто их жгли на сковородке. Однако на следующем круге в комнату могли ворваться другие Звонари. Вряд ли они будут знать о происходящем больше него, но эти парни не так и глупы. Звонари поймут, что убийца вошел во врата, а затем быстро вернулся. И они будут ждать его.

Кикаха перенесся в храм Таланака. Анана исчезла. Жрец Витрас закричал ему:

— Она прыгнула во врата! И тоже попала в ловушку...

Кикаха оказался на луне. Самолет приблизился еще больше, но его скорость не возросла. Внезапно на носу летательного аппарата вспыхнул прожектор, и луч света помчался по скалам в направлении врат. Очевидно, Звонари заметили бежавших к нему солдат или увидели стрелков, которые целились в круг врат из арбалетов. Они включили прожектор, чтобы узнать причину суматохи.

Раздался свист; арбалетчики выпустили стрелы. Но Кикаху унесло в пещеру на уровень Сада. Небольшая остановка, и под ногами вновь возникла плоская вершина горного пика. Он осмотрел израненную грудь и кровоточащую руку. Эти раны — еще цветочки по сравнению с тем, что ожидало его впереди. Боль почти не беспокоила. Куда больше его волновала безысходность ситуации и неизбежная смерть. Слишком уж много стрелков — и Звонари, и этот мужчина в пещере. Толстяк, избавившись от ястреба, мог спрятаться за камнем и расстрелять Кикаху, как только тот появится во вратах. Хотя, возможно, он захочет взять его в плен.

На полу пещеры лежали почерневшие трупы ястреба и толстяка. Ноздри наполнил запах перьев и горелого мяса. Этому могло быть только одно объяснение: их сразила Анана, которая перемещалась впереди него по замкнутому контуру пространственных врат. Очевидно, она застигла Юдубру врасплох, когда тот сражался с птицей.

По правде говоря, Кикаха не верил, что она влюблена в него. Но теперь все сомнения отпали прочь. Спасая его, Анана рисковала жизнью и делала это по собственной воле. Она не стала тратить время на расчеты и без всяких раздумий

вбежала во врата. А кому, как не ей, знать о том, во что превращается тело, рассеченное пространственным полем. Она могла остаться невредимой только в том случае, если бы вошла во врата точно после их активации. И все же Анана не стала ждать. Увидев появление и исчезновение Кикахи, она решила действовать на свой страх и риск.

«А на такое способна только влюбленная женщина», — подумал он.

Когда перед ним материализовались развалины Атлантиды, Кикаха выпрыгнул наружу. Он упал на пол в комнате дворца, но не обошлось без ранений. Боль впиалась в пятку, словно голодная крыса. Часть кожи на ноге срезало деактивирующим полем.

Внезапно перед ним возникла фигура. Анана!

— Какие-нибудь предметы! — закричала она. — Бросай их в круг...

И ее фигура исчезла.

Ему не пришлось ломать голову над тем, что она хотела сказать. Во время скачек по кругу врат он в глубине души надеялся, что Анана додумается до этого. Для остановки резонансного кругооборота обычно использовались два варианта — либо отключалось активирующее устройство, либо в пустые врата помещались какие-нибудь массивные предметы. При заполнении всех врат кругооборот останавливался.

Конечно, несведущий человек попытался бы рассоединить два полумесяца, но это ни к чему бы не привело. Резонансный кругооборот обеспечивал мощное магнитное притяжение двух половинок, и нарушить его могли лишь некоторые особые устройства, которые хранились в оружейной комнате дворца.

С тревогой посматривая на дверь, Кикаха подтащил к вратам тело ближайшего Звонаря. Он отсчитывал секунды, пытаясь определить момент появления Ананы на следующем круге. И пока он считал, во вратах появлялись и исчезали различные предметы — бочка, разрезанный до пояса торс дракландского солдата, половина большого сундука с рассыпавшимися сокровищами, тяжелая статуя из жадеита и безголовый, безногий, почти бескрылый труп зеленой орлицы.

Его охватило беспокойство. По-видимому, таюды выполнили приказ, который Анана дала им перед тем, как прыгнуть во врата. Они бросали в магический круг все, что им попадалось под руки. Но кругооборот мог остановиться в тот миг, когда она окажется на луне, и если это произойдет, ее наверняка поймают или убьют.

Он хотел было втолкнуть тело Звонаря в круг серебряных полумесяцев, но там появилась Анана. И никуда не исчезла.

Кикаха так обрадовался, что едва не перестал присматривать за дверью.

— Ты держишь удачу за хвост! — воскликнул он и, испугавшись, что его могут услышать в коридоре, тихо добавил: — Нам невероятно повезло, что ты вышла из кругооборота здесь, а не где-то еще! Я...

— Дело не в везении, — ответила Анана.

Она вышла из врат, обняла его и поцеловала в губы. В любое другое время он бы с ума сошел от восторга, но теперь его хватило лишь на слабую улыбку.

— Потом, Анана. Сейчас нас ждут Звонари!

Она отстранилась и сказала:

— Через несколько секунд появится Нимстовл. Не стреляй.

В круге врат возник небольшой мужчина. Один лучемет он держал в руке, другой торчал у него за поясом; в ножнах виднелась рукоятка кинжала, на плече болталась свернутая кольцом веревка. Кикаха отошел от двери и направил лучемет на Нимстовла.

— Прекрати, — произнес властитель. — Я ваш союзник.

— До каких пор? — спросил Кикаха.

— Я хочу только одного — вернуться в свой мир, — ответил Нимстовл. — Меня уже мутит от этих убийств и метаний на острие смерти. Именем Шамбаримена я клянусь, что мне хватит и одной вселенной.

Кикаха ему не поверил, но решил примириться с присутствием Нимстовла до тех пор, пока не умрет последний Звонарь.

— Я не знаю, как выбраться отсюда, — сказал он двум властителям. — По моим расчетам, там, за дверью, нас ждут Звонари. По каким-то причинам они медлят с атакой, но у них есть большой лазер. И они в любую минуту могут выстрелить сюда, прожарив нас до мозга костей.

Частично догадываясь о приключениях Ананы, он попросил ее рассказать, что с ней произошло. Она ответила, что ловушку с вратами придумал Юдубра, но его, очевидно, застрелил тот, кого он поймал. Войдя в пещеру, Нимстовл обнаружил своего партнера мертвым. Устав скрываться и жить, как беглый раб, он решил рискнуть и прорваться в свой мир. Кроме того, как и любого властителя, его сжигала ненависть к Черным Звонарям. Увидев в створе пространственных врат Анану, он выключил резонирующее устройство, и через несколько секунд они перенастроили прибор

с таким расчетом, чтобы проникнуть во дворец. И вот тогда Анана увидела Кикаху.

— Ты хочешь сказать, что мне не надо было рисковать? — спросил он. — А я-то, чудак, прыгал! В общем-то все обошлось, если не считать кожи на пятке.

— Но ты же ничего не знал о наших планах, — успокоила его Анана. — Мне жаль тебя разочаровывать, но твой риск действительно оказался напрасным. Ты мог бы выйти из врат чуть позже, не подвергая себя опасности!

— В любом случае ты бросилась мне на помощь, — сказал он. — А это для меня самое главное.

Она заботливо осмотрела Кикаху. Его тело покрывали ожоги и кровоточащие раны. На пол капала кровь. Анана вздохнула и отвернулась. Она ничем не могла ему помочь, пока они не найдут какие-нибудь медикаменты. Эти препараты находились довольно близко, но, чтобы добраться до них, следовало выйти из комнаты.

Кто-то должен был осмотреть коридор. Нимстовл отказался жертвовать своей головой, а Кикаха не хотел рисковать жизнью Ананы. Поэтому вылазку ему пришлось взять на себя. Вместо ожидаемого лазерного луча он увидел пустой коридор. Позвав за собой обоих властителей, Кикаха повел их в комнату, которая располагалась на четверть мили дальше по коридору. Здесь он продезинфицировал свои раны и ожоги, наложил на них псевдоплоть и выпил лекарство, которое снимало боль и ускоряло восполнение крови. Обсуждая дальнейшие планы, они напились воды и как следует перекусили.

Однако каждый из них понимал, что разговорами делу не поможешь. Чтобы придумать толковый план, сначала предстояло выяснить, куда подевались Звонари.

ГЛАВА 23

Так никого и не встретив, они подошли к огромной лестнице, по которой Кикаха хотел пробраться к центру управления. Одолев пару пролетов, они увидели на ступенях мертвого Звонаря с обгоревшими ногами. За обуглившимся диваном лежал еще один. У него обгорел бок, но, судя по степени ожога, энергию луча в основном поглотила баррикада из мебели. И этот Звонарь еще дышал.

Кикаха осторожно приблизился к нему и, убедившись, что рана действительно серьезна, опустился на колени. Он хотел похлопать его по щекам, чтобы привести в чувство, а затем допросить. Но едва Кикаха приподнял голову Звонаря, тот открыл глаза.

— Лувах! — воскликнула Анана. — Это Лувах! Мой брат! Это один из моих братьев! Но как он сюда попал? Каким образом...

Она подняла предмет, который нашла за диваном среди обломков мебели. Прекрасная вещь из серебристого металла напоминала по форме рог африканского буйвола и не превышала в длину двух с половиной футов. С одной стороны она плавно переходила в широкий раструб, а на другой виднелся мундштук из какого-то мягкого золотистого материала. На гладкой поверхности располагался ряд небольших кнопок.

Кикаха узнал рог Шамбаримена. Восторг и надежда рывком подняли его на ноги.

— Вольф вернулся! — закричал он.

— Вольф? — удивленно спросила Анана. — Ах да, Ядавин! Вполне возможно. Но как здесь оказался Лувах?

При нормальных обстоятельствах Лувах выглядел бы довольно привлекательным. Благодаря носу с горбинкой, широкой верхней губе, веснушкам и темно-синим глазам он легко мог бы сойти за ирландца.

— Поговори с ним, — сказал Кикаха. — Может быть, он...

Анана опустила на колени перед братом и что-то зашептала ему на ухо. Он, видимо, узнал ее. Однако выражение его лица могло означать что угодно.

— Лувах в таком состоянии, что не помнит меня, — сказала Анана. — А возможно, он просто боится. Наверное, он думает, что мы собираемся его убить. Вспомни, я же властительница.

Кикаха сбегал в зал, где журчали веселые струи фонтана, и принес целый кувшин воды. Лувах жадно напился. А потом шепотом рассказал Анане свою историю. Через несколько минут она поднялась на ноги и сообщила полученные сведения.

— Его заманил в ловушку наш отец Уризен. Вернее, Лувах так считал до какого-то времени. На самом деле все организовала Вала — наша милая сестра. Он и Ядавин, то есть Вольф, стали друзьями. Вольф и его женщина Хрисеида тоже попались в ловушку вместе с остальными моими братьями и кузенами. Лувах говорит, что эта история слишком долгая, чтобы ее теперь рассказывать. Одним словом, в живых остались только он, Вольф и Хрисеида. Они вернулись сюда с помощью рога. Он, как ты знаешь, может воспроизводить резонанс любых врат, если только те не переключаются наугад.

Им удалось вернуться в тайную комнату, которая соединялась с центром управления. Вольф проверил через мониторы

главный зал и, ничего там не обнаружив, переключился на несколько других видеокамер. В коридорах и на лестницах они увидели обгоревшие тела людей и толосов. Однако им и в голову не приходило, что эти люди — Черные Звонари. И, даже заметив на их спинах ранцы с матрицами, они какое-то время не догадывались о главном. Да и что в этом удивительного? Ведь прошло десять тысяч лет. Вольф и Хрисеида прошли через ворота в центр управления, а Луваха отправили для подстраховки в комнату этажом ниже. Если бы кто-то напал на них в центральном зале, Лувах мог бы нанести удар по тылам противника.

— Да, Вольф не дурак, — согласился Кикаха.

Его немного удивило, что Вольф не обнаружил живых Звонарей. Впрочем, дворец был так велик, что Вольф мог бы несколько дней осматривать комнаты. А ему, очевидно, не терпелось отдохнуть после горьких и опасных испытаний. Он так обрадовался, попав домой, что погорячился и поддался спешке. К тому же центр управления и прилегавшие коридоры оказались в тот момент безлюдными.

— Лувах сказал, что поднялся по лестнице и хотел уже присоединиться к Вольфу, как в центр управления неожиданно ворвались два человека. Они прошли через большие ворота, установленные погибшими пришельцами. Эти Звонари несли с собой дальнобойный лазер, а за ними валила толпа людей, нагруженных частями разобранного самолета.

— Фон Тарбет и фон Свиндеберн! — вскричал Кикаха.

— Скорее всего, — ответила Анана. — Они знали, что случилась какая-то неприятность. Об этом говорило твое появление во воротах на луне, а затем и мой вояж. Они оставили свои поиски и решили вернуться сюда...

— Ты рассказывай, а я понесу Луваха, — произнес Кикаха. — Надо перетащить парня в комнату, где мы можем излечить его ожог.

Нимстовл прикрывал их тыл, а Анана следила за тем, что происходило впереди. Они перенесли потерявшего сознание Луваха в ту комнату, где Кикаха недавно лечил свои раны. Он ввел в вену раненого противошоковое средство и восстановитель крови, а затем наложил полоски псевдоплоти.

Тем временем Анана продолжала рассказ.

Два лидера Звонарей ожидали любого подвоха и хорошо подготовились. Они открыли огонь из большого лазера. Вольфу и Хрисеиде пришлось прятаться между огромными пультами и консолями. Лувах укрылся у входа за массивной стойкой с приборами. Два Звонаря продолжали вести плотный огонь, пока им на помощь не подоспели солдаты. И еще с ними было

существо, которое показалось Луваху странным. По его описанию Анана узнала Подаргу. Лувах видел ее не больше секунды, но она скорее всего находилась в бессознательном состоянии. Ее тащили на себе несколько воинов.

— Подарга! — закричал Кикаха. — А я думал, что она воспользовалась вратами в пещере и покинула луну. Интересно, кто же тогда... Ну надо же!

Несмотря на серьезность ситуации, он не удержался от радостного смеха. Как видно, она прошла через врата в пещеру на уровне Атлантиды. Там тоже имелось шесть или семь врат, отмеченных иероглифами уровней, на которые они якобы переносили того, кто воспользуется ими. Тем не менее надписи лгали, но об этом знали только Вольф, Кикаха и Хрисеида. Конечно, гарпия воспользовалась полумесяцем Америкиндии, пожелав оказаться поближе к дому. И вновь вернулась на луну — в ту же самую пещеру.

Но почему там осталось только четыре полумесяца, когда при ее возвращении число половинок увеличилось до пяти?

Подарга всегда отличалась хитростью и коварством. Возможно, она бросила что-то во врата, оставив в пещере только четыре полумесяца. И раз уж До Шаптарп не упоминал о детенышах огромной белой обезьяны, она, по всей вероятности, послала их вместо себя. Но почему она не попробовала какую-нибудь другую половинку врат? Ответ очевиден — она решила, что Кикаха использовал единственно полезный полумесяц. Впрочем, кто знает, какие мысли бродили в голове безумной птицы-женщины? Она предпочла остаться на луне. И именно за ней охотились Звонари в развалинах Корада, когда Кикаха увидел их во время путешествия по вратам резонансного контура.

Появившиеся солдаты открыли огонь из лучеметов, и Луваху пришлось выбежать из центра управления. Этот эпизод его рассказа беспокоил Кикаху. Почему Звонари доверили дракландцам лазерное оружие? Неужели они считали свое положение столь отчаянным?

Отступая к лестнице и пробивая себе путь, Лувах убил нескольких преследователей, но затем его обожгло лучом. К счастью, ему удалось укрыться за диваном и в упор расстрелять догонявших его врагов. Шестеро из убитых носили на спинах металлические ранцы.

— Вольф! Хрисеида! — воскликнул Кикаха. — Нам надо подняться к ним! Пойми, им нужна наша помощь!

Несмотря на неистовый порыв, ему удалось взять себя в руки, и, когда они приблизились к центру управления, к Кикахе вернулись и бывшее самообладание, и осторожность.

По пути они обходили обгоревшие тела — свидетельства героической битвы Луваха.

Кикаха торопился и порою шел на неоправданный риск, но он представлял, как тяжело сейчас может быть Вольфу. На полу коридора лежали трупы солдат; на мебели и стенах виднелись черные пропалины. Чем ближе они подходили к цели, тем сильнее становился смрад сгоревшей плоти. Кикаха замер на пороге зала. Он боялся увидеть тела Вольфа и Хрисеиды. Неужели, пережив столько мук и неприятностей, они погибли, едва возвратившись домой?

Ожесточив себя мыслью о мести, он пригнулся и вбежал в огромный зал, но помещение оказалось безмолвным, как черви на трупе. Везде лежали мертвецы. Кикаха заметил еще четверых убитых Звонарей, но Вольфа и Хрисеиду не обнаружил.

Кикаха испытал облегчение — им удалось убежать. Но вот только куда? Пройдя по залу, он нашел их оборонительные позиции. Они вели бой у задней стены, скрываясь за стойкой видеомониторов. Экраны вдребезги разлетелись под шквалом лазерных лучей; металл шкафов оплавился и покрылся рваными дырами. За аппаратурой и пультами тут и там виднелись тела дракландских солдат, попавших под ответный огонь Вольфа и Хрисеиды.

Фон Тарбет (Граумграсс) и фон Свиндеберн тоже погибли. Они лежали возле большого лазера, который продолжал стрелять, пока его силовая батарея не иссякла. Металлическая стена, в которую он был нацелен, имела двадцатифутовую дыру, и расплавленная сталь все еще стекала в большую лужу на полу. Фон Тарбета разрезало почти пополам; его компаньона сожгло от бедра и выше. К их спинам по-прежнему крепились серебряные ранцы.

— Остался один уцелевший Звонарь, — сказал Кикаха.

Он подошел к тому месту, где Вольф и Хрисеида вели последний бой. На голубом пластике пола выделялся большой металлический диск каких-то новых и не известных ему врат. Очевидно, Вольф установил их здесь после последнего визита Кикахи.

— Если Вольф описал эти врата в кодовом регистре, мы узнаем, куда они ведут, — сказал он, обращаясь к Анане. — Наверное, они оставили для меня сообщение, но его стерли Звонари. Ладно, сначала мы найдем последнего Звонаря. Если ему удастся выбраться отсюда и пробраться в твою вселенную или в миры Нимстовла и Юдубры, у нас могут возникнуть большие неприятности.

— Это будет кошмар! — согласилась Анана. — И почему только властители не прекратили междоусобную войну? Они могли бы объединиться и навсегда избавиться от Звонарей.

Она отошла в сторону. Ее мутило от страха и непрерывного звона в голове, который предупреждал властителей о близости матриц.

— Мне надо уйти отсюда, — сказала она. — Или, по крайней мере, отойти подальше.

— Хорошо, а я еще раз осмотрю трупы, — отозвался Кикаха. — Ты иди... Нет, стой! Где Нимстовл?

— Он стоял у того пульта, — ответила Анана. — Мне кажется... Нет, я не знаю, куда он исчез!

Кикаха хотел крикнуть, что она не должна была спускать глаз с этого маленького подлого властителя. Но гнев делу не помощник, и он удержался от резких слов. События последних часов могли отвлечь внимание любого человека, а тут еще этот звон в мозгу, который сводил ее с ума.

Анана поспешно покинула зал. Кикаха вновь прошел по помещению, проверяя каждое тело и осматривая каждый уголок.

— Да, Вольф и Хрисеида постарались, — бормотал он себе под нос. — Они навалили целые горы трупов. Но как им удалось уложить тех, кто прятался за стойками приборов? Они слишком уж постарались. Я не верю, что такое могли сделать два человека. А куда подевалась Подарга?

Кикаха подошел к дверям и окликнул Анану, которая вела наблюдение за коридором.

— Наверное, я чего-то не понимаю, — сказал он. — Допустим, Вольф убил всех нападавших солдат, что уже само по себе маловероятно. Но зачем тогда ему и Хрисеиде понадобилось уходить через ворота? И как, черт возьми, Вольфу удалось уничтожить тех двух Звонарей, когда они могли сжарить его первым же выстрелом из лазера? А где Подарга? Где пропавший Звонарь?

— Возможно, гарпия тоже прошла через ворота во время боя, — сказала Анана, — или, воспользовавшись паникой, вылетела из центра управления.

— Хорошо, а куда девался Нимстовл? Пошли. Пора начинать поиски.

Анана тяжело вздохнула. И Кикаха ее прекрасно понимал. Они едва держались на ногах, а впереди их ожидала куча дел. Кикаха помог ей встать, и они приступили к осмотру тел в коридорах около центра управления и на лестничной клетке. Оказалось, что Кикаха действительно убил тех двух Звонарей,

в которых посылал управляемые снаряды. В их телах виднелись огромные сквозные дыры. Разглядывая обгоревшего человека, который погиб во время боя с Лувахом, они слышали стон.

Вскинув лучеметы, Кикаха и Анана обошли с двух сторон перевернутый шкаф и увидели Нимстовла, который сидел, прислонившись спиной к стене. Он держался за правый бок, сквозь его пальцы сочилась кровь. Рядом лежал человек с ранцем на спине.

Это был последний Звонарь. В его животе торчала рукоятка ножа.

— Наверное, у его лучемета иссяк заряд, — сказал Нимстовл. — Он подкрался сзади и ударил меня ножом. Это меня-то! Ножом!

Кикаха осмотрел рану. Кровь лилась обильно, но порез казался неглубоким. Помогая подняться раненому властителю, он быстро и незаметно убедился, что у Нимстовла нет припрятанного оружия. После этого Кикаха поднял его на руки и отнес в комнату, где они оставили спящего Лувача. Он наложил на рану Нимстовла псевдоплоть и дал ему восстановитель крови.

— Звонарь подскочил так неожиданно, что запросто мог бы уделать меня, — рассказывал маленький властитель. — Но эта штука предупредила меня вовремя.

Он поднял руку с большим кольцом, похожим на перстень Ананы.

— Неужели они все мертвы?! — радостно вскричала Анана.

— В это даже трудно поверить! — засмеявшись, ответил Нимстовл. — Наконец-то! И я убил последнего!

Кикаха улыбнулся, но воздержался от комментариев.

— Все верно, Нимстовл, — сказал он в конце концов. — Тебе повезло, и ты остался жив... А теперь вставай и не дергайся. Я запру тебя ненадолго.

Кикаха еще раз обыскал властителя. Тот начал возмущаться.

— Почему ты так со мной поступаешь? — закричал он.

— Я не люблю рисковать. И мне надо проверить, что ты говоришь правду. Давай пошевеливайся. Тут неподалеку есть комната, в которой я тебя закрою. Посидишь там, пока мы не удостоверимся в правоте твоих слов.

Нимстовл протестовал и упирался. Он не мог понять, почему его подозревают. И тогда, прежде чем захлопнуть дверь, Кикаха сказал:

— Зачем ты ушел так далеко от центра управления? Тебе полагалось оставаться с нами. Ты же не хотел убежать от нас, правда?

— Ну и что, если хотел? — крикнул властитель. — Мы выиграли битву — во всяком случае, я так думал. И мне хотелось вернуться в мою вселенную еще до того, как эта сучка, Анана, попытается меня убить. Теперь-то я ей больше не нужен. И мне кажется, ты не станешь удерживать ее. Да вы должны радоваться, что я ушел! Если бы не я, Звонарь мог бы скрыться или перебить нас из засады.

— Возможно, ты прав, — сказал Кикаха. — Но пока оставайся здесь.

Он захлопнул дверь и запер ее, нажав кнопку на стене.

ГЛАВА 24

После этого Кикаха с Ананой продолжили долгие поиски. Многие комнаты и коридоры можно было бы осматривать на видеомониторах в центре управления, и им не пришлось бы тратить силы на преодоление длинных лестничных маршей и лабиринтов дворца, но Вольф, отправляясь в путь, отключил аппаратуру наблюдения. Он знал, что Кикаха, посетив дворец, без труда активирует ее заново. Очевидно, Звонарям не удалось подключить эту систему. В принципе они могли разобрать главный пульт и выяснить его схему, но у них не хватило времени и свободных рук. Теперь же Кикаха не мог использовать мониторы по той причине, что во время боя их перебили шквальным огнем.

Они осмотрели сотни комнат, десятки коридоров и множество лестниц, но охватили только небольшую часть главного корпуса. Подумав о боковых крыльях здания, бесчисленных флигелях и террасах, Кикаха удрученно покачал головой.

Анана предложила перекусить и выспаться. Они провели Луваха, который мирно спал, а затем заказали себе на кухне обед. После битвы со Звонарями уцелело лишь несколько толосов, но роботы быстро исполнили заказ и послали через ворота два полных подноса. Перекусив, Кикаха решил подняться в центр управления и удостовериться, что там не произошло ничего важного. Его по-прежнему не покидала надежда на возвращение Вольфа, хотя он догадывался, что ворота скорее всего окажутся односторонними. Жаль, что рог Шамбаримена отдали тогда Луваху. Сейчас бы он здорово пригодился Вольфу и Хрисеиде.

Они с трудом добрались до верхней площадки лестницы. Кикаха не рискнул воспользоваться лифтами, поскольку Звонари могли превратить их в ловушки и даже заминировать. Едва они подошли к открытым дверям центра управления, он остановился.

— Ты ничего не слышала?

Анана покачала головой. Он жестом попросил в случае чего прикрыть его огнем, затем прыгнул в проем дверей, покатился по полу и спрятался за массивным пультом. Затаив дыхание, он прислушался, и вскоре до него донесся тихий стон. Затем наступила тишина. Через минуту или две раздался еще один стон. Переползая от пульта к пулту, Кикаха приблизился к источнику звуков. Увидев гарпию, он, конечно, удивился, но не настолько, чтобы потерять бдительность. Подарга ссутулясь сидела около огромного металлического шкафа. Ее перья почернели и источали отвратительный запах; ноги обгорели до такой степени, что несколько пальцев выпали. Прекрасная грудь превратилась в комок коричневатого-красного мяса. Рядом лежал полуоплавленный лучемет; огромный коготь охватывал приклад.

Она проникла в зал, когда Кикаха и Анана ушли на поиски Нимстовла, а потом ее кто-то подстрелил из лучемета. Он подполз поближе и осмотрелся вокруг. Через минуту ситуация прояснилась. Гарпию подстрелил До Шаптарп. Кикаха почему-то думал, что тевтона убили Звонари. Он пытался отыскать его среди трупов, но некоторые из тел настолько обгорели, что опознать их было невозможно. А парень-то оказался не промах. И возможно, он тоже искал его.

Убежав от Звонарей, До Шаптарп скорее всего скрывался на верхних этажах. Подождав немного, он спустился, чтобы выяснить обстановку. А Подарга, ускользнувшая из зала во время боя Вольфа и Звонарей, зачем-то тоже вернулась. И они оба, не имея причин для ссоры, нанесли друг другу смертельные ранения.

Он заговорил с тевтоном, и тот что-то прошептал в ответ. Кикаха склонился к нему поближе, но уловил только несколько слов. И они не имели ничего общего с дракландским диалектом. Баронет говорил на языке властителей.

Кикаха вернулся к Подарге. Ее глаза открылись и потускнели. Вуаль смерти медленно покрывала их.

— Подарга! — воскликнул он. — Что случилось?

Гарпия застонала и, сказав несколько слов, умерла. Кикаха ничего не понимал — она тоже говорила на языке властителей.

Кикаха позвал Анану. Пока она стояла на страже, он попытался допросить До Шартарпа. Тевтон находился в глубоком шоке и быстро терял силы. На какой-то миг он узнал Кикаху, и жажда жизни заставила Звонаря снизойти до мольбы. Он знал, что люди иногда проявляют жалость — и это могло бы спасти его.

— Мой колокол... где-то здесь... положи его на мою голову... А я тогда...

Его губы задергались, и что-то забулькало в горле.

— Почему ты овладел До Шартарпом, а не убил его? — спросил Кикаха. — Кто ты?

— Мы ждали десять тысяч лет, — прошептал Звонарь. — И тут... ты.

Глаза поблекли, словно в мозг попала пыль. Челюсть отвисла, как подъемный мост из замка души — если только у Звонарей действительно имелись души. А почему бы и нет, если они есть у других? Ужасный метод внедрения в человеческие тела делал Звонарей смертельными врагами, но на самом деле по уровню жестокости и опасности они ничем не отличались от людей. Конечно, обладание разумом казалось ужасным и омерзительным, однако мозг жертвы погибал еще до того, как Звонарь внедрялся в тело, и их зомбирование можно было считать обыкновенным убийством.

— Итак, этот третий Звонарь захватил мозг До Шартарпа, — рассуждал Кикаха. — Он, видимо, ушел на верхние этажи и затаился. Парень предполагал, что я удеру от его приятелей, и надеялся убить меня чуть позже. А мне бы и в голову не пришло подозревать тевтона.

Теперь Подарга. Мы могли бы допустить, что Звонарь перешел в нее еще на луне, однако это не так. На луне находились только двое главарей — фон Тарбет и фон Свиндеберн. А Лувах говорил, что видел их во время последней атаки на центр управления. Поэтому внедрение в ее мозг произошло уже после того, как Вольф и Хрисеида бежали через ворота. Сначала главари перебили оставшихся свидетелей и представили дело в таком свете, будто Вольф и Хрисеида расстреляли всех дракландских солдат. А потом один из двух Звонарей вселился в Подаргу.

Мне почему-то кажется, что второй главарь перешел в какого-нибудь солдата, которого они приберегли для такого случая. И именно этот солдат чуть позже напал на Нимстовла. Вот так, несмотря на хитрость и коварство, фон Тарбет и фон Свиндеберн нашли свою смерть. Судьбу не

обманешь, а меня — тем более! И я могу поспорить, что Звонарь в теле Подарги хотел изобразить раскаяние и внезапно вспыхнувшие дружеские чувства. Гарпия предложила бы мне мир и горько сожалела о прошлых разногласиях. А потом я потерял бы бдительность, и она убила бы меня. Довольно мило, правда? К счастью, Звонарь в теле Подарги не узнал своего сородича, овладевшего телом До Шаптарпа. И они убили друг друга! — Кикаха захохотал, но вдруг замолчал и снова стал серьезным. — Вольф и Хрисеида попали в безвыходное положение. Надо пойти в библиотеку и найти кодовый регистр. Если он внес туда эти врата, мы узнаем, куда их занесло и каким опасным будет это путешествие.

Они направились к выходу. Вид Подарги опечалил Кикаху, и он немного отстал. У нее было лицо Ананы, и одного этого хватило, чтобы испортить настроение — она выглядела как мертвая Анана. Он подумал о ее безумии, о тех страданиях, которые Подарга терпела три тысячи двести лет, и мысль об этом легла на него тяжелым грузом. А ведь она могла бы снова обрести тело женщины, если бы приняла тогда предложение Вольфа. Но безумие обрекло ее на новые муки, и она поклялась отомстить человеку, который поместил ее в тело гарпии.

Анана остановилась так резко, что Кикаха чуть не налетел на нее.

— Этот звон! — застонала она. — Он начинается снова!

Она закричала и в тот же миг вскинула лучемет. Но Кикаха уже стрелял. Он едва не задел Анану: его луч пересек дверной проем как раз в тот момент, когда в нем появился человек. Кикаха установил лучемет на полную мощность, и оружие теперь не жгло, а скорее резало. Луч скользнул по фигуре маленького властителя и отсек ему кусок левого плеча.

Нимстовл отскочил назад.

Кикаха подбежал к двери и замер на пороге, не решаясь выглянуть в коридор.

— Это фон Тарбет или фон Свиндеберн! — крикнул он.

В его уме начинала выстраиваться логическая цепочка. Итак, один из главарей овладел Подаргой, а другой вселился в солдата. Затем они сожгли свои предыдущие тела, покинули центр управления и отправились на поиски врагов.

Тот, кто находился в теле солдата, набросился на Нимстовла. Возможно, он действительно ранил его. Как бы там ни было, ему удалось перейти во властителя.

Но это абсолютно невозможно. Для смены тел потребовалось бы два Звонаря, иначе кто бы поместил ему на голову матрицу-колокол.

Значит, Звонарь в теле Подарги сопровождал того лже-солдата. Он помог оглушить властителя и после переноса матрицы удалился. Лже-Нимстовл пырнул ножом лишнего разума солдата и, дождавшись появления врагов, разыграл свою роль как по нотам.

Подмена Нимстовла могла принести результат, но подозрительность Кикахи разрушила их планы. Он запер Звонаря в комнате, однако тому как-то удалось выбраться. Интересно, с помощью чего? Какой-нибудь маломощный лазер, вживленный в тело?

Нимстовл-Звонарь вернулся назад, надеясь застать Кикаху и Анану врасплох. В случае удачи он мог бы исполнить задуманный план и привести свою расу к мировому господству. Но Звонарь не устоял перед искушением и взял с собой матрицу-колокол. И именно поэтому Анана заметила его приближение.

Допустим, Подарга помогла Звонарю перейти из тела солдата в тело Нимстовла. Однако, если это сделала не она, то во дворце где-то бродит еще один Звонарь, которого им предстоит найти и уничтожить.

Но сначала надо расправиться с Нимстовлом.

Выждав около десяти минут, Кикаха решил действовать. Если Звонарь остался на ногах, то он уже ушел достаточно далеко. А значит, они могут покинуть центр управления, не опасаясь выстрела в упор. Если же Звонарь лежит в коридоре и истекает кровью, то им тоже ничего не угрожает. Однако рана может оказаться не такой уж серьезной. Тогда Звонарь будет дожидаться Кикаху, чтобы использовать свою последнюю возможность.

Но ждать больше не имело смысла. Кикаха велел Анане отойти в сторону. Отойдя на несколько шагов, он разбежался и прыгнул в дверной проем. В прыжке Кикаха развернулся в воздухе, нажал на курок, и луч, скользя по стене, прочертил в мраморе двухдюймовую канавку. Он в любой момент мог метнуться вверх или вниз, настигая поджидавшего противника.

Но Звонарь и не пытался оказывать сопротивление. Прислонившись к стене, он сидел в луже крови, вытекавшей из раны на плече. У ног лежал лучемет. Голова откинулась назад, челюсть отвисла. Кожа начинала синеть.

Кикаха упал на пол, вскочил на ноги и, отключив лучемер, медленно приблизился к Звонарю. Убедившись, что тот не опасен, он склонился над ним и пощупал пульс. Нимстовл открыл глаза. В них все еще теплилась жизнь.

— Мы обреченный народ, — прошептал Звонарь. — В нашем распоряжении имелось все, что необходимо для завоевания галактики. Но нас погубил один человек.

— Кто ты? — спросил Кикаха. — Граумграсс или тот, кто называл себя фон Свиндеберном?

— Я Граумграсс — король Звонарей. Сначала я находился в теле фон Тарбета, а потом в теле того солдата.

— Кто помогал тебе перейти в Нимстовла? — закричал Кикаха. — Кто помог тебе овладеть этим телом?

Звонарь взглянул на него с неприкрытым удивлением.

— Ты не знаешь? — тихо спросил он. — Значит, у нас все еще есть надежда.

Анана отстегнула от ремней ранец Звонаря и, открыв его, с отвращением вынула большую черную матрицу-колокол.

— Возможно, ты надеешься унести эту тайну в могилу, — сказала она. — Но у тебя ничего не получится! Мы все равно узнаем, кто тот Звонарь и что он собирается делать. — Анана повернулась к Кикахе. — Держи его голову! Я хочу поместить на нее эту штуку!

Граумграсс попытался оказать сопротивление, однако потеря крови лишила его сил. Скорчившись от боли, он гневно закричал:

— Что вы задумали со мною сделать?!

— Сейчас твой разум автоматически перейдет в матрицу-колокол, — ответила Анана. — Ты и сам это прекрасно знаешь. Тело умрет, но мы найдем для тебя здорового раба. И поместим в него твой разум. И тогда ты познаешь все мыслимые и немыслимые пытки, пока не расскажешь все, что мы захотим узнать.

Граумграсс закричал и снова попытался вырваться из рук Кикахи, но тот без труда удержал его, и Анана положила на голову Звонаря черный купол матрицы. После этого глаза Граумграсса остекленели, и смерть простучала кастаньетами в его горле. Кикаха посмотрел на донышко «колокола», и Анана приподняла матрицу. Две крошечные иглы тут же втянулись в черное дно.

— Думаю, его разум перешел туда еще до того, как погибло тело, — произнес Кикаха. — Но знаешь, Анана, я не дам тебе разрушать мозг человека, оживляя это дерьмо ради

какой-то информации. И можешь не объяснять, насколько она для нас важна.

— Я знала это с самого начала, — ответила Анана. — И я не собираюсь губить еще одну человеческую душу. Ты многому научил меня, и благодаря тебе я вновь обрела какую-то часть потерянной гуманности. К тому же здесь нет живых тел, которые мы могли бы использовать для этой цели.

Она замолчала и взглянула на Кикаху.

— Не смотри так, Анана! У меня не хватит духу, — сказал он.

— Я не виню тебя за это, — ответила она. — И мне не хочется подвергать твою жизнь такой опасности. Я справлюсь сама.

— Но...

Кикаха замолчал. Он знал, что одному из них придется решиться на подобный поступок. И если бы она не вызвалась добровольцем, это сделал бы он. Однако, позволив ей стать подопытным кроликом, Кикаха был готов провалиться от стыда сквозь землю. Слепой животный ужас заполнил густым туманом его сознание, и он не мог заставить себя настоять на своей кандидатуре. Здесь требовалось не только мужество, как ему казалось прежде, но и нечто большее, чего он в данный момент не имел. Полная беспомощность превратила его в труса. И это чувство терзало, как острые когти Подарги.

— Здесь есть наркотики, способные развязать язык любому человеку, — сказал он. — С их помощью можно получить информацию, которую Звонарь считает правдивой. Я думаю, они без труда вытянут из тебя все сведения об уцелевшем противнике — если только ты по-прежнему считаешь это необходимым.

Кикаха знал ответ Ананы. Но не мог смириться с мыслью, что ее разумом и телом овладеет эта ненавистная тварь из черного «колокола».

— Наверное, ты представляешь, какой ужас я испытываю перед Звонарями, — сказала она. — Но я готова пойти на любые жертвы, лишь бы выследить последнего Звонаря. Мы должны покончить с ними раз и навсегда.

Кикаха хотел возразить, что цена ее жизни несопоставимо выше каких-то Звонарей, однако он сдержался. Анана была права — это требовалось сделать. Его трясло от страха за нее, но внутренний ужас не позволял занять ее место. И тогда, обозвав себя жалким и ничтожным трусом, он разрешил ей использовать матрицу.

Прежде чем сделать последний шаг, Анана прильнула к Кикахе и горячо поцеловала.

— Я люблю тебя, — сказала она. — И знал бы ты, как мне сейчас страшно! Мы могли бы любить друг друга и наслаждаться счастьем, а вместо этого я сама ложусь в могилу.

— Давай еще раз обйдем дворец! — воскликнул Кикаха. — Он где-то здесь, и мы наверняка его найдем.

— Но он мог уйти в другой мир, — ответила Анана. — Нам надо узнать о нем все, иначе мы никогда не найдем его. Поэтому действуй, любимый. И не тяни! Я чувствую себя так, словно сейчас уму!

Она легла на диван и закрыла глаза. Приложив к ее голове пустую матрицу, Кикаха держал «колокол» до тех пор, пока тот не закончил свою работу. Дыхание Ананы, быстрое и поверхностное от волнения, внезапно замедлилось и стало глубоким. Ее веки затрепетали; глаза открылись. Казалось, свет в них затерялся на бездонной глубине огромного океана времени, застыв в какой-то роковой полярности жизни.

Подождав для верности несколько минут, он убрал с ее головы матрицу и положил заполненный «колокол» в ранец на полу. Накрепко привязав Анану к дивану, Кикаха приложил к ее макушке «колокол», содержащий разум Граумграсса. Через двадцать минут процесс внедрения закончился. Ее лицо ожило, в глазах вспыхнула ярость пойманного в клетку ястреба. Прекрасный голос Ананы остался прежним, но интонации изменились.

— Пока могу сказать, что ты загнал меня в женское тело, — произнесла Анана, вернее, Звонарь.

Кикаха кивнул и впрыснул ей в руку стимулятор, побуждающий к откровенности. Подождав шестьдесят секунд, он приступил к допросу. Когда наркотик перестал действовать, он уже выяснил все, что хотел.

При определении точного количества исчезнувших Звонарей власти совершили ошибку. Их оказалось не пятьдесят, а пятьдесят один. И конечно же, Звонари не стали уведомлять об этом своих врагов. «Лишним» Звонарем был Табююз. Большую часть времени он проводил в биологических лабораториях дворца, где занимался выращиванием новых Звонарей. Получив сигнал тревоги о появлении Кикахи, он поднялся наверх, но не рискнул вступить в сражение. Тем не менее он помог Граумграссу внедриться в тело оглушенного Нимстовла.

Приняв облик маленького властителя, Граумграсс решил сделать еще одну попытку и убить двух уцелевших врагов —

Анану и Кикаху. В случае неудачи Табююзу предписывалось пройти через врата на Землю, унося туда свою матрицу и знание. Там, на Земле, в преддверии ада всех вселенных, затерявшись в одном из шумных городов, он должен был создать и воспитать когорту новых Звонарей — неустрашимых завоевателей галактики.

— Какими вратами он воспользовался? — спросил Кикаха.

— Теми же, через которые бежали Вольф и Хрисеида, — ответил Граумграсс. — Они ведут на Землю.

— Откуда тебе это известно?

— Мы нашли кодовый регистр, проникли в программу и узнали, куда ведут врата за стойкой видеомониторов. Я приказал Табююзу воспользоваться ими, если произойдет что-то ужасное и непредвиденное. И теперь он уже вне стен дворца — одинокий странник, которому суждено скрываться и ждать великого часа возрождения!

Несмотря на разочарование и тревогу, Кикаха почувствовал какое-то удовлетворение. У него появились сразу две причины вернуться на Землю. Во-первых, и самое главное, ему требовалось отыскать и убить Табююза до того, как Звонарь приступит к выполнению своего плана. Во-вторых, он должен был найти Вольфа и Хрисеиду, чтобы помочь им вернуться домой. Хотя вряд ли они захотят возвращаться. И конечно же, Вольф примкнет к погоне за бежавшим Звонарем.

Он вновь положил матрицу на голову Ананы. Через пятнадцать минут разум Граумграсса перешел в «колокол». Кикаха достал из ранца матрицу, содержащую разум Ананы. Процедура переноса заняла около двадцати минут. А потом она открыла глаза, произнесла его имя и, обняв Кикаху, расплакалась.

Анана рассказала ему о своих ощущениях. Сначала ей показалось, будто ее мозг вынули из головы и поместили в темную пустоту. Она испугалась, что с Кикахой может что-то случиться, и, представив себе этот вечный плен в беспроектной бездне матрицы, Анана поняла, что вскоре сойдет с ума. Идея остаться безумной на века привела ее в еще большее отчаяние.

Кикаха уложил Анану поудобнее и, когда она успокоилась, рассказал ей все, что узнал. Она вскочила с дивана и закричала, что им надо немедленно отправляться на Землю. Но прежде ей хотелось избавиться от «колокола» Граумграсса.

— Это будет легко, — пообещал Кикаха. — Я вплаваю матрицу в пластиковый куб и помещу его в музей. Потом, когда у меня будет время — то есть после нашего возвращения с Земли, — я пройду с этим кубом в Таланак. Мы перенесем разум Звонаря в тело приговоренного к смерти преступника, а потом убьем его при всем честном народе. Ладно, помечтаем позже. Пора готовиться к путешествию на Землю.

Он просмотрел кодовый регистр в поисках информации, которую мог упустить Звонарь. Металлический круг за стойкой видеомониторов соединялся с древними воротами в Южной Калифорнии, однако точное место не указывалось.

— Иногда на меня накатывали приступы ностальгии, но я без труда преодолевал их с помощью охоты и хорошего поединка, — рассказывал Кикаха. — Наверное, я просто влюблен в Многоярусный мир — в эту страну зеленых небес и сказочных животных. Земля представляется мне большим серым кошмаром, и, когда я думаю о том, чтобы жить на ней постоянно, у меня мурашки бегут по коже. Тем не менее иногда я тоскую по родине. — Он немного помолчал и задумчиво добавил: — Мы, возможно, задержимся там на какое-то время, и нам понадобятся деньги. Интересно, у Вольфа есть какой-нибудь денежный запас?

Банк памяти огромного компьютера подсказал ему, где находится кладовая наличных. Кикаха вернулся оттуда с печальной улыбкой и швырнул на стол толстую пачку денег.

— Целая куча долларов, — сказал он. — Сотенные купюры и дюжина тысячедолларовых банкнотов. Но самые поздние из них датированы 1875 годом! — Он пожал плечами и засмеялся: — Как бы там ни было, мы все равно возьмем их с собой. Возможно, я продам эту редкость каким-нибудь коллекционерам. Кроме того, нам не помешает несколько драгоценных камней.

Он запрограммировал машины на изготовление одежды. Однако самые последние модели, какие он запомнил по своей жизни на Земле, принадлежали к стилю Америки 1945 года.

— Ничего. Пока и это подойдет, а потом мы купим себе что-нибудь современное.

В паузе между сборами они перенесли Луваха в большую удобную комнату и приказали кухонным толосам присматривать за ним. Кикаха оставил Анану наедине с братом, а сам занялся укладкой необходимых вещей. Взяв несколько лекарств и медикаментов, он дополнил снаряжение лучеметами и обоями батарей, выбрал себе метательный нож, прихватил для Ананы небольшой стилет с ядом в полый рукоятке и

на всякий случай упаковал в футляр серебристый рог Шамбаримена.

Собрав сумки и чемодан, Кикаха вернулся в комнату, где беседовали двое властителей.

— Попробую сойти за музыканта, — сказал он. — А потом мы найдем парикмахерскую, и я подстригусь. У меня такие длинные волосы, что я выгляжу, как Тарзан. А мне не хотелось бы привлекать внимание. Ах да, вы можете называть меня теперь Полом. Кикаха уходит в тень, и вновь из небытия появляется Пол Янус Финнеган.

Они попрощались с Лувахом, и тот пообещал охранять дворец во время их отсутствия. Ему предстояло позаботиться о том, чтобы толосы превратили все тела в пепел и придали помещениям былой вид. Кроме того, он должен был настроить систему защиты Многоярусного мира и противостоять мародерству других властителей. Лувах очень обрадовался, встретив Анану — пусть даже и на такой короткий срок. В нем чувствовалась какая-то человеческая доброта и мягкость, столь чуждая остальным властителям.

Тем не менее, выходя из комнаты, Кикаха прищурился и спросил Анану:

— Ты говорила с ним о старых временах, как я тебя просил?

— Да, — ответила она, — и он не мог вспомнить очень многих вещей.

Кикаха остановился.

— Ты думаешь...

Она покачала головой и рассмеялась:

— Успокойся. Все нормально. Он вспомнил такое, о чем не узнал бы ни один Звонарь. И он напомнил мне о многом, что я совершенно забыла. Это мой брат — на все сто процентов. Так что уметь свои сомнения, мой подозрительный возлюбленный.

Кикаха улыбнулся:

— А разве эта мысль пришла нам в головы не одновременно?

Она хмыкнула, и он поцеловал ее. Перед тем как войти во врата, активированные кодовой фразой, Кикаха спросил:

— Ты говоришь по-английски?

— В общей сложности я провела на Земле три года, — ответила она. — Мне довелось побывать в Париже и Лондоне. Но я начисто забыла французский и английский языки.

— Ничего, научись снова. А до этого времени буду говорить я.

Он все медлил и медлил, словно не хотел отправляться в долгий и опасный путь.

— Возможно, мы даже пятки себе собьем, гонясь за беглым Звонарем. Но у путешествия на Землю есть и приятные стороны. По крайней мере, нам не придется тревожиться о кознях какого-то взбесившегося властителя.

Слова Кикахи удивили Анану.

— Разве Вольф не говорил тебе? — воскликнула она. — Нас ждет там встреча с Рыжим Орком — тайным властителем Земли!

ЗА СТЕНАМИ ТЕРРЫ

*Эти приключения Кикахи посвящены
Джеку Кордесу, который обитает
во вселенных Пеории и Пекина**

Двадцать четыре года небо было зеленым. И вот в один миг оно стало голубым.

Кикаха зажмурился. Он вернулся домой, а точнее сказать, на родную планету. Прожив на Земле двадцать восемь лет, он провел остальные двадцать четыре года в другой вселенной, названной им Многоярусным миром. И теперь он снова оказался «дома», хотя его сюда не очень-то и тянуло.

Он стоял в тени огромного выступа скалы, нависавшего над головой. Бодрящий ветер, скользя по поверхности отвесного склона, врывается в небольшую пещеру и вылизывал каменный пол. Повсюду виднелись горы, поросшие соснами и елями. Прохладный воздух быстро теплел. Начиналось утро июльского дня. Если верить расчетам, они находились сейчас в южной Калифорнии, и Кикаха надеялся, что это действительно так.

Пещера располагалась почти у самой вершины, откуда открывался прекрасный обзор в юго-западном направлении. Там, вдали, за небольшими отрогами холмов, виднелась огромная долина, которая простиралась, по предположению Кикахи, до самого Лос-Анджелеса. Зрелище встревожило и удивило его. Оно не поддавалось объяснению и совершенно не походило на то, что он ожидал увидеть. Долину скрывало плотное, отвратительное серое облако, созданное на первый взгляд из тысячи струй зловонных испарений. И казалось, что почва под пеленой тумана утыкана бурлившими гейзерами, которые извергали ядовитый пар и газы земной преисподней.

Он не имел понятия о том, что происходило на Земле с 1946 года, когда однажды ночью его по воле судьбы перенесло из этой вселенной в мир Ядавина. Неужели какая-то враждебная держава сбросила бомбы и заполнила гигантскую

* Имеется в виду г. Пекин, штат Иллинойс. (Здесь и далее примеч. пер.)

чашу Лос-Анджелеса ядовитым газом? Но Кикаха даже не мог назвать страны, способной на такой решительный и дерзкий шаг. Когда он оставил этот мир, Германия и Япония потерпели полное поражение, а Россия не оправилась бы от жестоких ран в течение нескольких десятилетий.

Кикаха пожал плечами. Придет время, и он во всем разберется. Банки памяти дворцового компьютера на вершине единственной планеты во вселенной зеленых небес утверждали, что эти врата ведут в горную пещеру неподалеку от озера Арроухед.

Врата представляли собой круглую металлическую пластину, вплавленную на несколько дюймов в гранитную скалу. Об их присутствии свидетельствовало лишь тусклое пурпурное пятно, проступавшее на камне.

Кикаха (он же Пол Янус Финнеган) обладал превосходной фигурой: рост — шесть футов один дюйм; вес — сто девяносто фунтов; широкие плечи, тонкая талия и крепкие мышцы. Волосы цвета красной бронзы оттеняли черные изогнутые брови и зеленые, как лист, глаза. Короткий прямой нос, удлиненная верхняя губа и глубокая ямочка на подбородке делали его лицо озорным и симпатичным. Походную одежду дополняли рюкзак на спине и темный кожаный футляр, который Кикаха держал в руке. Судя по виду, футляр предназначался для музыкального инструмента — возможно, для горна или трубы.

Волосы Кикахи доходили до плеч. Он собирался подрезать их перед возвращением на Землю, чтобы не отличаться от других людей, но из-за недостатка времени решил отложить это дело до тех пор, пока не отыщет какую-нибудь парикмахерскую. На вопросы о своем необычном виде он придумал историю о долгом путешествии в горах.

Что же касается женщины, стоявшей рядом с ним, то она была настолько прекрасной, насколько это вообще возможно для человека. Темные волнистые волосы ниспадали на безупречно белые плечи. А от синих глаз и великолепной фигуры у любого мужчины перехватывало дыхание и замирало сердце. Ее дорожный наряд состоял из ботинок, джинсов, клетчатой мужской рубашки и кепки с длинным козырьком. В рюкзак за спиной Анана уложила туфли, платье, нижнее белье, небольшую дамскую сумочку и несколько приборов, которые могли бы удивить и потрясти ученых Земли. По эскизу Кикахи она сделала себе прическу в стиле 1946 года, но от косметики отказалась, посчитав ее необязательной. Несколько тысячелетий назад Анана, как и все женщины ее расы, окрасила

губы в красный цвет, и больше повторять эту операцию не требовалось.

Кикаха поцеловал ее и сказал:

— Ты побывала во многих мирах, Анана, но я готов поспорить, что самым странным из них окажется Земля.

— Я уже видела эти голубые небеса, — ответила она. — Итак, Вольф и Хрисеида опережают нас на пять часов. Звонарь оторвался на два часа. А в таком большом мире затеряться ничего не стоит.

— Да, — согласился он. — Врата действуют только в одну сторону, поэтому у Вольфа и Хрисеиды нет причин околачиваться где-то рядом. Они скорее всего отправятся к ближайшим двусторонним вратам, которые находятся на окраине Лос-Анджелеса — если, конечно, эти врата все еще существуют. В случае неудачи они могут воспользоваться вратами в Кентукки или на Гавайях, поэтому примерный маршрут их пути нам известен. Но вот как узнать, куда пошел Звонарь? — Кикаха помолчал, облизал пересохшие губы и добавил: — Он мог отправиться куда угодно или спрятаться где-то неподалеку. Звонарь попал в совершенно незнакомый мир. Он ничего не знает о Земле и не может говорить ни на одном из местных языков.

— Жаль, что нам не известно, как он выглядит, — сказала Анана. — Но мы найдем его — можешь не сомневаться. Я знаю Звонарей. Он ни за что не расстанется со своим «колоколом», хотя мог бы спрятать его в укромном месте, а позже вернуться за ним. Звонарь сходит с ума от мысли, что матрица может исчезнуть. И он будет таскать ее за собой до последнего вздоха. А опознать его можно только по матрице.

— Я знаю, — тихо ответил Кикаха.

Его грудь наполнилась сладким и нежным чувством, веки задрожали, по щекам потекли крупные слезы. Анана встревожилась, но, угадав настроение Кикахи, прижалась к его плечу.

— О, эти слезы! Я тоже плакала, когда однажды вернулась на свою родную планету. Мне казалось, что мои глаза высохли навсегда. Я думала, что слезы бывают только у смертных. Но стоило мне вернуться, как они хлынули ручьем, и я никак не могла остановиться.

Кикаха вытер ладонью лицо и снял с пояса флягу. Отвинтив колпачок, он сделал большой глоток.

— Мой мир остался там — за гранью врат. Я влюблен в зеленое небо, и мне не нравится Земля. Я никогда не питал к ней больших симпатий. Но оказывается, моя любовь к родине сильнее, чем я предполагал. Время от времени меня охватывала

тоска — хотелось взглянуть на ее просторы, увидеть тех людей, которых я знал, но...

Внизу, возможно, в тысяче футах под ними, склон огибало двухполосное шоссе. Дорога плавно поднималась вверх, теряясь из виду за поворотом. На подъеме появилась машина. Она промчалась под ними и исчезла за изгибом горы. Кикаха с удивлением смотрел ей вслед.

— Я никогда не видел таких машин, — воскликнул он. — Она похожа на жука. Ну прямо вылитый жучок!

С соседнего утеса поднялся ястреб и, взмывая вверх на волне воздушного потока, пролетел в ста ярдах перед отверстием пещеры.

Кикаха пришел в восторг.

— Первый краснохвостый, которого я встретил с тех пор, как покинул Индиану!

Он шагнул на выступ, забыв на секунду — но только на секунду — об осторожности. Отпрянув назад в пещеру, Кикаха кивнул Анане, и та, подойдя к краю отверстия, осмотрела боковой склон. Он сделал то же самое с другой стороны.

Внизу, если верить глазам, никого не было, хотя в ближайшей роще мог спрятаться любой, кто захотел бы остаться незамеченным. Высунувшись как можно дальше, Кикаха попытался осмотреть верхнюю часть горы, но это ему не удалось из-за нависавшего выступа. Не обнаружив никакой тропы, Кикаха обследовал нижний склон и нашел с правой стороны карниза несколько выступов и углублений. Для начала могли сойти и они, а потом во время спуска он наверняка отыщет опору для рук и ног.

Кикаха медленно свесился с карниза и потрогал ногой выпиравший камень. Убедившись в его надежности, он вновь поднялся к Анане и, распластавшись на полу пещеры, внимательно осмотрел дорогу и рощу в тысяче футах под ними. Его тревожила стайка голубых соек, которые носились кругами над кромкой рощи. Прохладный ветер доносил их слабые крики.

Он вытащил из кармана рубашки небольшой бинокль и подкрутил три диска у основания окуляров. Достав наушник со штепселем на конце провода, Кикаха воткнул разъем в гнездо на боку бинокля, осмотрел дорогу и рощу, а затем навел бинокль на то место, где трещали сойки.

Благодаря прибору далекий лес внезапно приблизился, а слабые звуки стали громкими. Заметив что-то темное, он подрегулировал фокус и увидел лицо мужчины. В зарослях подлеска и густой траве Кикаха разглядел еще троих человек. У каждого из них имелась винтовка с оптическим прицелом. Двое следили за пещерой в бинокли.

Кикаха отдал прибор Анане, и она тоже рассмотрела мужчин.

— Так говоришь, Рыжий Орк единственный властитель на Земле? — спросил он.

Она опустила бинокль и утвердительно кивнула.

— Тогда ему известны эти врата, и он, конечно же, установил здесь какую-то сигнализацию, — произнес Кикаха. — Когда через врата проходит незванный гость, Орк получает сигнал, а его люди ждут неподалеку. Хотя, возможно, они живут не так близко, и Вольфу с Хрисеидой удалось от них ускользнуть. Мне почему-то кажется, что Звонарь тоже ушел отсюда до их появления. В чем-то я могу и ошибаться, но эти ребята внизу ожидают нас.

Они не стали обсуждать отсутствие постоянной охраны и ловушек во вратах. Рыжий Орк намеренно превратил в игру любое вторжение других властителей. Несмотря на смертельную опасность, это была традиционная игра всемогущих, но уставших от скуки существ.

Кикаха еще раз осмотрел мужчин, скрывавшихся среди деревьев.

— У них есть портативная радиостанция, — сказал он чуть позже.

Откуда-то сверху послышался стрекочущий звук. Перекатившись на спину, Кикаха увидел странную машину, которая, вылетев из-за горы, начала спускаться справа от пещеры.

— Гидросамолет! — воскликнул он.

Машина скрылась за отрогом горы. Кикаха вскочил на ноги и отступил в пещеру. Анана поспешила за ним.

Трескучий звук моторов превратился в рев, а потом машина зависла перед карнизом. Кикаха понял, что это не самолет. Насколько он знал, гидроплан не мог висеть в воздухе и разворачиваться на месте вокруг оси, как делала эта машина.

Через прозрачный купол воздушного аппарата он увидел фигуры пилота и троих людей, вооруженных винтовками. Его и Анану поймали в ловушку, из которой не убежать. И даже спрятаться негде...

Посылая к ним своих людей, Орк хотел выяснить, каким арсеналом обладали незванные гости. Обстоятельства требовали либо сдаться в плен, либо применить оружие. Путешественники выбрали свободу. Прокричав слово, запускавшее в действие кодовый механизм, они навели кольца-излучатели на воздушный аппарат и произнесли последнее слово.

Высвобождая мощный заряд крошечных аккумуляторов, кольца пронзили машину тонкими нитями золотистых лучей. Фюзеляж раскололся в двух местах, и «гидроплан» начал

падать. Кикаха подбежал к отверстию пещеры и увидел, как куски машины рухнули на склон горы. Одна часть, взорвавшись, превратилась в беловато-красный шар, который тут же рассыпался на дюжину маленьких огненных комочков. Обломки, упавшие вблизи дороги, пожирало яростное пламя.

Он видел, как побелели лица четверых мужчин, сидевших в засаде. Человек с переносной радиостанцией кричал что-то в микрофон. Кикаха попробовал настроить луч приемника, но перехватить сообщение не удалось — мешал шум горевшей машины.

Радость от первой победы быстро прошла. Он знал, что властитель намеренно пожертвовал людьми в летательном аппарате. И теперь Орку известно, насколько опасны его противники. Кикаха предпочел бы убраться отсюда незамеченным. При такой опеке спуск с горы был невозможен до наступления ночи. А к тому времени властитель мог предпринять новую атаку.

Они перезарядили крошечные аккумуляторы своих колец. Кикаха вел наблюдение за людьми в роще, а Анана осматривала склоны горы. Вскоре слева на дороге появился красный автомобиль с откидным верхом. В нем сидели мужчина и женщина. Машина остановилась около пылавших обломков, и два пассажира вышли осмотреть место катастрофы. Переговорив друг с другом, они вернулись в автомобиль и быстро умчались прочь.

Кикаха усмехнулся. Эта парочка обязательно сообщит об аварии властям. А значит, те четверо мужчин не отважатся на захват пещеры. Но, с другой стороны, полиция может взобраться на гору, и тогда его с Ананой привлекут в качестве свидетелей. Вряд ли полицейских заинтересуют странствующие музыканты, но, если их задержат в участке на какое-то время, Орк узнает об этом от своих людей. И тогда он доберется до них во что бы то ни стало. Кроме того, им нечем удостоверить свои личности, а значит, полиция может задержать их для выяснения всех обстоятельств и дальнейшего опознания.

На Анану компрометирующих материалов не найдут, а вот Кикаха увязнет по самое горло. Если они снимут его отпечатки пальцев, на свет появятся факты, которых просто так не объяснить. Полиция узнает, что он Пол Янус Финнеган, рожденный в 1918* году близ Терре-Хота, штат Индиана. Им станет известно, что во время второй мировой войны он

* Ранее в некоторых местах автор утверждал, что Кикаха родился в 1922 году.

служил в танковых войсках Восьмой армии, а затем таинственно исчез из своей квартиры в городке Блумингтон. Они поймут, что он и есть тот студент из Индианы, который находится в розыске с 1946 года.

Конечно, Кикаха мог сослаться на потерю памяти, но как им объяснить такое странное обстоятельство, что в свои пятьдесят два года он выглядит двадцатипятилетним парнем? И что ему сказать о происхождении некоторых устройств, которые найдут в его рюкзаке?

Он тихо выругался по-тишкветмоакски, затем произнес несколько крепких фраз на языке Лакоты и полуконей, перешел на германское наречие Дракландии, потом на речь властителей и завершил свой монолог английским проклятием. Он переключился на английский язык, который успел подзабыть, и теперь пытался освоиться с беглой речью. Если те четверо бандитов останутся в засаде до появления полиции...

Но четверо мужчин поступили иначе. После долгих переговоров по радиации они получили приказ покинуть район аварии. Едва люди Орка выбрались на дорогу, как из-за поворота появилась машина. Бандиты сели в нее, и она быстро умчалась.

Кикаха знал, что это может оказаться обманым ходом, рассчитанным на то, чтобы выманить его и Анану из пещеры. Их могли настигнуть на голом склоне и расстрелять из самолета или какой-нибудь летательной машины. Он подумал о возвращении бандитов и одновременной атаке с воздуха и с дороги. Это было бы неплохим маневром со стороны Рыжего Орка.

Но если упустить момент, полиция начнет осмотр территории, и тогда им уже не спуститься с горы до наступления ночи. А в темноте люди Орка получают преимущество — в такой глуши они без боязни могут использовать оружие властителей. Однако Кикаха не собирался предоставлять им эту возможность.

— Идем, — сказал он Анане по-английски. — Мы должны уйти отсюда как можно быстрее. Если нас остановит полиция, скажем им, что мы туристы и добираемся в Лос-Анджелес на попутных машинах. Старайся помалкивать. Я скажу им, что ты из Финляндии и не знаешь английского языка. Будем надеяться, что среди полицейских не окажется настоящего финна.

— Что ты говоришь? — спросила Анана. — Я ничего не поняла.

В конце прошлого столетия она провела на Земле три с половиной года, но за девяносто лет позабыла все, чему

успела научиться у землян, — в том числе французский и английский языки.

Кикаха медленно повторил свои слова.

— Это твой мир, — ответила она по-английски. — Ты тут босс, тебе и командовать.

Он улыбнулся и привлек ее к себе. Женщины из расы властителей почти никогда не признавали превосходства мужчин, независимо от ситуации и своего состояния. Но Анана любила его.

Кикаха повис на карнизе и начал спускаться вниз. Пот заливал глаза. Немилосердно палило взошедшее над горой солнце. Но Кикаха потел в основном не от жары, а от мысли о возможном возвращении людей Рыжего Орка.

Когда они одолели треть пути, внизу появилась первая полицейская машина. На черно-белом корпусе виднелись большие звезды. Двое полицейских приступили к осмотру места происшествия. Судя по форме, насколько Кикаха помнил ее по жизни на Среднем Западе, они представляли собой полицию штата.

Через несколько минут подъехал патрульный автомобиль, а за ним — машина скорой помощи. Рядом остановились два проезжавших мимо грузовика. Не прошло и получаса, как на месте крушения скопилось более десятка машин.

Кикаха отыскал тропу, которая вела под углом к правой части склона. Какое-то время он и Анана оставались невидимыми для людей, собравшихся у дороги. Они договорились не останавливаться, даже если их заметят. Полиция могла броситься следом, но вряд ли погоня по скалам и крутому склону увенчалась бы успехом.

Когда появился еще один летательный аппарат, Кикаха немного порастерял свою уверенность. Странная машина с горизонтальным пропеллером облетала территорию, разыскивая, очевидно, тела погибших пассажиров или тех, кто мог оказаться свидетелем катастрофы. Кикаха и Анана спрятались за большим камнем и дождались момента, когда воздушный аппарат приземлился около дороги. После чего вновь продолжили спуск по склону и без происшествий вышли на шоссе.

Устроив небольшой привал, они выпили немного воды и позавтракали продуктами, которые захватили с собой из другого мира. Кикаха сказал, что им предстоит спуститься в долину. Но он предполагал, что люди Орка постараются отыскать их и будут курсировать по дороге на нескольких машинах.

— Тогда почему бы нам не спрятаться до наступления ночи? — спросила Анана.

— Потому что днем я могу определить, какая машина принадлежит Орку, а какая — нет. Было бы здорово добраться до Лос-Анджелеса на попутке. Но если я узнаю людей Орка и они попытаются что-нибудь сделать, мы будем наготове и воспользуемся излучателями. Ночью же все наши преимущества исчезнут и ты уже не разберешь, кто и зачем остановился рядом с тобой. Конечно, можно избегать дорог и идти через леса и рощи, но такое путешествие будет слишком долгим. А я не хочу, чтобы Вольф и Хрисеида ушли от нас далеко.

— А как мы узнаем, что они не пошли другим путем? — спросила Анана. — Или что их не поймал Рыжий Орк?

— Этого мы пока не узнаем, — ответил Кикаха. — Но я готов поспорить, что дорога ведет в Лос-Анджелес. Она идет под уклон, на запад. А значит, Вольф и Звонарь выбрали именно это направление. Впрочем, я могу ошибаться... Но мне не хотелось бы стоять здесь вечно и гадать о том, что могло произойти. Вперед, Анана!

Они отправились в путь. Воздух казался сладким, как мед, и чистым, как слеза. Вокруг пели птицы. По ветке полусохшей сосны пробежала белка и, замерев на месте, уставилась на них блестящими глазами-бусинками. По дороге все чаще попадались засохшие и умиравшие сосны. Очевидно, их поразила какая-то болезнь. По склону горы тянулись скелеты электрических и ретрансляционных вышек с натянутыми алюминиевыми проводами — единственный признак человеческой деятельности в этих диких местах. Кикаха объяснил Анане их назначение. Теперь ему приходилось объяснять многие вещи, но он не роптал. Это давало Анане возможность выучить английский язык, а он вспоминал забытые слова.

Сзади к ним приближалась машина. Услышав звук мотора, Кикаха и Анана отступили на обочину, готовые при необходимости активировать излучатели или спрыгнуть вниз на пологий склон. В машине сидели мужчина, женщина и двое детей. Кикаха поднял руку и жестом попросил подвезти, но автомобиль даже не притормозил. Через минуту мимо них промчался большой грузовик с прицепным фургоном. Водитель сбросил скорость и вроде бы хотел остановиться, но потом, видимо, передумал.

— О, эти машины! — воскликнула Анана. — Они такие примитивные! А сколько шума! Сколько вони!

— Да, но мы уже додумались до атомной энергии, — похвастался Кикаха. — По крайней мере, у нас есть атомное оружие. И я думаю, что к настоящему времени они создали

машины на ядерном топливе — ведь с моего отъезда прошло целое поколение.

Мимо проехал многоместный автомобиль кремового цвета. Скользя взглядом по мужчине, женщине и двум подросткам, Кикаха удивленно уставился на юношу. Волосы у парня были гораздо длиннее, чем у него, и казались менее ухоженными. Желтые локоны девчонки плавно ниспадали на худенькие плечи, а лицо покрывал толстый слой косметики. Как у проститутки, подумал он. Но разве шлюхи в его время красили веки в зеленый цвет?

Родители, лет по пятьдесят, выглядели вполне обычно. Прическа мамы заметно отличалась от стиля 1946 года. Несмотря на возраст, она тоже пользовалась косметикой, хотя и не так щедро, как ее дочь.

Кикахе не удалось определить марку ни одной из увиденных машин. Некоторые из них имели эмблему «GM»*, но она оказалась единственным знакомым знаком. Впрочем, этого следовало ожидать. Его немного насторожила следующая машина — тот самый «жучок», который он видел с карниза пещеры. Во всяком случае, машина выглядела точь-в-точь как та первая. VW**? Что бы это могло означать?

Он предвидел множество перемен, часть которых не будет поддаваться объяснению. Но Кикаха не мог понять, зачем кому-то понадобилось создавать такую безобразную и узкую машину, как эта VW, ведь он помнил маленький и юркий «виллис» своей юности. Кикаха пожал плечами. Выяснение подобных вопросов потребовало бы слишком много времени и сил, и он не мог себе этого позволить. Он должен сконцентрироваться на единственно важной и насущной проблеме — выжить, то есть убраться подальше от наемников Орка... если только они действительно работают на него.

Кикаха и Анана немного расслабились. В их движениях появилась раскованность и легкость. Анана начинала проявлять интерес к красоте окружающей природы. Внезапно она улыбнулась и, сжав руками его ладонь, сказала:

— Я тебя люблю.

Он поцеловал ее в щеку и ответил:

— Я тоже тебя люблю.

Она все больше походила на земную женщину. От напыщенной и надменной властительницы почти не осталось следа.

Услышав шум, Кикаха оглянулся и в четверти мили увидел черно-белый патрульный автомобиль, который выехал

* «Дженерал Моторс».

** «Фольксваген».

из-за поворота. В машине сидели двое полицейских в позолоченных шлемах. Ничем не выдавая своей тревоги, Кикаха шепнул:

— Когда машина остановится, води себя спокойно. Это полиция. Я все беру на себя. Но если увидишь, что я поднял два пальца, беги и прыгай вниз на склон горы. Хотя нет! Я передумал... Слушай, а давай поедem с ними? Они довезут нас до города или до его окраины. Там мы оглушим их небольшими разрядами излучателей и завладеем машиной. Как тебе мой план?

Однако машина промчалась мимо, даже не притормозив. Кикаха облегченно вздохнул:

— Наверное, мы выглядим не так подозрительно, как я ожидал.

Они пошли дальше и, пройдя полмили, услышали позади себя слабый рев. Звук нарастал, и на лице Кикахи расплылась умиротворенная улыбка.

— Мотоциклы, — сказал он. — Много мотоциклов!

Рев стал оглушительным. Они обернулись и увидели около двадцати больших мотоциклов, которые, выскочив из-за поворота, неслись по дороге подобно черному облаку. Кикаха застыл в изумлении. Он никогда не видел, чтобы мужчины и женщины одевались в такие наряды. Вид кое-кого из них пробуждал воспоминания, которые он старался забыть после объявления мира в 1945 году. Его рука поползла к рукоятке ножа, а быстрый взгляд оценил глубину кювета, через который можно было перепрыгнуть.

На троих мотоциклистах были серые, похожие на ведра, немецкие каски с черной свастикой. У других он увидел железные кресты и металлические свастики на длинных цепочках.

Почти все они носили темные очки, и это делало их похожими на насекомых. Впечатление усиливали бороды, баки, вислые усы мужчин и яркая густая косметика женщин. Одежда в основном состояла из черных кожаных штанов и курток, лишь несколько мужчин носили грязные тенниски, имевшие некогда белый цвет. Многие были обуты в высокие армейские ботинки. Одна женщина вырядилась в кепи и ярко-красный френч с желтыми галунами. Черные куртки и тенниски пестрели черепами и скрещенными костями, нарисованными наподобие фаллосов. Каждую куртку украшала надпись: «ХАМЫ ЛЮЦИФЕРА».

Кавалькада с ревом промчалась мимо. Некоторые водители газовали, поднимали мотоциклы на задние колеса и махали паре путников руками, другие виляли по дороге, едва не

выскакивая на обочину, третьи проезжали, выпустив руль и сложив руки на груди. Кикаха с усмешкой оценил их мастерство. Ему вспомнились школьные годы в Терра-Хоте, когда и он вот так же гонял на мотоцикле.

Анана наморщила нос.

— Ну и вонь от вашего горячего! — сказала она. — А ты почувствовал, как от них пахло? Они не мылись неделями или даже месяцами.

— Да, властитель этого мира очень неряшлив, — согласился Кикаха.

Он намекал на правила гигиены тех небольших вселенных, где правили другие властители. Будучи жестокими и безжалостными в обращении со своими народами, они ревностно чтили чистоту и красоту. Властители учреждали законы и религиозные заповеди, которые провозглашали чистоплотность фундаментом всякой культуры.

Впрочем, бывали и исключения. Некоторые властители низводили человеческие общины до полной деградации и абсолютного безразличия к санитарии.

Анана сказала, что властитель Земли считается единственным в своем роде. Рыжий Орк управлял миром в строжайшей секретности, хотя и не всегда соблюдал подобную анонимность. В былые дни на заре человечества он часто выставлял себя грозным и карающим богом. Но потом это ему надоело, и он ушел в подполье — иначе и не скажешь. Пустив все на самотек, он позволил событиям развиваться своим чередом. Этим объяснялись прежние, настоящие и будущие катаклизмы, которые сотрясали и будут сотрясать несчастную планету.

Кикаха почти ничего не знал о Рыжем Орке. Да он и услышал о нем всего лишь за несколько минут до того, как они с Ананой прошли через врата в его вселенную.

— Но как гадко и безобразно выглядели эти люди, — возмущалась Анана.

— Я же рассказывал тебе, как они доходят до такого состояния, — ответил Кикаха. — Кроме того, на Земле не прижилось селективное размножение. Люди от него отказались, а властитель, судя по твоим словам, просто умыл руки.

Они вновь услышали приглушенный рев моторов и через минуту увидели восьмерых мотоциклистов, которые возвращались к ним. На сей раз женщин среди них не было.

Мотоциклы проскочили мимо путников, замедлили ход и, развернувшись, поехали сзади. Кикаха и Анана продолжали идти. Три мотоцикла поднялись на задние колеса, а затем

промчались так близко, что Кикаха мог бы сбить один из них ногой. Он начал склоняться к мысли, что ему так и следовало поступить, сократив тем самым разницу в силах. Ребята, как видно, решили порезвиться с двумя туристами, если только не задумали чего-нибудь похуже.

Некоторые из них свистели и выкрикивали Анане непристойные приглашения прокатиться с ними до ближайших кустов. Другие вопили, что хотят ее, и пересыпали свои восклицания грязной бранью. Анана не понимала многих слов, но по тону и ухмылкам начинала догадываться, о чем они кричат. Нахмутив брови, она сделала жест, распространенный среди властителей. Несмотря на некоторое своеобразие жеста, парни в куртках поняли его смысл. Один из них едва не свалился с мотоцикла от смеха. Другие оскалили зубы в звериной ухмылке.

Кикаха остановился и обернулся. Мотоциклисты окружили путников неплотным полукольцом и заглушили моторы.

— Ладно, — произнес Кикаха. — Что вам от нас нужно?

Ему ответил толстопузый юнец с короткой шеей, козлиной бородкой и густой порослью черных волос, которые выбивались из-под расстегнутого ворота рубашки. Его засаленные волосы украшала фуражка африканского военного корпуса.

— Понимаешь, Рыжий, будь мы из «Рабов Сатаны», нам бы приглянулась твоя задница. Но мы не гомики, и поэтому нам нужна эта прекрасная дама. Вот так-то, мсье.

— Да, старик! Сучонка — высший сорт! — заявил высокий тощий парень.

Длинные волосы, свисавшие до плеч, закрывали почти все его лицо, поэтому в глаза бросались лишь прыщи на лбу, большой заостренный кадык и золотая серьга, продетая в ухо.

— Я западаю на ней, парни! Чур, я буду первым! — проревел детина с густой клочковатой бородой.

Во рту у него не хватало пары зубов; лицо уродовал длинный широкий шрам.

Кикаха знал, когда надо говорить, а когда хранить молчание. Но иногда ему не удавалось сдержаться, и он действовал вопреки тому, что считал наилучшим вариантом. У него не было ни времени, ни желания ссориться с этими людьми. Ему предстояло серьезное и важное дело. Фактически от него зависела жизнь многих и многих миров. Если Звонарь уйдет от погони и приживется на Земле, он создаст и воспитает другие матрицы, и они в конце концов завоюют планету. В отличие от монстров научной фантастики Звонарь существовал на самом деле. Если он ускользнет, момент будет упущен, и тогда прости-прощай, родная Земля! А вернее

сказать, прощай, человечество! Тела-то выживут, но расчлененные мозги людей превратятся в обитель чуждого разума!

Жаль, что нельзя спасти их по собственному выбору. А если уцелеют все, то выживут и вот такие подонки.

Дело принимало скверный оборот, и пару секунд Кикаха сомневался даже в том, что ему удастся спасти самого себя, не говоря уже обо всем мире. Восемь парней слезли с мотоциклов и медленно приблизились к ним, доставая оружие. В руках троих болтались длинные цепи; двое сжимали в кулаках железные прутья; шестой подкидывал нож с выкидным лезвием; седьмой надевал кастет, а последний помахивал ледорубом.

— Неужели вы хотите напасть на нас среди бела дня? — с удивлением спросил Кикаха. — Здесь в любую минуту может появиться полиция!

— При других обстоятельствах, парень, мы бы тебя не тронули, — ответил юноша в фуражке африканского корпуса. — Но когда я увидел эту цыпочку, у меня поехала крыша! Такая прелесть! Я просто не знаю бабы, которая могла бы ее переплюнуть. Это, брат, достоинство всего народа! И мы решили ее поиметь! Врубаешься?

Кикаха не понял смысл последнего слова, но в остальном разобрался сразу. Они играли в грубых парней, которые берут все, что хотят.

— Тогда вам лучше подготовиться к смерти, — произнес он.

Его ответ смутил подонков, и на их лицах появилось удивление.

— Ну, Рыжий, ты даешь! — воскликнул тип в военной фуражке. — Надо отдать тебе должное — ты парень что надо. Но пойми, дурик, мы можем выпустить из тебя кишки и засунуть их тебе в пасть! Врубаешься? Ты мне нравишься, старик. И мы тебя не обидим. Давай нам цыпочку, и мы вернем тебе ее через час-другой. — Он усмехнулся и добавил: — Конечно, она уже не будет в таком хорошем виде, как сейчас. Но какого черта! Никто не идеален!

Кикаха заговорил с Ананой на языке властителей:

— Рискнув, мы можем получить один из этих мотоциклов. На нем мы доедем до Лос-Анджелеса.

— Эй! Ты по-какому там с ней заболтал? — закричал Африканская фуражка.

Он махнул рукой, и трое с цепями, оскалившись, двинулись вперед. Замахнувшись, они собирались нанести первую серию ударов, но Кикаха и Анана остановили их натиск двумя тонкими золотистыми лучами. Кольца были установ-

лены на «оглушающую» мощность, поэтому все трое, выронив цепи, схватились за животы и согнулись пополам. Лучи, скользнув по их макушкам, свалили бандитов на землю. Их лица покраснели от ожогов и лопнувших капилляров. Кикаха знал, что через пару часов они придут в себя. Однако несколько дней им придется помучиться от тошноты и боли. Животы распухнут и неделю-другую будут красными от кровоподтеков.

Остальные пятеро, побледнев от страха, замерли на месте.

Кикаха вытащил нож и метнул его в плечо Африканской фуражки. Тот жалобно взвизгнул и выронил ледоруб. Анана направила луч на ягоды юнца, а Кикаха расправился с другими.

Воспользовавшись тем, что в течение нескольких минут на дороге не проехало ни одной машины, двое путников оттащили стенавших оглушенных людей к краю шоссе и столкнули их вниз по пологому откосу. Тела прокатились около двадцати футов и остановились на выступе скалы.

Кикаха выбрал склон покруче и сбросил туда семь мотоциклов. Они подскакивали на камнях и съезжали вниз, переворачиваясь в воздухе и рассыпаясь на части. Несколько машин вспыхнули ярким пламенем. Дым мог привлечь внимание посторонних, и Кикаха уже пожалел, что затеял это дело.

Анана потребовала объяснений некоторых слов. Узнав о том, что с ней хотели сделать бандиты, она спустилась по склону к распростертым телам, переключила излучатель на минимальную мощность и подпалила парням штаны, кожу и кое-что еще. Кикаха не сомневался, что они надолго запомнят Анану. Но, проклиная ее, им следовало бы помянуть добрым словом Кикаху — ведь именно он удержал свою спутницу от окончательной расправы.

Кикаха вывернул карманы Африканской фуражки и забрал его бумажник. На водительском удостоверении значилось имя Альфреда Роджера Губриха. Фотография не имела ничего общего с внешностью Кикахи, однако это не играло большой роли. Среди прочих мелочей в бумажнике оказалось сорок долларов.

Кикаха растолковал Анане правила езды на мотоцикле и вкратце описал то, что им следовало ожидать на дороге. Через минуту они выехали на шоссе и помчались в сторону Лос-Анджелеса. Рев мотора рассеял счастливые воспоминания Кикахи о тех днях, когда он гонял на мотоцикле по Индиане. Кикаху беспокоила дорога. Запах бензина раздражал нос и горло. Слишком долго он пробыл в тихом мире со сладким воздухом трав и цветов.

Обхватив его за талию, Анана молча наслаждалась новыми ощущениями. Кикаха оглянулся и увидел, как развеваются ее черные волосы. Она надела солнечные очки, которые позаимствовала у одного из «хамов». Темные стекла казались совершенно непроницаемыми. Анана что-то крикнула ему, но ветер и рев мотора заглушили ее слова.

Бедя мотоцикл, Кикаха понял, что прежний владелец, снижая вес машины, снял множество полезных и нужных деталей — например, передние тормоза. Разобравшись в преимуществах и недостатках мотоцикла, Кикаха сосредоточил внимание на дороге, но его мысли витали совсем в другом месте.

Он прошел долгий и фантастический путь от студенческого городка в Индиане до этой горной дороги на юге Калифорнии. Так уж получилось, что, находясь с Восьмой армией в Германии, он нашел в развалинах местного музея странный полумесяц из твердого серебристого металла. Кикаха забрал этот трофей с собой в Блумингтон, и там в один из вечеров к нему пришел человек, который представился ему как Ваннакс и предложил за полумесяц фантастическую сумму. Но Кикаха отказался от денег. Той же ночью, проснувшись от необычного шума, он застал Ваннакса в своей квартире. Тот составлял на полу круг из двух полумесяцев. Кикаха бросился на Ваннакса, случайно вступил в этот круг, и неведомая сила тут же перенесла его в удивительный и прекрасный мир.

Два полумесяца образовали врата — устройство властителей, которое осуществляло некий вид телепортации из одной вселенной в другую. Кикаха перенесся в небольшой, искусственно созданный мир, творцом которого был властитель Ядавин. Этого властителя обманом заманили на Землю, а его вселенной овладел другой представитель великой и безжалостной расы бессмертных. Ядавин потерял память. Он забыл о своем прошлом и стал Робертом Вольфом.

Странно, в какой запутанный и сложный узел переплелись их судьбы. Кикаха помог Вольфу вернуться в свою вселенную, и после вереницы необычайных приключений тот не только обрел память, но и вновь захватил власть в созданном им мире. Он поселился вместе с несравненной Хрисеидой во дворце на вершине планеты, которая напоминала Вавилонскую башню, подвешенную в центре вселенной. Но объем его «карманной» вселенной мог вместить в себя лишь часть пространства той Солнечной системы, в которой находилась Земля.

А потом Вольф и Хрисеида таинственно исчезли. Очевидно, это произошло из-за козней какого-то другого властителя.

Чуть позже Кикаха встретил Анану, которая вместе с двумя соплеменниками убегала от Черных Звонарей. Этих монстров создали властители. Первоначально они изготавливались в лабораториях как устройства для хранения воспоминаний и переноса разума из тела в тело. Но неразрушаемые матрицы, похожие на колокола, постепенно превратились в разумных существ, и, когда им удалось овладеть телами властителей, они начали тайную войну за мировое господство. Однако их замысел раскрылся, и в жестокой битве двух рас победили властители. Всех Звонарей заманили в ловушку и заточили в специально созданную вселенную. Однако небольшой группе Звонарей удалось скрыться, и после десяти тысячелетий вынужденного бездействия они вновь овладели человеческими телами и вырвались на свободу.

Прямо или косвенно Кикаха уничтожил пятьдесят Звонарей. Но последний — тот, кого называли Табююзом, — прошел через врата на Землю. Вольф и Хрисеида вернулись во дворец в самый разгар финального сражения. Под натиском Звонарей они бежали через первые попавшиеся врата. Этим же путем воспользовался и Табююз.

Кикаха хотел отыскать своих друзей. Кроме того, они с Ананой решили выследить и убить последнего Звонаря. Ускользнув от погони, тот мог со временем создать множество других матриц, и они объявили бы человечеству тайную войну. Звонари без труда уничтожили бы разум людей и, овладев их телами, отправились бы на захват других миров.

Зная об их коварстве и неуязвимости, властители никогда не забывали о Черных Звонарях. Каждый из них носил кольцо, которое вблизи матриц врагов активировало крошечное устройство и посылало сигнал тревоги в мозг властителя.

А ведь люди на Земле не знали о Звонарях. Они ничего не знали и о властителях. И возможно, Кикаха стал единственным землянином, которому довелось услышать о существовании этой расы и увидеть один из других миров.

Звонари расползутся по Земле, как раковая опухоль, и ничто тогда не спасет людей. Одного за другим их превратят в марионеток. Антенны матриц разрушат невральные связи, и разум Звонарей овладеет телами людей. Вторжение чужаков будет настолько коварным и скрытным, что люди узнают о нем лишь на последней стадии, да и то только при невероятном стечении обстоятельств.

И поэтому Звонаря надо найти и убить:

В то же время Рыжий Орк, властитель Земли, уже знал о пятерых незваных гостях, прошедших через врата в его владения. Он пока еще не подозревал, что один из них —

Черный Звонарь. Но Орк станет охотиться за всеми пятачками. Жаль, что Кикахе с Ананой о нем ничего не известно. Было бы неплохо известить его о появлении Черного Звонаря. Но Анана и уж тем более Кикаха не знали, где он живет. Впрочем, всего лишь несколько часов назад Кикаха не знал даже о том, что и у Земли есть свой властитель.

Через пятнадцать минут путешественники спустились со склона и выехали на плоскогорье. Маленький городок со множеством белых уютных домиков на пересечении дорог издали выглядел чистеньким и симпатичным и казался бы сказочным местом, если бы не рекламные щиты и вездесущие вывески.

Проезжая по главной улице, Кикаха и Анана заметили на стоянке черные мотоциклы, а рядом, в закусочной под открытым небом, — остатки банды крутых и сексуально озабоченных «Хамов Люцифера». Они развалившись сидели за летними столиками, поедая гамбургеры и запивая их пивом. Услышав знакомый рев «харлея-дэвидсона», они подняли головы и раскрыли рты от удивления, когда пара незнакомцев промчалась мимо на машине их приятеля. Один из парней вскочил на мотоцикл и ударом ноги завел мотор. Его давно нечесанную голову украшала конфедератка. Высокую фигуру облегал белая шелковая рубашка с оборками на шее и запястьях. Наряд завершали блестящие черные штаны с красными лампасами и ботинки с меховой отделкой.

Остальные тоже побежали к машинам. Кикаха знал, что такие ребята разбираются в своих делах без помощи полиции. Что-то в их облике указывало на пренебрежение и неприязнь к закону. И они, очевидно, хотели взять весы Фемиды в свои грязные руки. Но Кикаха догадывался, что в городке они нагнать не станут. Он выжал газ и помчался на предельной скорости.

Как только посело́к остался за поворотом дороги, Анана обернулась и выждала момент, когда вожак оказался в десяти футах от нее. Он пригнулся к рулю, и на его губах играла недобрая усмешка. По-видимому, он намеревался обогнать их и заставить остановиться, а то и мог сбить машину Кикахи ударом ноги. Сзади мчались еще пятеро мотоциклистов. Они растянулись в длинную шеренгу, и двое из них выехали на встречную полосу. Остальные мотоциклы, на каждом из которых было по два седока, отставали на двадцать—тридцать ярдов.

Быстро оглянувшись, Кикаха подбодрил Анану, и она выпустила луч, который срезал половину колеса у первой машины. Передок мотоцикла с визгом прочертил на бетоне искристую дугу, вожак вылетел из седла, и его рот открылся в крике, который никто не услышал. Он упал на обочину и заскользил по щебню, раздирая об острые камни лицо и тело. Пятеро мотоциклистов, следовавших за ним, попытались избежать столкновения с упавшей машиной, которая оказалась на их пути. словно стайка рыб, они разъехались в стороны, но Анана полоснула лучом по колесам передних машин, и три мотоцикла свалились в одну кучу. Два оставшихся занесло на обочину, где они едва не упали в кювет. Другие мотоциклисты сбавили скорость, объезжая упавших седоков и разбитые машины.

Кикаха усмехнулся и закричал:

— Молодец, Анана!

Но, оглянувшись еще раз, он выругался, и улыбка исчезла с его лица. Из-за поворота в полумиле от них появилась черно-белая машина с красной мигалкой на крыше. Он надеялся, что полиция остановится около сбитых мотоциклов и станет расследовать дорожное происшествие. Но машина объехала кучу тел и битой техники, затем вновь вернулась на дорогу и, включив сирену, помчалась в погоню за Кикахой.

Когда их отделяло от полицейской машины каких-то пятьдесят ярдов, Анана обернулась и рассекла лучом передние шины. Касание получилось таким мимолетным, что ободы колес уцелели, и их только слегка скосило набок. Машина осела, ее повело в сторону, но она продолжала погоню. Внезапно автомобиль сбавил скорость, обоих полицейских бросило на стекло, и сирена умолкла. Машина дернулась два раза, потом остановилась. Красные мигающие лампы превратились в маленькие точки, и Кикаха свернул за поворот, так и не узнав, что случилось с полицейскими.

— Если это будет продолжаться и дальше, у нас скоро кончатся заряды! — прокричал он. — А мне хотелось бы, черт возьми, приберечь их на крайний случай! Я и представить себе не мог, что у нас возникнет столько проблем. А ведь мы только начали!

Проехав пять миль, он увидел еще одну полицейскую машину, которая ехала навстречу. Она скрылась в широкой ложине и на минуту пропала из виду.

— Держись! — закричал Кикаха и свернул с дороги.

Перескочив через небольшой кювет, он выехал на широкую поляну, где камней было больше, чем травы. В сотне ярдов от дороги начиналась роща. Кикаха почти добрался до

нее, когда в поле зрения снова появилась полицейская машина. Анана, цепляясь за него, прокричала, что полицейские тоже свернули на поляну. Кикаха притормозил. Анана навела излучатель на машину и выстрелила в бугор у самого бампера. Луч прочертил в земле глубокую борозду, шины взорвались, и из радиатора потекла вода.

Кикаха развернул мотоцикл и под углом к машине направился в сторону шоссе. Двое полицейских, взобравшись на бугор, открыли стрельбу. На таком расстоянии попасть в седоков было практически невозможно, тем не менее шальная пуля пробила им заднее колесо. Раздался хлопок, мотоцикл завилжал, и Кикаха заглушил двигатель. Они проехали по инерции еще несколько ярдов. Полицейские с криками бросились к ним.

— Вот же дьявол! — пробормотал Кикаха. — Мне так не хочется их убивать! Хотя посмотрим...

Полицейские были толстыми и грузными. Им явно перевалило за сорок, а то и за пятьдесят. Кикаха и Анана могли поспорить в силе и ловкости с любым двадцатипятилетним, но их рюкзаки весили около тридцати фунтов каждый.

— Мы все равно их обгоним, — сказал он, и они побежали к дороге.

Полицейские вновь открыли стрельбу, выкрикивая приказы и угрозы. Однако быстро бегать они оказались не в состоянии и отставали все больше и больше, пока наконец не перешли на трусцу. Через полмили полицейские остановились. Присев на обломок скалы, они беспомощно наблюдали, как уменьшаются фигуры беглецов.

Кикаха усмехнулся, побежал быстрее и, сделав круг, направился к машине. Оглянувшись, он увидел, что полицейские догадались о его намерении. Они почувствовали, что оказались в дураках, и теперь бежали за ним из последних сил. Их ноги и руки мелькали, как поршни насоса, но движения становились все менее энергичными. Вскоре они перешли на шаг.

Кикаха открыл дверь машины, вырвал микрофон, затем сунул руку под приборную доску и оборвал провода, шедшие от рации. К этому времени к нему подбежала Анана.

Ключ зажигания по-прежнему находился в замке, а сами колеса, не считая шин, почти не пострадали. Анана забралась в машину, Кикаха сел за руль и завел мотор. Полицейские побежали быстрее. Они открыли стрельбу, но машина, подсакивая на камнях, набрала скорость и помчалась по поляне. Одна пуля пробила заднее стекло, покрыв его узором трещин. Затем автомобиль с грохотом проскочил кювет и выехал на шоссе.

После двух миль пути, устав от скрежета и яростных рывков, Кикаха решил расстаться с машиной. Он съехал в небольшой овраг, аккуратно запер двери и выбросил ключ в заросли сорняков. Не успели они пройти и пятидесяти ярдов, как послышался нараставший шум. Позади показался автобус. Он был весь разрисован спиралями, точками, квадратами, кругами и кляксами различных цветов. По переду и бокам автобуса тянулась длинная строка из ярко-желтых букв с оранжевым обводом — «КОРОЛЬ ГНОМОВ И ЕГО ТУХЛЫЕ ЯЙЦА». Выше надписи виднелись четвертные ноты, маленькие гитары и барабанчики, нарисованные алой и желтой красками.

Взглянув на мелькнувшие в окнах лица, Кикаха сначала подумал, что автобус захватили «Хамы Люцифера». Все те же длинные невымытые волосы, вислые усы и бороды у мужчин; все та же густая косметика и длинные распущенные волосы у женщин.

Но лица казались немного другими — диковатыми, но не грубыми; отрешенными, но не жестокими.

Скрипнув тормозами, автобус замедлил ход и остановился. Дверь распахнулась, и из нее высунулся бородастый парень в огромных очках. Он махнул путникам рукой, приглашая в салон. Подбежав к автобусу, Кикаха и Анана осторожно поднялись по ступеням. Их встретили раскаты веселого смеха и бречание гитар.

За рулем сидел юнец, похожий на Буффало Билла. Он закрыл дверь, и автобус помчался дальше. Кикаха осмотрелся, приглядываясь к лицам шестерых парней и трех девушек. В конце салона за небольшим раздвижным столом трое пожилых мужчин играли в карты. Взглянув на новых пассажиров, они помахали руками и вернулись к игре. Часть автобуса была отгорожена, и там, как выяснилось позже, находились две костюмерные комнатки, ванная и туалет. На сиденьях и багажных полках лежали гитары, барабаны, ксилофоны, саксофоны, флейты и даже одна огромная арфа.

Юбки двух девушек едва прикрывали ягодицы. Темно-серые колготки и яркие кружевные блузы рельефно подчеркивали все интересные места их статных фигур, а великое множество разноцветных бус и густая косметика придавали им вид неземных созданий — зеленые и серебристые веки, накладные ресницы, пятна вокруг глаз, как у панды, зеленые (!) и бледно-лиловые (!) губы. В отличие от подруг, третья девушка вообще не пользовалась косметикой. Ее длинные черные волосы доходили до талии. Она носила облегающий свитер в красно-зеленую полоску — без рукавов и с глубоким

вырезом спереди. Наряд дополняли джинсы и сандалии. Парни в основном были одеты в брюки-клеш и кружевные рубашки с оборками, но главными атрибутами являлись длинные волосы и темные очки.

«Королем гномов» оказался высокий парень с лицом обреченного туберкулезника. Его внешность немного оживляли волнистые волосы, длинные усы и огромные очки, которые держались на самом кончике большого носа. В ухе у него торчала серьга. Знакомясь с гостями, он назвал себя Лу Баумом (производное от фамилии Голдбаум).

Кикаха отрекомендовался Полом Финнеганом, а Анану представил как Энн Финнеган. Он сообщил Бауму, что она приходится ему женой и что они совсем недавно приехали из финской Лапландии. Он знал, что в подобных компаниях обычно не бывает людей, говорящих по-лапландски, и потому считал эту генеалогию абсолютно бесприкрышной.

— Так, значит, она из страны северных оленей? — воскликнул Баум. — С ума сойти! Настоящая фея!

Он присвистнул, чмокнул кончики своих пальцев и послал Анане воздушный поцелуй. Слова сыпались из него, как горох из дырявого мешка.

— Да, куколка у тебя заводная, лопнуть мне на месте! Я просто в отпаде, старик! Слушай, а кто из вас играет на этой штуке?

Он кивнул на футляр в руке Кикахи.

Тот ответил, что в музыке они ничего не смыслят, а футляр используют вместо чемодана. Он не стал распространяться о том, что когда-то играл на флейте и увлекался ею до 1945 года. Кикаха не счел нужным описывать те музыкальные состязания на свирели, в которых он представлял честь «медвежьего народа» чужого Многоярусного мира. И он не стал перечислять то великое множество инструментов — земных или совершенно чуждых, — на которых умела играть Анана.

— Сначала мы бродили по Европе, а потом перебрались в Америку, — рассказывал он. — Этот месяц мы провели в горах, а потом решили сменить обстановку и посмотреть на Лос-Анджелес. Ни она, ни я еще там не бывали.

— Все ясно, — подытожил Баум. — Простые бродяги.

Он говорил с Кикахой, но все время смотрел на Анану. Его глазки блестели, руки совершали странные движения, словно он лепил из воздуха бюст Ананы.

— А она может петь? — неожиданно спросил он.

— Может, только не по-английски, — ответил Кикаха.

Девушка в джинсах встала и подошла к ним.

— Кончай, Лу, — сказала она. — У тебя с этой цыпочкой ничего не выйдет. Наш новый приятель убьет тебя, если ты ее хоть пальцем тронешь. Или она сама тебя прикончит. Эта штучка еще и не на такое способна.

Очевидно, Лу одолели сомнения. Он придвинулся к Кикахе и уставился в его глаза, будто рассматривал в микроскоп экзотическую бациллу. Кикаха почувствовал в его дыхании странный едкий запах. Через мгновение он понял причину этого зловония. Такой же запах исходил от жителей города Таланак на уровне Американдии — города, вырезанного в жадеитовой горе. Они курили наркотический табак, и, хотя Кикаха никогда не пробовал ничего подобного, он всегда подозревал, что это марихуана. Дело в том, что жители Таланака являлись потомками ольмеков из древней Мексики, и, попав в ловушку, расставленную властителем Ядавином, они, очевидно, пронесли в новый мир ростки любимого дурмана.

Зеленые глаза Кикахи не вызвали у Лу никаких подозрений. Он медленно повернулся к девушке, которую звали Му-Му Нансен, и сердито спросил:

— Слушай, милашка, а ты не вешаешь мне лапшу на уши?

— Нет, Лу, в этих ребятах есть что-то странное, — сказала Му-Му. — Что-то сильное, влекущее и пугающее. Они чужие, понимаешь? Они совершенно чужие.

Кикаха почувствовал холодок, который волной прокатился по спине. Анана придвинулась к нему и тихо зашептала на языке властителей:

— Не знаю, о чем она говорит, но мне это не нравится. В ней есть что-то от зандры. Девчонка видит суть вещей.

Слово «зандра» не имело точного или приблизительного аналога в английском языке. Оно означало некую смесь психолога, ясновидящей и безумной ведьмы.

Лу Баум покачал головой, вытер вспотевший лоб, а затем снял очки и начал надраивать платочком стекла. Его голубые близорукие глаза подозрительно прищурились.

— Эта крошка чувствует людей не хуже телепата, — сказал он. — Она немного не в себе, но мне такие бабы нравятся. И она знает, о чем говорит.

— Я чувствую вибрации, идущие от вас, — объяснила Му-Му. — А они никогда меня не подводили. Обычно я просекаю людей вот так... — Она громко щелкнула пальцами. — Но от вас обоих исходит что-то странное. Особенно от нее. Я не могу понять, что именно. Вы как будто не из этого мира. Словно марсиане... Ты врубаешься, Лу?

Невысокий прыщавый блондин, которого все называли Стертым, поднял голову и отложил гитару в сторону.

— Финнеган не марсианин, — сказал он с широкой ухмылкой. — У него среднезападный акцент, и похоже, что он из Индианы, Иллинойса или Айовы. Скорее всего хужер, верно?

— Да, я хужер, — подтвердил Кикаха.

— Эй, парни! А ну закройте глаза! — прокричал Стертый. — Вы только послушайте, как он говорит. Скажи им что-нибудь, Финнеган. Скажи! Если его голос не точная копия Гэри Купера, я съем парадный бюстгальтер Му-Му!

По просьбе пассажиров Кикаха произнес несколько слов, и все засмеялись.

— Вылитый Гэри Купер! А ты, случайно, не поешь за него, парень? — кричали они.

Их смех разбил ту хрупкую напряженность, которую воздвигли слова Му-Му. Девушка, улыбаясь, села на свое место, но пристальный взгляд ее темных глаз вновь и вновь возвращался к двум незнакомцам, и Кикаха знал, что она не удовлетворена. Лу Баум устроился рядом с ней. Его кадык дергался, как поршень насоса. На лице застыло угрюмое и немного обиженное выражение. Однако Кикаха догадывался, что парня по-прежнему терзало любопытство — вернее, любопытство и легкий испуг.

Очевидно, он действительно считал свою подругу телепатом. И возможно, даже побаивался ее. Кикаху это не волновало. Он воспринимал ее экспресс-анализ как обычный маневр ревнивой женщины. А она явно хотела отвести Баума от Ананы.

На данный момент Кикаха поставил перед собой две задачи — как можно быстрее добраться до Лос-Анджелеса и ускользнуть от наемников Орка. С автобусом им, конечно, повезло, размышлял Кикаха. Но задерживаться в этой компании не стоит. Как только они доберутся до подходящего места на окраине города, он пошлет подальше и «короля гномов», и его «тухлые яйца».

Кикаха решил осмотреть остальную часть автобуса. Когда он двинулся по проходу, трое пожилых мужчин, игравших в карты, подняли головы, но ничего не сказали. Он почувствовал легкое отвращение к их залысинам и седым волосам, расплывшимся и обрюзгшим лицам, к их морщинам, покрасневшим глазам, двойным подбородкам и большим животам. За двадцать четыре года, прожитых во вселенной Ядавина, он видел только пятерых пожилых человек. Люди там доживали до тысячелетнего возраста — если, конечно, им удавалось избежать несчастных случаев и насильственной смерти. Они

не старели вплоть до последней сотни лет, но лишь немногие познавали бренность своих тел. И поэтому старость в мире Ядавина считалась исключительно редким явлением. Однако легкая неприязнь Кикахи не шла ни в какое сравнение с отвращением, которое испытывала к старикам Анана. Она выросла в мире, где не было физически старых людей. И хотя ее возраст достигал десяти тысяч лет и она успела побывать во многих вселенных, земляне казались ей самой безобразной расой в галактике. Властители придерживались строгих эстетических норм. Они удаляли из своих владений все, что казалось им некрасивым и мерзким. Зато остальные получали дар нескончаемой юности.

Баум встал и пошел за Кикахой.

— Что-нибудь ищешь, друг?

— Я очень любопытен, — ответил Кикаха. — Тут есть какой-нибудь выход, кроме передней двери?

— Аварийный выход в женской костюмерной. А зачем он тебе понадобился?

— Просто мне нравится знать такие вещи.

Кикаха не понимал, почему других людей удивляла его осмотрительность. Ему хотелось разведать пути отхода — что же в этом такого?

Он заглянул в туалет и две костюмерные, а затем исследовал аварийный выход, чтобы в случае необходимости открыть его без лишних проблем.

Баум шел за ним следом.

— Нахальства тебе не занимать, приятель, — сказал он. — Ты знаешь, что любопытство погубило кошку?

— Но оно оставило живым кота, — ответил Кикаха.

Баум придвинулся ближе и понизил голос:

— Слушай, ты действительно зависишь на этой телке?

Фраза была новой для Кикахи, но он понял ее смысл.

— Да. А что?

— Ты разбил мое сердце, старик. Я приторчал от нее, понимаешь? Только без обид, приятель, — добавил он, когда Кикаха сузил глаза. — Му-Му тоже куколка что надо, но она немного странная. Ты и сам, наверное, заметил. Она говорит, что вы чудики и что от вас надо держаться подальше. Но вы мне нравитесь. И знаешь, если тебе нужны деньжата, скажем, тысяча или две, мы можем запросто договориться. Ты отдаешь мне свою красотку или, образно говоря, уступаешь ее на какое-то время, а сам отваливаешь в сторонку пересчитать шальные деньги... В общем, ты понимаешь, что я хочу сказать.

Кикаха усмехнулся.

— Две тысячи? — спросил он. — Наверное, ты ее очень сильно хочешь!

— Я понимаю, приятель, две тысячи на дереве не растут, но за такую бабу не жаль и последней рубашки...

— Наверное, ты неплохо зарабатываешь, если бросаешься такими деньгами.

На этот раз Баум действительно удивился и даже немного обиделся.

— Ты что, смеешься? Хочешь сказать, что не слышал о моей группе? Да нас знает вся страна! Включи любой приемник — и мы там! Тридцать восемь раз в десятке лучших! Золотой диск и концерты в «Чаше»*! Думаешь, куда мы сейчас едем? Туда, дружок, в «Чашу»! Неужели не врубаешься?

— Мы только недавно вернулись в Америку, так что не удивляйся, — сказал Кикаха. — А что, если я возьму твои деньги, а Энн пошлет тебя подальше? Не стану же я силой подсовывать ее под тебя.

Баум обиделся еще больше:

— Да мне девки отдаются по дюжине за ночь. Ткну пальцем в любую, и она моя. У меня их как грязи, понял? И ты говоришь, что эта Энн — эта дочка Деда Мороза — пошлет меня подальше? Откажет мне? Бауму? «Королю гномов»?

Кикаха критически осмотрел его перекошенное прыщавое лицо и кривые прокуренные зубы.

— Ладно, деньги у тебя при себе?

До этого момента голос Баума был просительным и льстивым. Но теперь в нем появились нотки торжества и легкого презрения.

— Я могу дать тебе тысячу, и, возможно, Солли, мой агент, отстегнет еще пять сотен. На остальное выпишу чек.

— Прямо как на распродаже рабов, — проворчал Кикаха. — Слушай, Лу, тебе же не больше двадцати пяти, верно? И ты вот так соришь деньгами?

Он вспомнил свою молодость во времена Великой депрессии. С каким трудом ему удавалось сводить концы с концами и как тяжело приходилось другим.

— А ты точно чудик какой-то, — раздраженно проговорил Баум. — Неужели до тебя не дошло? Или ты просто притворяешься простачком?

Его голос переполнял презрение. Кикахе хотелось рассмеяться ему в лицо и врезать по зубам, однако он не сделал ни того ни другого.

* «Голливудская Чаша» — концертный зал под открытым небом.

— Ладно, гони свои пятнадцать сотен. Но только прямо сейчас. И знай, если Энн на тебя наплюет, обратно деньги не получишь.

Баум нервно оглянулся на Му-Му, которая подсела к Анане.

— Подожди, пока мы доберемся до Лос-Анджелеса, — сказал он. — Когда остановимся перекусить, можешь сваливать. Деньги получишь перед самым уходом.

— А у тебя хватит мужества рассказать своей подружке, что Энн остается с вами? — с усмешкой спросил Кикаха. — Впрочем, это твои проблемы. Я согласен на все условия, но деньги ты принесешь сейчас! Иначе Му-Му узнает о нашем разговоре.

Баум побледнел, и его челюсть немного отвисла.

— Ну ты и змей... Наглости тебе не занимать!

— И еще мне нужен подписанный документ, который будет объяснять происхождение этих денег. Я хочу быть чист перед законом.

— Думаешь, я собираюсь сдать тебя легавым?

— Да, мне на ум пришла такая возможность, — ответил Кикаха, удивляясь тому, что полицейских теперь стали называть «легавыми».

— Возможно, тебя где-то и носило по Европе, но, я смотрю, ты еще не забыл наших коронных приколов, — похвалил его Баум, переходя на менее презрительные тона.

— Люди вроде тебя есть повсюду, — отозвался Кикаха.

Он знал, что им с Ананой потребуются деньги, а времени на честный заработок не будет. Воровать и грабить ему не хотелось, и он решил по возможности не преступать границ закона. Если этот самонадеянный глупец считает, что Анану можно купить за деньги, пусть платит за возможность испытать свое счастье.

Баум покопался в карманах куртки и, вытащив восемь сотенных купюр, вручил их Кикахе. Затем подошел к раздвижному столику и о чем-то заговорил с лысоватым толстяком, который курил огромную сигару. Тот яростно замахал руками и бросил несколько хмурых взглядов на Кикаху. Тем не менее Баум настоял на своем и выпросил еще пять сотен. Он написал записку на клочке бумаги, где удостоверял, что деньги являются оплатой долга Полу Я. Финнегану. Вручив ее Кикахе, он потребовал, чтобы тот написал ему расписку в получении денег. На остальную сумму Баум выписал чек, но Кикаха не сомневался, что оплата по этому аккредитиву будет приостановлена.

Баум остался поболтать с менеджером, а Кикаха устроился в пустом ряду у окна, где на сиденье лежало несколько журналов, дешевых книг и газет «Лос-Анджелес таймс». Какое-то время он увлеченно знакомился с прессой, потом отложил газеты в сторону и уставился в окно.

Его потрясло, насколько изменилась Земля с 1946 года.

Отгнав уныние и грусть, он раскрыл карту Лос-Анджелеса, которую нашел среди журналов. Окинув взором запутанную сеть улиц и площадей, Кикаха понял, что Вольф и Хрисеида могут оказаться в любой точке этого огромного города. Оставалось надеяться, что они направились именно сюда, а не в Неваду или Аризону. Во всяком случае, ближайшие врата находились здесь. А значит, его друзья могли сейчас ехать в каком-нибудь автобусе, опережая его всего лишь на несколько миль.

Но Вольфа и Хрисеиду застали врасплох. Спасая свои жизни, они бежали на Землю, потому что у них не было другого выбора. Они пришли в этот мир в одеждах властителей, причем Хрисеида могла оказаться вообще полуголой. Очевидно, им пришлось позаимствовать одежду у других, а затем Вольф нашел для Хрисеиды большие темные очки, иначе огромные зеленые глаза выдали бы ее внеземное происхождение. Несмотря на удивительную красоту, здесь ее посчитали бы уродцем.

И все же им хватит ума, чтобы приспособиться к жизни среди людей. К тому же Вольф провел на Земле гораздо больше времени, чем Кикаха. А вот для Звонаря это совершенно незнакомый и пугающий мир. Он не знает ни слова на земных языках, и ему придется таскать повсюду свою матрицу, которая будет стеснять и затруднять его действия. Но он может пойти в любом направлении, и ему все равно, куда ведет его дорога.

Обдумав ситуацию, Кикаха решил отправиться к ближайшим вратам в надежде, что Вольф и Хрисеида поступят таким же образом. Встретившись и объединив свои силы, они спланируют дальнейшие действия и придумают оптимальный способ ликвидации Черного Звонаря. Но если Вольф и Хрисеида не появятся, груз ответственности ляжет на него и Анану.

К Кикахе подседа Му-Му. Она провела ладонью по его плечу и руке.

— Вот это да! Какие мускулы! — восхищенно воскликнула она.

— Немножко есть, — ответил он с улыбкой. — И тебе удалось смягчить мое сердце лестью. Поэтому выкладывай, что там у тебя на уме.

Она прижалась к нему, томно потерлась большой грудью о его руку и печально сказала:

— Этот Лу такой бабник, что я даже слов не нахожу. Стоит ему увидеть смазливую девчонку, как он тут же теряет последние мозги. Он уже говорил с тобой, верно? Уговаривал отдать ему твою подружку? Могу поспорить, он даже предлагал за нее деньги.

— Да, кое-что предложил, — ответил Кикаха. — А почему ты спрашиваешь?

Му-Му провела ладонью по его бедру.

— Мы тоже можем сыграть в эту игру, — прошептала она.

— Значит, ты тоже хочешь предложить мне деньги?

Она обиженно отстранилась и сердито ткнула кулачком в его плечо.

— Мне платить тебе? Да ты смеешься надо мной!

В другое время Кикаха подыграл бы ей до самого счастливого конца. Но теперь, как бы банально это ни звучало, от него зависела судьба всего человечества. Если Звонарю удастся приспособиться к местным условиям, он создаст другие матрицы, и лет через десять—двадцать разум чужаков внедрится в тела людей... и милашка Му-Му превратится в бездушную вещь, подвластную воле хозяина.

Впрочем, возможно, это и не самый печальный исход. Если верить тому, что Кикаха прочитал в газетах и журналах, человеческая раса сама обрекла себя на гибель — а заодно и всю жизнь на некогда прекрасной планете. В принципе для Земли даже выгодна победа Звонарей. Их разум опирается на логику, а не на похоть и желания. Они быстро расчистили бы тот бардак, в который люди превратили планету.

Кикаха поежился. Ему не понравился такой ход мыслей. И он не должен успокаиваться до тех пор, пока не умрет последний Звонарь.

— Ну что за дела, малыш? — спросила Му-Му, и ее голос утратил былую мягкость. — Неужели ты не хочешь со мной перепихнуться?

Он похлопал ее по бедру.

— Ты очень красивая девушка, Му-Му, но я люблю свою Энн. И знаешь, что я тебе скажу! Если «королю гномов» удастся превратить ее в одно из своих «тухлых яиц», мы с тобой сыграем им свою музыку. А уж ты поверь, это будет кое-что получше, чем то дерьмо, которым давится сейчас приемишник.

Му-Му удивленно уставилась на Кикаху и тихо произнесла:

— Что ты этим хочешь сказать? Это же «Роллинг Стоунз»!*

— Да, с такой музыкой за мох не зацепиться, — согласился он.

— Слушай, ты же ни во что не врубаешься! — закричала она. — Парень, ты квадрат! Ты квадрат в квадрате! Такое впечатление, что тебе за пятьдесят!

Кикаха пожал плечами. Поп-музыка не интересовала его даже в юности. Но в то время она была приятной и не шла в сравнение с этими визгливыми криками, от которых зубы сжимались сами по себе.

Поток транспорта возрастал, но автобус по-прежнему мчался на предельной скорости. Страна пустынь осталась позади, и за окнами потянулись зеленые поля. Солнце жгло нещадно, воздух раскалился и наполнился вонью выхлопных газов. Стекла дрожали от рева огромных грузовиков. У Кикахи заслезились глаза. Появилось ощущение, будто в нос натолкали иголок. Впереди возникло сероватое марево. Они проехали его, воздух стал немного чище, но серая дымка снова оказалась впереди.

Му-Му заговорила о смоге, который буквально свирепствовал в этих местах. В одном из журналов смог называли фактором повышенной смертности, однако Кикаха пока не улавливал смысл столь странного слова. Если это то, чем дышали люди южной Калифорнии, он не хотел иметь со смогом ничего общего. Глаза Ананы покраснели и заслезились. Она чихнула, пожаловалась на головную боль и сказала, что у нее заложило нос.

Му-Му ушла в туалет, и Анана пересела к Кикахе.

— Ты мне не говорил, что здесь такой воздух, — сказала она.

— Я и сам об этом не знал. В мое время атмосфера была еще чистой.

Автобус мчался быстро и лихо. Он перескакивал с одной полосы на другую, протискивался между машинами и, подрезая путь соседям, нагло вырывался вперед. Водитель пригнулся к рулю. Его рот открылся. Язык то и дело высывался и подрагивал между зубами. Глаза сияли каким-то нездоровым блеском. Парень совершенно не обращал внимания на визг тормозов и рев гудков. Он яростно давил на свой клаксон, распуская всех, кто возникал на его пути. Низкий и громкий сигнал звучал, как гудок локомотива. Менее стойких водителей буквально сметало на другую полосу, и они впритык притирались к другим машинам.

* «Роллинг стоун» — перекаати-поле.

Чуть позже поток машин стал настолько плотным, что их автобусу пришлось ползти со скоростью пешехода, время от времени останавливаясь на пять-шесть минут. Транспорт едва тащился. Жара усиливалась, а серое марево густело.

Му-Му повернулась к Лу Бауму:

— Почему мы до сих пор не установили в автобусе кондиционер? На другие дела тебе денег не жаль, а как своим что-то сделать, так сразу кишка тонка!

— Не так и часто мы попадаем в пробки, — вступился за Баума его менеджер.

Кикаха рассказал Анане о предложении Баума.

— Я даже не знаю, плакать мне или смеяться, — ответила она.

— Немного того и немного этого тебе не помешает. Я обещал ему не отговаривать тебя. Впрочем, он уверен на все сто процентов, что ты предпочтешь его, а не меня. Неужели Лу Баум прав?

— Но ты же продал меня, дружок. Я теперь даже не знаю, смогу ли ему отказать. Мне надо подумать, а ты помучайся часок-другой.

— Хорошо. Пойду помучаюсь, — ответил он.

Кикаха встал, прогулялся по проходу и пару раз осмотрел машины через заднее стекло. Через несколько минут он вернулся и сел в кресло рядом с Ананой.

— За нами едет черный «линкольн-континенталь», — сказал он, понизив голос. — Я узнал в нем одного из тех парней, которых мы видели в бинокль.

— Но как они нас нашли?

Ее голос остался ровным, но тело мгновенно напряглось.

— Возможно, еще не нашли, — ответил он. — Я надеюсь, что это совпадение. Мне кажется, они и понятия не имеют, что мы так близко. Хотя, с другой стороны...

Такое совпадение казалось слишком маловероятным. Но как они их засекли? Неужели на дороге расставлены посты и их заметили через окно автобуса? Или Орк имеет такую разветвленную организацию, что даже в этом автобусе у него оказался свой информатор?

Кикаха отмел последнюю мысль, как чистую паранойю. Пройдет немного времени, и он узнает, совпадение это или нет.

Люди в машине не проявляли к автобусу никакого интереса. Со стороны казалось, что между ними шел яростный спор. Трое из них, с темными волосами, выглядели лет на сорок—сорок пять. Четвертым был молодой блондин со

стрижкой под Юлия Цезаря. Кикаха рассматривал этих людей до тех пор, пока не запечатлел в памяти их черты.

Вскоре скорость движения увеличилась. Автобус проезжал мимо мрачных промышленных кварталов, фабричных стен и фасадов неказистых строений. Серовато-зеленый смог стал менее заметен, но его разъедающее действие усилилось.

— Неужели люди все время дышат этой гадостью? — возмущалась Анана. — Просто удивительно, как такое можно вынести.

— Я знаю о смоге не больше тебя, — напомнил Кикаха.

Баум приподнялся со своего места и закричал водителю:

— Джим, будешь подъезжать к торговому центру, притормози и поищи стоянку с закусочной! Я проголодался.

Остальные пассажиры запротестовали. Всем хотелось добраться до места и пообедать в гостинице. Они кричали, что езды осталось на полчаса. К чему такое нетерпение?

— Я голоден! — заорал Баум.

Вытаращив глаза, он осмотрел каждого из них и сердито топнул ногой.

— Я хочу есть и не намерен ждать ни минуты! Там нам придется продираться через толпу фанатов и хипповок, а вы сами знаете, сколько на это уйдет времени! Поэтому пообедаем сейчас!

Остальные лишь пожали плечами. Очевидно, они уже свыклись с причудами Баума. Наверное, он мог топтать ногами и кричать до тех пор, пока не добивался своего. Однако на сей раз его поведение диктовалось не капризом, а страстью.

Му-Му картинно закатила глаза, покачала головой и подошла к Кикахе.

— Он дает понять, что тебе пора сваливать, Рыжий. Так что можешь собирать пожитки и прощаться со своей подружкой.

— Значит, ты уже сталкивалась с этим и раньше? — с усмешкой спросил Кикаха. — Но почему ты так уверена, что Энн захочет остаться?

— Насчет нее у меня уверенности нет, — призналась Му-Му. — Я сразу сказала, что в вас есть что-то странное, и это чувство не прошло. Наоборот, оно стало еще сильнее.

И тут она удивила Кикаху.

— Вы убегаете от кого-то, верно? От легавых. И от других. Этих других вы боитесь больше, чем легавых, потому что вам наступают на пятки. Я чувствую запах опасности. — Она сжала его ладонь, пригнулась ниже и шепнула: — Если я могу тебе помочь, ищи меня в «Беверли Хилтон». Мы там будем неделю, а потом поедem в Сан-Франциско. Если хочешь,

позвони. Я скажу портье, чтобы тебя со мной соединили. Звони в любое время, не стесняйся.

Кикаха поблагодарил ее за заботу и предложенную помощь. Но он не мог удержаться от мысли, что для простой и милой попутчицы она слишком уж хорошо о нем информирована. А вдруг она связана с Рыжим Орком?

Кикаха тут же отверг свои подозрения. Его жизнь была настолько полна опасностей и рискованных ситуаций, что у него вошло в привычку планировать контрмеры на случай самого плохого варианта. А Му-Му действительно могла оказаться чутким человеком с необычными психическими способностями.

Автобус свернул с магистрали и направился к «Музыкальному центру». Вокруг вздымались высотные здания, которые напомнили Кикахе район Манхэттена. Он с удовольствием глазел бы на них часами, но ему приходилось следить за большим черным «линкольном» и его пассажирами. Машина свернула следом за автобусом, и теперь между ними оставалось только два автомобиля. Кикаха с радостью допустил бы, что это всего лишь новое совпадение, но его сомнения начали превращаться в уверенность.

Автобус подрулил к углу стоянки, в центре которой находилась большая закусочная. Дверь открылась, и водитель побежал занимать места. Протянув руку Анане, Баум помог ей сойти со ступенек. Заметив это, Кикаха хмыкнул и повернулся в сторону «линкольна». Машина преследователей сделала разворот, выехала на стоянку и остановилась в пятом ряду от навеса закусочной.

На Баума тут же налетели пять или шесть девиц, которые визгливо выкрикивали его имя и какие-то невразумительные восклицания. Каждая из них считала своим долгом коснуться его лица или одежды. Баум улыбался и, отбиваясь от почитательниц, просил, чтобы они отошли. После минутной неразберихи команда бородатых музыкантов оттеснила фанаток в сторону.

Взяв рюкзак и футляр, Кикаха вышел из автобуса и вместе с Му-Му зашагал к прилавку под тентом, где устроились Баум и Анана. Официантка подавала гамбургеры, горячие сосиски, кока-колу и взбитые сливки. При виде этих яств у Кикахи потекла слюна. С тех пор как он съел последний гамбургер, прошло двадцать четыре года! О Боже, какое счастье иногда приносят маленькие и простые вещи!

Он откусил кусочек и медленно разжевывал его. В мясе чувствовался какой-то незнакомый компонент, который ему

не понравился. Казалось, что этой безвкусной примесью были пропитаны и салат и помидоры.

Анана поморщилась и спросила на языке властителей:

— Что за гадость они положили в это блюдо?

Кикаха пожал плечами:

— Наверное, какое-то вещество от насекомых. Хотя его доля так мала, что я не стал бы утверждать. И все же здесь что-то есть.

Они ограничились шоколадом со взбитыми сливками. Сладкое оказалось таким же густым и вкусным, каким он его помнил. Анана кивнула в знак одобрения.

Люди в «линкольне» разглядывали из окон Кикаху и Анану — вернее, всю их группу.

Баум повернулся к Кикахе:

— Ладно, Финнеган. Время пришло. Давай сваливай.

Кикаха усмехнулся ему в лицо:

— Мы договорились, что я уйду, когда она согласится уехать с тобой.

Баум захохотал:

— Мне просто хотелось пощадить твои чувства, простота ты деревенская. Ладно, будь по-твоему. Следи за мной. Возможно, чему-нибудь научишься.

Он придвинулся к Анане и что-то шепнул на ухо Му-Му. Та отшатнулась, вскочила со стула и, закрыв лицо руками, побежала к автобусу. Кикаха взглянул на Анану и Баума. Их контакт закончился очень быстро, причем довольно драматично.

Анана отвесила Бауму звонкую пощечину, и хлопок прозвучал как выстрел на фоне шума проезжавших машин и галдежа восторженных поклонниц. Сначала все замерли от удивления, а потом фанатки разразились гневными воплями. Баум вскрикнул, замахнулся и попытался ударить Анану кулаком, но та увернулась и с грозным видом поднялась со стула. Подбежавшие люди заслонили ее от Кикахи.

Он сгреб со стойки деньги, оставленные клиентами, и, сунув их в карман, прыгнул в гущу толпы. Его едва не сбили с ног. Многие посетители старались отбежать подальше от драки. Фанатки набрасывались на него, царапали и, визжа, норовили ударить в лицо.

Прорвавшись сквозь кольцо зевак, Кикаха увидел Лу Баума, валявшегося на земле. Он прижимал колени к груди и хватался руками за пах. Рядом с ним сидела одна из его поклонниц. Согнувшись пополам, она держалась за живот. Другая, прислонясь спиной к деревянной облицовке стойки, блевала на плечо своего кумира.

Кикаха схватил Анану за руку и закричал:

— Бежим! Вот шанс, которого мы ждали!

Тараня футляром стоявших на пути людей, он помог ей выбраться из толпы, и они побежали к дальнему концу стоянки. Когда они оказались в узком проходе между двумя высотными зданиями, Кикаха оглянулся. «Линкольн» выезжал с площадки, а трое мужчин бежали за ними следом. Оружие они пока не доставали, решив, очевидно, воспользоваться им после того, как догонят беглецов. Но Кикаха не собирался предоставлять им такую возможность.

Когда они выбежали на следующую улицу, его осенила шальная мысль. «А почему бы и нет? — подумал он. — Я могу потратить несколько лет, разыскивая Рыжего Орка. Но если поймать тех, кто работает на него...»

Следующая улица оказалась такой же многолюдной, как и предыдущая. Кикаха и Анана перешли на быстрый шаг. Мимо них проехала полицейская машина. Включив вдруг красные сигнальные огни, она резко набрала скорость и, визжа тормозами, свернула на перекрестке за угол. Какой-то старый алкоголик, выкрикивая проклятия, погрозил ей вслед кулаком.

Кикаха оглянулся. Трое мужчин по-прежнему оставались на виду, но приближаться пока не хотели. Один из них говорил что-то в микрофон, спрятанный в рукаве. Он либо переговаривался с водителем машины, либо докладывал обстановку своему хозяину. Кикаху уже не удивляли эти крохотные рации, которые не шли в сравнение с огромными радиопередатчиками образца 1946 года. Однако их преследователи могли пользоваться аппаратурой, еще не известной землянам — конечно, не считая тех, кто работал на Рыжего Орка.

Погоня продолжалась. Пройдя пару кварталов, Кикаха снова оглянулся. Заметив, что трое мужчин сели в черный «линкольн», он остановился перед грязной витриной ломбарда и начал лениво разглядывать выставленные на продажу обломки людских надежд.

— Мы дадим им шанс схватить нас, — сказал он Анане. — Я не знаю, хватит ли у них смелости сделать это среди бела дня, но, если они отважатся, мы поступим так...

«Линкольн» поравнялся с ними и затормозил.

Кикаха повернулся и с улыбкой кивнул людям, сидевшим в машине. Передняя и задняя дверцы открылись. Трое мужчин вышли на тротуар и зашагали к беглецам, доставая что-то из карманов курток. В тот же миг на улице заголосила сирена. Трое быстро обернулись в сторону полицейской машины, которая неожиданно появилась из-за угла. Она обошла небольшой грузовичок, в крутом вираже обогнула «линкольн»

и пронеслась через перекресток под красный сигнал светофора. Никто из полицейских не заметил, что у ломбарда назревала серьезная проблема.

Пока трое наемников делали вид, будто возвращаются к «линкольну», Кикаха воспользовался тем, что их внимание было отвлечено полицейской машиной. Прежде чем они вновь повернулись к беглецам, он оказался за их спинами и ткнул костяшками пальцев в бок пожилого бандита.

— Я прожгу в тебе дыру, если будешь дергаться, — сказал он. — Постарайся вести себя хорошо.

Анана навела излучатель на спину молодого парня с прилизанными светлыми волосами. Тот съежился, его челюсть отвисла: он, по-видимому, никак не мог поверить, что на виду у полусотни свидетелей их дичь повела себя так смело и нагло.

«Линкольн» засигналил. Водитель высунулся из окна и жестом показал приятелям, что надо поторапливаться. Но тут он увидел за спинами компаньонов Кикаху и Анану. В это время третий мужчина махнул ему рукой, давая понять, чтобы тот отъезжал. Визжа и сжигая шины, «линкольн» рванул с места и через секунду свернул за поворот, едва не сбив пешехода.

— Это был умный ход! — похвалил Кикаха стоявшего перед ним мужчину. — Один ноль в вашу пользу!

Третий наемник направился к перекрестку.

— Я убью этого парня, если ты не вернешься, — предупредил его Кикаха.

— Убивай, мне-то что! — ответил мужчина и перешел на быстрый шаг.

Анана взглянула на Кикаху, и тот сказал ей на языке властителей:

— Отпусти своего! Мы возьмем этого старика, отведем его в укромное место и как следует допросим.

— А если другие пойдут за нами?

— Пусть идут. В данный момент они меня не беспокоят.

Конечно, его волновала вероятность слежки, но он не хотел показывать Анане своего беспокойства.

Блондин презрительно усмехнулся и вразвалочку зашагал по тротуару. Однако походка выдавала его страх, и он испытывал большое облегчение, выбравшись из переделки живым и здоровым.

Кикаха в двух словах объяснил заложнику, что с ним произойдет, если он попытается бежать. Мужчина промолчал. Он сохранял абсолютное спокойствие. Почувствовав в нем профессионала, Кикаха подумал, что им следовало при-

хватить с собой блондина, а не этого молчуна. Тот бы быстро раскололся. Но что сделано, то сделано, и теперь уже ничего не изменишь.

Его пока смущало одно — куда отвести пленника для допроса? Они находились посреди огромного незнакомого города. Судя по виду строений и большому количеству пешеходов, где-то рядом должны были располагаться третьеразрядные гостиницы. В принципе они могли снять номер и отвести пленника туда. Но тогда он воспользуется ситуацией, поднимет крик и позовет на помощь. Если же им все-таки удастся затащить его в комнату, остальные бандиты, проследив их путь, позовут подкрепление, и гостиничный номер превратится в ловушку.

Кикаха кивнул, и они зашагали по тротуару. Придерживая пленника за локоть, Кикаха шел рядом и время от времени посматривал на грубоватый профиль мужчины. Тот выглядел лет на пятьдесят. Вполне обычные черты — темная, болезненного цвета кожа, карие глаза, большой крючковатый нос, пухлый рот и массивный подбородок.

На вопрос, как его зовут, мужчина буркнул:

— Мазарин.

— На кого работаешь? — спросил Кикаха.

— На того, с кем тебе лучше не связываться, — ответил пленник.

— Если ты скажешь мне, кто твой хозяин и как до него добраться, я отпущу тебя на все четыре стороны, — пообещал Кикаха. — В случае отказа я буду поджаривать твою задницу до тех пор, пока ты не ответишь на все мои вопросы. Ты же знаешь, у каждого есть свой предел, и при верном подходе даже самые крутые парни начинают болтать без умолку.

Мужчина пожал квадратными плечами:

— Наверное, ты прав. И что дальше?

— Я не понимаю, откуда такая преданность? — с удивлением спросил Кикаха.

Мужчина осмотрел его с презрением:

— А я не понимаю, как ты собираешься выполнять свои угрозы. Короче, делай, что хочешь, а я тебе больше ни слова не скажу.

Он поджал губы и отвел взгляд в сторону.

Пройдя пару кварталов, Кикаха оглянулся. Невдалеке из-за поворота появился «линкольн». Подобрал двух отпущенных бандитов, машина медленно поехала по ближней полосе. Водитель, конечно же, успел связаться со своим хозяином.

Кикаха не сомневался, что их троица ожидала теперь подкрепления. Положение становилось серьезным.

И тут Кикаха усмехнулся.

Он быстро описал Анане свой план, и они подтолкнули Мазарина к краю дороги. Секунд через двадцать «линкольн» поравнялся с ними. Трое пассажиров смотрели на них так, словно не верили собственным глазам, и выглядели немного напуганными. Кикаха помахал рукой, машина остановилась. Двое мужчин с правой стороны вытащили оружие и направили его на Анану, прикрывая стволы от случайных взглядов прохожих.

Кикаха подтолкнул Мазарина, и они, обойдя машину спереди, подошли к задней дверце со стороны водителя. Анана осталась на тротуаре — футах в пяти от «линкольна».

— Полезай в машину, — приказал Кикаха.

Мазарин недоумевающе посмотрел на него и, открыв дверь, начал забираться в салон. Подтолкнув его в спину, Кикаха последовал за ним. Все трое бандитов повернулись к нему, оставив на секунду Анану без присмотра. А она, склонившись к окну, прижала кольцо к голове мужчины на переднем сиденье. Излучатель был установлен на «оглушающую» мощность. Бандит дернулся, повалился на водителя, и Кикаха, не теряя времени, выпустил луч в Мазарина.

Блондин, испуганно прижавшись к задней дверце, навел пистолет на Кикаху.

— Ты, наверное, тронулся, парень! — нервно закричал он. — Не шевелись, или я тебя подстрелю!

Луч из кольца полоснул его по затылку и опалил кожу черепа до ожога первой степени. Голова блондина дернулась вперед, словно его огрели кулаком. Падая, он рефлекторно нажал на спусковой крючок. Автоматический пистолет тридцать восьмого калибра дал короткую очередь, которая прозвучала в машине как гром. Мазарин качнулся вперед, вскинув руки, и задел ладонью грудь Кикахи. Затем он медленно повалился на пол.

Водитель прорычал проклятие и рванул машину с места. Анана отпрыгнула, едва увернувшись от удара крылом. Кикаха приказал водителю остановиться, но тот вдавил педаль газа до упора и выкрикнул в ответ грязное ругательство. Он мчался к перекрестку, хотя на светофоре горел красный свет. Наверное, он думал, что Кикаха не осмелится приставать к нему на такой скорости.

Но Кикаха осмелился. Он оглушил его ударом кулака, и «линкольн» тут же замедлил ход. Автомобиль на довольно приличной скорости врезался сзади в машину, которая ожи-

дала на перекрестке разрешающего сигнала светофора. Кикаха присел на корточки за передним креслом. Его бросило вперед вместе со спинкой сиденья, но тело водителя послужило хорошим амортизатором.

Открыв дверь, Кикаха выглянул из автомобиля. Водитель чужой машины ошеломленно потирал руками разбитый лоб и, похоже, находился в состоянии легкого шока. Кикаха вновь забрался в «линкольн», вытащил из куртки Мазарина бумажник, а чуть позже присвоил и бумажник водителя. Регистрационной карточки на машину не оказалось, хотя он осмотрел и бардачок у руля, и отделение для перчаток. Не рискуя оставаться дольше на месте происшествия, Кикаха выскочил на тротуар и только сейчас услышал позади себя крики.

Анана ждала его на перекрестке. Они быстро свернули за угол и торопливо пошли мимо огромных витрин универмага. За ними последовал какой-то человек, но Кикаха повернулся к нему, тот остановился и благоразумно затерялся в толпе.

Они поймали такси. Вспомнив карту Лос-Анджелеса, Кикаха попросил водителя отвезти их на Лоррейн в южной части Уилшира. Анана ни о чем не спрашивала и всю дорогу молчала. Они не хотели, чтобы таксист запомнил женщину, которая говорила на иностранном языке. Однако Кикаха подозревал, что ее красота и странная одежда все равно запечатлеются в памяти водителя.

Он попросил остановиться у многоэтажного жилого дома и, расплатившись, дал доллар на чай. Они поднялись по ступеням и зашли в пустой вестибюль. Подождав пару минут и убедившись, что такси уехало, Кикаха и Анана вернулись на улицу. Свернув на бульвар, они сели в автобус и через несколько остановок вышли в абсолютно незнакомом районе.

— И что теперь? — спросила Анана.

Кикаха пожал плечами. Впрочем, Анана и не настаивала на ответе. Ее заинтересовала бензоколонка на противоположной стороне улицы. Подобный стиль архитектуры озадачил и Кикаху. Заправочная станция напоминала ему что-то из сериалов о Флэше Гордоне. Анана сказала, что многое повидала в своей жизни. За десять тысячелетий ей довелось побывать в сотне разных вселенных, и среди властителей ее считали знатоком великого множества архитектурных стилей. Но то, что она увидела на Земле, превосходило по неприглядности все границы дозволенного. По ее словам, архитектура этого города была не чем иным, как «рвотой разума».

Кикаха объяснил ей план дальнейших действий. Им следовало поехать в Голливуд и найти гостиницу в каком-нибудь дешевом районе. Из прочитанных газет и журналов он узнал, что в таких местах селились бродяги и наркоманы, которых теперь называли хиппи. Кикаха считал, что там их наряд и отсутствие багажа ни у кого не вызовут подозрений.

Через несколько минут они поймали такси и отправились на Сансет-бульвар, где потом довольно долго прогуливались пешком. После захода солнца на улицах зажглись фонари. Машины заполняли бульвар и следовали друг за другом бампер в бампер. На тротуарах появились толпы людей, и многие из них походили на тех хиппи, о которых Кикаха читал. Повсюду встречались «персонажи» фильмов, которыми так славился Голливуд.

Кикаха остановил несколько бесцельно бродивших юнцов и расспросил их о комнатах, сдаваемых внаем. Больше всех путешественникам помог молодой парень в дорогом костюме. Длинные волосы, пышные баки и усы образца 1890 года делали его похожим на пушистую игрушку. Ему так понравилось давать советы, что он даже пригласил их в ресторан. Парень буквально ошалел от красоты и очарования Ананы. Заметив это, Кикаха любезно откланялся, и они ушли.

Через полчаса им удалось снять комнату в дешевой гостинице на одной из боковых улочек. О роскоши говорить не приходилось, но номер вполне устраивал Кикаху. Последние несколько лет он провел среди индейцев и привык к условиям походной жизни. Здесь ему не хватало только тишины. В соседней комнате устроили вечеринку. Радио и проигрыватель рвали нервы, захлебываясь визгом новомодного рока. В такт музыке топало множество ног, и временами слышались пьяные крики.

Пока Анана принимала душ, Кикаха исследовал содержимое двух бумажников. Судя по данным водительских удостоверений, Фредерик Джеймс Мазарин и Джеффри Веласкес Рамос проживали на бульваре Уилшир. Карта, которую он позаимствовал в автобусе, подсказала, что указанные адреса находились в самом центре района. Кикаха подозревал, что оба преступника жили в какой-то гостинице. Мазарину было сорок восемь лет, Рамосу — сорок шесть. Кикаха нашел в бумажниках около дюжины кредитных карточек (почти неизвестных в 1946 году), несколько фотографий двух мужчин с девицами и фото пожилой женщины (очевидно, матери Рамоса). Кроме этого, Кикаха насчитал триста двадцать долларов и обнаружил в бумажнике Мазарина клочок бумаги с

десятью инициалами в одной колонке и телефонными номерами — в другой.

Он зашел в ванную и, открыв дверь душа, сообщил Анане, что собирается прогуляться до первой телефонной будки.

— Почему ты не воспользуешься телефоном в номере? — спросила она.

— Он подключен к сети через коммутатор гостиницы. Я не хочу рисковать, потому что разговор могут подслушать.

Кикаха прошел несколько кварталов, заглянул в аптеку и разменял несколько долларов на мелочь. Он постоял немного, размышляя, стоит ли пользоваться телефоном аптеки, но решил вернуться к будке у гостиницы. Обзванивая номера, он мог бы наблюдать за входом в здание.

Его внимание привлек книжный стенд. Кикаха попытался вспомнить, когда читал последнюю книгу. Скорее всего у тишкветмоаков, подумал он, но они писали только о науках, истории и теологии. Художественную литературу издавал народ на ярусе Атлантиды, однако Кикаха провел среди них слишком мало времени, хотя и тешил себя надеждой пожить там однажды подольше. Несколько книг имелось у семитов Хамшема и германских рыцарей Дракландии, но число романов сводилось к двум десяткам, а разнообразие тем оставляло желать лучшего. Во дворце Вольфа имелась библиотека, собранная из двадцати миллионов книг — или их видео-записей, — но Кикаха заглядывал туда слишком редко, чтобы успеть прочитать хотя бы самую малость.

Понимая, что ему не стоит тратить время впустую, он не утерпел и задержался у стенда. Осмотрев прекрасно изданные тома, Кикаха купил три книги. Первую написал Том Вольф (но не тот Томас Вульф, которого он знал). Судя по обложке, книга могла дать информацию о духе и чаяниях современной эпохи. Другая была документальной. Ее написал Азимов (как оказалось, тот самый писатель-фантаст, которого он помнил). Третья книга касалась черной революции. Кикаха подошел к полке с журналами и купил «Лук», «Лайф», «Сэтеди ревью», «Нью-Йокер» и «Лос-Анджелес мэгэзин». После некоторых колебаний он прибавил к ним пару журналов с научной фантастикой.

Завернув книги и журналы в вечерний «Таймс», Кикаха вернулся к телефонной будке, позвонил Анане и убедился, что с ней все в порядке. Приготовив бумагу и карандаш, он начал обзванивать номера, указанные на листке из бумажника.

По трем номерам отозвались женщины, которые напрочь отрицали знакомство с Мазарином. По другим трем номерам

никто не ответил. Кикаха решил перезвонить по ним позже. Седьмой номер, судя по разговорам, слышавшимся в трубке, принадлежал букмекеру. Человек, поднявший трубку, отвечал в том же духе, что и женщины. Восьмой звонок вывел Кикаху на бармена, и он сказал, что ищет Мазарина.

— Неужели ты ничего не слышал, приятель? — с удивлением спросил бармен. — Мазарина сегодня убили.

— Как убили? — завопил Кикаха, будто новость потрясла его до глубины души. — Кто это сделал?

— Никто не знает. Фред с другими ребятами подвозил какого-то парня. Тот дуру не валял, выхватил у Чарли пистолет, пальнул Фреду в грудь, а потом оглушил Чарли, Рамоса и Зиггу.

— Что за дела? — проревел Кикаха. — Эти парни не с куста упали. Они не могли так лопухнуться. У шефа поедет крыша. Я думаю, он уже себе все пятки отбил, топая ногами.

— Да брось ты, парень! Таким дерьмом Кэмбрина не прошибешь. Ладно, мне пора. Клиенты заждались. А ты заваливай при случае. Если выставишь стаканчик, я расскажу тебе о Фреде самые кровавые подробности.

Кикаха записал имя Кэмбрина и попытался найти его в телефонной книге. В справочнике Лос-Анджелеса такого не оказалось, как, впрочем, и в соседних городах.

По девятому номеру он попал в гараж городишка Калвер. Мужчина, ответивший на звонок, сказал, что не знает никакого Мазарина. Кикаха засомневался в его искренности, но настаивать не стал и повесил трубку.

Последний номер стоял напротив инициалов Р. К. Кикаха надеялся, что буквы обозначали Р. Кэмбрина. Но женщина, ответившая ему, представилась как Рома Кэлмерс. Она отвечала на вопросы с той же настороженностью, что и остальные.

Он снова позвонил Анане и еще раз удостоверился, что с ней все в порядке. Вернувшись в номер, Кикаха заказал ужин из «Цыплячьего восторга». Он съел все, что находилось в коробке, хотя в пище по-прежнему чего-то не доставало и чувствовался все тот же неприятный привкус. Анана поморщилась, поохала, но съела все без остатка.

— Завтра суббота, — сказал Кикаха. — Если мы не найдем никаких зацепок, нам надо будет сходить в магазин и купить какую-нибудь одежду.

Он принял душ и едва успел просушить волосы, как принесли бутылку «Дикой утки» и шесть бутылок «Туборга». Анана попробовала и то, и другое, но остановила свой выбор на датском пиве. Кикаха пригубил бурбон и недовольно

скривился. Владелец магазина утверждал, что его бурбон один из лучших в мире. Ничего не поделаешь, подумал Кикаха. Он пробовал виски четверть века назад, и ему, очевидно, придется заново привыкать ко всему, что когда-то было знакомым и обычным. Если только для этого найдется время, в чем он сильно сомневался. «Туборг» ему понравился, и Кикаха решил выпить бутылку или две. От пива он еще не отвык, поскольку в Многоярусном мире его изготавливали в не меньших количествах, чем на Земле.

Он сидел в кресле, потягивая пиво, и медленно читал вслух газеты. Анана, прикрыв глаза, запоминала незнакомые слова. Кикаха надеялся отыскать какое-нибудь упоминание о Вольфе, Хрисеиде или Звонаре. Наткнувшись на статью о «Хамах Люцифера», он хмыкнул и выпрямился в кресле. Их нашли полуголыми, избитыми и обгоревшими на трассе неподалеку от озера Арроухед. Пострадавшие объяснили полиции, что на них напала банда, с которой они вели войну за эту территорию.

Страницей дальше он нашел сообщение о крушении вертолета близ озера Арроухед. Вертолет, приписанный к аэропорту Санта-Моники, принадлежал мистеру Кэмбрингу, который неоднократно привлекался в прошлом к суду за подкуп муниципальных чиновников в связи с земельными сделками. Кикаха завопил от восторга, а затем объяснил Анане, какую возможность они получили.

В газетной статье адрес Кэмбринга не указывался. Кикаха позвонил в финансовый отдел фирмы «Топхэт Энтерпрайзис», которой владел мистер Кэмбринг. Он довольно долго слушал длинные гудки, потом не выдержал и позвонил в «Лос-Анджелес таймс». Минуты три-четыре его гоняли от репортера к репортеру, но в конце концов он получил необходимую информацию. Мистер Рой Арнделл Кэмбринг проживал на бульваре Римпо. Осмотрев карту города, Кикаха обнаружил, что его дом находился всего в нескольких кварталах от гостиницы, то есть в северной части Уилшира.

— Какая приятная удача, — прошептал Кикаха. — Я все равно нашел бы его — сам или с помощью частного детектива. Но на это ушло бы время. Ладно, давай-ка в постельку. Завтра у нас будет много дел.

Прежде чем они заснули, прошло не меньше часа. Анане захотелось полежать в объятиях Кикахи, поговорить о том о сем, о своей жизни до того, как они встретились, и о тех приключениях, которые они пережили вместе. Они знали

друг друга не больше двух месяцев, а их совместная жизнь началась совсем недавно. Однако Анана утверждала, что любит Кикаху, и пока ее поступки свидетельствовали о том же. Он любил ее всем сердцем, но, достаточно повидав властителей, немного сомневался в глубине их чувств. Десять тысяч лет — не шутка. Хотя, по правде говоря, жизнь некоторых властителей была настолько насыщенной и интересной, что им мог бы позавидовать любой из ныне живущих людей. Несмотря на бессмертие, они воспринимали каждое событие как последний отведенный им миг, и только это спасало их от мыслей о бесконечных годах будущего.

Кикаха наслаждался близостью Ананы, и, будь у них немного свободного времени, он испытывал бы еще большее блаженство. Однако погони и битвы мешали им узнать друг друга. Анана жаловалась на то же самое, но делала это с какой-то тревогой и обреченностью. Прожив бездну лет, она знала, что всему на свете рано или поздно приходит конец.

Сам того не заметив, Кикаха заснул, но посреди ночи внезапно проснулся. Ему почудилось, что кто-то проник в комнату, и он молниеносно выхватил нож, лежавший под простыней. Глаза тревожно осматривали комнату, озаренную светом неоновых реклам, проникавшим сквозь жалюзи. Не заметив ничего подозрительного, он медленно встал, стараясь, чтобы кровать не заскрипела, и быстро и осторожно осмотрел номер, заглянул в ванную и даже в стенной шкаф. Окна и двери были закрыты и заперты изнутри. Небольшая этажерка, придвинутая к двери, стояла на прежнем месте. Под кроватью тоже никого не оказалось.

Кикаха решил, что его нервная система на сей раз дала осечку. Впрочем, ничего удивительного — даже во сне он чувствовал себя идущим по натянутой проволоке и где-то в глубине души бессознательно ожидал падения.

Но нет, его разбудило нечто большее, чем скрип натянутых нервов. Перед тем как проснуться, он видел какой-то сон. Но о чем?

Он никак не мог ухватить его за хвост и вытащить из подсознания. Сжимая в руке нож, Кикаха бродил по комнате, пытаясь воссоздать момент, предшествовавший пробуждению. Минут через десять он сдался, вернулся в постель, но заснуть уже не мог. Встав и одевшись, Кикаха нежно разбудил Анану. Почувствовав легкое прикосновение к лицу, она вскочила с постели и занесла нож для удара. Он на всякий случай отступил на шаг.

— Все в порядке, милая. Я просто хотел предупредить, что ухожу посмотреть на дом Кэмбрина. Мне что-то не

спится, и я чувствую себя так, будто должен выполнить неотложное дело. Это чувство появилось еще вечером, но я не обращал на него внимания.

Он не стал говорить ей о том, что подобное предчувствие возникало у него только перед самыми серьезными и роковыми неприятностями.

— Я пойду с тобой.

— В этом нет необходимости. Я ценю твое предложение, но лучше оставайся в постели и спи. Обещаю не делать глупостей. Я просто покручусь вокруг дома, и все. Тебе не надо ни о чем беспокоиться.

— Ну хорошо, — полусонно ответила Анана. Она полностью доверяла его чутью и умению постоять за себя. — Поцелуй меня еще разок и иди. Я рада, что ты такой заботливый.

Никого не заметив в вестибюле и около гостиницы, Кикаха направился в сторону бульвара. Мимо изредка проносились машины. Реактивный самолет заходил на посадку в международный аэропорт, и, несмотря на то что его огни мигали в нескольких милях к юго-востоку, монотонный рев звучал прямо над головой. Понадеявшись, что поблизости нет полицейских машин, Кикаха перешел на бег. Из статьи в газете он понял, что человек, вышедший на ночные улицы, тут же вызывал подозрение полиции — тем более если это происходило в респектабельном районе.

Кикаха мог взять такси и доехать почти до места, но он предпочел добираться на своих двоих. Его тело томилось без физических нагрузок, и Кикаха чувствовал, что, если их пребывание в городе затянется, он может потерять форму и стать таким же рыхлым, как и все вокруг.

С заходом солнца исчез и смог. По крайней мере, глаза больше не слезились. Однако, пробежав восемь кварталов, Кикаха начал задыхаться. Очевидно, воздух наполняли невидимые глазу ядовитые окислы. Или он сдавал быстрее, чем считал возможным.

Судя по карте, от гостиницы до дома Кэмбринга было около трех с половиной миль — с учетом всех поворотов и зигзагов, которые вынужден делать человек в городе.

Свернув на Римпо, Кикаха оказался в районе старых особняков. Дома выглядели так, словно когда-то здесь жили очень богатые люди. Потом, по-видимому, что-то изменилось — многие участки и строения пришли в негодность, а остальные были переделаны в многоквартирные дома. Но определенное количество особняков по-прежнему поддерживалось в хорошем состоянии.

Дом Кэмбринга представлял собой трехэтажное деревянное здание, построенное в начале века кем-то из тех, кто тяготел к богатой архитектуре Среднего Запада. Дом располагался на возвышении, и к нему через лужайку вела подъездная дорожка, которая напоминала по форме подкову. На площадке у ворот стояли три машины. Лужайку обрамляли несколько платанов и дюжина могучих дубов, между которыми росли декоративные кусты. Участок окружала высокая кирпичная стена. Часть ее со стороны фасада была недавно заменена на ажурную решетку.

На первых двух этажах здания за задернутыми шторами горел свет. Окна светились и на втором этаже гаража. Кикаха прошел мимо решетки к углу кирпичной стены. Чуть дальше виднелись еще одни въездные ворота, ведущие к гаражу. Он осмотрел массивный замок решетки и вернулся к углу ограды.

Кикаха подозревал, что по периметру деревьев установлены фотоэлементы тревожной сигнализации. Но он решил рискнуть и выяснить это наверняка.

Конечно, Рыжий Орк не стал бы жить в таком доме. Кэмбринг был одной из мелких сошек властителя и, возможно, находился в самом низу тайной иерархической системы. Властитель Земли обосновался бы с комфортом — в действительно роскошном жилище за надежными стенами и плотным кольцом охраны.

Кикаха взял нож в зубы и установил излучатель на максимальную мощность, при которой луч мог разрезать тело с дистанции в двести футов. Он тихо прокрался к торцу особняка. Ограда здесь оказалась еще выше, но Кикахе понравился дуб, который прикрывал этот участок стены.

Отступив на мостовую и как следует разбежавшись, он прыгнул и зацепился за край ограды. Без труда забравшись на нее, Кикаха какое-то время наблюдал за домом и гаражом. Прошло около четырех минут, но никаких признаков тревоги он не заметил. Мимо промчалась машина и через два квартала завернула за угол. Свет фар мог выдать его кому-нибудь из обитателей дома. Кикаха свесился со стены и спрыгнул на мягкую траву позади большого дуба. В случае опасности он мог бы запрыгнуть на нижнюю ветвь, которая доходила до самой ограды. Это был неплохой путь для быстрого отступления.

Если его не подводило чувство времени, шел третий час ночи. Взглянув на бледные звезды, он решил приобрести себе часы. В этом мире время играло важную роль, и, чтобы не

отставать от событий, требовалось знать его с точностью до минут.

Спрятавшись за кустом, Кикаха осмотрел подходы к дому и гаражу. Три раза он залезал на деревья и заглядывал в окна, но так ничего и не увидел. Он пробрался к машинам, однако не рискнул открыть дверцы, зная, что они могут оказаться под сигнализацией. Такие гангстеры, как Кэмбринг, обычно боятся бомбы, подложенной в автомобиль, а не вторжения в дом. Черный «линкольн» отсутствовал. Кикаха решил, что его конфисковала полиция в качестве вещественного доказательства по делу об убийстве. На всякий случай он запомнил номера машин. У него имелись карандаш и бумага, но в течение многих лет, проведенных в соседней вселенной, Кикаха полагался только на память. Он развил ее до невероятных пределов, которые двадцать пять лет назад посчитал бы невозможными. У примитивных обществ есть свои плюсы. Сколько образованных людей на Земле могли бы вспомнить точную топографию сотен мест или начертить карту маршрута в пять тысяч миль? А кто бы из них прочитал наизусть поэму в три тысячи строк?

Минут через пятнадцать Кикаха проверил все, что только мог. Настала пора уходить. Он пожалел, что пообещал Анане ограничиться лишь внешним наблюдением. Его одолевало желание пробраться в дом. Если бы удалось застать Кэмбринга врасплох и выжать из него кое-какую информацию... Но он обещал. И Анана осталась спать только потому, что верила в его нерушимое слово. А он знал, насколько недоверчивы властители к другим людям. Ее доверие говорило о любви, и он не хотел искушать это чувство.

Прокравшись в боковой дворик, Кикаха спрятался за кустом. Он понимал, что надо уходить, но ему казалось, что через миг-другой произойдет какое-то событие, которое заставит его перейти к действию. Минуты шли, ожидание затягивалось. И вдруг он услышал, как в доме зазвонил телефон.

В темном окне второго этажа загорелся свет. Кикаха вскочил и, подбежав к дому, приложил к стене небольшое прослушивающее устройство. Шнур, выходящий из прибора, заканчивался маленьким наушником. Вставив его в ухо, он тут же услышал, как мужской голос произнес:

— Да, сэр. Я вас понял. Но как вы их нашли, позвольте спросить? — Последовала короткая пауза, а потом человек добавил: — Прошу прощения, сэр. Я не собирался совать нос в чужие дела. Нет-нет, это больше не повторится. Да, сэр, я все понял. Ошибок не будет, можете не беспокоиться.

Мы выйдем на связь перед началом операции. Спокойной ночи, сэр.

Сердце у Кикаха заколотилось. Кэмбринг получил какой-то приказ и, возможно, говорил с самим Рыжим Орком. А значит, назревало важное событие — серьезное и угрожающее.

Он услышал шорох, пару щелчков и писклявый сигнал вызова. Очевидно, хозяин дома решил воспользоваться селекторной связью. Голос его заметно изменился:

— Одевайтесь и живо сюда! Бегом, бегом! Предстоит работенка! Живей!

Кикаха решил дожидаться чего-то более определенного. Возможно, из их слов он поймет, что бандиты направляются не за ними. Тогда после их отъезда он проберется в дом. Ситуация сама подсказывала этот шаг, и было бы глупо упустить такой случай. Он надеялся, что Анана его поймет.

Если же дело касается его и Ананы, он бросит все и побежит к ближайшей телефонной будке. Кикаха полез в карман за мелочью и тихо выругался. После вечерних звонков у него осталась только одна монетка.

Через семь минут у передней двери собрались восемь человек. Кикаха следил за ними из-за дерева. Первая четверка вошла в «мерседес-бенц», вторая — в «меркури».

Он так и не понял, кто из них Кэмбринг. По дороге к машинам мужчины не произнесли ни слова. Один бандит забежал вперед и, открыв дверцу «мерседеса», придержал ее перед высоким мужчиной с пышными кудрявыми волосами и широким носом. Кикаха решил, что это и есть Кэмбринг. Среди других он узнал молодого блондина и Рамоса — водителя «линкольна». На лбу у Рамоса виднелась белая повязка.

Машины уехали, и на площадке у ворот остался только один автомобиль. Кикаха знал, что в доме находятся как минимум два человека. Немногим раньше он слышал, как какая-то женщина сонно спрашивала Кэмбринга, когда тот вернется, а потом мужской голос возмущался, что его оставляют здесь. Наверное, парню хотелось отправиться на дело, но Кэмбринг велел ему заткнуться и как следует охранять дом.

Не успели машины свернуть за поворот, как Кикаха оказался у передней двери. Узкий луч кольца разрезал язычок запора. Он тихо приоткрыл дверь и шагнул в большую прихожую, в конце которой находилась освещенная лестница. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел телефон, стоявший на столике у стены. Подойдя к нему, Кикаха зажег

спичку и при слабом дрожащем свете набрал номер Ананы. После трех гудков в трубке послышался ее голос.

— Анана! — тихо произнес он. — Я нахожусь в доме Кэмбринга. Он и его банда только что отправились в нашу гостиницу. Они выследили нас! Поэтому хватай одежду и выбирайся оттуда. Быстрее, милая! Можешь даже не одеваться! Сложи вещи в сумку и уходи! Оденешься за гостиницей! Я встречу с тобой там, где мы договорились! Ты все поняла?

— Подожди, — отозвалась она. — Скажи хотя бы, что случилось?

— Нет времени! — ответил он и мягко опустил трубку на рычаг.

В коридоре наверху послышались шаги, потом их сменил скрип ступеней, которые прогибались под тяжестью рослого человека. Установив излучатель на «оглушающую» мощность, Кикаха двинулся к лестнице. Для допроса ему требовался мужчина — женщина вряд ли знала о делах владельца этого дома.

Слабое поскрипывание прекратилось. Пригнувшись под лестницей, Кикаха ждал. Внезапно в прихожей вспыхнул свет, и человек сбежал по ступеням на тот пролет, под которым прятался Кикаха. Мужчина мягко перескочил через перила и развернулся в воздухе. В правой руке он сжимал большой автоматический пистолет — возможно, сорок пятого калибра. Он опустился на пол прямо перед Кикахой — и тут же упал на спину, потеряв сознание. Золотистый луч действовал не хуже кувалды. Оружие отлетело в сторону. Толстый ковер приглушил звук падения массивного тела.

Женщина наверху встревоженно закричала:

— Уолт? Что-нибудь случилось? Ты меня слышишь, Уолт? Да что там происходит, черт бы тебя побрал?

Кикаха поднял пистолет, поставил его на предохранитель и сунул оружие за пояс. Поднимаясь по ступеням, он едва не налетел на женщину, которая спускалась со второго этажа. Открыв рот, она хотела закричать, но он прижал ладонь к ее губам и показал ей кончик широкого лезвия. Женщина обмякла, как тряпичная кукла, и быстро закивала, демонстрируя свою покорность. В общем, она правильно оценила ситуацию.

На вид ей было около тридцати пяти лет. Сквозь тонкое полупрозрачное неглиже проглядывала стройная фигура. От нее еще веяло теплом постели и пахло виски — хорошим виски.

— У меня к вам нет личных претензий, — сказал Кикаха. — И вы и Кэмбринг нужны мне лишь как средство, с помощью которого я хочу выйти на большого босса. Меня интересует только он. Если вы честно ответите на мои вопросы, я оставлю вас в покое и отпущу без единой царапины. В противном случае вас ожидает смерть. Если вы попытаетесь скрыть от меня необходимую информацию, я убью вас прямо на этом месте. Вы меня поняли?

Она кивнула.

— Сейчас я вас отпущу, — сказал он. — Но один крик, и мне придется распороть вам живот. Понятно?

Она еще раз кивнула, и он убрал руку с ее рта. Женщину сотрясала крупная дрожь.

— Покажите мне фотографию Кэмбринга, — приказал Кикаха.

Она медленно повернулась и, проводив его в спальню, указала на фотографию, стоявшую на трюмо. Догадки Кикахи относительно высокого мужчины подтвердились.

— Вы его жена?

— Да, — ответила она, откашлявшись.

— В доме есть кто-то, кроме вас и Уолта?

— Нет, — хрипло прошептала она.

— Вы знаете, куда отправился Кэмбринг?

— Нет. Я стараюсь держаться от этого подальше.

— Его послали схватить меня и мою женщину, — сказал Кикаха. — Ваш босс уже придумал для нас веселенькую смерть. Но прежде он насладился бы пытками, вырывая ответы вместе с клочьями мяса. Поэтому я не стану проявлять сострадания к его наемникам и тем, кто имеет с ним хотя бы малейшую связь, — тем более если они откажутся мне помогать.

— Я ничего не знаю! — задыхаясь, прошептала она. — Рой никогда не говорит о своих делах! Я даже не знаю, кто такой этот босс!

— Кто отдает Кэмбрингу приказы?

— Я не знаю. Пожалуйста, поверьте мне! Он действительно получает от кого-то приказы. Но я не знаю от кого!

Возможно, она говорила правду. Кикаха посмотрел в окно. До рассвета почти не оставалось времени. Поэтому он решил приступить к допросу Уолта.

Кикаха велел Кэре идти впереди, и они спустились по лестнице. Мужчина по-прежнему лежал на полу без сознания. Кикаха попросил женщину принести воды из ванной комнаты и плеснул ею в лицо Уолта. Тот застонал, открыл глаза, но выглядел слишком слабым, чтобы представлять

какую-то угрозу. Судя по виду, его сильно тошнило. На лбу, носу и щеке проступало черное пятно кровоподтека. Глаза покраснели от лопнувших кровяных сосудов.

Допрос не занял много времени. Мужчина, которого звали Уолтер Эрих Фогель, заявил, что тоже не знает хозяина Кэмбринга. Он даже не знал, куда отправилась банда. И Кикаха поверил ему. Собирая своих людей на дело, Кэмбринг ничего не сказал им о месте назначения. Очевидно, он хотел придержать эти сведения до самого последнего момента, когда они будут уже в пути. Кэмбринг звонил хозяину довольно часто, но номер телефона держал в голове.

— Связь через маленькие ячейки — это старая идея ком-ми, — сказал Фогель. — Поэтому ты можешь пытаться меня до судного дня, но я ничего не скажу. Я просто ничего не знаю, понимаешь?

Не спуская глаз со своих пленников, Кикаха подошел к телефону и еще раз набрал номер Ананы. Он не удивился, когда ему ответил мужской голос.

— Кэмбринг, это говорит тот парень, за которым тебя послали. Слушай внимательно, потому что мое сообщение предназначено для твоего хозяина. Передай ему или тем, кто выходит с ним на связь, что на Земле появился Черный Звонарь.

Наступила тишина, вызванная, как надеялся Кикаха, потрясением. А потом Кэмбринга прорвало:

— Эй, приятель! О чем ты, черт возьми, говоришь? Какой еще Черный Звонарь?

— Просто скажи своему боссу, что из мира Ядавина вырвался Черный Звонарь. Он здесь, на Земле. Запомни, Кэмбринг, — Черный Звонарь! Он пришел сюда вчера из мира Ядавина.

— Слушай, парень. Босс знал, что вы от нас уйдете, — признался Кэмбринг после небольшой паузы. — И он почувствовал, что мне удастся с тобой поговорить. Короче, он просил передать, что тебе надо прийти на встречу. Ему от вас ничего не надо. Он просто хочет поговорить.

— Возможно, это и так, — ответил Кикаха. — Но я не люблю рисковать. Лучше передай ему такие слова. Скажи, что лично он мне не нужен: я не властитель. Мне бы только найти своих друзей — мужчину и женщину, которые пришли в этот мир, убегая от Черных Звонарей. Я даже могу сказать, что один из них Ядавин. Возможно, твой хозяин вспомнит его, хотя Ядавин за последние годы сильно изменился. Его больше не интересуют битвы со своими сородичами. А твой босс ему и подавно не нужен. Он хочет

вернуться в свой мир. Передай мои слова хозяину, хотя мне не верится, что из этого выйдет какой-то толк. Я позвоню тебе завтра около полудня, чтобы ты успел связаться с боссом. Если он захочет поговорить со мной напрямую, пусть приезжает к тебе домой.

— Слушай, а ты случайно не псих? — оборвал его Кэмбринг. — Несешь какую-то чепуху! — В его голосе появились нотки раздражения.

— Просто передай своему хозяину мои слова. Он поймет, — сказал Кикаха и с усмешкой повесил трубку.

Если что-то и могло напугать властителя, так только Черный Звонарь.

Спортивная машина, как он и думал, принадлежала женщине. Она сказала, что может подняться наверх и принести ключи. Он галантно ответил, что они с Фогелем составят ей компанию. Войдя в ее спальню, Кикаха направил кольцо на затылок Фогеля и оглушил его легким попаданием луча. Прежде чем затащить бандита в стенной шкаф, он изъясил его бумажником, а потом потребовал деньги от хозяйки дома. Женщина дала ему шестьсот долларов в двадцати- и пятидесяти-долларовых купюрах. Кикаха получал удовольствие от того, что жил на деньги своих врагов.

Чтобы чем-то занять хозяйку, он сорвал с окон несколько штор и поджег их лучом из кольца. Женщина закричала и бросилась в ванную за водой. А через минуту Кикаха уже выезжал из ворот на ее «ягуаре». Позади из открытых дверей доносились крики хозяйки, которая самоотверженно боролась с пламенем.

На углу, за несколько кварталов до гостиницы, он дважды помигал фарами, предупреждая Анану о своем прибытии. Из темного переулка появилась черная фигура. Анана осторожно приблизилась к автомобилю и, узнав Кикаху, облегченно улыбнулась. Бросив на заднее сиденье рюкзаки и футляр, она села рядом с Кикахой и поцеловала его в щеку.

— Где ты раздобыл машину?

— Одолжил у Кэмбринга, — ответил Кикаха и тихо засмеялся. — Я послал через него сообщение для Рыжего Орка. Теперь он знает, что Звонарь на свободе. Эта новость отвлечет его внимание. Я надеюсь, он испугается и предложит нам перемирие.

— Только не Рыжий Орк, — сказала Анана. — Если, конечно, он тоже не изменился, что, между прочим, вполне возможно. Я же изменилась. И брат Лувах стал совершенно

другим. А Вольф, судя по твоим словам, вообще превратился в ангела.

Он рассказал ей о том, как они могли бы послать весточку Вольфу.

— Я бы уже давно додумался до этого, но меня все время что-то отвлекало. Кроме того, я многое забыл о Земле.

В данный момент им предстояло найти новое жилье. Однако Кикаха сомневался теперь в безопасности гостиниц. Его потрясла та скорость, с какой их нашли. Очевидно, Рыжий Орк поднял на ноги огромное количество людей.

— Как ему это удалось? — спросила Анана.

— Насколько я знаю, его люди должны были позвонить в каждую гостиницу и мотель. А в Лос-Анджелесе их тысячи. Это потрясающая работа, и вряд ли они успели обзвонить хотя бы десятую часть. Я думаю, они вели опрос наугад или, возможно, им просто повезло.

— И если мы снова остановимся в гостинице, это повторится опять, — подытожила Анана.

— Мне не верится, что у властителя Земли такая большая и разветвленная организация. Но я не понимаю, как можно за столь короткий срок проверить все мотели и гостиницы. Ладно, пусть они ищут нас в городе, а мы тем временем уедем в Долину. Довольно странное название для пустыни, правда?

В мотеле «Лорел-Каньон» у них возникли осложнения.

Клерк потребовал водительское удостоверение и попросил назвать номер машины. Кикаха продиктовал вымышленный номер, решив по виду заспанного парня, что тот поверит ему на слово. Он предъявил удостоверение Рамоса, и клерк, мельком взглянув на фотографию, начал записывать в журнал регистрационный код. На снимке красовалась квадратная физиономия мексиканца с большим кривым носом, черными глазами и копной курчавых волос. Но клерк будто не замечал разницы.

У Кикахи тут же возникли подозрения. Парень казался слишком уж скользким. Возможно, его действительно не волновало истинное имя Кикахи, но что-то в нем выдавало обратное. Ничего не сказав, Кикаха взял ключи и велел Анане идти вперед. Вместо того чтобы подняться в свою комнату на втором этаже, они вышли из холла и притаились за дверью. Через минуту Кикаха услышал тихий голос и заглянул в комнату. Клерк сидел у коммутатора и, повернув-

шись спиной к двери, с кем-то говорил по телефону. Кикаха на цыпочках приблизился к нему.

— ...точно не его, — говорил клерк. — Да, как только они ушли, я выглянул в окно и проверил номер. Машину припарковали рядом с мотелем. Послушайте, сэр, вы...

Он умолк, повернул голову и увидел Кикаху. Кивнув как ни в чем не бывало, клерк отвернулся и добавил в трубку:

— Ладно, пока. Еще увидимся.

Сняв наушники, он поднялся и с улыбкой спросил:

— Могут быть вам чем-то полезны?

— Мы решили немного перекусить перед сном, — с такой же милой улыбкой сказал Кикаха. — Знаете, не ели целый день. Вы не подскажете, где здесь ночной ресторан? Из тех, что лучше?

Клерк медлил с ответом, будто пытался сообразить, какой ресторан подойдет для его клиентов.

— В общем-то мы без претензий. Нам подойдет любое заведение, — подбодрил его Кикаха.

Через минуту он и Анана уехали. Клерк стоял в дверях и смотрел им вслед. Он видел, как они положили в машину рюкзаки и футляр, и, конечно же, не поверил их обещанию вернуться.

Кикаха подумал, что остаток ночи они могли провести в машине, если только ее уже не разыскивала полиция. Утром им придется купить одежду и пару чемоданов. Потом надо будет избавиться от «ягуара» и взять напрокат другой автомобиль. Хотя для аренды или покупки машины потребовались бы документы, которых у них не было.

Он подъехал к станции обслуживания и велел служащему залить полный бак. Юноша оказался разговорчивым и любопытным. Ему хотелось узнать, откуда они приехали и понравилось ли им в горах. Он тоже любил туристические поездки.

Кикаха тут же сочинил историю. Он и его жена бродяжничали по стране и решили приехать в Лос-Анджелес, чтобы пройтись по всяким значным местам. Денег у них немного, поэтому они хотели бы продать эту машину и купить подержанный «фольксваген». И еще им хотелось бы остановиться в каком-нибудь заведении, где не задают лишних вопросов, если цвет денег такой, как надо.

Служащий станции рассказал им о мотеле неподалеку от Тарзана в Ван Найсе. Мотель по всем параметрам подходил под описание Кикахи. Паренек усмехнулся и понимающе подмигнул, решив, что посетители занимаются чем-то незакон-

ным или бунтарским. Он пожелал им удачи и сказал, что постарается найти покупателя «ягуара».

Через полчаса, получив номер в мотеле, Кикаха и Анана рухнули в постель и тут же заснули.

Кикаха проснулся в десять часов утра. Анана еще крепко спала. Побрившись и приняв душ, Кикаха разбудил ее, чтобы предупредить о своем уходе.

Он зашел в ресторан на другой стороне улицы, плотно позавтракал, купил газету и вернулся в номер. Анана по-прежнему спала. Кикаха позвонил в отдел рекламы «Лос-Анджелес таймс» и продиктовал текст в колонку частных объявлений. Сначала он хотел воспользоваться фамилией Рамоса на тот случай, если сотрудник газеты захочет проверить адрес. Но потом он решил, что это даст банде Кэмбринга лишнюю зацепку, и предусмотрительно назвал вымышленным именем. Кикаха пообещал оплатить объявление в течение дня и не медлить с отправкой чека. Но, повесив трубку, тут же забыл об этом.

Просмотрев светскую хронику в утреннем выпуске газеты, Кикаха не нашел никаких сообщений, которые могли бы исходить от Вольфа. К тому времени проснулась Анана.

— Пока ты будешь завтракать, — сказал он, — я пошлю телефонную будку и позвоню Кэмбрингу. Уверен, что у него уже есть весточка от Рыжего Орка.

Кэмбринг ответил сразу, как будто сидел и ждал у телефона.

— Это говорит твой ночной кошмар, — представился Кикаха. — Ты передал мои слова о Черном Звонаре?

Голос Кэмбринга звучал так, словно тот едва сдерживал гнев.

— Да, передал.

— И каков же ответ?

— Он сказал, что хочет встретиться с вами. Устроить военный совет.

— Где?

— Там, где ты скажешь.

«Прекрасно, — подумал Кикаха. — Он не считает меня настолько глупым, чтобы приглашать в свою приемную. Но где бы я ни назначил встречу, он обязательно устроит для меня ловушку. Сам он туда не придет — в этом можно не сомневаться. Властитель хитер; он пошлет вместо себя кого-нибудь другого. Но его представитель будет на ранг выше Кэмбринга и на шаг ближе к Рыжему Орку».

— Через полчаса я сообщу, где мы встретимся, — произнес Кикаха. — Но неужели твой босс не передал ничего другого?

— Нет, не передал.

Кикаха повесил трубку. Он нашел Анану в кабинке ресторана.

— Я так и не узнал, поймали они Вольфа или нет, — сказал он ей, усаживаясь рядом. — И даже не уверен, что Кэмбринг доложил Орку о Вольфе и Хрисеиде. Но властитель знает, что перед нашим прибытием врата активировались дважды. И ему известно, что один из пришельцев оказался Черным Звонарем. Мне кажется, Вольф и Хрисеида по-прежнему на свободе, иначе Орк давно бы использовал их для того, чтобы заманить нас в ловушку. Он знает, что я тут же побегу им на помощь.

— Вероятно, ты прав, — ответила Анана. — Но учти, Орк мог утаить информацию о поимке Вольфа и Хрисеиды. Возможно, он уверен в своих силах и хочет заманить нас в капкан попроще. Или решил придержать эти сведения до более подходящего времени.

— Не буду с тобой спорить. Вы, властители, всегда трясете проблему со всех сторон. Свет звезд не видел более подозрительных людей.

— Ладно, кто бы говорил! — с усмешкой парировала она по-английски.

Они вернулись в номер, собрали сумки и, прихватив футляр, пошли к машине. Заметив удивленный взгляд администратора, Кикаха счел мудрым не уведомлять его о своих планах — благо, тот о них и не спрашивал.

В районе Тарзана они зашли в универмаг и купили для себя одежду. На это ушел целый час. Однако Кикаху не волновало, что Кэмбринг кусал пальцы, ожидая его звонка. Пусть он и Орк немного попотеют.

Кикаха позвонил из ателье, где ему подгоняли брюки. И снова Кэмбринг поднял трубку после первого звонка.

— Вот что мы сделаем, — сказал Кикаха. — Место встречи будет находиться недалеко от твоего дома. Когда я туда доберусь и позвоню тебе, у вас останется двенадцать минут на дорогу и сборы. Если вы опоздаете, я уйду. Если замечу какой-нибудь подвох, встреча не состоится, и пусть твой босс сам заботится о Черном Звонаре.

— Слушай, черт бы тебя побрал! Ты меня уже достал! — сердито закричал Кэмбринг. — Что это за Звонарь, о котором ты треплешься уже второй день?

— Спроси у своего хозяина, — ответил Кикаха, зная наперед, что у Кэмбринга на это не хватит смелости. — Я выбрал место с хорошим обзором. И с вашей стороны на встречу должно прийти не больше двух человек. Пусть придет твой босс... ну и ты, потому что я тебя знаю. И запомни, Кэмбринг, не приближайся ко мне более чем на шестьдесят ярдов. Я буду говорить только с твоим боссом. Ты понял меня? Тогда пока.

В полдень, съев половинку гамбургера и выпив стакан молока, Кикаха снова позвонил Кэмбрингу. Он и Анана находились в ресторане — всего в нескольких кварталах от выбранного места. Кэмбринг поднял трубку после второго гудка. Кикаха рассказал ему о месте и условиях встречи.

— Но помни, если что-то покажется мне подозрительным, я смоюсь оттуда, как пасхальный кролик с предродовыми схватками.

Кикаха повесил трубку, и через минуту они помчались в гуще транспортного потока к Художественному музею. Кикаха припарковал машину за углом и на тот случай, если им придется сюда вернуться, положил под коврик ключи. Пройдя через стоянку, они направились к площади за музеем. Анана немного отстала, чтобы никто из посторонних не посчитал ее спутницей Кикахи. Перед уходом из мотеля она сделала прическу на манер Психеи и уложила длинные волосы в несколько колец на макушке. На ней была белая блуза с оборками и глубоким вырезом, летние облегающие штаны в красно-зеленую полоску и темные очки, которые закрывали треть лица. Она несла в руках альбом для зарисовок и пачку карандашей. На длинном ремне болталась дамская сумочка, в которой находилось несколько устройств, способных удивить любого сведущего в науках землянина.

Пока Кикаха останавливал такси, она медленно зашагала по лужайке. Как доказательство добрых намерений и грядущих чаевых, Кикаха дал таксисту двадцатидолларовую банкноту и попросил водителя подождать на стоянке с включенным мотором, чтобы они могли уехать без всяких проволочек. Таксист удивленно поднял брови.

— Надеюсь, вы не будете грабить музей?

— Я не собираюсь делать ничего противозаконного, — успокоил его Кикаха. — Считайте меня немного эксцентричным. Просто иногда мне нравится исчезать со сцены очень быстро.

— Если начнется какая-нибудь пальба, я уеду, так и знайте, — ответил водитель. — И предупреждаю заранее —

я обо всем сообщу в полицию. Надеюсь, вы меня понимаете, сэр?

Кикаха всегда старался иметь несколько вариантов отхода. Люди Кэмбринга могли оцепить район и, обнаружив угнанный «ягуар», устроить там западню. А Кикаха не сомневался, что все так и будет. Но если путь к такси окажется перекрытым и ему потребуются машина, он воспользуется «ягуаром» во что бы то ни стало.

Кикаха чувствовал, что водитель такси ему не доверяет, но не винил его за это. Добавив еще десять долларов, он сказал:

— Если хотите, можете позвонить в полицию прямо сейчас. Меня это не беспокоит. Я чист, как стекло.

Надеясь, что таксист его не подведет, Кикаха быстро пересек асфальтированную стоянку и пошел по лужайке к «смоляной яме»*. Анана сидела на скамье и делала набросок мамонта, который тонул в черной жиже. Любой, кто заглянул бы через ее плечо, по достоинству оценил бы этот эскиз, как работу великого мастера.

На Кикахе были пурпурная рубашка без рукавов и джинсы с большим кожаным поясом и причудливой серебряной пряжкой. Он надел темные очки и припрятал за ухом под длинными рыжеватыми волосами миниатюрный приемник. Устройство на запястье содержало аудиопередатчик и излучатель, мощность которого в шесть раз превышала мощность кольца.

Он обошел «смоляную яму» и остановился у ограды, за которой возвышалась статуя огромного доисторического медведя. Вокруг прогуливалось около пятидесяти человек, но, судя по виду, никто из них не принадлежал к банде Кэмбринга. Хотя, конечно, внешность ничего не значила.

Через минуту он увидел большой серый «роллс-ройс», который въехал на стоянку. Из него вышли двое мужчин. Быстро осмотревшись, они направились через лужайку к Кикахе. Первым шел Рамос. Второй, более рослый и крепкий, был одет в деловой костюм. Темные очки и шляпа служили ему неплохим камуфляжем. Когда он подошел ближе и приподнял лошадиное лицо, Кикаха решил, что ему около пятидесяти. Однако ни один властитель, даже в возрасте двадцати

* Ямы Ла Бри — одна из достопримечательностей Лос-Анджелеса. Бывшее место раскопок, где выставлены реконструкции доисторических животных в натуральную величину.

тысяч лет, не выглядел старше тридцати, поэтому Кикаха засомневался, что видит перед собой Рыжего Орка.

В наушнике раздался голос Ананы:

— Это не Рыжий Орк.

Кикаха осмотрелся. Слева от него, у фонтана перед входом в музей, стояла пара подозрительных парней. Справа, в двадцати ярдах от Ананы, лениво прогуливались еще двое. И те, и другие, очевидно, были из банды Кэмбринга.

Его сердце забилося быстрее, по спине пробежал холодок. Кикаха посмотрел сквозь ограду на бульвар Уилшир. Парковка там запрещалась в любое время. Однако прямо напротив он увидел машину с поднятым капотом. Водитель копался в моторе, а на переднем и заднем сиденьях находились двое пассажиров.

Поправляя упрямую прядь волос, Кикаха шепнул в микрофон на запястье:

— Орк задумал схватить меня. Я насчитал семерых его людей.

— Ты хочешь отказаться от своего плана? — спросила Анана.

— Если я так сделаю, ты будешь первой, кто это узнает, — ответил он. — Будь внимательна! Они уже здесь!

Рамос и его напарник подошли к нему. Высокий мужчина вежливо спросил:

— Скажите, не вы ли мистер Пол?

Он произнес имя, которое Кикаха назвал Кэмбрингу.

В этот момент на стоянку въехала еще одна машина. Она остановилась на большом расстоянии, и рассмотреть сидевших в ней людей не представлялось возможным. Однако водитель в темных очках и шляпе определенно походил на Кэмбринга. Кроме него, в машине находились еще трое.

Кикаха кивнул. Он знал, что его собеседник имеет устройство, которое передавало их разговор властителю, независимо от того, где тот сейчас находился.

— Рыжий Орк, ты меня слышишь? — спросил он.

— Я не Жиорк, — ответил мужчина. — Вы ошиблись. Меня зовут Клейст. А теперь, мистер Пол, давайте перейдем к делу. Мы хотели бы...

— Рыжий Орк! — закричал Кикаха на языке властителей. — Я простой землянин, которому однажды удалось пробраться во вселенную Ядавина. Наверное, ты помнишь этого властителя. Но поверь, я вернулся на Землю не по своей воле, а для того, чтобы выследить Звонаря. У меня нет желания оставаться здесь. Я хочу убить Звонаря и уйти в тот

мир, который стал моим домом. У меня нет намерений бросать тебе вызов.

— Эй, мистер, что за чепуху вы там несете? — заворчал Клейст. — Кажется, мы говорим с вами на нормальном английском языке.

— Да он просто чокнутый, — сердито отозвался Рамос.

Клейст нахмурил брови, но внезапно выражение его лица изменилось. Кикаха догадался, что он получил какой-то приказ.

— Мистер Пол, — сказал Клейст. — Я уполномочен дать вам любые гарантии. Вы должны пойти с нами; и мы отвезем вас к человеку, с которым вам так хотелось встретиться.

— Хватит валять дурака, — ответил Кикаха. — Я могу оказать содействие вашему боссу, но не намерен отдавать себя в его руки. Возможно, он действительно во мне души не чает, но я ему не доверяю. И все же мне хотелось бы помочь ему выследить Звонаря.

Судя по физиономии Клейста, упоминание о Звонаре ему ничего не говорило. Кикаха быстро осмотрелся. Справа и слева к нему приближались люди Кэмбринга. Двое мужчин на бульваре Уилшир вышли из машины. Один заглянул под капот и что-то сказал водителю. Третий пристально рассматривал Кикаху через изгородь. Заметив ответный взгляд, он медленно отвернулся.

— Мы договорились, что вас будет двое, — сердито сказал Кикаха. — Решили устроить на меня охоту? Неужели вы думаете, что вам удастся похитить человека на виду у всех этих людей?

— Ну-ну, мистер Пол! — успокоил его Клейст. — Не надо горячиться. Нас только двое, и мы пришли сюда для того, чтобы договориться с вами.

В наушнике послышался голос Ананы:

— К их автомобилю на улице подъехала полицейская машина.

Клейст и Рамос переглянулись. Видимо, они тоже заметили полицию. Однако это их почему-то не встревожило.

— Если ваш хозяин хочет пригласить меня в гости, он должен гарантировать мне, что я вернусь, — сказал Кикаха.

Он решил, что настало время преподнести небольшой сюрприз, приготовленный заранее. Рыжий Орк знал, что вместе с Кикахой через ворота прошла женщина, но вряд ли догадывался, что она тоже властительница. Кикаха пробыл на Земле сравнительно недолго, но люди Орка уже запомнили и его и Анану в лицо. Однако ворота в общей сложности активиро-

вались трижды; следовательно, Рыжий Орк предполагал еще одну группу — или пару групп — властителей.

И теперь Кикаха хотел прояснить этот вопрос. Новая расстановка сил могла укрепить его позиции и приостановить операцию захвата, задуманную Орком.

— Да, чуть не забыл, — сказал он Клейсту. — Передайте своему боссу, что сейчас на Земле находятся четыре властителя.

Кикаха любил пустить пыль в глаза, если это помогало смутить или встревожить противника. К тому же в случае необходимости он мог использовать двух несуществующих властителей как средство давления или шантажа.

— Кроме них, из мира Ядавина пришли два землянина, — добавил он. — Это я и женщина, которая сопровождает Ядавина.

«Да, такого не выдержит даже Орк, — подумал Кикаха. — Как его сейчас, наверное, терзает любопытство! Он все отдаст, чтобы узнать, как два землянина попали в мир Ядавина, а затем ушли отсюда».

— Передайте вашему хозяину, что никто из нас, кроме Звонаря, не представляет для него угрозы. Мы хотим лишь убить беглеца и убраться ко всем чертям из этой вонючей вселенной.

Кикаха знал, что Рыжий Орк поймет его чувства. Какой властитель в здравом уме будет оспаривать власть над этой обреченной планетой? Неужели кто-то захочет остаться здесь, имея шанс уйти в лучшую вселенную?

Клейст молчал. Его голова слегка склонилась набок, словно он прислушивался к словам невидимого демона на своем плече.

— А при чем тут четыре властителя? — спросил он в конце концов.

Клейст повторял слова хозяина, совершенно не понимая смысла фразы. Кикаха снова перешел на язык властителей:

— Рыжий Орк! Неужели ты забыл об устройстве, которое есть в мозгу у каждого из вас? Я имею в виду сигнал, который раздается в голове властителя, когда он приближается к «колоколу» Звонаря. Если матрицу будут искать четыре властителя, шансы найти Звонаря увеличатся!

Клейст перестал притворяться, что у него нет прямой связи со своим хозяином.

— А как он узнает, что вы сами не Звонарь? — спросил он.

— Будь я Звонарем, мне бы и в голову не пришло вступать с вами в контакт. И зачем бы я стал давать ему информацию о том, что в его мир просочился опасный враг?

Лицо Клейста вновь приняло бессмысленное выражение. А потом он вообще стал похож на механическую говорящую куклу.

— Босс говорит, что Звонарь сначала попытается обнаружить всех властителей, потому что лишь им известно о существовании этой расы. И только властители могут им противостоять. Вот почему вам так хочется найти его, мистер Пол. А то, что вы рискуете жизнью, еще ни о чем не говорит. Давно известно, что Звонари жертвуют одним из своих, если могут подобным образом получить какую-то выгоду. Босс подозревает, что и те четверо так называемых властителей тоже являются вашими друзьями-Звонарями.

Кикаха снова заговорил на языке властителей:

— Рыжий Орк! Ты испытываешь мое терпение. Я обратился к тебе, потому что знаю о твоих огромных возможностях! Пойми, у тебя нет выбора. Если мы сейчас прервем наш контакт, ты так и не узнаешь, Звонарь я или нет. Твои сны наполнятся кошмарами, а Звонарь останется на свободе! Ты можешь убедиться в правдивости моих слов только в том случае, если согласишься на сотрудничество — с учетом моих требований и предложений. Я настаиваю на этом!

Пообщавшись с властителями, Кикаха сформулировал следующее правило: чтобы произвести на них впечатление, надо вести себя еще более нагло и самонадеянно, чем они.

В наушнике раздался голос Ананы:

— Машина покинула бульвар. Их вспугнули полицейские. Патрульный автомобиль тоже куда-то уезжает.

Кикаха пригладил прядку волос и шепнул в микрофон:

— Где находятся остальные?

— Сжимают кольцо. Они у ограды — делают вид, что рассматривают статую, а сами понемногу подбираются к тебе.

Кикаха взглянул за спины Рамоса и Клейста. Обе подозрительные машины были теперь пусты. Около одной из них стоял тот человек, в котором он заподозрил Кэмбринга. Остальные пассажиры решили погулять среди отдыхающих на лужайке. Кикаха оглянулся и увидел двух мужчин, которые неплохо смотрелись бы на ринге среди тяжеловесов. По всей вероятности, они тоже принадлежали к банде Кэмбринга.

— Будем отходить влево, — шепнул он в микрофон. — Мимо ограды через бульвар. Если они последуют за нами, придется уходить пешком — по крайней мере, сначала.

Он мельком взглянул на Анану. Она встала со скамьи и не спеша направилась к нему.

— Мистер Пол, — произнес Клейст. — Меня только что уполномочили принять ваши условия.

Он обезоруживающе улыбнулся и сделал еще пару шагов. Рамос напрягся и приготовился к прыжку.

— Не могли бы мы куда-нибудь пройти? — спросил Клейст. — Здесь как следует не поговоришь. Мы пойдем в любое место, куда вы скажете.

Кикахе стало противно. Он действительно хотел объединить свои силы с Рыжим Орком. Вместе они могли бы отыскать и Вольфа с Хрисеидой, и Звонаря. Все стало бы на свои места, и они разошлись бы по-хорошему. Но Орк решил поступить по-своему; полагаясь на собственные силы и власть, он задумал получить все и всех.

Кикаха сделал последнюю попытку:

— Постойте! Не приближайтесь ко мне! Лучше спросите своего босса, помнит ли он Анану и Ядавина? Неужели он забыл, как выглядят его племянник и племянница? Стоит ему взглянуть на них, и он узнает, что я говорю правду.

Клейст помолчал, а затем с улыбкой кивнул:

— Конечно! Мой босс согласен с вами. И он надеется, что вы приведете его к ним!

Все оказалось напрасным. Кикаха знал, о чем подумал Рыжий Орк. Он и сам мог бы додуматься до этого. Телами Ананы и Вольфа могли овладеть Звонари.

Клейст, по-прежнему улыбаясь, медленно поднес руку к карману куртки. Он всем своим видом давал понять, что подозрения Кикахи насчет оружия совершенно необоснованны. Вытащив ручку и блокнот, он откашлялся и приветливо сказал:

— Я запишу вам один телефончик, по которому вы можете получить любую...

И тут Кикаха понял, что это не простая авторучка. Очевидно, Орк доверил Клейсту миниатюрный лучемет. Однако это означало верную смерть для Клейста. Властитель не оставит в живых того, кто узнал об оружии внеземного происхождения. К тому же тот многое понял из разговора.

Но Кикаха не успел сообщить Клейсту о коварстве властителя. Ему едва удалось отскочить в сторону, когда тот навел на него авторучку. Несмотря на молниеносную реакцию, луч все же скользнул по его плечу и отбросил Кикаху на землю. Сделав кувырок, он вскочил на ноги и увидел, как Клейст шатаясь отступил на шаг, а затем, вскинув руки, упал на спину. Авторучка отлетела в сторону, и Кикаха метнулся к ней, хотя левое плечо и рука онемели, будто по ним

ударили дубиной. Рамос отпрыгнул от авторучки, как от змеи. Вероятно, он не знал, что это такое на самом деле.

Женщины подняли визг, мужчины закричали, и вокруг началась беготня.

Поднимаясь на ноги, Кикаха увидел причину переполоха. Клейст и трое мужчин лежали на траве без чувств. Расшвыривая людей в разные стороны, к ним бежали еще шестеро — прибывших, должно быть, позже.

Один из них вытащил из кобуры пистолет. Увидев это, Рамос закричал:

— Нет! Только без оружия! Ты же знаешь!

К счастью, лучемер активировался не кодовым словом, а после нажатия на бегунок. Кикаха прицелился, и мужчина, согнувшись в дугу, повалился на землю. Отлетев назад, он шлепнулся на ягодицы, выпрямился и, раскинув руки в стороны, упал на траву с посеревшим лицом. Оружие упало в нескольких шагах перед ним.

Кикаха оглянулся и увидел Анану, бежавшую к нему. Она выстрелила одновременно с ним, поэтому парень с пистолетом получил двойной удар.

Кикаха прыгнул вперед, схватил оружие и швырнул его в «смоляную яму». Обежав ограду, он и Анана перескочили через небольшую декоративную решетку и оказались на тротуаре. Подземный переход находился далеко впереди, а машины на шоссе неслись сплошным потоком. Как раз в этот момент за полквартала от них на перекрестке загорелся красный свет, и движение транспорта замедлилось.

Петляя среди машин, они побежали через дорогу. Водители давили на тормоза, гудели клаксоны, и несколько человек кричали им вслед пикантные пожелания.

Выбравшись на тротуар, они оглянулись. Транспортный поток вновь набирал скорость, и семеро людей из банды Кэмбринга беспомощно топтались на другой стороне улицы.

— Все вышло не так, как хотелось, — воскликнул Кикаха. — Я надеялся, что мы схватим Клейста и заберем его с собой. Он мог бы привести нас к Рыжему Орку.

Анана засмеялась, хотя и немного нервно.

— Да, в недостатке самоуверенности тебя не обвинишь, — сказала она. — Что будем делать дальше?

— Надо уходить. Через несколько минут здесь появится полиция. Впрочем, постой! Все люди Кэмбринга остались позади. Могу поспорить, что они получили приказ подобрать Клейста и остальных до приезда полицейских.

Он схватил Анану за руку и побежал к перекрестку.

— Что ты задумал? — на бегу спросила она.

— Пока они заняты, мы перейдем у светофора, а потом свернем на Карсон-стрит. Там стоит машина Кэмбрина!

Больше Анана ни о чем не спрашивала. Спасти от врагов, а потом снова вернуться к ним в пасть... Это напоминало ей самоубийство.

Люди Кэмбрина находились в ста ярдах от беглецов. Кикаха видел, как они вели Клейста и еще двоих человек, скрываясь за деревьями, посаженными вдоль тротуара. Где-то вдалеке завывала сирена. Судя по тому, как спешили бандиты, они не сомневались, что это погоня.

Кэмбринг стоял у машины и покусывал от волнения губу. Когда ручка-излучатель уперлась в его спину, он замер на месте, а потом по приказу Кикахи безропотно сел на переднее сиденье. Наглая парочка устроилась сзади. Пригнувшись за спинками сидений, они велели Кэмбрингу молчать, и Кикаха пощекотал ему бок кончиком миниатюрного лучемета.

— Вам это с рук не сойдет! — возмутился заложник. — Вы просто сошли с ума!

— Заткнись, — посоветовал Кикаха.

Через полминуты двое мужчин подвели полуживого Клейста к машине. Кикаха открыл заднюю дверь и нацелил на них лучемет.

— Сажайте его на переднее сиденье, — приказал он.

Сопровождавшие Клейста мужчины остановились. Другие, прикрывавшие их сзади, потянулись за оружием, но Кикаха крикнул:

— Я убью Клейста и Кэмбрина! А потом и всех вас! Вот этой самой штукой.

Он навел на них авторучку. Многие уже видели ее в деле и могли только догадываться о природе этого оружия. По-видимому, оно пугало их больше, чем пистолет и разрывные пули. Бандиты замерли на месте.

— Я заберу этих двоих с собой. Полиция приедет с минуты на минуту. Так что вам, ребята, пора сматываться. Берегите себя!

Двое мужчин усадили Клейста на переднее сиденье, и он повалился на Кэмбрина, как мешок с отбросами. Пока тот брезгливо отталкивал его, а Анана держала под прицелом остальных, Кикаха быстро вышел из машины и пересел на место водителя. Он завел мотор, сдал назад, со скрипом тормозов остановил машину, а затем рванул вперед к выезду на шоссе. Автомобиль резко подскочил, проехав поребрик между стоянкой и улицей. Кикаха что-то крикнул Анане, и та, перегнувшись через сиденье, ошупала ухо Клейста. Обнаружив микропередатчик, она сняла его и показала своему

партнеру. Это был металлический диск толщиной с почтовую марку и размером с десятицентовик.

Укрепив его за своим ухом, Анана сняла с Клейста часы и надела их на запястье.

Итак, они захватили Кэмбринга и Клейста. Но что с ними делать?

Внезапно Анана ахнула и оттолкнула Кэмбринга, который повалился на Кикаху. Решив, что главарь банды набросился на него, Кикаха выставил локоть, но тут же понял причину странного падения Кэмбринга. Тот лишился чувств. Еще один взгляд убедил Кикаху, что Кэмбринг мертв или близок к этому. Его кожа стала серо-синей, как у трупа.

— Они оба мертвы! — закричала Анана.

Кикаха подъехал к обочине и, остановив машину, неистово затыкал в нее пальцем. Удивление длилось лишь секунду, а потом она поняла, что пытался сообщить ее спутник. Анана сорвала с себя часы и приемник Клейста с такой поспешностью, словно узнала, что носит вещи прокаженного.

Кикаха перегнулся через сиденье и тихо прошептал:

— Я подберу часы и приемник носовым платком и отнесу их в багажник. Пусть лежат там, пока мы от них не избавимся. Думаю, если бы этот приемник остался за твоим ухом, ты бы сейчас услышала голос Рыжего Орка. И он приказал бы нам сдаться, пообещав в противном случае убить тебя так же, как убил Кэмбринга.

Он поднял запястье мертвого гангстера и карандашом отстегнул часы. На коже под ними виднелось слегка обесцвеченное пятно. Тем же карандашом Кикаха снял диск приемника и показал на маленький коричневатый-синий ожог за ухом Кэмбринга.

Клейст застонал. Его веки затрепетали, и он открыл глаза. Кикаха завел мотор, выехал на трассу и свернул на северное ответвление дороги. Пока они медленно пробирались вперед в плотном потоке транспорта, Клейст выпрямился, оттолкнув при этом Кэмбринга на Кикаху. Анана отдала резкий приказ, и их пленник покорно уложил труп на пол. Массивное тело заняло много места, поэтому Клейсту пришлось подтянуть колени почти до самого подбородка.

— Значит, вы убили его, — сказал он и со стоном закрыл лицо руками.

Кикаха объяснил ему ситуацию и рассказал о том, что произошло. Клейст не поверил.

— За какого дурака вы меня принимаете? — возмутился он.

— Хорошо, — с усмешкой ответил Кикаха. — Итак, вы не верите в эффективность устройств, о которых я вам только что рассказал. Мы могли бы снова надеть их на вас, и вы лично убедились бы в правоте моих слов. Но нам не нужен новый труп, и мы не хотим, чтобы ваш босс обошел нас еще на одно очко.

Проехав огромный бизнес-центр, он увидел знак, который указывал на стоянку. Кикаха свернул на подъездную аллею и остановился посреди небольшой площадки, замкнутой с трех сторон стенами высотных зданий. К счастью, людей на стоянке в этот момент не было, а окна зданий сюда не выходили. Он вышел из машины и велел Клейсту сделать то же самое. Анана прижала к боку пленника авторучку-лучемет.

Кикаха вытащил тело Кэмбринга и затолкал его под грузовик с панелями. Затем они вернулись в машину и двинулись в сторону мотеля.

Кикаха начинал беспокоиться. Его действия могли подтолкнуть Рыжего Орка к более решительным мерам, и он мог заявить об угнанном «роллсе». До сих пор он не впутывал полицию в их отношения, но Кикаха не сомневался, что рано или поздно Орк прибегнет к помощи властей. Оставаясь анонимной фигурой, он, вне всяких сомнений, оказывал огромное влияние на политическую и финансовую жизнь многих стран. И если Кикаху и Анану задержит полиция, властитель устроит так, что их передадут в руки людей Рыжего Орка. Ему потребуется лишь заплатить залог и схватить их за дверьми полицейского участка.

Если Клейст знает людей, через которых можно выйти на Орка, властитель пойдет на все, чтобы не дать ему проболтаться.

А в данный момент их пленник не проявлял особого стремления к сотрудничеству. Он даже перестал отвечать на вопросы Кикахи и перешел на ругань и хамские замечания вроде «побереги дыхание», «зря стараешься», «а плевать я на тебя хотел».

Когда они приехали в мотель, Клейст вышел из машины и осмотрелся, словно хотел сбежать или позвать на помощь. Кикаха попросил его не совершать роковой ошибки — заряд авторучки вполне мог снести голову с плеч. Театрально вздохнув, Клейст вошел в комнату, и Кикаха, даже не подождав, пока Анана закроет дверь, оглушил пленника легким касанием луча.

Когда Клейст начал приходить в себя, Кикаха сделал ему инъекцию сыворотки, которую прихватил из дворца Вольфа. В течение следующего часа они узнали почти все о делах и

людях той организации, которую Клейст называл «командой». Сам он находился под началом Альфредо Роулини. Этот человек жил в Беверли Хиллз, однако Клейст никогда не бывал в его доме. Роулини отдавал приказы по телефону, а с Клейстом и другими подчиненными встречался в особняке Кэмбринга.

Судя по описанию Клейста, Роулини совершенно не подходил на Рыжего Орка.

Кикаха нахмурился, пару раз дернул себя за волосы и принялся расхаживать по комнате.

— Я думаю, Рыжий Орк догадывается, что мы уже знаем адрес Роулини. Он либо предупредит его, либо устроит там для нас ловушку. Но мы сбили с него спесь и высокомерие. Теперь он знает, что и мы не слабаки. Орк явно не ожидал, что мы принесем ему столько хлопот. А Роулини — это пустая карта. Если нам даже удастся добраться до него, мы узнаем еще одно подставное лицо, и только. Готов поспорить, что он, как и Клейст, ничего не знает о Рыжем Орке.

— Скорее всего так оно и будет, — согласилась Анана. — Поэтому мы должны выманить Орка из подполья.

— Я согласен с тобой. Но как это сделать?

— Мы покажем ему Звоняря! — с улыбкой ответила она.

— Но мы же не знаем, где он! Мне очень неприятно напоминать об этом, но мы можем вообще никогда его не найти!

— Не говори так, — ответила она. — Мы должны его отыскать!

Кикаха знал, что ее решимость продиктована не заботой об обитателях Земли, а ужасом перед тем, что могло произойти в будущем. Если Звоняри восстановят свою численность, они хлынут потоком в другие вселенные и «карманные» миры, которыми владели властители. Она тревожилась за себя, за Кикаху, брата Луваха, который сейчас оправлялся от ран и охранял дворец Вольфа. Она хотела лично убедиться в том, что ни в одной из тысячи восьми известных вселенных не осталось монстров, которые стали ее ужасным кошмаром.

Но и Рыжий Орк отныне потеряет сон.

Кикаха связал Клейста по рукам и ногам, а потом налепил ему на рот клейкую ленту. Анана не могла понять, почему бы им попросту не убить ненужного свидетеля. И вновь, как уже десятки раз, Кикаха объяснил ей, что не собирается убивать людей без необходимости. Кроме того, оставив в номере труп, они получили бы еще одну проблему. Забрав бумажник Клейста, он засунул связанного пленника в стенной шкаф.

— Пусть посидит там до утра, пока не придет уборщица. А нам пора уезжать. Но сначала надо что-то забросить в желудки. Давай выйдем и перекусим.

Они перешли улицу и, войдя в ресторан, устроились в кабинке у окна, откуда без труда могли следить за фасадом мотеля. Во время еды Кикаха поведал Анане о своих планах.

— Если мы наведем Орка на псевдо-Звонаря, он бросится за ним в погоню, и обман выяснится только тогда, когда властитель окажется в непосредственной близости от нашей подсадной утки. Мы изготовим фальшивый «колокол», организуем кое-какую рекламу и устроим так, чтобы Орк услышал об этом человеке.

— Но он может опять послать кого-нибудь вместо себя, — возразила она.

— А как тогда Орк узнает, настоящий это Звонарь или нет? Он либо сам придет посмотреть на него, либо прикажет привести Звонаря к себе.

— Но из его дворца ты уже не убежишь! — воскликнула Анана.

— Это мы еще посмотрим! Сначала надо туда попасть. Другого пути я пока не вижу, поэтому придется импровизировать.

Они встали, и Кикаха расплатился у кассы по счету. Вдруг Анана сжала его руку и кивнула в сторону большого окна. На стоянку мотеля сворачивала полицейская машина.

Кикаха увидел, как двое полицейских вышли из автомобиля и осмотрели угнанный «роллс». Затем один из них удалился в контору управляющего, а другой доложил о находке по рации. Через минуту офицер и управляющий появились на стоянке, и все трое отправились в номер, который недавно покинули Кикаха и Анана.

— Они найдут в стенном шкафу Клейста, — пробормотал Кикаха. — Ладно, давай возьмем такси и вернемся в Лос-Анджелес. Надо позаботиться о новом жилье.

Все вещи остались в мотеле. К счастью, отправляясь в ресторан, они захватили с собой футляр с рогом Шамбаримена, излучатели с запасом силовых батарей, авторучку-лучемет, миниатюрные приемники и ручные часы-передатчики. Кроме того, у Кикахи были деньги, изъятые у Баума, Кэмбринга и Клейста. Последний добавил к их состоянию еще сто тридцать пять долларов.

Они вышли в жару и смог, который разъедал глаза и обжигал носовые пазухи. Кикаха купил в киоске «Лос-Анджелес таймс», затем они дождались такси и уехали из «Долины». По пути он прочитал колонку частных объявлений, в конце

которой находилось и его сообщение. Остальные не имели никакой связи с Вольфом.

Расплатившись с водителем, они прошли пару кварталов и поймали еще одно такси, которое отвезло их в район, выбранный наугад Кикахой.

После непродолжительной прогулки они вышли к большому торговому центру. Кикаха подстригся, купил шляпу и минут пять поболтал с девушкой из отдела дамских головных уборов. Чуть позже он приобрел в аптеке краску для волос и несколько других предметов: зубную пасту, щетки, бритвенный и косметический наборы. Заглянув в ломбард, он разжился двумя чемоданами, хорошо сбалансированным ножом и добротными ножнами.

Пройдя два квартала, они отыскивали небольшую третьеразрядную гостиницу. Надев шляпу и темные очки, Кикаха подошел к стойке администратора и потребовал номер на двоих. Он надеялся, что портье не обратит на них особенного внимания. Но того интересовало только одно — плата вперед и несколько долларов сверху. Судя по запаху дешевого виски, он не отличался в тот момент особой восприимчивостью.

Получив ключи, они поднялись на второй этаж.

— Та комната в мотеле казалась мне жалкой лачугой, — сказала Анана, осматривая номер. — Но по сравнению с этой дырой она была просто дворцом!

— Я рассчитывал на худшее, — ответил Кикаха. — Хорошо, что тараканы тут не такие большие, чтобы утащить нас с собой.

Какое-то время они потратили на перекрашивание волос. Бронзовые волосы Кикахи превратились в темно-коричневые, а черные и блестящие, как у полинезийских девушек, локоны Ананы приобрели пшенично-желтый цвет.

— Лучше не стало, но что-то изменилось, — заметил Кикаха. — Теперь надо найти хорошего слесаря.

Отыскав в телефонном справочнике адреса ближайших мастерских, они пришли в одно из таких заведений, и Кикаха сделал заказ. Он заплатил аванс и во время разговора составил мнение о владельце мастерской. Тот был готов на любые услуги с условием, что оплата высока, а риск минимален.

Кикаха решил припрятать рог Шамбаримена. Ему не хотелось расставаться с ним, но он опасался, что универсальный ключ к вселенным может попасть в руки Рыжего Орка. Они и так рисковали, таская его повсюду. Если бы, уходя из мотеля в ресторан, Кикаха не взял футляра с собой, инструмент попал

бы в управление полиции. И Орк, узнав о нем, нашел бы способ заполучить его.

Они пришли на автовокзал «Грейхаунд», и Кикаха сдал футляр в камеру хранения.

— Я накинул слесарю лишние двадцать баксов за срочность, — сказал он Анане. — Парень пообещал выполнить работу к пяти часам. До этого времени мы могли бы посидеть в закусочной напротив гостиницы. Отдохнем, а заодно последим за входом. Слишком уж быстро они выходят на наш след.

«Муха из голубой бутылки» оказалась неряшливой пивной, однако в ней нашелся один незанятый столик у окна. Грязное стекло закрывали жалюзи, но широкие щели между гнутыми пластинами позволяли Кикахе просматривать весь фасад гостиницы. Он заказал для Ананы кока-колу, а сам остановил выбор на пиве. Пить ему не хотелось, тем не менее, чтобы не сердить бармена, Кикаха каждые пятнадцать минут повторял заказ. Посматривая в сторону гостиницы, он расспрашивал Анану о Рыжем Орке. Его интересовало все, что она знала об их противнике.

— Он — мой кратландрун, — сказала Анана, — брат матери или, по-вашему, дядя. Пятнадцать тысячелетий назад он покинул родную вселенную и отправился создавать свой собственный мир. Это произошло за пять тысячелетий до моего рождения. Однако в нашем доме хранились его статуи и фотографии, а однажды, когда мне исполнилось пятнадцать лет, он приезжал к нам в гости. За долгие годы память о нем поблекла, но мне кажется, я узнала бы его, если бы увидела вновь. У нас с ним есть фамильное сходство, и, говорят, очень сильное. Поэтому, если ты увидишь мужчину, во всем похожего на меня, можешь считать, что перед тобой Рыжий Орк собственной персоной. Только волосы у него не черные, а цвета темной бронзы — как у тебя. Ну да, точно как у тебя! И знаешь, я начинаю подозревать... Странно, что это мне не приходило в голову раньше... Ты выглядишь в точности как он.

— Ладно, кончай! — сказал Кикаха. — Тогда я походил бы на тебя! А мы совершенно не похожи.

— Пойми, мы можем приходиться друг другу родственниками!

Кикаха почувствовал смутное беспокойство. Он попытался скрыть смущение за улыбкой, но на лице проступил предательский румянец.

— Дальше ты станешь утверждать, что я незаконнорожденный сын Рыжего Орка!

— Мне не известно, есть ли у него дети, — задумчиво ответила Анана. — Но ты вполне можешь оказаться его сыном.

— Я знаю своих родителей! — воскликнул он. — Они простые фермеры, и предки у меня тоже самые обыкновенные. Отец — ирландец. А впрочем, кем еще может быть Финнеган? Мать — норвежка, но на четверть индианка кавба.

— Я ничего не пытаюсь доказать, — сказала Анана. — Просто между вами есть неоспоримое сходство. Мне вспоминаются его глаза... Да-да, такие же — ярко-зеленые, как листья... А ведь я почти забыла... Хочешь ты этого или нет, но у тебя глаза Рыжего Орка!

Кикаха положил ладонь на ее руку и тихо сказал:

— Подожди!

Он пристально смотрел в широкую щель между полосками жалюзи. Анана взглянула туда же и сердито топнула ногой.

— Полицейская машина!

— Да, припарковалась во втором ряду перед гостиницей. Они входят в дверь! Впрочем, не будем паниковать. Возможно, они разыскивают кого-нибудь другого.

— А ты видел, чтобы я паниковала? — с холодной усмешкой спросила она.

— Прости. Просто у меня такая манера выражаться.

Прошло около пятнадцати минут. К полицейской машине подъехал еще один автомобиль. В нем находилось трое мужчин в штатской одежде. Двое из них зашли в гостиницу, и машина уехала.

— Они похожи на сыщиков, — сказал Кикаха.

Полицейские вышли из дверей и, постояв у входа несколько минут, уехали. Двое детективов пробыли внутри почти полчаса. Покинув гостиницу, они дошли до перекрестка, о чем-то переговорили, и один из них вернулся назад. Осмотрев улицу, он задумчиво поковырял в носу, а затем быстрым шагом направился в закуточную.

— У него возникла та же мысль, что и у нас с тобой, — сказал Кикаха. — Он хочет понаблюдать за гостиницей отсюда. А нам придется уходить. Иди к служебному выходу, но только так, чтобы не вызвать подозрений.

Они вышли в загаженный переулок, свернули на проспект и зашагали в северо-западном направлении к слесарной мастерской.

— Либо полиция получила информацию от Рыжего Орка, либо они проверяют нас по делу Клейста, — сказал Кикаха. — Впрочем, это сейчас не важно. Орк реализовал свое пре-

имущество, и нам придется затаиться на какое-то время. Если он и дальше будет оказывать на нас такое давление, мы можем потерять не только свободу действия, но и свои жизни.

До срока, назначенного владельцем мастерской, оставалось около полутора часов. Кикаха привел Анану в уютный бар довольно высокого класса, и они снова устроились за столиком.

— Ты начала рассказывать мне историю своего дяди, но нас перебили, — напомнил он ей.

— Рассказывать в общем-то не о чем, — ответила она. — Одно время Рыжий Орк наводил ужас на всех других властителей. Он захватил более десяти чужих миров и убил их создателей. Но когда Орк проник в мир Валы, моей сестры, ему пришлось узнать всю боль и горечь поражения. Он был ловок и коварен; в его руках находились неисчерпаемые ресурсы и огромная мощь. Но моя сестра Вала соединяла в себе качества кобры и тигра. В жестокой битве она нанесла ему тяжелое ранение, но при этом пострадала сама. Вала едва не умерла, и лишь по этой причине плененному Орку удалось бежать и вернуться на Землю — в ту вселенную, которую он создал первой, после того как покинул родной мир.

Кикаха выпрямился и удивленно уставился на спутницу:

— Что? Что ты сказала?

Он даже не заметил, что опрокинул бокал. Пиво разлилось, и на скатерти появилось темное пятно.

— Ты хочешь, чтобы я повторила весь рассказ? — спросила Анана.

— Нет, я не понял твоих последних слов... Ты сказала, что он вернулся в эту вселенную, которую якобы создал первой!

— Да. И что в этом так тебя расстроило?

Кикаха редко запинаясь, но сейчас он не мог выдавить из себя ни слова.

Наконец он произнес:

— С-слушай! Я принял идею «карманных» вселенных, потому что прожил в одной из них половину своей жизни. О существовании других мне рассказывал человек, словам которого я безгранично доверяю. Мне довелось встречаться с властителями из других вселенных. И в конце концов, я встретил тебя! Мне известно, что есть около тысячи восьми небольших искусственных миров, но я всегда думал... И по-прежнему думаю... Нет, Анана, это просто невозможно. Моя вселенная не может быть искусственной. Она образовалась

естественным образом — точно так же, как и твоя родная вселенная Гардзринтрах.

— Я бы так не сказала, — мягко ответила Анана и, погладив его по руке, ласково сжала ладонь. — Кикаха, милый, неужели это так тебя расстроило?

— Ты ошибаешься, Анана, — настаивал он. — Мне даже трудно передать, насколько огромна эта вселенная. Она необъятна! Она бесконечна, понимаешь? Ни один человек не мог бы создать такой неописуемо сложный и гигантский мир! Да ты сама посуди — ближайшая звезда находится на расстоянии четырех с чем-то световых лет, а до самой дальней — несколько миллионов световых лет. Но и дальше существует пространство, протяженность которого исчисляется миллиардами и миллиардами парсеков!

А потом учти эволюцию нашей вселенной! Я слышал, что возраст Земли составляет около трех с половиной миллиардов лет! Это чертовски больше тех пятнадцати тысячелетий, когда властители, покинув родную планету, начали создавать свои личные миры! Земля древнее вас всех!

Анана улыбнулась и похлопала его по руке, словно добрая бабушка, которая успокаивает напуганного внука.

— Ну-ну, мой любимый! Зачем так волноваться? Странно, что Вольф не рассказал тебе об этом. Хотя, возможно, он не совсем оправился от амнезии. Мне говорили, что при восстановлении памяти некоторые фрагменты жизни забываются навсегда. А может быть, он посчитал это настолько несущественным, что просто не стал тратить время на рассказ. Честно говоря, я тоже не понимаю, что тут такого особенного.

— Тогда как ты объяснишь бесконечные размеры вселенной и возраст Земли? Неужели эволюция жизни для тебя только пустой звук? — с жаром спросил он. — Вот как ты объяснишь эволюцию? Я имею в виду те неоспоримые доказательства, которые ученые получили в результате раскопок. А датировка исторических событий с помощью углерода-14 и калий-аргона? Это научный факт! Я прочитал о нем в журнале!..

К столику подошла официантка и забрала пустой бокал. Кикаха замолчал. Но как только она ушла, он снова открыл рот и тут же закрыл его. Телевизор над стойкой бара показывал новости. На экране появились изображения двух лиц.

— Взгляни туда! — прошептал он Анане.

Она повернулась и едва успела рассмотреть рисунки, как начался новый сюжет.

— Довольно похоже на нас.

— Да, это фоторобот, — сказал Кикаха. — Теперь на нас начнется настоящая охота. Впрочем, без паники. Если мы сейчас встанем и уйдем, кто-то обязательно заметит наше сходство с рисунками. Поэтому мы останемся здесь и как ни в чем не бывало продолжим нашу беседу. Надеюсь, люди приходят сюда не для того, чтобы смотреть телевизионные новости...

Будь телевизор цветным, сходство оказалось бы менее заметным: цвет волос сбил бы с толку любого подозрительного посетителя. Но на черно-белом экране их портреты почти ничем не отличались от фотографий.

Однако никто на них внимание не обратил: на экран телевизора смотрели лишь несколько пьяниц у стойки. И те, похоже, не собирались разглядывать публику позади себя.

— О чем сообщала эта штука? — шепнула Анана, имея в виду телевизор.

— Не знаю. Здесь слишком шумно, и я ничего не слышал. А у стойки об этом лучше никого не спрашивать.

Кикаха снова задумался над своим планом. Возможно, не стоит пока выманивать Орка из укрытия. Конечно, кое в чем рисковать надо, но теперь, когда полиция начала активный розыск и их портреты замелькали на экранах телевизоров, он больше не хотел привлекать к себе внимание. Кроме того, идея так и осталась на уровне шального зайца, который скакал по зарослям шиповника в его уме. Она раскачивалась на верхней ветке воображения, где созревали самые дикие фантазии. Но именно поэтому она и могла претендовать на успех. И все же не сейчас, подумал он. По их следу мчались люди Орка и сотня полицейских. Если он приведет свой план в исполнение, Рыжий Орк узнает о его местонахождении и тут же поймет, что это западня.

— Надень темные очки, — посоветовал Кикаха. — Я думаю, уже прошло достаточно времени. Вряд ли кто-то вспомнит теперь о показанных картинках.

— Тебе не требуется мне все объяснять, — ответила Анана. — Я не такая глупая, как ваши земные женщины.

Кикаха немного помолчал. За какие-то несколько минут на него обрушилось столько информации, что в голове зазвенело. Ему хотелось выяснить вопрос о происхождении вселенной, но даже на это не осталось времени. Он должен найти и убить Звонаря. Он должен найти и спасти своих друзей. А для этого необходимо выжить — выжить назло врагам!

— Мы заберем кое-что из камеры хранения, — сказал он. — Но сначала зайдём в мастерскую и возьмём «колокол». Я все же хочу его использовать.

Он оплатил счет, и они вышли на улицу. Через десять минут Кикаха получил готовый макет. Мастер потрудился на славу. Конечно, вблизи подделку обнаружил бы даже слепой властитель. Но на значительном расстоянии их «колокол» вполне сошел бы за матрицу Звонаря — тем более для тех, кто никогда ее не видел. Предмет действительно походил на колокол с закрытым дном и раза в полтора превосходил по размерам голову взрослого мужчины. Мастер сделал его из алюминия и окрасил в нужный цвет быстросохнущей краской. Кикаха расплатился с владельцем мастерской и уложил «колокол» в шляпную коробку, которую выпросил в отделе дамских головных уборов.

Через полчаса они уже прогуливались в парке Макартура.

Кроме обычных ораторов, выступавших на ящиках из-под мыла, там болталось множество пьяниц, хиппи и рокеров. Люди посolidнее и побогаче приходили сюда полежать на травке и поглазеть на тусовки нетрадиционной молодежи.

Обойдя большой куст, они остановились.

Справа от них стояла бетонная скамья. На ней сидели двое алкоголиков с небритыми и осунувшимися от перепоя лицами. Рядом, почти у самого края, дремал молодой человек. Его красивое лицо обрамляли длинные, грязные, белокурые космы; на подбородке и щеках проступала трехдневная щетина. Одежда казалась еще более грязной и рваной, чем у пьяниц. Его локоть упирался в картонную коробку из-под бананов — примерно полтора квадратных фута в основании.

Анана начала о чем-то говорить, но внезапно замолчала. Ее кожа стала мертвенно-бледной, глаза расширились; она сжала руками горло и жалобно закричала.

Причиной подобного ужаса мог быть только сигнал, который сейчас звенел в ее ушах. Этот звон генерировало специальное устройство, вживленное в мозг Ананы десять тысяч лет назад. Оказавшись в непосредственной близости от матрицы Звонаря, устройство автоматически включилось. Нервы взвыли, как мембрана сирены, и Анану охватил вековый страх перед пожирателями разума.

Блондин вскочил со скамьи, схватил коробку и побежал. Кикаха помчался за ним. Крик Ананы превратился в истерический визг. Пьяницы тоже завопили. К бетонной скамье начали сбегаться люди.

В любое другое время Кикаха от души посмеялся бы над такой ситуацией. Первоначально он планировал отнести псевдо-

матрицу в какое-нибудь место, где ошивались алкоголики и отбросы общества. Для этой цели они выбрали парк Макарура. Кикаха рассчитывал создать какую-нибудь суматоху, о которой потом расскажут газеты. Он надеялся, что весть о «колоколе» выманит Орка из его логова.

И по иронии судьбы они наткнулись на настоящего Звоняря.

Если бы у того хватило ума припрятать матрицу, он находился бы в полной безопасности. Кикаха и Анана прошли бы мимо, так ничего и не заметив.

Внезапно Кикаха замедлил бег. Зачем преследовать Звоняря и брать его живым? Погоня только привлечет внимание.

Он вытащил лучемер, замаскированный под авторучку, и, сдвинув бегунок на металлическом корпусе, перевел оружие в режим максимальной мощности. Потом прицелился в спину Звоняря, но Табююз, резко свернув, упал на землю. Очевидно, он понял тактику своего противника. Его коробка отлетела в сторону, а сам Звонярь, прокатившись кубарем, вскочил на четвереньки и исчез за невысоким бугром. Луч Кикахи прошел над его головой и, попав в дерево, прожег в стволе дыру, откуда повалил дым. Кикаха отключил оружие. На такой мощности заряд мог иссякнуть через пару секунд, а запасного аккумулятора у него не было.

В тот же миг из-за бугра высунулась голова Звоняря, и в его руке появился тонкий темный предмет. Он прицелился, но Кикаха успел отпрыгнуть на пару шагов, подбросив в воздух шляпную коробку. Белый луч скользнул по ней, и коробка вместе со всем содержимым развалилась пополам. Вспыхнув, она упала на подстриженный газон.

Кикаха выглянул из-за куста и снова выстрелил. Трава на бугре стала коричневой. Табююз провел свою атаку. Кикаха откатился вбок, вскочил и зигзагами побежал к ближайшему дереву.

Анана приближалась с другой стороны. Она вытянула руку вперед, нацеливая кольцо на бугор. Кикаха оглянулся и увидел Звоняря, который вернулся за своей коробкой. Схватив матрицу, Табююз помчался прочь. Через поляну к ним со всех сторон бежали люди. Неподалеку, у фонтана, появились двое полицейских.

Кикаха представил себе, насколько странной и идиотской казалась со стороны его схватка со Звонярем. Двое молодых людей носились по поляне с картонными коробками, прыгали и целились друг в друга авторучками, изображая сцены из вестерна о ковбое и индейце. А за ними бегала женщина,

которая минуту назад вопила так, словно увидела монстра Франкенштейна.

Один из полицейских что-то закричал.

— Только не позволяй им поймать себя, — напомнил Кикаха. — Иначе нам конец! Скорее, за Звонарем!

Они побежали из всех сил. Полицейские подняли крик. Кикаха оглянулся. Никто из них пока не вынимал оружия, но этого оставалось недолго ждать.

Кикаха и Анана настигали Звонаря. Полицейские отставали. Однако Кикаха начал задыхаться. Но каким бы ни было его состояние, Табююз чувствовал себя еще хуже. Звонарь перешел на быстрый шаг. Через миг-другой он мог обернуться и открыть стрельбу, поэтому Кикаха решил прибавить темп. Еще несколько секунд, и враг оказался бы в пределах досягаемости его луча. Кикаха даже зарычал, представив, как подрежет Табююзу ноги. Это станет концом угрозы, нависшей над человечеством, — не считая, конечно, тех опасностей, которые люди создают себе сами.

Собрав последние силы, Звонарь побежал по бетонной лестнице, которая вела из парка на улицу. Кикаха замедлил бег и, одолев лишь первый пролет, остановился. Он подозревал, что Табююз, затаившись наверху, только и ждал того момента, когда головы его врагов появятся на линии прицела. К нему подбежала Анана.

— Где он? — спросила она, тяжело переводя дыхание.

— Если бы я знал, то не стоял бы тут как столб.

Кикаха повернулся и, спрыгнув на откос земляного вала, отбежал на сорок шагов от лестницы. Потом лег на живот и по-пластунски пополз к вершине подъема. Конечно, Звонарь мог догадаться о подобном маневре. Сообразив, что Кикаха не собирается подниматься по лестнице, он наверняка начнет осматриваться. Но это займет время, и, возможно, Табююзу не удастся выстрелить мгновенно.

Кикаха взглянул направо. Анана, уловив его идею, поднималась по валу с другой стороны лестницы. Она посмотрела на него, усмехнулась и махнула рукой. Он жестом объяснил ей, что им следует одновременно выглянуть из-за края насыпи. Если Звонарь растеряется и промедлит с выстрелом хотя бы на секунду, его можно считать покойником.

Однако дело осложняли полицейские. Их крики стали громче. Раздался звонкий хлопок, и рядом с Кикахой взметнулся фонтанчик песка.

Кикаха махнул рукой, они высунули головы, и в этот момент на улице, прямо перед ними, прогремел выстрел.

Табююз согнулся и, сделав несколько шагов, повалился на спину. Рядом с ним остановился большой черный «линкольн». Несколько мужчин подняли Звонаря и затащили его в машину.

Заметив среди них Клейста, Кикаха шепотом выругался. Он загнал Звонаря прямо в руки Орка! Его люди, очевидно, объезжали этот район и разыскивали человека с большой коробкой. Или, наоборот, кто-то из них увидел Кикаху с его шляпной коробкой и решил, что он Звонарь!

Кикаха кивнул Анане. Они выскочили на улицу и побежали к машине. Полицейские снова подняли крик, но выстрелов, к счастью, не последовало. Люди Орка не стали искушать судьбу. Швырнув в лимузин безвольное тело Звонаря, они торопливо забрались внутрь, и «линкольн», визжа тлеющими покрышками, вырвался на свободную полосу.

Надеясь пробить шины или, по крайней мере, бензобак, Кикаха прицелился в бампер машины, нажал на кнопку, но ничего не произошло. «Линкольн» на полной скорости свернул за угол, и Кикаха снова выругался. Заряд его лучемета иссяк.

На ахи и вздохи не оставалось времени. Вне всяких сомнений, полицейские успели вызвать подкрепление. Анане и Кикахе вновь пришлось бежать. Пока их спасали только дорожные пробки — в час «пик» движение на дорогах становилось настолько интенсивным, что полицейские машины двигались с черепашьей скоростью.

Через полчаса Кикаха и Анана поймали такси, а еще через двадцать минут — сняли номер в мотеле. Управляющий с любопытством осмотрел клиентов и, не увидев багажа, удивленно поднял брови. Кикаха представился агентом небольшой рок-группы и пояснил, что их багаж прибует позже. Остальные музыканты, ожидая его уведомления о предстоящих концертах, решили задержаться в Сан-Франциско.

Взяв ключи, путешественники пошли в свой номер. Осмотрев комнату, Кикаха закрыл дверь, придвинул к ней шкаф, а затем составил Анане компанию на широкой двуспальной кровати. Проспав около пятнадцати минут, они поднялись, приняли душ и натянули на себя влажную от пота одежду. Кикаха узнал у управляющего адреса ближайших магазинов. Прогулявшись по некоторым из них, они обновили свои наряды и приобрели предметы первой необходимости.

— Если мы и дальше будем покупать одежду, а затем ее терять, то скоро останемся без денег, — сказал Кикаха. — И мне вновь придется заняться грабежом.

Вернувшись в номер мотеля, он нетерпеливо раскрыл свежую «Лос-Анджелес таймс» на колонке частных объявлений. Прочитав ее сверху донизу, Кикаха подпрыгнул на кровати и издал индейский клич. Анана улыбнулась и под села к нему.

— Неужели что-то хорошее? — спросила она.

— Да! Это первая хорошая новость с тех пор, как мы оказались здесь! А я уже не надеялся, что мое объявление попадет к нему на глаза. Ах этот Вольф! Старый хитрый лис! Он мыслит совсем как я. Возьми почитай.

Анана взяла газету и, слегка прищурившись, прочитала вслух две небольшие строчки:

«Хроровский парень. Я рад, что ты тоже пришел сюда. Штаты. Уилшир и Сан-Висент. В девять вечера. Х. шлет горячий привет».

Кикаха стащил Анану с кровати и закружил по комнате.

— Получилось! Получилось! Когда мы будем вместе, нас уже ничто не остановит!

Анана обняла и поцеловала его.

— Я так счастлива, — сказала она. — Возможно, ты действительно прав, и это переломный момент. Мой брат Ядавин! Однажды я пыталась убить его. Но это больше не повторится. Я просто сгораю от нетерпения.

— Ладно, ждать осталось недолго. — Кикаха заставил себя успокоиться. — Давай лучше посмотрим, что творится на свете.

Он включил телевизор. На одном канале диктор освещал проблемы международной политики, на другом — показывали животных. Кикаха пощелкал переключателем и вскоре наткнулся на сообщение полиции.

Его и Анану разыскивали, чтобы допросить в связи с похищением Клейста. Сотрудник мотеля, в котором был найден связанный пленник, довольно подробно описал приметы двух предполагаемых похитителей. Сам Клейст отказался от каких-либо обвинений. Однако несколько часов назад полиция обнаружила тело Кэмбрина. Следствие установило связь между убитым и указанной парой похитителей. Их видели вместе во время странного инцидента у «смоляных ям Ла Бри». Кроме того, против этой пары преступников выдвигалось обвинение в угоне машины покойного Кэмбрина.

Новости Кикахе не понравились, но он не мог удержаться от улыбки, вообразив досаду Рыжего Орка. Очевидно, властитель надеялся на менее серьезные обвинения, такие, как угон машины или неподчинение властям. Тогда он мог бы заплатить залог и сцапать их на первом же от полицейского

участка углу. Но при таком обвинении, как похищение людей, залог уже не поможет.

Несмотря на серьезность выдвинутых обвинений, пара похитителей вряд ли попала бы в обзор теленовостей, если бы не один интригующий факт. На сумке преступников эксперты обнаружили отпечатки пальцев, которые принадлежали некоему Полу Янусу Финнегану. Вернувшись с войны, этот человек обучался в университете Блумингтона, штат Индиана. Однако в 1946 году он бесследно исчез.

И вот теперь, через двадцать четыре года, при очень таинственных и сомнительных обстоятельствах Пол Финнеган появился в Ван Найсе, штат Калифорния. Но сенсация состояла в том, что свидетели описывали его как мужчину двадцати двух—двадцати пяти лет, тогда как ему исполнилось уже пятьдесят два года.

Более того, после первого показа его фоторобота многие телезрители узнали в нем одного из участников очень загадочного происшествия в парке Макауртура.

Диктор закончил новости с претензией на юмор. Он сказал, что этому Финнегану, как видно, удалось хлебнуть воды из источника юности. А возможно, водички перебрали свидетели — но вот только какой и какого разлива?

— При такой рекламе наше положение веселым не назовешь, — заявил Кикаха. — Будем надеяться, что эту передачу не смотрел управляющий мотеля.

Время подходило к восьми тридцати вечера. А в девять им предстояло встретиться с Вольфом. В своем сообщении он указал ресторан «Штаты» на углу Уилшира и Сан-Висент. На такси они добрались бы туда за пять минут, но Кикаха решил пройти пешком. Он больше не доверял таксистам. Конечно, в случае необходимости Кикаха и Анана не отказались бы от их услуг, но в данный момент они отдали предпочтение прогулке. К тому же им требовалось немного поразмяться.

Анана пожаловалась, что голодна и хочет попасть в ресторан по возможности быстрее. Кикаха с усмешкой ответил, что страдания закаляют душу. Впрочем, он с удовольствием поел бы и сам. За последние несколько дней Кикаха похудел на добрый десяток фунтов. Но он не желал рисковать напрасну, зная, что пара минут иногда могут сохранить жизнь.

По дороге Кикаха расспрашивал Анану о Рыжем Орке и о якобы созданной им Земле.

— Вначале раса властителей знала только одну вселенную, и мои предки считали ее единственной и бесконечной. Однако десять тысяч лет цивилизации позволили сформулировать совершенно новую теорию искусственных миров.

А когда математическая концепция была подготовлена, создание первой «карманной» вселенной стало лишь вопросом времени и желания. И тогда на основе первого мира возникло еще одно пространство материи. Тем не менее обе вселенные оставались непроницаемыми друг для друга, поскольку каждая из них находилась «под прямым углом к другому миру». Ты понимаешь, что термин «прямой угол» тут ничего не значит. Это просто попытка объяснить нечто такое, что понятно лишь людям, усвоившим математическое обоснование. Я сама спроектировала и создала свою вселенную, хотя никогда не понимала их формул и принципов действия мироздающих машин.

Первую искусственную вселенную построили за двести лет до моего рождения. Над ее созданием работала целая группа властителей — тогда они, кстати, называли себя совершенно по-другому. Мой отец Уризен и его брат Орк считались среди них ведущими специалистами. Рыжий Орк к тому времени прожил около двух тысяч лет. Сначала он занимался физикой и биологией, а затем увлекся социологией.

Для того чтобы понять процесс творения, надо вообразить среду или континуум, где отсутствует пространство. И тогда создание мира будет похоже на надувание шарика. Ты можешь себе это вообразить? Я не могу, но именно такими словами мне и объясняли процесс построения искусственных вселенных. Итак, ты надуваешь шар в нулевом континууме и создаешь небольшое пространство. Потом в этой крошечной вселенной устанавливаются врата. Ты перебрасываешь через них машины и механизмы, и они расширяют пространство до пределов своих возможностей. Внедрив созданную структуру в основание первоначальной вселенной, ты помещаешь туда еще большие механизмы и придаешь возникшему миру любые желаемые размеры.

На этой стадии по желанию творца в структуру вносятся различные изменения и дополнения, поэтому созданный мир может иметь абсолютно иные физические «законы», чем первоначальная вселенная. Все зависит от структурирования временных и пространственных матриц материи, и с их помощью можно варьировать форму, гравитацию и другие элементы нового мира.

Тем не менее первая искусственная вселенная получилась неудачной, если можно так сказать. Она не воплощала в себе новых идей и фактически являлась точной копией оригинала. Я имею в виду то состояние нашей вселенной, в котором она находилась около двадцати тысячелетий назад.

— И эта копия — мой мир? — воскликнул Кикаха. — Моя Земля?

Анана кивнула и добавила:

— Я говорю обо всей этой вселенной, а не только о Земле. Ее создали приблизительно пятнадцать тысяч лет назад. Ваша Солнечная система почти ничем не отличалась от системы властителей — то же самое число планет, и даже континенты Земли совпадали с очертаниями материков моей родной планеты.

— Ты хочешь сказать...

Он замолчал, и они прошли полквартала, не произнеся ни слова. Наконец Кикаха оправился от удивления.

— Так вот почему ты говорила, что мой мир сравнительно молодой. А я-то считал датировку земных слоев неопровержимым доказательством. Я верил, что Земле около четырех с половиной миллиардов лет*, потому что на это указывали измерения с помощью калий-аргона. Кстати сказать, современная методика с использованием углерода-14 позволяет датировать пласты с точностью до пятидесяти тысяч лет. И, судя по ее данным, возраст недавно найденных ископаемых гоминов составляет миллион семьсот пятьдесят тысяч лет по земному исчислению. Во всяком случае, так утверждалось в статье.

Ты говоришь, что скалам твоего мира тоже четыре с половиной миллиардов лет. И хотя они воспроизводились всего лишь пятнадцать тысячелетий назад, их земные дубликаты ни в чем не уступали оригиналам. Вот почему ученые находят останки динозавров, которые вымерли шестьдесят миллионов лет назад. Вот почему каменные орудия и скелеты людей свидетельствуют о зачатках цивилизации за миллион лет до нашей эры. Уму непостижимо! Их находки — всего лишь копии вещей из вашего мира.

— Совершенно верно, — ответила она.

— А как же звезды? — воскликнул он. — Что ты скажешь о галактиках, сверхновых и квазарах, о миллионах звезд, которые удалены на миллиарды световых лет? Ученые говорят, что протяженность нашей галактики составляет около тридцати пяти тысяч парсеков! А как ты объяснишь красное смещение в спектре разбегающихся галактик? От нас до них миллиарды парсеков, и они мчатся в бездны космоса на одной четвертой скорости света. А еще есть радиозвезды и целая куча всего остального!

* Небрежность автора. Ранее тот же Кикаха оценивал возраст Земли в 3,5 миллиарда лет.

Кикаха развел руки в стороны, показывая, как велика эта вселенная и насколько нелепы ее слова.

— Как первый из искусственных миров твоя вселенная является самой большой, — ответила Анана. — Вернее, такой же большой, как и мир, по образцу которого она была сделана. Диаметр ее сферического пространства в три раза превышает расстояние от Солнца до планеты Плутон. Если люди построят космический корабль для путешествия к ближайшей звезде, они выйдут за пределы Солнечной системы, пролетят двойное расстояние от Плутона до Солнца, а потом...

— Что потом?

— Потом корабль войдет в зону оболочки этой вселенной и будет разрушен. Он ворвется в силовое поле... Да, это единственный приемлемый термин, который приходит мне в голову. Корабль исчезнет во вспышке энергии. И та же участь ожидает любую ракету или группу ракет. Пойми, звезды не для людей — и в основном потому, что они вовсе не звезды.

Почувствовав себя возмущенным до глубины души, Кикаха хотел вступить в яростный спор, но заставил себя успокоиться и тихо спросил:

— А как ты это объяснишь?

— Материальное пространство за орбитой Плутона является иллюзией. Это лишь жалкая декорация. Вернее, относительно жалкая.

— Но люди видят свет звезд! Они видят туманности и все остальное! Как же тогда быть с красным смещением и скоростью света? Неужели и они, по-твоему, декорация?

— Эти иллюзорные эффекты объясняются фактором искривления материального пространства.

Вся заплутоновская астрономия оказалась неверной. Его космогония — а точнее, космогония людей — рассыпалась на куски.

— Но для чего властителям понадобился этот обман? Зачем им эта видимость бесконечной вселенной с триллионами небесных тел? Они могли бы оставить небо пустым, ограничив себя лишь планетами и луной. К чему такая жестокая мистификация? Впрочем, мне не следовало бы спрашивать об этом. Я просто забыл, насколько жестоки властители.

Анана похлопала его по руке и, взглянув в глаза, сказала:

— Жестокость властителей здесь ни при чем. Я с самого начала говорила, что эта вселенная является точной копией нашего мира. Она подобна ему во всем. Начиная от центра,

то есть от Солнца, и до внешних границ вселенной твой мир дублирует оригинал, а это включает в себя и иллюзию пространства, которое якобы существует за Солнечной системой.

Кикаха замедлил шаг и остановился.

— Ты хочешь сказать... Неужели мир властителей тоже был искусственной вселенной?

— Да. На заре истории наши ученые отправили три космических корабля к ближайшей звезде, которая находилась, по их мнению, на расстоянии всего лишь в четыре и три десятых светового года. Вылетев за границы системы, они исчезли, и тогда люди отправили в этот район исследовательский аппарат. Приблизившись к области, где первые корабли превратились во вспышку света, он снизил скорость и попытался преодолеть опасную зону. Но продвинуться дальше, чем три погибших корабля, ему не удалось. Его отбросило назад мощным разрядом силового поля. Оболочка вселенной не пропускала сквозь себя ни один материальный предмет.

После долгих экспериментов и исследований моим предкам пришлось признать, что не существует ни звезд, ни внешнего пространства. Во всяком случае, в том смысле, как они их понимали.

Многие люди не приняли этого открытия. Разочарование и депрессия оказались настолько сильными, что наша цивилизация долгое время находилась в состоянии, близком к психозу.

Однако некоторые историки утверждали, что, только осознав себя живущими в искусственно созданной и ограниченной вселенной, мы уверовали в возможность построения своих собственных синтетических миров. Осознав себя наследниками существ, создавших нашу вселенную, мы решили пойти по тому же пути.

— Значит, мир Земли — это даже не копия, а дубликат с дубликата! — воскликнул Кикаха. — Но кто тогда создал ваш мир? Кто был властителем властителей?

— Мы пока не знаем, — ответила Анана. — Нам не удалось обнаружить их мир или другие сотворенные ими вселенные. Очевидно, они существуют на каком-то другом конце полярности, которая находится за пределами нашей досягаемости. И, насколько я понимаю, всегда будут недосыгаемы для нас.

Кикаха прекрасно представлял то чувство оскорбленного достоинства, которое испытывали тогда властители. Сначала, видимо, пришло смирение, но потом, оправившись от шока, они приступили к созданию собственных миров и своего солипсического образа жизни.

В погоне за бессмертием они породили Звонарей — этих монстров космического Франкенштейна. А затем последовала долгая война. Ценой огромных потерь властители обезвредили созданных ими существ. Они считали, что на века избавились от этой угрозы. Но одному из Звонарей удалось бежать... Хотя теперь его уже поймали. Как только он попадет в руки Рыжего Орка, тот лично проследит, чтобы Звонаря убили, а его «колокол» погребли в жерле вулкана или в самой глубокой бездне Тихого океана.

— Я попробую принять то, что ты мне рассказала, — произнес он, — хотя, признаюсь, вся эта история стоит у меня поперек горла. А что ты скажешь о людях Земли? Откуда они появились?

— Твоих предков вырастили пятнадцать тысяч лет назад в биолобораториях властителей. Один комплект сделали для Земли, а другой — для планеты-близняшки. Рыжий Орк создал две одинаковые вселенные и заселил поверхность каждой Земли идентичными народами. Я хочу сказать, что вначале обе планеты имели абсолютно одинаковые условия.

Орк сгруппировал в определенных местах созданные им народы — индоевропейцев, негроидов и негритосов, монголоидов, австралоидов и индейцев. Ваши ученые называют их теперь людьми каменного века. Но перед этим властители обучили каждый народ своему особому, синтезированному на компьютерах, языку. Людям показали технологию изготовления каменных и деревянных орудий труда. Им привили кодекс моральных и этических норм, внедрили зачатки культуры и примитивное описание окружающего мира.

А потом группа властителей, воплощавших этот проект, распалась, и большинство из них вернулись в родную вселенную, чтобы заняться созданием собственных «карманных» миров. На обеих Землях осталось небольшое количество анонимных наблюдателей, которые следили за ходом эволюционного процесса. Но через тысячу лет раса бессмертных увлеклась смертельной игрой с захватом чужих владений. И тогда, уничтожив бывших друзей и коллег, Рыжий Орк стал полноправным владыкой двух первых вселенных.

— Подожди немного, — перебил ее Кикаха. — Так, значит, людей Земли создавали по подобию властителей? И у вас тоже имеются народности и расы? А мне казалось, что все властители похожи на европейцев.

— Это объясняется тем, что ты пока встречал властителей только этого типа, — ответила она. — И скольких властителей ты видел?

— Шестерых, — с улыбкой ответил он.

— Я полагаю, нас осталось около тысячи. Одну треть составляют черные, вторую треть — желтые, если пользоваться вашим языком, а всех других — понемногу. В нашем мире австралоиды вымерли, а полинезийцы и индейцы поглощены желтой и белой расами.

— Интересно, а как живут люди на той, другой Земле? — спросил он. — Я имею в виду эволюцию. И вообще, они сильно от нас отличаются?

— Нашел кого спрашивать, — ответила она. — Об этом знает только Рыжий Орк.

Кикаху мучила сотня вопросов. Ему хотелось услышать, почему на Земле оказалось столько врат, о которых Рыжий Орк ничего не знал. Но потом он понял, что врата могли остаться от прежних дней, когда на планете обитало множество властителей.

А потом пришла пора заняться своими проблемами. Они пересекли Сан-Висент и остановились на углу бульвара Уилшир, в дюжине шагов от ресторана «Штаты». Это было ничем не приметное кирпичное здание с большой витриной на фасаде. Сердце Кикахи забилось быстрее. Предвкушение от скорой встречи с Вольфом и Хрисеидой наполнило его неопишуемым счастьем. Однако это никак не повлияло на его обычную осторожность.

— Сначала мы пройдем мимо, — сказал он. — Так, на всякий случай.

Прогуливаясь около витрины, они осмотрели зал ресторана. За столиками сидело около дюжины посетителей, которых обслуживали две официантки и женщина за кассой. В одной кабинке Кикаха заметил двух полицейских. Их чернобелая машина стояла на стоянке у западной стены ресторана. Ни Вольфа, ни Хрисеиды внутри не оказалось.

До девяти часов оставалось несколько минут. Впрочем, Вольф тоже мог предпринять какие-то меры предосторожности.

Кикаха и Анана остановились перед витриной универмага. С этого места они могли наблюдать за каждым, кто входил или выходил из ресторана. Сначала оттуда вышла молодая пара. Полицейские лениво пережевывали пищу, посматривая через толстое стекло на улицу. На стоянку въехала машина. Она остановилась, выключила фары, и оба пассажира направились в ресторан. Однако седой мужчина выглядел слишком маленьким и тощим для Вольфа, а женщина — слишком высокой и объемной, чтобы оказаться Хрисеидой.

Прошло полчаса. Появлялись и уходили все новые и новые посетители. Но Вольфа и Хriseиды среди них не было. Без четверти десять уехали полицейские.

— Давай войдем, — предложила Анана. — Я так проголодалась, что мой желудок скоро съест самого себя.

— Не нравится мне все это, — произнес Кикаха. — Кругом тишь и благодать, а Вольф так и не появился. Подождем еще полчаса. Возможно, его задержали неотложные дела. Но в ресторан входить не будем. Я чувствую, что там какая-то ловушка.

— Чуть дальше по улице есть еще один ресторан, — сказала Анана. — Я могла бы сбежать туда, купить еды и принести.

Кикаха продемонстрировал, как правильно произносятся слова: два чизбургера без лука и две порции шоколада со взбитыми сливками, — после чего удовлетворенно кивнул, сказал, сколько ей должны дать сдачи, и попросил поторопиться.

Какое-то мгновение он хотел остановить Анану. Если случится что-то неожиданное и ему придется скрыться, не дожидаясь ее возвращения, она попадет в беду. Анана по-прежнему не знала, что и как в этом мире. Но, с другой стороны, риск казался небольшим, а живот подводило от голода.

— Будь осторожна, — напомнил он. — Если нам придется расстаться, встретимся в мотеле. В случае опасности беги — я сам о себе позабочусь.

Поглядывая ей вслед, он продолжал следить за рестораном.

Не прошло и пяти минут, как Анана появилась с большим бумажным пакетом. Она перебежала улицу, и ей оставалось пройти всего лишь квартал. Но едва она отошла от перекрестка, как рядом с ней остановилась машина. Оттуда выскочили двое мужчин. Анана обернулась, выронила пакет, а затем вдруг упала на тротуар. Не было ни выстрела, ни вспышки. Кикаха не заметил у мужчин никакого оружия. Он побежал к Анане, но ее уже подхватил на руки один из нападавших бандитов. Второй повернулся к Кикахе и приготовился к бою.

В тот же миг из машины вышел еще один мужчина. Взглянув на Анану, он хладнокровно направился к Кикахе. К автомобилю подъехали несколько машин, которые, посигналив, начали его объезжать. Фары осветили салон, и Кикаха увидел еще одного человека, который сидел за рулем.

Отпрыгнув в сторону, Кикаха выбежал на шоссе. Яростно сигналя, мимо пронеслась машина. Чтобы не сбить его, води-

тель свернул на встречную полосу. Из окна донесся сердитый голос:

— Ах ты, придурок...

Кикаха вытащил из кармана авторучку-лучемет. Несколько торопливых слов установили ее на максимальную мощность*. Рискуя попасть под шквальный огонь из лучеметов, который могли открыть бандиты, он решил приблизиться к машине и вывести ее из строя.

Упав на бетонное покрытие, Кикаха перекатился и краем глаза заметил вспышку тонкого, как нить, и яркого, как солнце, луча. Он выстрелил в ответ. Луч прошел по колесам автомобиля. Шины звучно лопнули, нижние части оплавленных ободов отвалились, и машина накренилась на один бок.

Водитель выскочил из салона и спрятался за капотом.

Сделав отчаянный рывок, Кикаха перебежал улицу и спрятался за небольшим фургончиком, припаркованным у обочины. Уворачиваясь от луча, он прыгнул на щебенку, откатился к переднему колесу и осторожно выглянул из своего укрытия. К машине бандитов подъехал еще один автомобиль, и двое мужчин затаскивали в него Анану.

Закричав от ярости, Кикаха вскочил на ноги и навел лучемет на машину похитителей. Однако проезжавший транспорт не позволил ему воспользоваться оружием. Автомобиль, увозивший Анану, сделал резкий разворот, и Кикаха настиг бы его лучом, если бы по другой полосе не промчались несколько машин, которые перекрыли весь сектор обстрела. И все же он мог еще попасть в задние колеса уезжавшего автомобиля. Но именно в этот момент, словно по прихоти ополчившейся на Кикаху судьбы, на встречной полосе появилась полицейская машина. Она остановилась напротив автомобиля с подрезанной парой колес, и Кикаха, застонав от бессильной ярости, бросился к ближайшему переулку. Он знал, что ему ни в коем случае нельзя попадать в руки полиции.

За его спиной завывала сирена. Полицейский что-то кричал и выстрелил в воздух.

Кикаха ускорил шаг, затем выбежал на Сан-Висент и, петляя в потоке машин, почти остановил дорожное движение. Он пересек разделительную полосу, выскочил на тротуар, оглянулся и увидел на противоположной стороне полицейского, которого остановила вереница машин.

* Забудем, что эта «авторучка» иссякла во время схватки со Звонарем. Забудем и то, что она управлялась неким бегунком, а не кодовым словом. Хотя, возможно, автор тайком вручил Кикахе какую-то особую «авторучку».

Патрульный автомобиль развернулся на сто восемьдесят градусов и подъехал к тротуару. Кикаха метнулся за угол, пробежал между двумя домами и снова вернулся на Сан-Висент. Полицейский сел в машину. Укрывшись в тени арочного прохода, Кикаха подождал, пока машина не свернула за поворот — в том направлении, куда, по мнению полицейских, побежал преступник. Когда вой сирены немного утих, Кикаха подошел к витрине ресторана и осмотрел зал. Вольфа и Хри-сеиды не было. Вдали показались сигнальные огни еще одной полицейской машины. Возможно, они перекрывали район.

Он пересек стоянку и по темной аллее обошел кирпичное здание. Ему потребовался час, чтобы сбить патрульные машины со следа. Он петлял между домами, время от времени прятался в подъездах, перебегал с улицы на улицу и крался по дорожкам скверов. После небольшой передышки в прокуренной закуской, утолив голод, Кикаха вернулся к мотелю.

У входа стояла полицейская машина. Он снова потерял весь свой багаж и остался без крыши над головой.

Поисками ночлега Кикаха решил заняться потом. Его ожидало неотложное дело. Он знал, что Рыжий Орк, сделав Анане укол наркотика, заставит ее ответить на все вопросы. И может случиться, что она расскажет о роге Шамбаримена, который они принесли из мира Ядавина. Услышав о сокровище, спрятанном в камере хранения, Орк отправит на автобусную станцию своих людей, и они без колебания взорвут вокзал, если посчитают нужным. На пути к заветному рогу властитель не остановится ни перед чем.

Кикаха поймал такси и поехал на автобусную станцию. Забрав футляр, он прошел семь кварталов пешком, затем сел в другое такси и добрался до центрального железнодорожного вокзала. Сдав футляр в камеру хранения, Кикаха купил пачку жевательной резинки и, изжевав пластинки, слепил большой комок. Ему не хотелось держать ключ при себе, и он решил припрятать его в укромном месте. Жуя резинку, Кикаха прогулялся вокруг вокзала и на краю стоянки нашел дерево с дуплом, которое как нельзя лучше подходило для тайника. Засунув ключ в комок резинки, он приподнялся на цыпочки и прилепил шар к стенке дупла.

И вот тогда, сев в такси, Кикаха отправился в район улиц Сансет и Ферфакс.

Он проснулся около восьми часов утра. Поднявшись с грязного старого матраса, лежавшего на голом полу, Кикаха быстро осмотрел большую сырую комнату. Рядом похрапы-

вала Род — вернее, Родрига Элсид, как она представилась. Это была высокая стройная девушка с прекрасной большой грудью, милым веснушчатым лицом, очаровательными темно-синими глазами и гладкими желтовато-коричневыми волосами, которые доходили до талии. Она носила мужскую рубашку в красно-синюю клетку, грязные брюки-клеш и рванные мокасины. Несмотря на ровные белые зубы, изо рта у нее пахло кислым запахом пищи и марихуаны.

Кикаха встретил ее на бульваре Сансет. Пробираясь сквозь толпы людей, вышедших субботним вечером на прогулку, он едва не налетел на парня и двух девушек, которые сидели прямо на тротуаре. Одна из них улыбнулась ему и кивнула, как старому знакомому.

— Привет, приятель, — сказала она. — У тебя такой вид, будто ты бежал с того света.

— Нет, с другого края города, — ответил он, улыбаясь в ответ. — Смываюсь от легавых, так что сама понимаешь...

Завязать знакомство с тремя хиппи не составило труда, а когда Кикаха купил им кое-что из еды, интерес к нему еще усилился.

Перекусив, они побродили по Сансет, «притарчивая» от всего, что видели. В тот вечер он многое узнал о жизни этих людей. А стоило им услышать, что он остался без крыши над головой, как они тут же пригласили его в свою лачугу. «Лачугой» оказался огромный заброшенный дом, предназначенный на снос. По их словам, здесь обитало около пятидесяти человек и десяток-другой привидений. Они в складчину оплачивали аренду и кое-какие коммунальные услуги. Если кто-то оставался «на мели», за него платили другие, пока тот не находил возможность разжиться деньгами.

Родрига Элсид (а Кикаха догадывался, что это вымышленное имя) приехала сюда из Дейтона, штат Огайо. Убежав от родителей-пьянчуг, она решила, что семнадцать лет — отличное начало для новой и красивой жизни. Но, так и не выбрав, кем стать, она пока наслаждалась свободой и независимостью.

Кикаха выложил небольшую сумму на порцию марихуаны, и вторая девушка, которую звали Джекки, ненадолго отлучилась. Дождавшись ее возвращения, они пошли в «графский замок», как окрестила Род их пристанище, а чуть позже уединились в этой комнате. Чтобы не вызвать подозрений и излишней напряженности, Кикаха выкурил с ними пару сигарет, но дымок нагнал лишь легкую сонливость и вызвал приступ кашля.

Потом Джекки и ее парень Дар занялись любовью, а Родрига и Кикаха вышли подышать ночным воздухом. Девушка сказала, что он классный мужик, но ей не хотелось бы ложиться с ним в постель после такого короткого знакомства.

Кикаха ответил, что понимает ее чувства и ничуть не обижается. У него начинали слипаться глаза. Часом позже они вернулись в опустевшую комнату и заснули на грязных матрасах.

Но ночной сон не уменьшил его беспокойства. Он знал, что могло ожидать Анану в застенках Рыжего Орка, и его сердце сжималось в тисках безысходности. Кикаха подозревал, что Вольфа и Хрисеиду постигла та же участь. Орк просчитал их уловку с газетными объявлениями, и тут его проницательности можно было только позавидовать. Но ему не удалось бы ответить так верно, если бы он не выведал у Вольфа все, что тот знал о Кикахе.

Вполне вероятно, что Орк сначала пытал своих пленников. Конечно, он мог ограничиться наркотиком, который развязал бы их языки. Но, зная властителей, Кикаха не сомневался в жестокости земного владыки. И он понимал, что без пыток там не обошлось.

А потом Рыжий Орк будет мучить их снова и снова и в конце концов предаст мучительной смерти. Во всяком случае, Анану и Вольфа он убьет наверняка. Возможно, уже теперь он любит их муками и позором...

Кикаха вздрогнул и прошептал:

— Нет! Только не это!

Родрига открыла глаза.

— Ты что-то сказал?

— Все нормально. Спи дальше, — ответил он.

Девушка села, обхватив руками колени, прижатые к груди.

— Я смотрю, у тебя на сердце камень, амиго. Тяжелый камень, — сказала она, покачиваясь взад и вперед. — Не хочу казаться надоедливой, но если тебе нужна какая-то помощь...

— Я делаю свои дела сам, — ответил Кикаха.

Он не взял бы ее с собой, даже если бы она действительно могла ему чем-то помочь. По быстроте, ловкости и сообразительности Род не шла ни в какое сравнение с Ананой. И люди Орка убили бы ее в первой же схватке.

Да, с Ананой ее не сравнить, сказал он себе. Анана... В эту минуту она могла быть уже мертвой.

На глаза набежали слезы.

— Спасибо, Род. Но мне пора уходить. Возможно, еще увидимся.

Она поднялась с пола и подошла к нему.

— Ты очень странный, Пол. Какой-то не такой. Вроде бы и наш, а жаргона не знаешь... Словно чужак! Только не обижайся! Я не имею в виду этих рабов и гадов, против которых мы стоим. Просто ты немного не от мира сего. Я знаю, как это бывает, и у меня самой такое часто случается: болтаюсь где-то посередине — не здесь и не там. Но с тобой все как-то по-другому, понимаешь? Ты вообще как будто с луны упал... Или с летающей тарелки.

— Знаешь, Род, я ценю твое участие. Действительно ценю. Но я не могу взять тебя с собой и особенно сейчас. Однако позже мне, возможно, понадобится твоя помощь, и тогда я, черт возьми, приду к тебе и буду рад, если ты не забудешь о своем предложении. — Он поцеловал ее в лоб и шепнул напоследок: — *Hasta la vista**, Родрига. А может быть, *adiós***. Я рад, что встретил тебя на своем пути.

Кикаха бродил по улицам, пока не нашел небольшой ресторан. Заказав завтрак, он попытался проанализировать ситуацию.

Единственным положительным моментом было то, что Табююза схватили, и теперь Кикаха мог не ломать над этим голову. Какая разница, кто убьет Звонаря — он или Рыжий Орк. Главное, что Табююз будет уничтожен, и от Звонаря останутся лишь одни воспоминания.

Но Рыжий Орк захватил всех своих врагов — всех, кроме одного. И он пойдет на любые жертвы, чтобы избавиться от Кикахи. Если только тот не доберется до него первым. Выслеживая Звонаря, властитель пока не уделял Кикахе большого внимания, догадываясь, что он так или иначе наведет его людей на Табююза. Но теперь вся мощь огромной организации Орка будет брошена на поиски последнего врага. И Кикахе требовалось найти властителя прежде, чем тот обнаружит его. Игра вступала в решающую стадию, и результат зависел от быстроты и неординарных действий.

Покончив с завтраком, Кикаха купил «Таймс», сел на лавочку в сквере и просмотрел колонки газеты. О происшествии на бульваре Уилшир ничего не сообщалось. Очевидно, похищения женщины никто не заметил, а машина с отрезанными половинками колес ни у кого не вызвала интереса. Зато имелось сообщение полиции о розыске Пола Я. Финнегана —

* До свидания (*исп.*).

** Прощай (*исп.*).

таинственного мужчины, который исчез в 1946 году и появился вновь.

Кикаха заставил себя успокоиться и попытался придумать какой-нибудь план. Он поймал себя на том, что никогда прежде так не волновался. Ему не давали покоя мысли о пытках, которым могли подвергаться в этот момент его друзья и любимая женщина.

В принципе он знал, как проникнуть в дом властителя и встретиться с Рыжим Орком. Отдав себя в руки его людей, он без труда попал бы в самое логово. Но спасут ли его тогда смелость и находчивость?

Рассудительность Кикахи восставала против такого шага. Он знал, что ему устроят тщательную проверку. С него снимут кольца и, возможно, одежду. Его проведут через металлоискатель, а затем связанного и беспомощного бросят к ногам властителя.

Но, следуя древнему обычаю, Рыжий Орк должен был оставить какую-то лазейку для тех, у кого хватило бы ума найти ее. Всегда, независимо от уровня и эффективности ловушек, которыми властители оснащали свои дворцы, они оставляли небольшую возможность для проникновения в их владения. Этот путь требовал от незваного гостя сметливости и дерзости. Но такая лазейка имела в каждом дворце. Это было правилом смертельной игры, которую властители вели уже несколько тысячелетий. И может быть, именно поэтому Рыжий Орк оставил врата в пещере без охраны и взрывных устройств.

Так ничего и не придумав, Кикаха зашел в телефонную будку на углу заправочной станции и позвонил в дом Кэмбрина. Трубку сняли так быстро, что на секунду он подумал о воскрешении Кэмбрина из мертвых. Похоже, Орк снова предугадал его следующий шаг. Однако на этот раз в трубке раздался женский голос.

— Говорит Пол Финнеган, — представился Кикаха.

Наступила пауза, а потом женщина завопила:

— Убийца! Гадкий подонок!

Он подождал, пока проклятия и крики не сменились всхлипыванием и плачем.

— Я не убивал вашего мужа, — сказал Кикаха. — Но признаюсь честно, меня порадовала его смерть. А расправился с ним ваш хозяин, милочка.

— Ты лжешь, мерзавец! — закричала она.

— А-а, так мы, значит, уже на «ты». Тогда передай своему хозяину, что я хотел бы с ним поговорить. Трубку не клади. Я знаю, что ты можешь соединить нас по селектору.

— А зачем мне это надо? — огрызнулась она. — Я для тебя ничего не собираюсь делать!

— Ты пораскинь мозгами, дорогая. Если ему удастся меня поймать, он выполнит твои самые заветные мысли о мщении. Я умру от боли и мук. Но если ты не хочешь устроить нам этот разговор, мне придется уйти в великое неизвестное. И он уже никогда не найдет меня. Поэтому прощай и вспоминай иногда...

— Эй-эй! Подожди! — испуганно воскликнула она. — Я только принесу эту штуку к телефону.

Через минуту Кикаха снова услышал ее голос:

— Не знаю, селектор это или нет, но я переключила телефон на него. Через минуту или две тебе ответят.

Кикаха сомневался, что на связь с ним выйдет настоящий «босс». И еще его позабавило то, как изменилась миссис Кэмбринг. Судя по ее неосторожным словам, у нее появился номер контактного телефона, по которому она могла связаться с Орком. А значит, властитель знал, что Кикаха ей позвонит.

Он почувствовал, как по спине к затылку пробежала холодная волна. Если Рыжий Орк просчитывает каждое его действие, то, возможно, он уже догадался и о следующем шаге.

Кикаха пожал плечами — пришла пора убедиться в хваленной хитрости Рыжего Орка. Он решил преподать властителю хороший урок.

В трубке послышался низкий и звучный голос. Произношение выдавало истинного американца, но употребление слов казалось чрезмерно правильным. Собеседник не представился. Однако его тон указывал на то, что он в этом и не нуждался. Очевидно, мужчина считал, что его надменный голос служил не только визитной карточкой, но и свидетельствовал о безграничной силе.

Кикаха почувствовал, что это действительно Рыжий Орк. По ходу разговора он все больше узнавал определенные черты, напоминавшие ему голос Ананы. И такое сходство не удивило его. Он знал о родственных связях земного властителя с семейством Уризена.

— Финнеган! У меня твои друзья — Вольф и Хрисеида. Вчера я поймал твою подружку Анану, и мы проговорили с ней почти всю ночь. Приятно, знаешь, встретить близкого человека — тем более племянницу. С ними пока все хорошо. Я не применял к ним средств физического воздействия. Ввел наркотик, и они рассказали мне все, что знали...

«Как хорошо, что Анане не известно, где теперь рог Шамбаримена», — подумал Кикаха.

Наступила пауза, и он сказал Орку, что слушает его внимательно.

— Я мог бы убить их, насладившись перед этим пытками, — продолжил его собеседник. — Но они не представляют для меня никакой угрозы. Я поймал их, как новорожденных птенцов.

Любой властитель просто не мог обойтись без хвастовства. Кикаха промолчал, зная, что Орк вскоре перейдет к делу. И тот удивил его не на шутку.

— Через день или два мои люди схватили бы и тебя. Но мне не хочется ждать слишком долго. Время дорого, и я сам предлагаю тебе обмен.

Он замолчал, и Кикаха ответил, что сгорает от любопытства.

— Я выпущу пленников и позволю им вернуться в мир Ядавина. Ты тоже сможешь уйти вместе с ними. Но перед этим тебе придется выполнить несколько условий. Во-первых, ты должен отдать мне рог Шамбаримена!

Кикаха предполагал возможность подобного требования. Рог считался единственным и уникальным ключом от врат всех вселенных, и вряд ли в мирах властителей имелась вещь, равноценная ему. Инструмент был сделан легендарным предком всех ныне живущих властителей. Несколько тысячелетий он принадлежал сыну великого мастера, и поэтому его иногда называли рогом Илмарволкина. Он обладал уникальным свойством активировать врата. При этом не требовалось никаких других устройств. Все врата изготавливались парами. Одни находились в стартовой вселенной, а другие — в точке желаемого перехода. Причем большинство врат имели фиксированные позиции. В качестве переносных врат служили полумесяцы. Но ни один из этих механизмов не мог сравниться с рогом Шамбаримена. Стоило протрубить необходимый звуковой код, как между вселенными тут же открывался проход. Однако для этого раструб рога следовало располагать в непосредственной близости от резонансной точки, которая соединяла «стены» двух миров.

Резонансная точка являлась каналом, через который осуществлялся переход из одной вселенной в другую. Эти каналы имели неизменное расположение. Если властитель, используя рог, не знал, куда ведет определенная резонансная точка, он попадал во вселенную на другом конце канала, нравилось ему это или нет.

Кикаха знал четыре места, где он мог протрубить в рог и оказаться на различных уровнях Многоярусного мира. Первые врата располагались в пещере у озера Арроухед. Вторые находились в Кентукки, но дорогу туда мог найти только Вольф. Третью точку он отыскал бы в своей бывшей квартире — в городе Блумингтон, штат Индиана. Четвертое место совпадало по положению со стенным шкафом в одном из домов поселка Тэмп, штат Аризона. Именно оттуда Вольф вернулся однажды в свою вселенную. Запомнив его рассказ, Кикаха без труда отыскал бы этот дом.

В голосе Орка слышалось нетерпение:

— Думай быстрее! И не играй со мной в свои детские игры, землянин! Говори — да или нет!

— Конечно, да! Вернее, пока меня это устраивает! Все зависит от остальных условий!

— У меня осталось только одно! — Орк откашлялся и сердито добавил: — Оно состоит в том, чтобы ты и твои друзья помогли мне поймать Звонаря!

И вот тут Кикаха от удивления открыл рот.

Он встряхнул головой и взял себя в руки. Многолетняя привычка к сюрпризам судьбы помогла ему скрыть потрясение.

— Согласен! — спокойно ответил он. — Я бы и сам это предложил, но в прошлый раз мистер Клейст куда-то спешил. К тому же у меня тогда не было таких серьезных причин для сотрудничества.

«Неужели Звонарю удалось бежать? — размышлял Кикаха. — Я же видел, как его поймали люди Орка. Хотя на них могли устроить засаду... А что? Мысль довольно интересная. Но кому мог понадобиться Звонарь? Да только еще одному властителю, который собирается шантажировать Рыжего Орка! А если это другой Звонарь?»

Кикаха вздрогнул и зябко повел плечами.

— Что мы будем теперь делать? — спросил он, стараясь скрыть правду, которая гласила: «Каким будет твой приказ?»

Голос Орка стал жестким и сдержанно торжествующим:

— Ты возьмешь такси и приедешь в дом миссис Кэмбринг. Мои люди доставят тебя ко мне. Сколько времени тебе потребуется на дорогу?

— Примерно полчаса.

Кикаха уже придумал план. Если ему повезет с такси, он будет в доме Кэмбринга через десять минут. Запас времени небольшой, но для пары дел его хватит с избытком.

— Вот и хорошо! — сказал властитель. — Сдашь моим людям все оружие, а потом они тебя обыщут. Надеюсь, ты не против?

— Не против.

Во время разговора Кикаха все время осматривался по сторонам и провожал взглядом каждого подозрительного человека. Машины на заправочной станции сменяли друг друга бескончаемым потоком, и он начинал уже привыкать к появлению нового транспорта. Но вот возле тротуара остановился большой черный «кадиллак», в котором находился только один водитель. Подождав минуту или две, мужчина взглянул на часы и вышел из машины. Лениво посматривая по сторонам, он неспеша направился к будке. Это был статный молодой человек ростом около шести футов и трех дюймов. Модный костюм придавал его фигуре солидность, а длинные желтоватые волосы поблескивали на солнце, как расплавленная бронза. Симпатичное лицо покрывали преждевременные морщины.

Он остановился около будки и достал из кармана серебряный портсигар. Кикаха продолжал выслушивать инструкции Орка, краем глаза посматривая на подошедшего мужчину. Тот, полуприкрыв веки, надменно разглядывал проезжавшие машины. Он явно торопился и, прохаживаясь перед будкой, время от времени бросал быстрые взгляды на часы. Чиркнув спичкой, мужчина прикурил сигарету и костяшками пальцев постучал по стеклу телефонной будки.

Кикаха произнес кодовое слово, установил излучатель на среднюю мощность и подготовил кольцо для активации. Мужчина мог оказаться врагом, а слабый луч не пробил бы толстое стекло.

Орк все говорил и говорил. Можно было подумать, что он требовал капитуляции от целой страны, а не от одного-единственного человека. Кикахе полагалось пройти через подъездные ворота, остановиться на середине аллеи и стоять там до тех пор, пока из дома Кэмбринга к нему не выйдут трое человек. Одновременно сзади подойдут еще трое мужчин, которые будут ждать его появления в машине на другой стороне улицы. После этого они...

Человек около будки недовольно поморщился, снова взглянул на часы и отвернулся, собираясь уходить. Кикаха понял, что парню надоело ждать. Но, не сделав и двух шагов, мужчина развернулся. В его руках мелькнуло короткое ружье с высокой широкой мушкой.

Кикаха выронил трубку и пригнулся, произнося слово, которое активировало кольцо.

Раздался выстрел, стекло будки разлетелось на куски, и Кикаху обволокло облаком белого тумана. От неожиданности он сделал глубокий вдох и только потом понял, что ему следовало бы задержать дыхание. Разрезав дверь кольцом, он навалился на нее всем телом и вылетел из будки. Дверь стала падать, но Кикаха так и не услышал, как она ударилась о землю.

Он очнулся в каком-то темном и тесном металлическом ящике. Судя по тряске и запаху бензина, его засунули в багажник машины. Руки были связаны за спиной, ноги — по лодыжкам, а рот ему заклеили липкой лентой.

Кикаха потел от жары, но воздуха в багажнике хватало. Машина поднялась по пологому склону и остановилась. Motor заглох, дверцы хлопнули, и, когда из салона вышли люди, багажник немного качнуло на рессорах. Крышка над головой Кикахи поднялась, и он увидел четверых мужчин, среди которых узнал и своего похитителя.

Бытащив Кикаху из багажника, они вынесли его из гаража. Внутренняя дверь вела в широкий коридор, который переходил в большую комнату, покрытую коврами и обставленную роскошной мебелью. Следующий коридор заканчивался просторным залом с высоким потолком. Кикаха увидел громадную хрустальную люстру, паркетный пол с черно-белым рисунком, резную мебель из красного дерева и картины, которые выглядели, как полотна старых мастеров.

Его усадили в большое кресло с высокой спинкой, развязали ноги, а затем один из мужчин приказал ему встать и следовать за ним. Второй охранник подталкивал Кикаху в спину. Предмет казался твердым и очень острым. Его подвели к ничем не приметной двери под лестничной клеткой, и, спустившись по двенадцати ступеням, Кикаха попал в небольшую комнату. Мебели здесь почти не было, а половину противоположной стены занимала массивная железная дверь, которая, как он понял, вела в тюремную камеру. Так оно и оказалось, хотя камера во многом походила на вполне обычную уютную комнату. Ему развязали руки и сорвали с губ липкую ленту.

Охрана работала быстро и профессионально. С пальца сняли кольцо-излучатель, из кармана рубашки забрали авторучку-лучемет. Пока за ним приглядывал здоровяк-похититель, остальные, разорвав рубашку и нижнее белье, раздели Кикаху догола. В поисках оружия они осмотрели и прошупали тело пленника, но так ничего и не нашли.

Понимая, что любое сопротивление бесполезно, Кикаха молча подчинялся приказам. Его все время держали на прицеле, за каждым движением наблюдали четыре пары глаз. После тщательной проверки один из охранников защелкнул на его лодыжке кольцо, от которого тянулась длинная цепь. Второй ее конец крепился к кольцу, наполовину вмурованному в стену. Несмотря на толстые звенья, цепь казалась довольно легкой, а ее длина позволяла передвигаться по комнате в любом направлении.

Увидев, что Кикаха рассматривает цепь, его похититель улыбнулся.

— Да, она легка, как паутина, но крепка, как оковы, державшие Фенрира, — произнес он.

— Я — Локи, а не Фенрир, — ответил Кикаха, одарив собеседника свирепой улыбкой.

Мужчина не ожидал, что пленник поймет его намек на великого волка древноревской Эдды. И Кикаха пожалел о своих словах. Ему следовало притвориться невежественным и недалеким человеком. Чем меньше уважения испытывает к тебе тюремщик, тем больше шансов сбежать. Но, глядя на это самодовольное лицо, Кикаха просто не мог удержаться от ответа.

Рослый мужчина поднял брови и с удивлением воскликнул:

— Ах вот как! А ты помнишь, что случилось с Локи?

— Но я еще и Логи, — ответил Кикаха.

Решив, что такой разговор к добру не приведет, он замолчал и выжидающе посмотрел на своего похитителя.

Теперь этот человек казался уже не таким молодым. На вид ему было около тридцати. В голосе чувствовались угрюмые и властные тона. Большие красивые глаза, обрамленные густыми ресницами, сияли зеленью весенней листвы. Лицо казалось знакомым, но Кикаха мог поспорить, что никогда его прежде не видел.

Мужчина махнул рукой, и остальные покинули комнату. Он закрыл за ними дверь, а затем присел на краешек стола. Стол, как и вся мебель в этой комнате, крепился к полу большими болтами. Какое-то время мужчина сидел, покачивая ногой, и увлеченно рассматривал пистолет, который лежал у него на коленях. Тот выглядел как обыкновенное оружие и совершенно не походил на газовый пистолет и замаскированный лучемер. Однако Кикаха сомневался, что это просто огнестрельное оружие. Он сел на стул и замер в ожидании. Такая позиция позволяла надзирателю смотреть на пленника сверху вниз, но Кикаха относился к вопросу относительно

местоположения довольно спокойно и не считал его каким-то психологическим преимуществом.

Минуту или две мужчина бесстрастно разглядывал Кикаху, и тот, беззаботно насвистывая, отвечал ему тем же.

— Я слежу за тобой уже второй день, — внезапно сказал похититель. — Но ты по-прежнему остаешься для меня загадкой. Позволь представиться. Я — Рыжий Орк.

Кикаха открыл рот и удивленно заморгал.

Мужчина улыбнулся:

— А за кого ты меня принимал?

— За властителя, который застрял в этой вселенной и не может вернуться в свой мир, — ответил Кикаха. — Так, значит, существуют не только две Земли, но и два Рыжих Орка?

Потеряв часть своей улыбки, мужчина вскричал:

— Нет, Орк один! И это я — Рыжий Орк! Тот, другой, — самозванец! Подлый захватчик! Я расслабился всего лишь на миг, и он воспользовался этим! Но мне удалось скрыться. И раз уж ему не удалось расправиться со мной, я предаю его самой лютой смерти! Это моя вселенная! И она навсегда останется моей!

— А кто он, этот другой? — спросил Кикаха. — Я думал... Впрочем, он никогда не называл себя и, возможно, намеренно вводил меня в заблуждение.

— Значит, он выдавал себя за Рыжего Орка? Так я и думал! Его зовут Уртона, и ему когда-то принадлежал Меняющийся мир. А потом эта сучка Вала — моя племянница и настоящий дьявол в юбке — вышвырнула его прочь из той вселенной, и он бежал сюда — в мой мир. Мне доложили о том, что какой-то властитель прошел через врата в Европу. Так и не узнав, кто это такой, я выслеживал его пару сотен лет, а потом махнул на розыски рукой. Он мог уйти с Земли через неизвестные мне врата, его могли убить — да мало ли что могло случиться! И когда прошла тысяча лет, я забыл о нем.

А Уртона затаился. Все это время он искал меня. И десять лет назад ему удалось найти мою крепость. Он годами следил за людьми, которые имели доступ во дворец. По крохам, по отдельным словам он ознакомился с моей системой защиты, а затем нанес коварный и неожиданный удар.

Я проявил беспечность, но мне удалось уйти, хотя все мои лучшие слуги и телохранители погибли один за другим. Уртона захватил власть над Землей. Он взял под свой контроль планетарные механизмы и обрел неимоверное могуще-

ство. Никто не мог бы помешать ему. И с тех пор никто ему ни в чем не отказывал.

В принципе я сам виноват в его молниеносной победе. Лишь несколько слуг знали меня в лицо, и, уничтожив этот десяток людей, Уртона спокойно отдавал приказы от моего имени. Остальные слепо подчинялись тому, кто сидел на престоле. Они не знали ни лица, ни настоящего имени своего владыки.

И я не мог пойти к людям, которые когда-то выполняли мои приказы. Я не мог сказать им: «Вот ваш настоящий властитель! Подчинитесь мне и убейте этого глупца, который теперь командует вами!» Они пристрелили бы меня, посчитав самозванцем и врагом их хозяина. А я догадываюсь, что Уртона дал им полное описание моих примет.

Пока мне приходится скрываться, как это делал раньше Уртона. Но мой удар будет точным и окончательным. Я верну себе бывшее могущество! И Земля снова будет моей!

Он замолчал и выжидающе посмотрел на пленника. Возможно, Рыжий Орк хотел услышать слова, пронизанные ужасом и благоговением. Но Кикаха не стал убажывать его амбиции.

— Я понял, что Уртона, захватив планетарные механизмы, стал владыкой обеих планет. Или такие механизмы есть на каждой Земле?

Этот вопрос застал Орка врасплох. Он удивленно взглянул на пленника, и его лицо покраснело.

— А тебе-то что до этого?

— Просто я подумал, что ты мог бы удовлетвориться властью над другой Землей. Зачем тебе этот безумный и оскверненный мир? Судя по тому, что я здесь увидел, планета обречена. Люди превратили воздух в яд, а моря и океаны — в сточные ямы. В любую секунду они готовы сойтись в жестокой атомной войне и уничтожить жизнь на всей Земле. Но ты спокойно позволил им дойти до такого состояния. Значит, тебе плевать на этот умирающий мир. Так почему же ты не отдашь его Уртоне? Уйди на вторую Землю и живи, как тебе хочется. — Кикаха немного помолчал, а потом спросил: — Неужели вторая Земля в таком же плохом состоянии, как и первая?

Лицо Рыжего Орка приобрело нормальный цвет.

— Нет, с другой все не так уж и плохо, — ответил он с усмешкой. — Она прекрасна, как сказка, хотя обе планеты начинали в одних и тех же условиях. А я смотрю, лебляббий, ты совсем не знаешь властителей. Иначе ты не предложил бы мне отказаться от целого мира.

— Я знаю их достаточно, — ответил Кикаха. — Но даже властители меняются к лучшему, и мне казалось...

— Да, я не вмешивался в дела людей, — оборвал его Орк. — Лишь несколько раз мне пришлось применить силу для своей защиты. Но я никогда не кривил душой. Если эта планета задохнется от вони и погибнет из-за глупости ее обитателей, я и пальцем не шевельну, чтобы предупредить катастрофу. Люди могут разнести ее в клочья своими бомбами и дубовыми лбами, но, уверяю тебя, все это произойдет без моего участия. Я не собираюсь влиять на ход естественного развития того или иного мира. Впрочем, ты не ученый, и тебе не понять такой концепции, как чистота эксперимента. Но на протяжении нескольких тысячелетий ни один из моих поступков не помешал крупномасштабным явлениям социальной жизни.

Вот почему я убиваю всех, кто проникает в мои вселенные. Они могут вмешаться в эволюционный процесс и нарушить ход глобального эксперимента.

— Лично мне это и даром не надо! — возразил Кикаха. — А Вольфу, Анане и Хрисеиде — тем более! Мы просто хотим вернуться в свои миры! Но сначала нам надо убить Звонаря. Поверь, мы пришли на Землю только для этого!

— Неужели ты действительно думаешь, что я тебе поверю? — с усмешкой спросил Орк.

Кикаха пожал плечами:

— Мне незачем лгать! Но я не жду от тебя доверия и помощи. Страх потерять бессмертие лишает властителей разума, и только некоторые из вас способны воспринимать реальность такой, какая она есть.

Рыжий Орк встал со стола.

— Ты будешь моим пленником, пока я не выловлю остальных и не уничтожу Уртону. А потом я решу, что с тобой делать.

Кикаха знал, что он имеет в виду ужасные и изощренные пытки. И такое окончание их встречи ему не понравилось. В какой-то момент ему хотелось рассказать Орку о роге Шамбаримена, который они принесли с собой на Землю. В крайнем случае инструмент можно было обменять на свободу и жизнь. Но Кикаха отказался от этого замысла. Услышав о роге, Орк дознался бы и до всего остального. Пытки и наркотик подействовали бы безотказно.

— Ты еще не убил Звонаря? — на всякий случай спросил Кикаха.

Властитель улыбнулся и покачал головой. Он буквально сиял от самодовольства.

— Я решил, в случае необходимости, припугнуть им Ур-тону. Пусть знает, что и у меня есть свой козырь. Если он не уберется из моего мира, я выпущу Звонаря на свободу. А страшнее угрозы для властителя не придумаешь!

— Неужели ты это сделаешь? Чего же стоят твои слова о невмешательстве в эволюционный процесс?

— Если моя гибель будет неизбежна и я увижу над собой нависшую длань смерти, клянусь, я сделаю это! А почему бы и нет? Какое мне дело до этого мира, если моя жизнь подойдет к концу? По крайней мере, люди получают хороший урок!

Кикахе хотелось задать тысячу вопросов, но его любопытство осталось неудовлетворенным. Рыжий Орк подошел ко второй двери и открыл ее. Натянув цепь, Кикаха попытался заглянуть в коридор, но дверь захлопнулась, и он ничего не увидел.

И тогда на него нахлынули тяжелые мысли. Кикаха вспомнил свои хвастливые слова о том, что он может убежать из любой тюрьмы. Пока это ему действительно удавалось, но он знал, что однажды тюремная клетка может оказаться без выхода. Осмотрев камеру, Кикаха оценил заботу своего хозяина. Объективы и электронные датчики фиксировали каждое движение. Подступы к комнате охраняли люди Орка. На ноге болталась прочная цепь, которую невозможно разорвать руками. Кроме того, по ней могли пропустить ток или какие-нибудь импульсы, которые парализовали бы строптивого пленника или наказали бы его за плохое поведение.

Кикаха еще раз осмотрел цепь и решил не принимать чужих слов на веру. В течение получаса он растягивал ее, перекручивал звенья, скрипел зубами от усилий, но его попытки ни к чему не привели и, вероятно, здорово позабыли наблюдателей у мониторов.

Прекратив буянить, он посидел на унитазе, лег на софу и немного поразмышлял о своем печальном положении. Несмотря на отсутствие одежды, он не испытывал никаких неудобств. Кикаха расслабился и закрыл глаза. Теплый воздух и почти незаметный сквознячок напоминали ему о прогретых солнцем прериях. Он хотел подумать о плане побега, но далекий гул бизоньего стада унес его в зеленые просторы глубокого сна.

Когда он проснулся, в комнате ничего не изменилось — все та же температура воздуха и тот же ровный свет без видимого источника. Сев на софу, Кикаха увидел поднос, заполненный блюдами, чашами и столовыми приборами. Под-

нос стоял на небольшом деревянном столе с тонкими изогнутыми ножками.

Кикаха удивился. Неужели он проспал появление постороннего человека? Как он мог не услышать шагов и звона посуды? Хотя, возможно, его усыпили наркотиком. И все же более вероятным казалось то, что в деревянный стол вмонтированы врата. Увидев, что пленник заснул, охранники у мониторов подали сигнал на кухню, и оттуда через врата в камеру отправили поднос.

Кикаха с жадностью набросился на еду. Столовые приборы оказались сделанными из дерева, а блюда и чаши, стилизованные под осьминогов, дельфинов и омаров, — из олова. После обеда он около часа прогуливался по камере, волоча за собой цепь. Ему не давали покоя врата, вмонтированные в стол. Кикаха пытался придумать для них какое-нибудь оригинальное применение. На исходе часа, повернувшись лицом к столу, он заметил, что поднос исчез. Его догадки подтвердились: поверхность стола представляла собой створки врат.

Поднос прошел через врата совершенно беззвучно. Власти прежних дней решили проблему треска и шумов, которые сопровождали внезапное исчезновение предметов. Прежде на месте переносимой материи создавался вакуум, в который втягивался воздух, что вызывало неприятные хлопки, потрескивание и щелчки. Позже устройства врат стали оборудовать компенсирующими приспособлениями, которые включали одновременную подачу воздуха на обоих концах резонансного канала.

Примерно через час в камеру вошел Орк. Он воспользовался той же дверью, через которую выходил. Его сопровождали двое мужчин. В руках одного из них Кикаха увидел шприц. Оба мужчины носили шотландские юбки: первый — из материала в красно-черную клетку; второй — из белого полотна, расшитого черными осьминогами с большими голубыми глазами. Кроме юбок, кожаных сандалий и бус, на них ничего не было. Темнокожие лица имели явные средиземноморские черты, хотя во многом и напоминали индейцев. Длинные черные волосы были заплетены в две косы, одна из которых была закинута за спину, а другая — уложена кольцами у правого виска.

Орк заговорил с ними на каком-то неизвестном диалекте. Из-за резких гортанных звуков речь казалась похожей на еврейский или арабский языки. Однако познания Кикахи не позволяли судить об этом с твердой уверенностью.

В то время как первый слуга отошел в сторону и прицелился в Кикаху из арбалета, второй приблизился к пленнику с другой стороны. Орк сказал, что инъекцию Кикахе сделают обязательно, а в случае сопротивления всадят шприц прямо из арбалета, и боль при этом будет очень сильной и продолжительной. Бунтовать не имело смысла, и Кикаха подчинился силе.

После укола он чувствовал себя вполне нормально, но отвечал на вопросы Орка без малейшего колебания. Мозг функционировал с необычайной ясностью. Фразы сплетались в четкий и обстоятельный рассказ. Кикаха просто не мог сопротивляться и выкладывал Орку все, о чем бы тот ни спрашивал. И все же ясность мышления удержала его от упоминания о роге Шамбаримена. Орк о нем не спрашивал. Да у него и не было причин для расспросов: он даже не подозревал, что эта ценность так долго находилась в руках Ядавина.

Однако вопросы властителя открыли многое из того, о чем Кикаха предпочел бы умолчать. Орк узнал о его жизни на Земле до той ночи, когда Пол Янус Финнеган перенесся из Блумингтона в Многоярусный мир. Он узнал о яркой и героической судьбе Кикахи, о славном рыцаре Хорсте фон Хорстманне и дюжине других исторических персонажей. А потом последовал рассказ о Вольфе-Ядавине и прекрасной Хрисеиде, об Анане и вторжении Черных Звонарей, о жестокой битве с враждебным разумом и последующих приключениях на Земле.

— Допустим, я отпущу тебя и твоих друзей в мир Ядавина, — задумчиво произнес Рыжий Орк. — Но не захочешь ли ты снова вернуться на Землю?

— Покажи мне мертвого Звонаря, и я поклянусь забыть об этой планете, — ответил Кикаха.

— Гм-м. Однако твой Многоярусный мир действительно красив. Я всегда считал Ядавина способным творцом. И думаю, его планета могла бы стать жемчужиной моих владений.

Этого Кикаха и ожидал.

Заметив его разочарование, Рыжий Орк улыбнулся:

— Скажи, Финнеган, что бы ты сделал день или два назад, если бы у тебя имелся адрес моей бывшей крепости? Я имею в виду дворец, где теперь обитает Уртона.

— Я отправился бы туда и убил тебя или Уртону, — ответил Кикаха. — Где-то там находятся Анана, Хрисеида и Вольф. Я спас бы их, и мы снова занялись бы поиском Звонаря, а убив его, вернулись бы в мой мир — вернее, в мир Вольфа.

Орк задумчиво посмотрел на него и зашагал по комнате. Внезапно он остановился, повернулся к Кикахе и улыбнулся, словно его осенила какая-то блестящая идея.

— Судя по твоим словам, ты очень ловкий и изобретательный человек, — сказал властитель. — Такой ловкий, что я иногда воспринимаю тебя как равного, а не земляшку-лебляббия.

— У Ананы есть сумасшедшая идея, что я сын властителя, — ответил Кикаха. — По правде говоря, она уверена, что я твой сын.

— Что? — переспросил Орк и, внимательно посмотрев на своего пленника, захохотал. — Хорошая шутка! — сказал он наконец, утирая слезы. — Я не смеялся так уже... Впрочем, неважно. Так ты действительно считаешь себя моим сыном?

— Не я, — напомнил Кикаха. — Так думает Анана. Она находит в этом оправдание своей любви к лебляббию. Если бы я оказался наполовину властителем, она считала бы нашу связь менее позорной для себя. Но по моим оценкам возможность такого события очень невелика.

— У меня нет никаких детей, — сказал Орк. — Я старался не вмешиваться в ход эволюционного процесса на Земле. Хотя, конечно, один-два ребенка не вызвали бы большой разницы. Но ты можешь быть сыном другого властителя. Однако о чем это я... Ты сбил меня с мысли. Ах да! Я говорил о твоей ловкости. Если верить твоим словам, ты довольно верткий парень. И возможно, я могу тебя использовать.

Он снова замолчал, склонил голову набок и, сцепив руки за спиной, зашагал по комнате. Вдруг Орк остановился, взглянул на Кикаху и улыбнулся.

— А почему бы и нет? Давай посмотрим, насколько ты хорош. В принципе, что бы там ни случилось, я ничего не теряю. А выиграть можно многое!

Кикаха догадывался, что именно предложит ему властитель. И его догадка подтвердилась. Рыжий Орк собирался сообщить ему адрес Уртоны и обещал доставить на место и снабдить эффективным оружием. Но потом Кикахе предстояло действовать на свой страх и риск. Властитель не сомневался, что пленник потерпит поражение. Однако схватка могла отвлечь внимание Уртоны, и Рыжий Орк хотел использовать это обстоятельство в собственных интересах.

— А еще мне не терпится посмотреть, как лебляббий будет завоевывать крепость властителя, — с усмешкой сказал Орк. — Забавно, правда?

— Что ты будешь делать, если я добьюсь успеха? — спросил Кикаха.

— Это просто невозможно. Во всяком случае, мне не удалось проникнуть туда. Хотя, конечно, я еще и не пытался как следует. Но если ты по какому-то невероятному стечению обстоятельств добьешься успеха — а мне даже смешно об этом говорить, — я позволю тебе и твоим друзьям вернуться в ваш мир. При условии, что и другие дадут мне слово никогда не возвращаться на мои планеты.

Кикаха не поверил ему, но не считал нужным докладывать об этом Орку. Выбравшись из камеры и получив свободу действий, пусть даже под пристальным наблюдением Орка, он обретет возможность противостоять обоим властителям.

Рыжий Орк поднес к губам устройство, прикрепленное к запястью, и что-то сказал на неизвестном языке. Через минуту в камеру вошел еще один человек. На его красной юбке была вышита черная птица, сжимавшая в когтях серебряную рыбу. Он принес какие-то документы, которые с поклоном вручил Орку, и поспешно удалился.

Властитель сел рядом с Кикахой.

Документы оказались крупномасштабными картами центральной части Лос-Анджелеса. Орк очертил круг в районе Беверли Хиллз.

— Вот дом, где я жил когда-то. Теперь там обитает Уртона. В этом доме он держит Анану и твоих друзей.

Когда Орк описал ловушки и защитные системы дома, Кикаха почувствовал себя менее уверенно. К тому же Уртона, очевидно, изменил расположение ловушек и дополнил их своими задумками. Но какой бы ни была конфигурация систем, они в основном остались прежними, поэтому Кикаха решил не отчаиваться.

— Почему же ты сам до сих пор не напал на него?

— Я пытался, — ответил Орк. — Несколько раз. Мои люди пробирались в дом, но потом я их больше не видел. Последний штурм провалился около трех лет назад... Если у тебя ничего не получится, — добавил он, — я натравлю на Уртону Звоняря. Но это плохая угроза. Уртона подумает, что у меня не хватит духу на подобный поступок.

Судя по тону, Рыжий Орк не верил в успех Кикахи. Властитель ехидно спросил о планах своего «союзника», и Кикаха ответил, что за неимением таковых он начнет с импровизации. Тем не менее ему хотелось узнать, может ли Орк каким-то образом исказить показания защитных систем и приборов обнаружения. Тот обещал подумать над этим вопросом.

Потом Кикаха попросил антигравитационный пояс, и властитель поначалу ответил отказом. Он боялся, что уникальный прибор окажется в руках землян.

— Риск тут небольшой, — возразил Кикаха. — Вступив в схватку с Уртоной, я либо убью его, либо погибну сам. В любом случае пояс не попадет в руки посторонних. Если же прибором действительно завладеют земляне, ты или Уртона без труда вернете его себе, используя свою огромную власть и влияние. Я уверен, что властитель двух Земель добудет пояс даже из сейфов ФБР. Разве это не верно?

— Ты прав, — ответил Орк. — Но пояс даст тебе большие возможности. И вместо того чтобы напасть на Уртону, ты можешь попытаться удрать.

— Нет. Меня остановит только смерть. Я буду сражаться до последней капли крови или до победного конца.

Орк удовлетворенно кивнул, и Кикаха понял, что наркотик правды все еще действовал. Властитель встал и сказал:

— Я приготовлю все необходимое. Мне потребуется некоторое время, поэтому можешь отдохнуть или заняться тем, что тебе больше нравится. Будь готов к полуночи.

Кикаха спросил, нельзя ли снять с него цепь.

— Конечно, — ответил Орк. — Тебе все равно отсюда не выйти. Цепь — это лишь дополнительная мера предосторожности.

Один из вошедших охранников вытащил из кармана юбки небольшой цилиндр и прикоснулся им к кольцу, которое сжимало лодыжку Кикахи. Кольцо со щелчком разомкнулось и упало на пол. Орк вышел из комнаты, слуги последовали за ним. Дверь закрылась, и Кикаха остался один.

Выполнив серию физических упражнений, он погрузился в размышления, из которых его вывело появление подноса с едой. После ужина Кикаха помылся, побрился и, сделав несколько растягивающих упражнений, отправился спать. Зная, что ночью ему потребуются все его ловкость и быстрота, он не хотел растрачивать силы на волнения и бесцельную ходьбу от стены к стене.

Проспав около двух часов, Кикаха приподнялся на софе, быстро осмотрел комнату, и что-то в ее обстановке ему не понравилось. Чуть позже он понял, что его встревожил поднос с пустыми тарелками и чашками. Поднос по-прежнему стоял на столе, хотя ему давно полагалось быть убраным. Кикаха посчитал это плохим и зловещим знаком.

Теперь он знал, что его разбудило легкое постукивание. Перед тем как проснуться, Кикаха видел сон, в котором дятел долбил ствол огромного дуба.

Но комнату заполняла гнетущая тишина.

Он встал и приблизился к двери, в которую вышли Орк и его слуги. Приложив ухо к стальной поверхности, Кикаха прислушался и вдруг с проклятием отскочил на шаг. Металл в одну секунду стал горячим.

Пол дрогнул, как при сильном землетрясении. Дверь издала несколько трескучих звуков, и он понял, откуда появился дятел в его сне. Кто-то пытался проломить эту дверь с другой стороны.

Увидев, что металл становится вишнево-красным и начинает плавиться, Кикаха отбежал к противоположной стене. Красное пятно распространилось на всю дверь и стало ослепительно белым. Затем появилась дыра размером с тарелку. Кикаха спрятался под софу и осторожно выглянул из-под свисавшего покрывала. Через несколько минут он увидел, как в дыру просунулась чья-то рука. В поисках замка ладонь скользнула по краю косяка и, ничего не обнаружив, вновь исчезла в отверстии. Дверь тут же стала малиново-красной. Кикаха уже понял, что его неизвестный спаситель использовал лучemet. «Но тогда из какого же металла сделана дверь?» — подумал он. Будь то даже самая прочная сталь, она превратилась бы в лужицу металла при первом прикосновении луча.

Дверь с лязгом упала вовнутрь, и в комнату вбежал человек. Его оружие походило на большой цилиндр с широким раструбом и прикладом от винтовки. По шотландской юбке Кикаха узнал в нем одного из телохранителей Орка. Но в сетке, прикрепленной ремнями к его плечам, находился черный предмет, по форме напоминавший колокол.

Взглянув на содержимое сетки, Кикаха быстро отдернул голову. Сжимаясь в комок, он от души надеялся, что человек не будет полосовать софу лучом, хотя подобная мера предосторожности казалась ему вполне вероятной. Кикаха знал, на что способен Табююз. И как бы раньше ни называли этого человека, теперь он стал Черным Звонарем. От слуги властителя осталось лишь тело — тело, которым управлял раззвонаря.

Каким-то образом Табююз добрался до матрицы и, покинув тело раненого дракландца, овладел одним из охранников. Раздобыв мощный лучemet, он решил выбраться из крепости Рыжего Орка. И, судя по запаху сгоревшей плоти, в соседних комнатах кому-то очень не повезло.

Кикахе безумно хотелось узнать, что делает сейчас Звонарь, но он не смел шевельнуться. В какой-то момент рядом с ним послышалось дыхание человека, а затем наступила тишина. Подождав около минуты и не заметив ничего подозрительного, Кикаха приподнял край покрывала, осмотрел пустую комнату и выкатился из-под софы. Он увидел, что вторая дверь, в которую его вводили, открыта настежь. Вырезанный замок валялся на полу.

Подкравшись к косяку первой двери, Кикаха осторожно выглянул из-за угла. В коридоре лежали части человеческих тел — руки, несколько туловищ, обугленные головы и куски обгоревшей плоти. Вероятно, здесь погибли четверо или пятеро мужчин. Оpoznать в них Орка не представлялось возможным. От кожи, волос и одежды не осталось даже следа.

Где-то тихо звенела сирена.

Его терзало сразу несколько желаний. Прежде всего, он боялся упустить Звонаря и хотел, не теряя времени, пойти по его следу. Во-вторых, ему не терпелось узнать, жив ли еще Рыжий Орк. В-третьих, Кикаха надеялся проверить свои догадки относительно мира, в котором он теперь находился. Та дверь под лестничной клеткой могла оказаться воротами в другую вселенную, а этот дом скорее всего был расположен на второй, неизвестной ему Земле.

Он вышел в коридор. На полу лежали несколько ножей, но от лезвий веяло таким жаром, что Кикаха не решился их поднять. Через сводчатый проем он прокрался в большую куполообразную комнату. Его удивляло здесь все — настенные фрески с видами прибрежных и подводных ландшафтов, легкая деревянная мебель с филигранной резьбой, мотивы которой оставались для него загадкой, и наконец мозаичный каменный пол, изображавший морских существ.

Он пересек комнату и выглянул в окно. В небе светила луна, и в ее призрачном сиянии Кикаха увидел широкое крыльцо с высокими деревянными колоннами, выкрашенными в белый цвет. Чуть дальше начинался каменистый пляж, а в сотне ярдов от дома шумел морской прибой. Берег казался пустынным и безлюдным.

Стараясь соединить быстроту с осторожностью, Кикаха обследовал здание. В одной из комнат он нашел ручной лучемет, похожий на обычный револьвер. На рукоятке виднелись иероглифы неизвестного ему языка. Они отличались от всего, что он видел когда-либо прежде. Кикаха опробовал оружие и легким движением рассек массивное кресло. Ему, к сожалению, не удалось найти запасных батарей. И, что хуже

всего, он не знал, надолго ли хватит заряда имевшегося аккумулятора.

В небольшой кладовой Кикаха обнаружил шкафы с одеждой. Здесь в основном хранились юбки, сандалии, бусы и куртки с пышными рукавами. Но в одном из шкафов он нашел одежду земного типа. Подобрал для себя рубашку и брюки, Кикаха подвернул немного длинные штанины и, чтобы не натереть ноги большими ботинками, ограничился парой сандалий.

Заглянув в большую спальню, роскошно обставленную незнакомой и странной мебелью, он в конце концов понял, как Орку удалось бежать. На полу в центре комнаты лежал полумесяц. А значит, властитель сложил врата и перенесся куда-то в безопасное место. И он точно воспользовался этим путем. Стены и дверь были покрыты темными полосами оплавленного пластика. Мебель пестрела прожженными дырами и обуглившимися краями. Вряд ли Звонарь застиг Рыжего Орка без оружия, но тот, очевидно, посчитал большой лучемер чрезмерно опасным и решил уклониться от боя.

Итак, он прошел через врата, размышлял Кикаха. Но куда? Властитель мог вернуться на Землю номер один — причем в совершенно другой дом. Кроме того, он мог перенестись в какое-то место на Земле номер два. И еще Орк мог укрыться в одной из комнат этого дома.

Удовлетворившись осмотром дома, Кикаха решил отправиться за Звонарем.

Он спустился по лестнице, пересек большую комнату, пробежал по коридору и осторожно заглянул в камеру, где его держали в плену. Дверь, через которую ушел Звонарь, по-прежнему была открыта. Кикаха в нерешительности замер перед ней. На месте Табююза он притаился бы в засаде и ждал, когда за ним пойдут враги. Но Звонарь действовал довольно спокойно и уверенно. Очевидно, он знал, что преследовать его больше некому. К счастью, Табююз не догадывался о другом пленнике, иначе Кикаху ожидала бы неминуемая смерть.

Он вернулся в коридор и поднял один из ножей, лежавших на полу. Клинок успел остыть, и, взвесив его на ладони, Кикаха решил, что тот довольно неплохо сбалансирован. Сунув нож за пояс и приготовив к бою лучемер, он прыгнул в дверной проем. В маленькой узкой прихожей никого не оказалось. Приблизившись к закрытой двери в конце коридора, Кикаха толкнул ее кончиком ножа. Дверь открылась, и он обратившись в слух осмотрел полупустую комнату. Кикаха мог поклясться, что она изменилась. Комната стала больше.

С серых каменных стен исчезли голубые обои. Но он ожидал, что такое могло произойти. Как видно, Рыжий Орк постарался сделать все, чтобы его пленник, совершив побег, попал в ужасное и удивительное место.

При других обстоятельствах Кикаха пошел бы назад и поискал переключатель, который мог настроить врата на желаемую резонансную частоту. Но теперь на это не оставалось времени. В застенках Уртоны томились его друзья, и они верили, что он придет к ним на помощь. А Звонарь мог и подождать. Кикаха решил пробраться на Землю номер один и начать наступление на Уртону.

Он хотел пройти через коридор и вернуться в спальню властителя, но так и не сдвинулся с места. Его бывшая тюрьма изменилась. Он бы не заметил ловушки, если бы не дверь, которую Звонарь сорвал с петель. Теперь она выглядела целой и невредимой. Всего через несколько шагов Кикаха мог оказаться отрезанным как от Звонаря, так и от пленников Уртоны.

Сжав зубы, он зашипел от ярости и досады. Из-за хитростей властителя Кикаха лишился выбора. Ему оставалось лишь следовать за Звонарем в надежде, что тот найдет какой-то выход.

Не забывая об осторожности, он быстро вошел в дверь.

Комната не таила никакой опасности, но и не давала понять, куда он попал. Следующее помещение во всем походило на предыдущее, не считая того, что там находились какие-то черные металлические ящики, сложенные у стен почти до потолка. Однако Кикаха не нашел ни замков, ни устройств, которые указывали бы на то, как они открывались.

Он медленно открыл следующую дверь, заглянул внутрь и прыгнул вперед. Посреди большой комнаты, уставленной креслами, диванами, столами и скульптурами, журчал прекрасный фонтан. Взглянув на мебель, Кикаха тут же узнал стиль романтической эпохи властителей. Часть потолка и половина правой стены представляли собой одно огромное выпуклое окно. Сразу за ним тянулась узкая пропасть, а дальше начинался пологий склон. Затем, примерно на расстоянии тысячи футов, виднелась ровная долина, которая через несколько миль переходила в отроги невысоких гор.

За окном стоял день, но полуденный свет казался тусклым и бледным. Маленькое солнце на черном небе едва освещало каменистый грунт с извилистыми языками красноватого песка. На склоне и в долине, на большом отдалении друг от друга, возвышались растения, похожие на кактусы. Отсюда они

выглядели совсем крошечными, но, прикинув расстояние, Кикаха понял, насколько огромны эти растения.

Он осмотрел помещение и удостоверился, что дверь в следующую комнату закрыта. Его буквально тянуло к окну. Пейзаж наполняла какая-то жуткая и безутешная неподвижность. Возможно, за целую тысячу лет здесь не шевельнулась ни одна песчинка. Или это так ему казалось? Разве можно судить о целой планете по виду одной долины?

Кикаха не имел понятия, где находится. Если его перенесло в другую вселенную, он скорее всего об этом не узнает. Но Кикаху могло забросить на какую-нибудь планету его родной вселенной (или по крайней мере на ее дубликат). Тогда это определенно Марс. Размеры солнца, красноватый песок, расстояние до горизонта и наличие атмосферы, в которой могла развиваться растительная жизнь — если только она на самом деле растительная, — все это указывало на Марс. И белесая луна, приближавшаяся с запада, лишь подтверждала его догадки.

Значит, этому зданию на Марсе уже около пятнадцати тысяч лет. Судя по рассказам Ананы, марсианский дворец построили сразу же после сотворения мира.

В этот момент какое-то существо, перелетев через дальнюю гряду, начало спускаться в долину. Размах его крыльев достигал примерно пятидесяти ярдов, а выглядело оно как помесь коршуна, птеродактиля и воздушного шара. Кости на перепонках казались тонкими, как фольга, а крылья — не толще папиросной бумаги. Но на таком расстоянии трудно было судить о реальных размерах — да в общем-то и ни к чему. Тело «пичуги» походило на большой мешок, и Кикаха полагал, что этот «дирижабль» наполнен газом. Хвост вытягивался в любопытную конфигурацию, напоминавшую шесть коробчатых воздушных змеев. Тонкие и многочисленные нижние конечности тянулись вниз, как какая-то сложная снасть для посадки, чему они, вероятно, и служили. На широких лапах имелось по семь или восемь когтей.

Существо скользило в воздухе быстро и грациозно. Несмотря на огромные крылья и раздутое газом тело, оно снижалось под крутым углом. А это свидетельствовало об очень разреженной атмосфере.

Огромная рваная тень помчалась к одному из гигантских кактусов, а затем существо, как упавший небоскреба, рухнуло на колючее растение. Красная пыль взлетела в воздух и осела быстрее, чем это произошло бы на Земле.

Туша монстра скрыла под собой весь кактус. «Птичка» задрала вверх папириобразный клюв, молниеносно вонзила

его между лапами в растение и застыла, словно каменное изваяние.

Внезапно Кикахе пришло в голову, что это зрелище могло увлечь и Звонаря. Если он тоже решил потешить свое любопытство, его можно застать врасплох. Кикаха осторожно прошел в следующую дверь и оказался в помещении, которое раз в десять превышало по размерам предыдущую комнату. Вдоль стен стояли огромные металлические контейнеры, а в центре находились пульта со множеством кнопок и индикаторов. И здесь тоже имелось окно с видом на долину.

Выяснив, что Звонаря в этом зале нет, Кикаха отправился дальше. Прокравшись в небольшую гостиную с уютной и функциональной обстановкой, он обнаружил на полу скелет.

О причинах смерти оставалось только гадать. Зубы сохранились прекрасно. Череп и кости выглядели неповрежденными. Скелет принадлежал рослому мужчине. Раскинув руки, он лежал на спине неподалеку от второй двери.

Кикаха решил, что это какой-то властитель, попавший в марсианскую крепость из другой вселенной. А возможно, Орк отправил сюда одного из своих врагов, загнав его в ловушку или сослав на вечное изгнание. Это могло случиться в те дальние времена, когда властители, создавшие Землю, пытались выяснить, кто из них сильнее.

Кикаха поднял череп и подержал его в руке. Эту штуку можно было метнуть во врага или использовать для отвлекающего броска. Он усмехнулся, представив, как череп давно усопшего властителя расплющивает нос и губы Звонаря. А ана с ума сошла бы от восторга.

Следующее помещение напоминало по форме грот. В центре располагался пруд, ширина которого приблизительно равнялась шестидесяти, а длина — тремстам ярдам. С вершины гранитной заостренной скалы низвергался небольшой водопад. По берегам из рыхлой почвы проступали каменные конусы и маленькие холмики, на которых росли какие-то странные растения. Чуть дальше из гранитной плиты бил родник, и узкий ручеек, вливаясь в пруд, покачивал огромные водяные цветы с широкими листьями.

Зашагав по мокрому и скользкому берегу, Кикаха испугнул небольшое красноватое существо, которое вдруг выпрыгнуло из листьев марсианской лилии. Оно подскочило вверх и, вытянув в струнку лягушачьи лапы, с плеском шлепнулось в прозрачную воду. Через несколько секунд амфибия всплыла на поверхность и повернула к Кикахе лягушачью морду. Хрящеватые перископы ее глаз беспокойно сканировали берег.

Пупырчатая кожа имела такой же красноватый оттенок, как пыль на поверхности этой планеты.

Время от времени в глубине мелькали очертания длинных и вытянутых тел, которые отдаленно напоминали угрей. По всей видимости, еды здесь для «лягушки» хватало. А возможно, и наоборот, хватало тех, кто питался такими «лягушками». В любом случае экология крошечного мира была прекрасно сбалансированной. Вряд ли Рыжий Орк навещал своих питомцев слишком часто.

Внезапно Кикаха услышал тихий скрип. Дверь в дальнем конце грота начала открываться. Бежать вперед или назад не имело смысла — он находился примерно посреди помещения. Справа тянулась лужайка, слева располагался пруд. Не мешкая ни секунды, Кикаха распластался на мокром берегу и тихо соскользнул в воду. Она оказалась теплой и какой-то маслянистой.

Сунув лучемер за пояс и решив пока не расставаться с найденным черепом, он оттолкнулся от края пруда и, погружившись в воду с головой, поплыл среди толстых стеблей и колючих водорослей. Медленно всплыв к огромному бутону цветка, Кикаха осторожно выглянул из-под широкого листа, надеясь, что Звонарь не обратит внимания на его приподнятый край. К счастью, в отличие от других помещений дворца, грот освещался лишь светом из окна, и все его пространство заполняли мягкие красноватые сумерки.

Уцепившись рукой за упругий лепесток и обхватив ногами ворсистый стебель, Кикаха аккуратно развернулся, и то, что он увидел, заставило его затаить дыхание. В таких случаях у него обычно открывался рот, но, поскольку в этот момент большая часть его лица находилась под водой, он не пошел на поводу у привычки.

Черная матрица парила в семи футах над землей и медленно двигалась вдоль края пруда. Подлетев к двери, через которую недавно вошел Кикаха, она остановилась. Через секунду в гроте появился Звонарь. Он осмотрелся и уверенно зашагал к «колоколу».

Все встало на свои места. Кикаха понял, что случилось в доме Орка.

Используя оборудование Вольфа, Звонарь оснастил свою матрицу антигравитационным устройством, которое управлялось на расстоянии с помощью мыслей. Бежав на Землю, Табююз какое-то время не мог найти этим новшествам достойного применения. Но его поймал Орк, и Звонарь, оправившись от раны, решил опробовать «колокол» в деле. С помощью особых телепатических сигналов, которые распознавались

матрицей, он вызвал ее к себе. Несмотря на ограниченную дальность действия, такой вид управления оказался довольно эффективным.

Выполняя телепатические команды Звонаря, матрица выпустила Табююза из камеры. Ему удалось оглушить одного из охранников и перенести свой разум в новое тело. Следуя введенной программе, матрица автоматически произвела все необходимые перемещения и расщепила мозг человека.

Для надежного приема телепатических сигналов матрица выпускала наружу две крохотные антенны. Они выдвигались из пары отверстий в ее основании. Дело в том, что «колокол» изготавливался из материала, который не поддавался разрушению и был непроницаем даже для радиации. Поэтому устройство антенн действовало автоматически — через определенные интервалы времени. «Услышав» зов Звонаря, матрица откликнулась, и с ее помощью Табююз вырвался на свободу. Раздобыв оружие, он перебил телохранителей Орка, а затем попытался уничтожить самого властителя. Однако это ему не удалось — во всяком случае, так считал Кикаха. Решив вернуться на Землю номер один, Табююз прошел через ворота и оказался в здании на Марсе.

Кикаха следил за приближением Звонаря. Чтобы достать оружие, ему пришлось расстаться с черепом. Тот беззвучно пошел ко дну. Придерживаясь рукой за лепесток, Кикаха вытащил из-за пояса лучемет. Звонарь прошел мимо него и остановился у двери. Открыв ее, он пропустил «колокол» в следующую комнату.

Очевидно, матрица могла определять местоположение других живых существ. Диапазон наблюдения был ограничен, иначе, пролетая над берегом, она засекала бы Кикаху. Вероятно, вода и листья отражали зондирующий сигнал, а обилие рыб в глубине пруда вызывало какие-то помехи.

Кикаха подтянулся повыше и приподнял лучемет над водой. Край листа мешал ему целиться, но промах означал бы верную смерть. Если луч отклонится в сторону, Звонарь убежит в дверь. С таким мощным оружием, как у него, он превратит этот пруд в кастрюльку с закипевшим супом. К тому же луч мог разрезать стену здания и пробить защитную оболочку дворца. Если воздух вырвется в разреженную атмосферу Марса, им обоим придет конец. А это совершенно не устраивало Кикаху.

Звонарь повернулся боком. Стараясь удержать равновесие, Кикаха прицелился ему в бедро. Он решил сначала свалить Табююза с ног, а затем разрезать его надвое.

Палец начал плавно нажимать на курок. Но тут что-то коснулось икры Кикахи. Он открыл рот, чтобы закричать, и, едва не потеряв сознание от ужасной боли, согнулся пополам. Вода попала ему в рот и ноздри. Лучемерт выскользнул из руки и пошел ко дну. Глотнув едкой жидкости, Кикаха мотнул головой и ударился о стебель растения. Он мельком увидел зубастую тварь, уплывающую в глубину: его укусила красная «лягушка».

В горле першило от проглоченной воды. Необходимо было срочно глотнуть воздуха. Но наверху мог ожидать Звонарь, заподозривший неладное в тихом всплеске.

Кикаха вынырнул под широким листом и усилием воли подавил кашель. Сплюнув горькую слюну, он осторожно выглянул из-под огромного лепестка. Звонарь исчез.

В следующий миг Кикаха снова согнулся от боли. «Лягушка» вернулась и еще раз цапнула его за ногу. Кровь могла привлечь других обитателей пруда. Он быстро поплыл к берегу и выскочил из воды на скользкий мох. Ноги у него дрожали.

Выбравшись на дорожку, он стянул с себя рубашку, разорвал ее на полосы и перевязал раны. По остроте зубов «лягушка» могла потягаться с акулой; вместе с тканью штанов она отхватила по куску мяса. К счастью, раны оказались неглубокими.

Властитель знал, что кому-то из гостей захочется поплавать в пруду. И наверное, он от души веселился, когда запускал сюда этого беспощадного маленького хищника.

А вот Кикахе было не до смеха. Он не знал, зачем Звонарь ушел в следующую комнату, но подозревал, что тот вскоре вернется. Без лучемерта положение осложнялось в несколько раз. Но нырять за оружием Кикаха не хотел — во всяком случае до тех пор, пока плотоядная тварь находилась в пруду.

Однако у него остался нож. Кикаха вытащил его из-за пояса и, зажав в зубах, омыл дорожку водой в тех местах, где успела капнуть кровь. Плыв в сторону вынырнувшей «лягушки», он хромя зашагал в следующую комнату.

Пройдя пустой короткий коридор, Кикаха вошел в огромное помещение. По размерам оно почти не уступало гроту. Теплый воздух был насыщен влагой. Везде нависали, стелились и вились растения неземного и немарсианского происхождения. Правда, из всей марсианской флоры Кикаха видел только кактусы в долине, но эти растения выглядели такими высокими, зелеными и мясистыми, что явно не имели ничего общего с разреженной атмосферой Марса.

Одна из стен представляла собой окно, затянутое серым туманом. Туман был справа и слева, сверху и снизу. И как бы Кикаха ни напрягал глаза, он не видел ничего, кроме серой однообразной пелены. Однако она не походила на земной влажный туман. Ее составляли мириады крохотных частиц и напоминали Кикахе густое пылевое облако.

Такого на Марсе, пожалуй, не бывает, подумал он. Неужели на выходе из коридора стояли еще одни ворота? Очевидно, он перенесся на какую-то другую планету или спутник. Сила притяжения почти не отличалась от земной, а значит, он находился на планете схожего размера. Все это плюс влажное густое облако заставило его подумать о Венере.

Только теперь до него дошло, что в марсианском дворце поддерживалась искусственная гравитация. На самом деле ей полагалось быть значительно ниже. Насколько? Раз в шесть? Кикаха точно не помнил. Но он не взлетал в воздух во время прыжков, а это уже о многом говорило.

Теперь он не сомневался, что тот дворец действительно находился на Марсе. Особые устройства поддерживали в здании земную силу притяжения. А значит, эта гигантская оранжерея могла располагаться, скажем, на Юпитере, и все те же гравитационные устройства сводили титаническое притяжение планеты к нулю.

Кикаха пожал плечами. Какая разница, куда он попал, если за стенами здания ему не сделать и шага? Сейчас следовало подумать о том, как остаться живым и вернуться на Землю. Он прошел еще один пустой коридор и оказался в едва освещенном помещении, которое размерами не уступило бы нью-йоркскому центральному вокзалу. Под огромным куполом мерцало озеро серебристо-серой жидкости, которая напоминала ртуть. Вдоль стен по кругу тянулась узкая дорожка, а в центре озера находился круглый остров. Осмотрев помещение, Кикаха не нашел никаких других дверей.

Остров располагался в пятидесяти ярдах от края дорожки. Его каменистая поверхность лишь на фут выступала над гладью ртутного озера. Точно в центре возвышался большой металлический обруч, установленный вертикально на мраморном пьедестале. Кикаха понял, что это ворота. Если бы ему удалось до них добраться, он мог бы проскочить в куда более приятное место — во всяком случае, это предполагали правила игры. Продемонстрировав ум, силу и ловкость — и превыше всего, везение, — пленник получал свой шанс на свободу.

Прятаться было негде, и Кикаха решил остаться около двери. Ожидая Звонаря, он попытался придумать, из чего бы ему сделать лодку. Мебели в других комнатах хватало. Кикаха мог бы, к примеру, притащить сюда какой-нибудь диван, но он сомневался, что из этого выйдет толк. Тяжелый предмет утонет в ртути за пару секунд, а за такое время пятьдесят ярдов не одолеешь. Тем не менее такой вариант стоило попробовать.

Мысль о тонущем диване не прибавила веселья. «А может ли вообще что-то плавать по ртути?» — подумал Кикаха. Кроме того, если он правильно усвоил уроки химии, от нее исходили ядовитые испарения.

Ему вспомнились занятия в средней школе и просторный химический кабинет. Все это осталось в далеком 1936 году, но в памяти всплыло несколько фраз: «...не смачивает стекло, но, находясь в стеклянной посуде, образует выпуклую поверхность... слабо испаряется при обычных температурах и опасно для здоровья из-за отравляющего воздействия... во влажном воздухе медленно тускнеет...»

Воздух под огромным куполом был влажным, однако металлическая жидкость не тускнела. И Кикаха не чувствовал каких-либо испарений или их отравляющего воздействия. Во всяком случае, пока.

Он вздрогнул, услышав тихие шаги, а вернее, шлепанье кожаных сандалий по плитам пола. Звонарь оставил эту дверь открытой, и Кикаха не трогал ее. Он стоял за ней, держа наготове нож, и надеялся, что Табююз не пошлет сюда прежде «колокол».

Но «колокол» влетел. Черный предмет парил в четырех футах над полом. Оказавшись на кольцевой дорожке, матрица остановилась. Кикаха сделал прыжок и захлопнул дверь. «Колокол» продолжал висеть на том же месте.

Дверь не имела замка. Звонарь мог открыть ее ударом ноги. Но его, видимо, ошеломило появление врага, и он решил соблюдать осторожность. Табююз не знал, кто находится по ту сторону двери, и скорее всего предполагал наличие какого-то серьезного оружия. Более того, Звонаря отсекали от матрицы. Это могло означать ловушку. Он понимал, что «колокол» разрушить невозможно, но его драгоценную матрицу могли забрать и где-нибудь спрятать.

Кикаха пробежал мимо двери, надеясь, что Звонарь не выстрелит по ней в этот момент из лучемета. Схватив матрицу, он толкнул ее от себя. Оказывая небольшое сопротивление, она двигалась только по горизонтали, но по вертикали не уступала ни дюйма.

Кикаха увидел, как по металлическому косяку и краю двери начало расплзаться красное пятно. Звонарь включил лучемер на полную мощность, однако металл оказался на удивление прочным.

Но почему он просто не откроет дверь пинком? Кикаха не понимал такой излишней осторожности. Будь он на месте Табююза, его противник давно бы горел, как смоляная голышечка.

Возможно, Звонарь боялся того, кто мог прятаться за дверью. Очевидно, он хотел предотвратить любую возможность для нанесения неожиданного удара. Но какими бы ни были его мотивы, он дал Кикахе небольшую передышку, и тот решил добраться до острова.

Кикаха прикинул, что успеет одолеть всего половину пути. Тем не менее он ухватился обеими руками за «колокол» и потащил его к стене. Матрица сопротивлялась, однако передвигалась по горизонтали довольно легко. Оценивая силу инерции, Кикаха подтянул ее к себе, а затем изо всех сил толкнул вперед. «Колокол» двигался со скоростью два фута в секунду. Налетев на изгиб стены, он замедлил ход и остановился. Кикаха оттянул его к краю дорожки и еще раз толкнул, позаботившись о том, чтобы «колокол» не завис над озером. Дальность полета оказалась вполне приемлемой, и Кикаха немного воодушевился.

Он взглянул на дверь. В красном пятне появилась дыра, сквозь которую проник ослепительно белый луч. Звонарь скорее всего намеревался вырезать большое отверстие или удалить всю дверь целиком. Но он мог остановиться в любой момент и, заглянув в дыру, увидеть своего врага и матрицу. Хотя, с другой стороны, Табююз по-прежнему ожидал прицельного выстрела. Он до сих пор не знал, каким оружием обладает его противник. Все это заставляло Звонаря соблюдать предельную осторожность.

Кикаха снова подтащил «колокол» к стене. Он обхватил его руками, подтянул ноги и повис на нем, почти касаясь дорожки коленями и кончиками сандалий. Матрица непоколебимо сохраняла одну и ту же высоту.

— Будь что будет! — прошептал он и изо всех сил оттолкнулся ногами от стены.

Уцепившись за матрицу, Кикаха полетел над озером к острову. Одолев около сорока футов, «колокол» остановился. Кикаха взглянул вниз на жидкий металл и осторожно коснулся сандалией его поверхности. Он оттолкнулся одной ногой, потом другой. Металл податливо растекался в стороны. Кикаха стал перебирать ногами быстрее, и матрица

сдвинулась на несколько футов. Чтобы не останавливаться, ему приходилось отталкиваться от металла постоянно. Руки съезжали с покатой поверхности «колокола». Пот покрывал все тело и жег глаза. Ноги болели так, будто он пробежал не меньше двух миль.

И все же он добрался до острова. Рядом, в пяти-шести шагах, возвышались врата. Кикаха взглянул на дверь. Тонкая красная полоса сбегала вниз вдоль косяка, пересекала плотно и поднималась вверх с другой стороны. Начертив эту перевернутую «П», она точно сломалась и поползла вдоль верхней поперечной балки. Кикаха понял, что через пару минут дверь рухнет и Звонарь увидит все как на ладони.

Он оглянулся на обруч. Сквозь кольцо виднелась противоположная часть помещения. Однако Кикаха знал, что, шагнув во врата, он может оказаться в совершенно другом месте — а возможно, и в другом мире. Если только властитель не установил этот обруч потехи ради.

Он толкнул матрицу в створ врат и быстро отпрыгнул в сторону. Кикаха чувствовал нутром, что здесь его поджидала ловушка. Такие ребята, как Рыжий Орк и Уртона, не знали меры в своих забавах. А для запуска ловушки в нее следовало что-нибудь бросить.

Раздался оглушительный взрыв. Лицо и бок Кикахи опалило жаром. Он предусмотрительно закрыл глаза, но свет проник даже сквозь веки. Приподняв голову, Кикаха осмотрелся и увидел матрицу, которая неслась над «ртутным» озером. Взрыв не изменил высоты ее полета и только с силой отшвырнул прочь. Она врезалась в стену, отскочила на несколько дюймов и неподвижно зависла над кольцевой дорожкой.

В этот миг дверь качнулась и рухнула на пол. Кикаха не услышал звука ее падения. В его ушах по-прежнему звучали отголоски взрыва. Он увидел, как Звонарь метнулся в проем, упал на дорожку и, ловко откатившись в сторону, выставил перед собой лучемет. На какой-то миг их взгляды встретились. Затем Кикаха вскочил на ноги и побежал к пьедесталу. Он знал, что новой вспышки можно не опасаться — властители редко опускались до повторов одного и того же трюка. Но если ловушка успела восстановиться, его могло разорвать на сотни кусков. Однако выбирать не приходилось. И что бы там ни произошло, его тревогам скоро придет конец.

Он прыгнул в обруч, и под ним разверзлась бездна.

Внизу, возможно, в нескольких тысячах футов, виднелась земля; над головой сияло голубое небо, а прямо перед ним появилась тонкая горизонтальная планка. Кикаха ухватился

за нее, как утопающий за соломинку. Пальцы сжали гладкий металлический стержень, и Кикаху качнуло на вытянутых руках.

Конструкция немного напоминала гимнастическую перекладину. Металлический стержень крепился к двум поперечным балкам, которые торчали на двадцать футов из отвесной скалы.

Здесь Рыжий Орк переплюнул самого себя. Это был триумф садизма и коварства. Если пленник по небрежности или незнанию не проверял врата на «огневую завесу», его разрывало на куски. Если же он, разгадав ловушку, преодолевал врата шагом, а не в прыжке, его ожидала еще более ужасная гибель — он мог не дотянуться до планки.

Но что властитель придумал на тот случай, если пленник все же вцепится в перекладину?

Человек менее храбрый и сильный мог бы просто упасть. Но Кикаха не стал терять время даром. Вытянув одну руку, он ухватился за поперечную балку. Его лицо исказилось гримасой боли. Ругаясь, он отдернул обожженную кисть и замахал ею в воздухе.

Балка оказалась раскаленной.

Кикаха перебрался по планке ко второй опоре и дотронулся до нее. Та тоже обжигала кожу.

Прикосновение к горячему металлу вызывало мучительную боль, но Кикаха знал, что на планке ему долго не продержаться. Собравшись с силами и закусив губу, он перелез на балку. Из груди вырвался крик. На глазах появились слезы. Поднявшись на выступ скалы, он со стоном перекатился на спину и поднес ладони к глазам. Пальцы жгло так, словно они обгорели до костей. Однако на коже появилось лишь легкое покраснение. Через минуту боль исчезла.

Осмотр скалы не занял много времени. Да и смотреть здесь было в общем-то не на что. Он находился на вершине высокой колонны, сделанной из твердого черного камня. Гладкие стенки придавали ей сходство с пушечным стволом или, вернее, с иглой, воткнутой в подушечку каменистой пустыни. Равнина тянулась от горизонта до горизонта, а через нее, как диаметр гигантского круга, протекала река. Обходя колонну, она разветвлялась на два стремительных потока, которые снова сливались вместе по другую сторону этой чертовой «иглы».

На безоблачном синем небе сияло желтое солнце, оседлавшее зенит.

Вокруг колонны, неподалеку от ее основания, виднелись четыре гигантских обруча, расположенных по сторонам света. При правильном выборе одни из врат могли перенести его

туда, где он остался бы жив. Другие, вероятно, вели к той или иной смерти.

Однако выбор врат — это дело десятое. Сперва ему не помешало бы спуститься с колонны. Поразмыслив немного, Кикаха решил, что хорошие идеи на такую высоту не залетают. Во всяком случае ему не удалось придумать ничего толкового.

Он вернулся к выступавшим из скалы опорам. Звонарь мог пройти через врата в любую минуту. Какими бы надеждами он себя ни тешил, дорога у них одна. Ему придется последовать за Кикахой.

Минуты шли, превращаясь в часы, и солнце неохотно спускалось по небесному мосту. Чтобы расслабиться и разогнать кровь в затекших мышцах, Кикаха встал и зашагал по плоской вершине колонны. Внезапно прямо перед ним из воздуха появилась нога. Звонарь по другую сторону врат исследовал неизвестное пространство.

Стопа попыталась нащупать что-нибудь твердое, но везде находила лишь пустоту. Она исчезла, и через несколько секунд появилось лицо Звонаря — совсем как улыбка Чеширского кота, только в обратном варианте.

Клинок Кикахи сверкнул на солнце серебряной полосой. Лицо дернулось назад и скрылось в небесной синеве, а затем, футом ниже этого места, пропал и метательный нож.

Врата оказались двусторонними. Об этом свидетельствовало исчезновение ножа. В принципе Звонарь мог высовывать голову даже из односторонних врат, поскольку они начинали закрываться только при переносе основной массы тела. Подобный маневр считался очень рискованным, так как многие властители дополняли врата молекулярными гильотинами, которые наказывали слишком осторожных и любопытных людей.

Прошло пять или шесть секунд. Кикаха выругался. Он мог так и не узнать об эффективности своего броска. Внезапно из синего неба возникла голова. За ней последовали шея, плечи и грудь с торчавшей рукояткой ножа.

Звонарь вывалился из врат и рухнул вниз. Его тело становилось все меньше и меньше. Оно исчезло на несколько мгновений, а когда труп рухнул в реку, Кикаха увидел белое пятнышко всплеска.

Он глубоко вздохнул и сел на скалу. Его сотрясала дрожь. Табююз убит, и о расе Звонарей можно забыть. Он только что спас тысяча восемь вселенных.

«И в награду за это я могу найти здесь свою смерть, — подумал Кикаха. — Теперь я знаю, что такое одиночество.

Это когда ты один в целом мире, да к тому же сидишь на каменной игле в несколько тысяч футов высотой. Впрочем, если мне в голову не придет какая-нибудь сногшибательная мысль, я вскоре удвою количество трупов в этой вселенной».

Он еще раз вздохнул и приступил к неизбежному.

Когда Кикаха вновь ухватился за балку, боль была такой же сильной, как и на пути к скале. Он добрался до перекладки и немного отдохнул, зацепившись за планку рукой и ногами. Когда боль в ладонях и пальцах прошла, Кикаха встал на перекладину, балансируя на ней, как заправский канатоходец. Долгие годы лазания по монолитам Многоярусного мира не прошли даром. С трудом сохраняя равновесие, он быстро прикинул то место, откуда выпал Звонарь, — ничем не приметный кусочек неба, попасть в который мог только очень везучий человек.

Кикаха прыгнул вперед и вверх. Его голова и часть тела прошли через ворота. Край обруча вонзился в живот — Кикаха хрипло застонал. Зацепившись пальцами за грань пьедестала, он рывком подтянулся на руках и перекатился на камни острова. Минут пять Кикаха лежал, наслаждаясь покоем и жизнью. Дыхание выравнивалось, и сердце уже не сотрясало грудную клетку. В двух шагах от него лежал лучемер, а чуть выше парил осиротевший «колокол».

Кикаха поднялся и обследовал матрицу. Анана рассказывала, что корпуса этих штук и кончики антенн изготавливали из неразрушаемого материала. Когда антенны втягивались внутрь, их концы затыкали два крохотных отверстия в основании матрицы. В таком положении она могла переносить любые воздействия. Но сами антенны имели другую, более деликатную и менее прочную, структуру. Во время взрыва в обруче они, очевидно, получили повреждения. Во всяком случае так считал Кикаха. Он не видел этих дефектов, как, впрочем, не видел и самих антенн. Однако стоило ему коснуться пальцем отверстий, как он тут же почувствовал легкий укол. И все же матрица получила повреждения. Только поэтому Звонарь не послал ее впереди себя через ворота. Возможно, взрыв временно нарушил настройку приемного устройства, и «колокол» перестал подчиняться телепатическим сигналам. К тому же аппаратура была экспериментальной, а значит, Табююз не успел довести ее до совершенства.

Что бы там ни случилось, «колокол» парил над островом на той же высоте. И все так же оказывал сопротивление любым попыткам заставить его двигаться по вертикали.

Кикаха надеялся, что антенны матрицы по-прежнему выполняют часть своих функций. Иначе она не могла бы сохранять постоянную высоту относительно грунта.

Это свойство давало ему единственный шанс на спасение. Антигравитационное устройство «колокола» могло обеспечить плавный спуск на несколько тысяч футов вниз. Впрочем, матрица могла остаться на уровне врат даже в том случае, если грунт под ней внезапно превратится в бездну. И тогда он вновь переберется на вершину колонны или вернется на этот остров.

Кикаха перекинул через плечо ремень лучемета, прижал «колокол» к груди и прошел сквозь обруч.

Спуск напомнил ему прыжок с парашютом. Скорость оказалась большей, чем он ожидал. Матрицу постоянно сносило к колонне, и время от времени Кикахе приходилось отталкиваться от нее ногами. Возможно, здесь сказывалось небольшое притяжение, вызванное массой колонны.

Когда до реки осталось не больше десяти футов, матрица внезапно остановилась, и Кикаха, сорвавшись, упал в теплую воду. Его подхватило сильное течение, и, чтобы добраться до берега, Кикахе пришлось постараться. Чуть позже, отдохнув на теплых камнях, он решил побродить вдоль реки, но, не пройдя и сотни шагов, увидел «колокол», зависший у скалы. И как бы высоко ни прыгал Кикаха, дотянуться до матрицы ему не удалось. Впрочем, в этом пока не было большой необходимости.

Через несколько ярдов он наткнулся на тело Звонаря. Труп вынесло на каменистую отмель и зажало между двумя камнями. Спину Табююза распорол об острую гальку, а затылок стал таким мягким, будто он ударился не о воду, а о бетон. Нож по-прежнему торчал в груди, и Кикаха, вытащив его, обтер лезвие о мокрые волосы Звонаря. Он перенес тело на берег и взглянул на гигантские врата. Они походили на увеличенную модель того обруча, который остался в другом мире. Двое врат находились на этой стороне реки, двое — на той. Они располагались по углам квадрата, длина стороны которого составляла около двух миль.

Подойдя к ближнему обручу, он бросил в него камень. Тот пролетел сквозь кольцо и упал на песок с другой стороны. Кикаха понял, что это очередная шутка Рыжего Орка. Все четыре обруча могли оказаться простым металлом. А значит, он останется в этом бесплодном мире до конца дней своих — нескольких ужасных дней перед голодной смертью.

Следующий обруч в северо-восточном углу еще больше укрепил его подозрения.

Кикаха начал испытывать усталость и голод. Чтобы добраться до двух других колец, ему предстояло переплыть реку и одолеть сильное течение. Расстояние от одного обруча до другого составляло две мили; значит, для проверки всех четырех колец ему пришлось бы пройти восемь миль*. В другое время он посчитал бы это за прогулку, но последние несколько часов нанесли его силам значительный урон.

Посидев минуту, Кикаха вскочил на ноги и обозвал себя дураком. Он совсем забыл о существовании так называемых однонаправленных врат, в которые полагалось входить только с одной стороны. Он обошел обруч и, подняв камень, бросил его сквозь кольцо. Однако обруч так и остался обручем.

Кикаха побежал к первому кольцу и проверил его с другой стороны. Результат оказался таким же неутешительным.

Он переплыл реку, выбрался на другой берег и прошел то расстояние, на которое его снесло течением. Лучемер весил около тридцати фунтов. Он мешал идти, плыть, но Кикаха не хотел расставаться с ним ни на минуту.

Юго-западный обруч ничем его не обрадовал. Кикаха прошептал проклятие и направился к последнему кольцу. Солнце клонилось все ниже и ниже, спускаясь с безмолвного неба к безжизненной земле. Ветер утих. Чуть позже смолкло журчание реки. Тишину нарушали лишь его шаги, тяжелое дыхание и скрежет камней под ногами.

Когда он добрался до северо-западного обруча, ему на миг захотелось отложить последнее испытание. Если это кольцо окажется макетом, а не настоящими вратами, шутка Рыжего Орка станет последней в жизни Кикахи. Но, отдохнув пару минут в тени скалы, он решил не затягивать конец этой мутной драмы.

Первый брошенный им камень вонзился в песчаный холм позади кольца.

Второй пролетел сквозь обруч и упал на землю.

Кикаха подпрыгнул от злости, закричал и ударил кулаком в ладонь. Потом пнул небольшой камень и, завывая от боли, заскакал на одной ноге. Из глаз покатились крупные слезы. Он бил себя по щекам, дергал за волосы и выкрикивал в голубое небо проклятия и угрозы. Повернув лицо к безразличному желтому солнцу, он завыл, как волк, хвост которого попал в медвежий капкан.

Через какое-то время Кикаха затих. Если бы не трепетавшие веки и не вздымавшаяся грудь, он вполне мог бы сойти

* Ошибка в расчетах Фармера. Кикахе потребовалось бы пройти шесть миль.

за светло-красный валун, которыми изобиловала эта бесплодная земля.

Чуть позже, вырвавшись из объятий бессмысленного созерцания, он пошел к реке, утолил жажду и занялся поиском места для ночлега. Минут через пятнадцать на склоне небольшого холма Кикаха обнаружил нишу, которая могла послужить укрытием от поднимавшегося ветра. Поразмыслив немного о своем невеселом будущем, он еще раз обругал Рыжего Орка и со вздохом заснул.

Утром, взглянув на тело Звоняря, Кикаха вспомнил рассказы о тех, кого голод подтолкнул к людоедству.

Чтобы чем-то отвлечь себя от подобных мыслей, он побродил по мелководью, выискивая рыбу или ракушки. Кикаха вспенивал воду руками и шлепал по ней ладонями, но обитатели водной стихии ничем не выдавали своего присутствия. Судя по отсутствию какой-либо растительности, они на этой планете вообще не водились.

Вернувшись к холму, он забрался на круглую вершину и еще раз осмотрел четыре больших обруча. Ситуация казалась до невозможности простой и в то же время отчаянно сложной. Орк наверняка подготовил какую-то лазейку, через которую пленник мог вырваться на свободу. Для этого требовались только смекалка и ловкость. Но с таким же успехом властитель мог отступить от правила и оставить ловушку без выхода. В любом случае Кикаху ожидала смерть. Даже если здесь и была какая-то лазейка, он оказался недостаточно смышленным, чтобы отыскать ее.

Внезапно Кикаха вскочил на ноги. Да что же случилось с его умом? До сих пор он бросал в кольца только камни. А ведь существовали врата, которые запускались в действие с помощью предметов большого объема и массы. Причем некоторые активировались лишь в тех случаях, когда тело, проходившее через них, состояло из протеина. Кроме того, он слышал об особых устройствах, которые улавливали импульсы человеческого мозга. Без этих сигналов врата действительно были кусками железа. А значит, он должен опробовать обручи сам.

Но многие врата настраивались на разрушение первой проходившей массы. К тому же Орк мог воспользоваться заминированной ловушкой по типу тех врат, которые он установил на «ртутном» озере.

Кикаха застонал при мысли о том, что ему предстояло сделать. Вот уж действительно: хочешь жить — умей вертеться. Поблагодарив судьбу за хрупкое телосложение Звоняря, он взвалил труп на плечи и понес его к ближайшим вратам.

День выдался длинным и жарким. Мышцы дрожали от напряжения, в желудке посасывало, а каждая неудача у гигантских колец отнимала все новые и новые силы. Переправив через реку труп и лучемер, он едва не лишился чувств. Шесть раз тело Звоняря взлетало в воздух и падало наземь. Кикаха проверил трое врат. И вот теперь, дотаскив свою ношу к четвертому кольцу, он решил немного отдохнуть.

Звонярь лежал рядом. Его рот открылся. Пустые глаза смотрели на жаркое солнце. Вокруг разносился слабый запах гниения. Взглянув на труп, Кикаха подумал, что в этом мире не так уж все и плохо. По крайней мере, тут не было мух.

Время шло. Он по-прежнему не мог собраться с силами. Ему полагалось встать и дважды бросить тело с обеих сторон кольца. В принципе Кикаха мог бы просто перевалить Звоняря через врата, но тогда он оказался бы на пути возможного направленного взрыва.

«Ладно, парень, вперед, — уговаривал себя Кикаха. — Всего-то и надо встать у края, бросить труп в кольцо и отпрыгнуть в сторону».

В конце концов он выполнил это в седьмой раз. Тело проскочило сквозь обруч и растянулось на земле. У Кикахи остался последний шанс. Забыв об отдыхе, он поднял Звоняря на уровень груди, швырнул его в круг и прыгнул под защиту большого валуна.

Взрыва не последовало, и он осторожно выглянул из-за своего укрытия. Тело Табююза лежало на песке позади пьедестала.

«Вот и все, — подумал Кикаха. — Я сделал все, что мог».

Он разочарованно покачал головой и отрешенно повернулся к обручу спиной. Это произвольное движение спасло ему жизнь.

И даже тогда Кикаха уцелел лишь чудом. Тигроподобная тварь, которая бесшумно кралась к нему по твердой скале, взревела, встретившись с ним взглядом. Она перешла на бег и огромными прыжками ринулась на человека. Тот так удивился, что на секунду оцепенел, и зверь едва не настиг свою жертву. Едва — потому что Кикаха быстро пришел в себя. Он выстрелил, когда животное взвилось в последнем прыжке. Луч прожег голову, рассек шею, грудную клетку и часть ноги, а затем пробуравил скалу позади твари. Тело упало на землю и, скользя по скале, сбilo Кикаху с ног. Он покатился кувирком, раздирая о камни спину, руки и грудь. Поднявшись на ноги, Кикаха вытер окровавленный нос. Кожу

покрывали ссадины и кровоподтеки. В бедре и пояснице, куда врезалось тело зверя, появилась тупая боль, которая становилась все сильнее и сильнее.

Тем не менее животное выглядело съедобным. Немного поразмыслив, Кикаха понял, откуда оно взялось. Он решил еще раз вернуться к северо-западным воротам и проверить их на активацию с задержкой. Впрочем, теперь ворота могли и подождать. Кикаха нарезал несколько кусков мяса и поджарил их на слабом огне лучемета.

Зверь был на четверть больше сибирского тигра, во многом походил на кошку и имел густой длинный мех с рыжевато-коричневым подшерстком. На голове и теле проступали бледно-красные извилистые полосы. Черная шерсть на нижней части лап напоминала носки. Лимондно-желтые глаза имели ромбовидный зрачок, а зубы были похожи на акульки.

Как бы отвратительно ни пахло мясо, оно наполнило Кикаху силой. Схватив Звонаря за руку, он протащил его две мили по камням. Труп к тому времени выглядел просто ужасно. Запах усилился. Подняв тело на уровень груди, Кикаха задержал дыхание и после броска стремительно отскочил в сторону.

Звонарь исчез в створе врат, и оттуда брызнули струи нефти. Если бы Кикаха стоял перед обручем в пределах десяти ярдов, его окатило бы с ног до головы. Маслянистая жидкость внезапно вспыхнула, и на камнях заметалось пламя.

Огонь погас через пятнадцать минут. Приготовив лучемет для стрельбы, Кикаха прыгнул во врата. Он не знал, чего еще ожидать от Рыжего Орка. Возможно, ему предстояла встреча с другими «тиграми» или более страшными хищниками. Бросив сюда Звонаря в прошлый раз, Кикаха запустил в действие хитроумный механизм активации. Врата открылись с небольшой задержкой, и особое устройство протолкнуло в них хищную тварь. До этого мог додуматься только такой садист, как Рыжий Орк. А ему, очевидно, нравились шуточки подобного типа. Однако Кикаха надеялся, что их количество теперь пойдет на убыль. Вряд ли Орк ожидал, что кто-то из его пленников проберется сквозь ловушки в такую даль.

На секунду Кикаха оказался в пустом помещении, где находилась большая клетка с распахнутой дверцей. Тут же возвышался странный черный купол на трех ножках. Не успел он ступить и шагу, как его перенесло в небольшую комнату, которая насторожила Кикаху голыми стенами из прочного серого металла. Вся мебель состояла из трех предметов — унитаза без стульчака, раковины с одним краном и

небольшого металлического стола, прикрепленного к полу цепями.

Переход из комнаты в комнату ошеломил его, хотя он и мог объяснить, как все это случилось. Прыгнув через обруч, он активировал врата с механизмом задержки. И они переправили его в какую-то тупиковую камеру.

Комната была ярко освещена, но свет не имел никаких видимых источников. Металлические стены поблескивали безупречно отполированной поверхностью. Двери и окна отсутствовали. Кикаха навел раструб своего оружия на одну из стен, однако луч лишь нагрел воздух в камере. Выключив лучемет, он почувствовал легкий сквознячок и начал искать источник вентиляции.

После длительных поисков Кикаха выяснил все, что хотел. Свежий воздух поступал из точки, которая находилась чуть выше поверхности стола. Иными словами, воздух входил через врата, вмонтированные в металлический столик, и выходил через другие, которые располагались в одном из верхних углов комнаты. Эти врата работали попеременно и пропускали только воздух.

Он включил лучемет на полную мощность и навел его на поверхность стола. Неказистый столик оказался таким же прочным, как и стены. Однако пленным полагалась еда. Кикаха решил подождать, пока не появится пища — если только, конечно, его не собирались уморить голодом. Вполне возможно, что врата для подачи еды располагались на той же самой столешнице. А значит, в положенное время они автоматически переключались с подачи воздуха на перенос более массивных и твердых веществ.

Этот вариант побега показался Кикахе слишком уж простым. Почему же им тогда не воспользовались другие пленники? Возможно, властитель намеренно подводил его к такому решению, заманивая тем самым в очередную ловушку. Черный юмор в стиле Рыжего Орка? Но слишком уж примитивно, подумал Кикаха. Скорее всего властитель просто не учел, что кому-то в голову придет настолько дикая идея.

Кикаха знал, что где-то в доме уже звенел тревожный звонок, оповещавший хозяев о новом пленнике. Если только эта камера действительно находится в обитаемом доме. Врата могли забросить его в тюрьму какой-нибудь покинутой вселенной. А властители — народ непоседливый. Вот и его тюремщик мог томиться сейчас в застенках другого мира. Что ни говори, а тюрьмы властителей — вещь ненадежная...

Кикаха терпеливо ждал, и примерно через четыре часа на столе появился поднос. Увидев земную пищу, он не мог

поверить своим глазам — поджаренное мясо, салат из моркови, латука и лука, чесночная приправа, три куска коричневого европейского хлеба с настоящим сливочным маслом и, наконец, шоколадное мороженое.

Покончив с едой, он почувствовал себя гораздо лучше. Пора было поблагодарить своего хозяина. Проглотив последнюю ложку мороженого, Кикаха повесил лучемер на плечо и забрался на стол. Немного подумав, он согнулся и, балансируя на одной ноге, поставил поднос на поверхность стола. Встав на него обеими ногами, Кикаха сложил руки на груди и замер. Он рассудил, что врата могли активироваться подносом и блюдами, а не массой предмета, который находился на столе. И ему приходилось надеяться на то, что действие врат простиралось на достаточную высоту, которая включала его всего до кончиков волос на макушке. В ином случае кто-то мог получить сюрприз; причем довольно неприятного характера.

Внезапно Кикаха оказался на столе чулана, который освещался тусклой лампочкой. Не догадайся он пригнуться — его голова материализовалась бы в потолочной балке.

Кикаха слез со стола и, распахнув дверь, вышел в большую кухню. Спина к нему стоял какой-то человек. Услышав скрип петель, мужчина быстро обернулся. Его рот открылся, глаза расширились, и он тихо прошептал:

— Какого хре...

Нога Кикахи воткнулась в его подбородок, и мужчина без чувств упал на пол. Кикаха замер и прислушался. Уверившись, что небольшой грохот на кухне не встревожил обитателей дома, он быстро обыскал своего нового знакомого.

В натальной кобуре оказался «смит-вессон» тридцать восьмого калибра, с укороченным дулом. В бумажнике, кроме ста десяти долларов, лежали вездесущие кредитные карточки и два водительских удостоверения. Если верить визитной карточке, мужчину звали Робертом ди Анжело.

Проверив обойму и сунув пистолет за пояс, Кикаха приступил к осмотру кухни. Судя по огромным размерам, она находилась в особняке богатого человека. Заметив на стене приоткрытую выдвижную панель, Кикаха обнаружил за ней пульт управления какими-то механизмами. Среди кнопок и тумблеров мигали несколько огоньков.

Ди Анжело посылал ему пищу, а это свидетельствовало о том, что обитатели дома знали о появлении нового пленника. По крайней мере, об этом знал властитель. Вряд ли его люди что-то смыслили во вратах. Скорее всего Орк приказал им докладывать о каждом случае, когда на щите загорались

лампочки и включалась звуковая сигнализация. Последнюю, конечно, уже успели отключить.

Видеосистемы каждой камеры транслировали изображение на мониторы, поэтому властитель — а в данном случае Уртона — мог проверить, кто к нему пожаловал. Но почему он не поспешил допросить своего пленника? Неужели ему не интересно узнать, каким образом сюда попал Кикаха?

Налив воды в бокал, Кикаха плеснул ее в лицо человека. Ди Анжело вздрогнул, замотал головой и открыл глаза. Почувствовав у горла острие ножа, он еще раз вздрогнул.

— Где твой хозяин? — спросил Кикаха.

— Не знаю, — ответил ди Анжело.

— Ложь ведет к страданиям души, — назидательно напомнил Кикаха.

Он прижал лезвие к горлу, и по шее побежала тонкая струйка крови. Глаза мужчины расширились еще больше.

— Эй, полегче, — прохрипел он. — Ты ничего не добьешься, если перережешь мне глотку. Давай я лучше введу тебя в курс дела...

Ди Анжело был поваром, но он знал обо всем, что происходило в нижних эшелонах «команды». Принимая его на работу, их босс, мистер Каллистер, приказал докладывать о каждом случае, когда на кухне сработает тревожная сигнализация. Однако она бездействовала так долго, что ди Анжело начал о ней понемногу забывать. И вот сегодняшней ночью звонок зазвенел, перепугав его почти до смерти. Он тут же позвонил мистеру Каллистеру, но тот уехал с ребятами на дело. О таких поездках ди Анжело обычно не сообщали. Однако он предполагал, что дело имело какое-то отношение к недавним событиям, которые начались с появления Кикахи и его друзей. Каллистер по телефону дал ему несколько указаний, и, следуя им, ди Анжело приготовил пищу, поставил поднос на стол в чулане, а затем, закрыв дверь, нажал на большую красную кнопку.

Кикаха спросил его о Вольфе, Хрисеиде и Анане.

— Недавно парни отвели их в кабинет босса и оставили там, — ответил ди Анжело. — С тех пор пленников никто не видел. Это правда, клянусь тебе! Если кто и знает, где они теперь, так только сам мистер Каллистер. Он и только он!

Кикаха заставил ди Анжело встать и показать ему дом. Они прошли через несколько коридоров и больших, богато убранных комнат. Кикахе захотелось осмотреть второй этаж, и они поднялись туда по широкой винтовой лестнице. По пути ди Анжело сообщил ему, что особняк расположен в

Беве́рли Хиллз, а участок обнесен высокой стеной. Именно этот адрес и называл Кикахе Рыжий Орк.

— Где остальные? — спросил он.

— Многие разъехались по домам, а остальные разошлись по своим комнатам над гаражом, — ответил ди Анжело. — Я здесь один. И поверьте, мистер, мне незачем вас обманывать.

Бронированная дверь в кабинет Каллистера оказалась закрытой на хитроумный замок. Кикаха включил лучемет и быстрым движением ствола прорезал в стальной плите широкую дыру. Глаза у ди Анжело едва не выпали из орбит, и он стал бледнее мела. Очевидно, ему еще не доводилось видеть оружия властителей.

Кикаха покопался в огромном столе из красного дерева и, обнаружив какую-то тесьму, связал ди Анжело по рукам и ногам. Пока повар потел от страха в кресле, Кикаха быстро обыскал кабинет. Когда он нажал на кнопку в углу стола, столешница бесшумно раздвинулась в стороны и перед ним появился пульт, который, вероятно, управлял воротами этого здания. Над кнопками, дисками и индикаторами виднелись странные значки и иероглифы. Они могли поставить в тупик любого землянина, но только не Кикаху. Он мог бы писать поэмы на языке властителей.

Тем не менее Кикаха не мог воспользоваться пультом. Он не знал, к какому типу относятся ворота с номера первого по номер десятый. Он не имел понятия, что произойдет с пленниками, если нажать кнопку, обозначенную символом «М». Она могла означать тысячу вещей, но Кикаха подозревал, что это сокращение от «миатсо» — мучительная смерть.

Кроме того, здесь возникало множество других проблем. Кикаха не знал, где располагались ворота, которые он собирался активировать. Причем он сомневался, что ему удастся запустить их в действие. Властитель не так глуп, чтобы оставить систему включенной. Он наверняка имел при себе какой-то механизм, который обеспечивал подачу энергии к пультам. Во всяком случае, Кикаха знал теперь, где находилась панель управления. Если ему удастся достать активатор, эта система может здорово пригодиться. Но сначала предстояло выяснить расположение ворот.

Кикаху угнетали возникшие отсрочки. Он снова почувствовал бессильную злость. По ту сторону ворот томились его друзья, и им угрожала жестокая расправа.

Внезапно зазвонил телефон. Кикаха вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Он отнес телефон к ди Анжело и поднял трубку таким образом, чтобы им обоим был слышен звуча-

ший голос. Никаких дополнительных объяснений повару не потребовалось.

— Алло? — произнес он.

— Ди Анжело? Подожди минуту.

Следующий голос принадлежал человеку, с которым Кикаха говорил из телефонной будки на заправочной станции. И уж если Уртона сам возглавил операцию, то, видимо, дело им предстояло действительно серьезное. А выманить его из крепости могло только одно — возможность поймать Рыжего Орка.

— Анжело? У меня здесь сработала сигнализация. Сигнал тревоги поступил из моего кабинета. Тебе что-нибудь об этом известно?

Кикаха покачал головой, и ди Анжело ответил:

— Нет, сэр.

— Кто-то пробрался в мой кабинет. Ты где?

— На кухне, сэр, — ответил ди Анжело.

— Иди наверх и узнай, что происходит. Я буду ждать твоего звонка, — сказал Уртона. — Скоро тебе на помощь придут ребята со склада, так что не рискуй там понапрасну. Стреляй только в том случае, если будешь уверен, что не промахнешься. Понял?

— Да, сэр, — ответил ди Анжело.

В трубке раздался щелчок. Кикаха знал, что радоваться тут нечему. Вне всяких сомнений, Уртона просчитал, что злоумышленник в его кабинете прослушал этот разговор по второму телефону. Чтобы задержать незваного гостя на несколько минут, властитель послал ди Анжело на верную смерть. А значит, его люди появятся здесь очень скоро.

Кикаха вставил в рот ди Анжело кляп и запер его в стенном шкафу. Нацелив лучемер на пульт, он сжег устройство управления воротами. Если Уртона задумает переправить своих пленников в другое место или сделать с ними какую-нибудь гадость, ему придется сначала изготовить новую панель. Это даст Кикахе небольшой запас времени. Хотя, возможно, у властителя имеется несколько таких устройств.

Следовало выбираться отсюда как можно быстрее. Первым делом Кикаха решил отправиться на железнодорожную станцию и забрать из камеры хранения футляр. Оставалось только пожалеть о том, что у него не было рога прямо сейчас. Больше такая возможность не повторится. Отныне Уртона будет охранять свой дом гораздо лучше.

Прежде чем отправиться в деловую часть города, Кикаха задумал спрятать лучемер на участке особняка. Пройдя вдоль ограды, он отыскал небольшую яму за кустом олеандра.

Однако сад оказался настолько ухоженным, что Кикаха не нашел ни хвороста, ни листьев, которыми он мог бы прикрыть оружие. Доверившись судьбе, Кикаха положил лучемер в яму, а затем бросил туда же пистолет ди Анжело, который слишком уж выпирал под рубашкой*.

Чуть позже ему пришлось вернуться к тайнику и ненадолго забрать лучемер. Кикахе не понравился замок на железных выездных воротах, и он решил его ликвидировать. По обе стороны от ворот шла высокая кирпичная стена, верх которой венчали острые металлические шипы. В сторожевой будке никого не было. Очевидно, Уртон взял на дело всех своих людей, оставив в доме только ди Анжело. Заметив в будке небольшой пульт, Кикаха без труда разобрался с управлением. Однако питание механизмов оказалось отключенным, и ему не удалось открыть створки ворот. Кикаха не захотел возвращаться в дом и расспрашивать повара, а разрезал замок лучом и одним толчком открыл ворота. Позади завывала сирена, и он увидел, как замигали огоньки на пульте в сторожевой будке. Кикаха знал, что, если сирена не отключится, соседи могут вызвать полицию. Он улыбнулся, представив себе, как разъярится Уртон. Но улыбка сошла с его лица. Вмешательство полиции могло повредить не только властителю, но и ему самому.

Вновь спрятав лучемер за кустом, он отправился в южном направлении. Пройдя пять кварталов, Кикаха вышел на Сансет. Он медленно крался в тени деревьев, опасаясь, что его заметит какой-нибудь полицейский патруль. В этом богатом и респектабельном районе пешеходы вызывали подозрение и, как правило, останавливались полицией. Ночью это правило действовало без исключений.

Удача не оставила его, и он поймал такси. Водитель не хотел выезжать за пределы Беверли Хиллз, но Кикаха, не слушая возражений, забрался в машину.

— Это очень срочное дело, — сказал он. — У меня назначена встреча, которая может принести большие деньги.

Он нагнулся вперед и передал водителю двадцатидолларовую банкноту из бумажника ди Анжело.

— Она ваша, сверх тарифа и обычных чаевых. Скажите, а мы можем сделать небольшой крюк?

— Конечно, можем, — тут же ответил водитель.

Он высадил своего пассажира за три квартала от вокзала. Кикаха не хотел, чтобы таксист знал слишком много, если его

* Ранее Кикаха порвал эту рубашку на куски и перевязал ею раны на ноге.

потом будет допрашивать полиция. Добравшись до станции, он подошел к дереву и достал из дупла комок жевательной резинки со спрятанным ключом.

Кикаха забрал футляр из камеры хранения и торопливо направился к выходу. Внезапно кто-то дернул его за штанину. Он обернулся и увидел четырехлетнюю девочку, которая, взглянув на него большими темно-синими глазами, звонко прокричала: «Привет!» Он погладил ее по головке и, услышав за спиной сердитый крик, вздрогнул. Разъяренная мать тащила дочку в сторону и громко читала ей нотации о том, как опасно заводить дружбу с незнакомыми дядями.

Кикаха горько усмехнулся и покачал головой. За долгие годы жизни в Многоярусном мире он привык, что к детям относились как к безмерно дорогим и любимым существам. Дело в том, что Вольф вводил в воды своего мира химические вещества, которые обеспечивали людям молодость на целое тысячелетие. Эти же химикалии уменьшали рождаемость, поэтому детей в Многоярусном мире ценили как редкий дар богов и милость всемогущего Властителя. За все существование планеты там произошло лишь несколько случаев детоубийства. Избиение ребенка или отказ от материнства считались немыслимыми преступлениями. И хотя такое воспитание не мешало детям становиться жестокими и свирепыми воинами — почитавшими детей врагов за великую святыню, — оно не создавало психозов и неврозов, которым были так подвержены цивилизованные земляне. Конечно, большинство общин в мире Вольфа являлись однородными и технологически примитивными племенами, но зато их не захлестывали многослойные и перекрестные потоки стилей и культур, чем так отличались индустриальные общества Земли.

Кикаха покинул вокзал, прошагал несколько кварталов, а затем зашел в телефонную будку на углу большой станции обслуживания и набрал номер Уртоны. Трубку сняли после первого гудка. Отвечал какой-то незнакомый голос.

— Не могли бы вы позвать мистера Каллистера? — спросил Кикаха.

— Кто говорит? — ответил грубый голос.

— Обо мне вам может рассказать ди Анжело, — с усмешкой произнес Кикаха. — Если только вы нашли его уже в стенном шкафу.

В трубке раздалось удивленное восклицание, и голос произнес:

— Подождите минуту.

Через несколько секунд Кикаха услышал знакомый баритон:

— Каллистер слушает.

— Он же Уртон, и он же нынешний властитель Земли, — добавил Кикаха. — А я тут недавно заходил к тебе в гости.

— Но как ты вышел?..

Уртон замолчал, понимая, что он не услышит описания побега.

— Потому что я — Кикаха!

Он решил играть в открытую, зная, что Уртон уже получил из уст одурманенной Ананы не только его имя, но и полное описание примет.

— Я — землянин, свершающий дела, которые ты посчитал бы невыполнимыми для властителей миров. Я тот, кто прямо или косвенно убил всех Черных Звонарей и избавил вселенные от их угрозы. Мне удалось уйти из тюрьмы Рыжего Орка на другую Землю. Я прошел через его ловушки и вышел в твоём доме. Если бы в тот момент ты оказался дома, я бы пленил или убил тебя. Так что не заблуждайся на мой счет.

Однако я звоню не для того, чтобы угрожать и хвастаться. Мне нужны мои друзья, и я хочу вернуться с ними в мир Вольфа. Ты и Рыжий Орк можете воевать здесь до скончания времен — и пусть победит сильнейший. Но теперь, когда Звонарь мертв, у меня нет причин задерживаться на Земле. И тебе незачем держать моих друзей в плену.

Наступило долгое молчание, а потом Уртон сказал:

— Как мне убедиться, что Звонарь действительно мертв?

Кикаха вкратце описал ему происшедшее, хотя и умолчал о некоторых деталях, которых, по его мнению, Уртоне знать не следовало.

— Теперь ты знаешь, как проверить мою историю, — сказал он. — Тебе не повторить мой путь, поскольку мы оба не знаем, где находится дом Рыжего Орка. Но все врата там были двусторонними, и ты можешь пройти по ним в обратную сторону, начиная с темницы своего дома.

Он мог представить, какой восторг и ужас чувствовал сейчас Уртон. Кикаха проложил ему тропу прямо в обитель Орка. Однако и тот мог пройти по этой же дорожке.

— Ты ошибаешься, землянин, — ответил Уртон. — Я знаю, где живет Рыжий Орк. Вернее, где он жил до недавнего времени. Один из моих людей видел его на улице за пару часов до твоего появления в камере. Сначала он подумал, что это я, и решил не вмешиваться в чужие дела. Но, вернувшись сюда и увидев меня, он понял, что я не мог прийти домой так быстро.

И тогда мне стало ясно, какая удача выпала на мою долю. Я поднял на ноги всех своих людей. Мы окружили дом и

ворвались в логово Орка. Нам удалось убить четверых его слуг, но сам он скрылся, бежав на вторую Землю. Покидая дом, Рыжий Орк уничтожил все врата своего убежища. И поэтому мы не могли последовать за ним.

— А я-то надеялся, что его уничтожил Звонарь, — произнес Кикаха. — Один из тех сгоревших трупов мог оказаться Орком. Но он, значит, остался жив. Ладно...

— Я устал играть в эти игры, — прервал его Уртона. — Мне тоже хотелось бы увидеть брата среди тех обуглившихся трупов. И я снова предлагаю тебе сделку. Если ты приведешь ко мне Рыжего Орка или доставишь его труп в узнаваемом состоянии, я отпущу твоих друзей и помогу вам вернуться в ваш Многоярусный мир. Но прежде мне придется удостовериться, что твоя история о Звонаре правдива.

— Ты знаешь, как это сделать, — сказал Кикаха. — Дай мне поговорить с Ананой и Вольфом. Я хочу убедиться, что они живы.

— В данный момент ваш разговор невозможен, — ответил Уртона. — Дай мне десять минут, и я приведу их сюда. Ты перезвонишь?

— Конечно.

Кикаха повесил трубку и поспешил уйти от этой будки. У земных властителей имелись приборы, определявшие район, из которого звонили. А Кикаха больше не собирался играть в поддавки.

Поймав такси, он доехал до «смоляной ямы» Ла Бри и прошел по бульвару Уилшир до первого телефонного автомата. Прошло около пятнадцати минут. На этот раз трубку снял ди Анжелло. Узнав голос Кикахи, он попросил его подождать и переключил линию на кабинет хозяина. Через несколько секунд заговорил Уртона:

— Сначала пообщайся с моей племянницей. Эта любительница лебляббиев прямо сгорает от нетерпения.

Услышав голос Ананы, Кикаха вздрогнул.

— Милый! Как ты там? С тобой все в порядке?

— Пока да! — ответил Кикаха. — Звонарь мертв! Я сам его убил. Рыжий Орк в бегах. Так что держись! Мы еще вернемся в хороший мир! Я люблю тебя, Анана!

— Я тоже люблю тебя! — воскликнула она.

В разговор вмешался Уртона.

— А уж как я тебя люблю, лебляббий, даже и словами не передать, — сказал он с сарказмом. — Кажется, ты хотел поговорить еще и с Вольфом?

— Если ты собираешься убеждать меня, что ему сейчас некогда со мной разговаривать, я тебе не поверю, — ответил Кикаха.

В трубке зазвучал низкий и мелодичный голос Вольфа:

— Кикаха! Мой старый друг! Я знал, что рано или поздно ты придешь!

— Привет, Роберт. Рад снова услышать твой голос! Надеюсь, с тобой и Хрисеидой все в порядке?

— Да, мы живы и здоровы. На какую сделку тебя подбивает Уртона?

— Хорошего понемногу, — оборвал их властитель. — Надеюсь, ты доволен, землянин?

— Я удостоверился, что на данный момент они живы, — ответил Кикаха. — И лучше им оставаться такими, когда мы приступим к взаимным расчетам.

— Не надо мне угрожать! — закричал Уртона. Но тут же взял себя в руки и мирно добавил: — Все будет хорошо. Сейчас мы должны помогать друг другу. Возможно, тебе нужна какая-то помощь?

— Дай мне адрес дома, в котором жил Рыжий Орк.

— Зачем он тебе понадобился? — с удивлением спросил Уртона.

— На это есть свои причины, — ответил Кикаха.

Уртона продиктовал адрес Орка. Он тянул каждое слово, как кот за хвост, пытаясь разгадать намерения своего собеседника.

— Пока это все, что мне нужно, — сказал Кикаха. — До встречи.

Через минуту он уже сидел в такси, направлявшемся к дому Уртоны. Не доезжая двух кварталов, Кикаха расплатился с водителем и прошел остальную часть пути пешком. Подъездные ворота закрывались теперь на цепь. Свет в сторожевой будке помог ему разглядеть внутри троих мужчин. Освещенные окна особняка пятнали лужайку желтыми прямоугольниками. И казалось, что попасть на участок абсолютно невозможно.

Кикаха мог подпрыгнуть, ухватиться за верх стены, а затем перелезть через ограду. Однако он не сомневался, что по периметру стены проложена тревожная сигнализация. А впрочем, какая разница — есть там сигнализация или нет? На этот раз он не собирался пробираться в дом. Ему требовалось лишь забрать лучемет и уйти. К тому времени, когда появятся люди Уртоны, он успеет перелезть через стену обратно.

Но сначала он хотел припрятать футляр. Карабкаться с ним по стене было бы неудобно, а скорее всего и невозможно. Он мог оставить его на дорожке, но не решился пойти на такой риск. Осмотрев газон между тротуаром и улицей, Кикаха заметил разлапистый куст. Сунув футляр в гущу ветвей, он подошел к тому месту, где за стеной находился лучемер. Мимо проехала машина, и Кикаха, пригнувшись, подождал, пока она не скрылась из виду. Потом разбежался, прыгнул вверх и, зацепившись за край стены, без труда забрался на ограду.

Ширина стены не превышала полутора футов. Наверху тянулся двойной ряд металлических шипов около шести дюймов в высоту. Между ними поблескивала тонкая проволока емкостного датчика сигнализации. Он осторожно переступил через нее и спрыгнул на мягкую почву. Несколько секунд Кикаха лежал на земле, наблюдая за сторожевой будкой и особняком. Судя по всему, его визит остался незамеченным.

Подбежав к кусту, Кикаха поднял лучемер. Перелезть через стену с оружием оказалось не так уж просто, но он сделал это, не вызвав внимания охранников.

Забрав лучемер и футляр, Кикаха снова вернулся на Сансет. Он подождал на углу около десяти минут и в конце концов поймал такси. Чтобы не испугать водителя, садясь в машину, он прикрыл оружие футляром. Толстое дуло и широкий раструб напоминали больше насадку к пылесосу, однако приклад и курок делали лучемер похожим на огнестрельное оружие.

Дом Рыжего Орка располагался в богатом районе Пасифик Пэлисейд. Огромный особняк окружала высокая кирпичная стена, но въездные ворота были распахнуты настежь. Кикаха проскользнул в них и прокрался к дому, который черной массой возвышался перед ним. Уртона и словом не обмолвился о засаде, однако разум подсказывал, что здесь остались его люди. Вряд ли властитель пренебрег такой возможностью. К тому же Орк действительно мог вернуться сюда в любую минуту.

Передняя и задняя двери оказались запертыми. Свет не горел ни в одном окне, и все же Кикаха чувствовал присутствие людей. Когда ему надоело ползать вокруг и прислушиваться, он прожег в замке задней двери аккуратную дыру и осторожно пробрался в дом. Чуть позже сбоку, из гостиной, послышался слабый шум. Его производили трое мужчин, ожидавших в темноте появления Орка. На самом деле они, вероятно, не верили в возвращение хозяина особняка: один из них громко храпел, двое других о чем-то шептались.

Кикаха поднялся по широкой лестнице на второй этаж. Ему оставалось только поблагодарить судьбу за то, что ступени оказались мраморными — дерево выдало бы его предательским скрипом. Отыскав спальню, он прикрыл за собой дверь и включил лампу. Заметив телефон, он набрал один из номеров этого дома.

Кикаха не зря считался прекрасным подражателем. Когда трубку сняли, он заговорил, имитируя голос Рамоса:

— Эй, парни, вас вызывает босс. Ноги в руки и сюда — понятно? Кое-что назревает, но я не могу говорить об этом по телефону!

Он подождал, пока мужчина не повесил трубку, и только потом сделал то же самое. Подойдя к окну, Кикаха увидел, как все трое пробежали по аллее и выскочили в ворота. Вскоре за полквартала от дома вспыхнули фары припаркованного автомобиля. Машина умчалась, и Кикаха остался один. В его распоряжении имелось не больше тридцати пяти минут. Именно столько потребовалось бы громилам, чтобы добраться до Уртоны и, узнав, что их надули, вернуться назад с подкреплением.

Однако Кикахе хватило нескольких минут. Он сбежал вниз по лестнице и включил свет на кухне. Найдя фонарик и выключив свет, Кикаха направился в просторную переднюю. Дверь под лестницей оказалась открытой. Он прошел в пустой короткий коридор, а затем, открыв металлическую дверь, осветил лучом фонарика небольшую комнату. Она выглядела в точности как та камера, где держал его Рыжий Орк, но отличалась цветом стен и неповрежденными дверьми. А главное, эта комната находилась здесь — на первой Земле. Врата, вмонтированные в косяк двери, не действовали.

Кикаха открыл футляр и вытащил рог. В луче фонаря прекрасный инструмент поблескивал серебром. Если бы не широкий раструб, он напоминал бы рог африканского буйвола. На тонком конце располагался мундштук из мягкого золотистого материала, а вдоль оси шел ряд из семи небольших кнопок. Внутри раструба находилась серебристая паутинка из какого-то прочного материала. Внутри, почти в средней части, красовался иероглиф, который соответствовал инициалам Шамбаримена — создателя рога.

Кикаха поднес инструмент к губам и тихо протрубил, едва касаясь пальцами маленьких кнопок. Он направлял раструб на стены и, заканчивая мелодичный звукоряд, передвигал рог влево — на двадцать футов от предыдущего места. Кикаха ожидал найти в этой комнате несколько дезактивированных врат. Они могли быть настроены на резонансную точку,

которая объединяла стены двух вселенных. При наличии подобного канала частоты звукоряда открывали врата наподобие отмычки. Однако таким свойством обладал лишь рог Шамбаримена — творение величайшего ученого из расы властителей.

Рог звучал тихо и нежно. Золотистые звуки, которые изливались из него, казались настолько магическими, что действительно могли бы увести в волшебную страну. На северной и восточной стенах ничего не появилось. Кикаха перестал трубить и прислушался. Его тревожили открытые подъездные ворота. Они могли вызвать нездоровый интерес у полицейских. Однако особняк заполняла густая тишина. Он вновь приложил мундштук к губам и заиграл мелодию, которая должна была раскрыть проход между мирами.

Внезапно на стене засветилось белое пятно. Оно разбухло и увеличилось до границ круга, который обозначал размер данных врат. Белое сияние немного померкло и перешло в более мягкое освещение. Заглянув в отверстие, Кикаха увидел куполообразную комнату без окон и дверей. На фоне алых стен в нескольких футах над полом парила кровать. Она располагалась в центре, а сбоку, у стены, находилась прозрачная душевая кабинка, в которой виднелись раковина, кран и унитаз.

Проход начал быстро сокращаться. Края отверстия сомкнулись друг с другом, и через тридцать секунд стена вновь обрела свой прежний вид.

Кикаха еще раз передвинул раструб рога, и возникло новое пятно. Когда белое сияние угасло, он увидел яркую зелень вересковой равнины. На горизонте, который находился вдвое дальше, чем на Земле, поднималась гряда заостренных зеленоватых гор. И над всем этим миром сияло зеленое солнце. Чуть правее, на мшистой лужайке паслись какие-то животные, напоминавшие газелей. Их рога походили на арфы.

Третье отверстие вело в коридор, в конце которого виднелась закрытая дверь. За ней мог начинаться путь к его друзьям, и Кикахе не оставалось ничего другого, как только проверить открывшийся проход. Он прыгнул через врата, прошел по коридору и осторожно толкнул дверь рукой. На этот раз обошлось без взрывов. Каменный пол большой комнаты украшала цветная мозаика, посреди располагался наполненный до краев бассейн, а вдоль стен стояла мебель прекрасных и грациозных конструкций. Свет изливался отовсюду и, как всегда, не имел видимых источников.

В кресле сидела Анана и читала книгу. Розовые прожилки на твердом белом переплете создавали впечатление, что она

держала в руках мраморный том. Анана выглядела сытой и ухоженной. Чтение так увлекло ее, что она не заметила, как открылась дверь.

Кикаху так и подмывало броситься к ней и сжать ее в объятиях. Но он слишком долго жил в мирах, где в капканы подкладывали соблазнительную приманку. И поэтому, сдержав порыв, Кикаха с минуту осматривал комнату и фигуру Ананы. Он чувствовал опасность, и, возможно, где-то здесь его поджидала замаскированная ловушка. А в десяти шагах сидела женщина, ради которой он был готов на все.

Кикаха тихо окликнул Анану. Она вздрогнула и повернула голову. Книга выпала из ее рук. Анана вскочила с кресла и побежала к нему, протягивая руки. Слезы блеснули в ее глазах и потекли по щекам. Из груди вырвался стон облегчения и радости.

Желание броситься к ней навстречу стало почти невыносимым. На глаза навернулись слезы. К горлу подступили рыдания. И все же Кикаха не мог избавиться от своей подозрительности. Чутье подсказывало ему, что входить в эту комнату смертельно опасно. Ловушки Орка многому научили Кикаху. И только везение спасало его пока от прессов и огня всех этих смертельных устройств.

— Кикаха, милый! — вскричала Анана.

Она выбежала к нему в коридор и упала в его объятия. Мельком взглянув на закрывавшуюся дверь, он прижал Анану к себе и склонил голову для поцелуя.

Губы и нос словно обожгло. Кикаху как будто облили горящим бензином. Кожа на ладони почернела, словно он коснулся серной кислоты, а не обнаженной спины Ананы. Кикаха закричал, отпрыгнул в сторону и покатился по полу, не зная, куда деваться от страшной боли. Почти теряя сознание от полученных ожогов, он нащупал распухшей рукой приклад упавшего лучемета.

Анана медленно приближалась к нему. Ее лицо оплывало, как нагретый воск. Глаза съезжали вниз. Рот превратился в рваную дыру. Губы лопнули, покрылись трещинами и комками потекли на подбородок. Она слепо шарила руками в воздухе, пытаясь найти и схватить его, но пальцы сочились кислотой и теряли форму. Они стали удлиняться, а затем один из мизинцев вытянулся, как ириска, изогнулся и прилип к ее колену. Стройные ноги вскипали буграми, и оттуда, разрывая кожу, извергался какой-то газ. Ступни прилипали к полу, оставляя на каменных плитах горящие клочья, от которых поднимались струйки зеленоватого дыма.

Ужас и отвращение помогли Кикахе преодолеть боль. Он без колебаний поднял лучемет и переключил его на полную мощность. Луч рассек существо надвое, а затем еще пополам. Каждый кусок продолжал корчиться и извиваться на полу. Кровь хлестала струями из туловища и ног, превращаясь в воздухе в коричневую жидкость, которая проедала панели стен. Комнату заполнил запах тухлых яиц и горящих собачьих экскрементов.

Кикаха уменьшил мощность луча, превратив оружие в своеобразный огнемет. Он наводил раструб на рассеченные части, и те горели в зеленоватом дыму. О человеке здесь напоминал только запах паленых волос. От остального несло калом и серой. Когда огонь догорел, от существа осталось лишь несколько хрящеватых нитей. Костей у псевдо-Ананы просто не оказалось.

Кикахе не хотелось входить в комнату с бассейном, но боль в лице и руках становилась просто невыносимой. Он надеялся, что властитель переоценил объятия монстра, посчитав их смертельными. И вряд ли после такого шедевра Уртона или Орк стали бы размениваться на ловушки в дверном косяке. Кикаха вспомнил, какой прохладной на вид была вода в той комнате, и ему еще больше захотелось добраться до нее. Конечно, он мог бы протрубить в рог и вернуться в дом Орка, но для этого потребовалось бы воспроизвести мелодию из семи звуков. Кикаха вздрогнул, представив, как его распухшие губы касаются мундштука. Кроме того, в дом Орка могли вернуться враги, а в таком состоянии он не одолел бы и ребенка.

Подбежав к бассейну, Кикаха опустил в воду руку и лицо. Прохлада помогла, но боль все равно была сильной. Обтерев лицо здоровой рукой, он вздохнул и попытался встать. Его качнуло в сторону, и Кикаха почувствовал приступ тошноты. В голове мутилось, как после доброй пьянки. Весь мир казался далеким и ненастоящим. Шок оттолкнул его на пару шагов от реальности.

Он поднял рог и с трудом просунул мундштук между распухшими губами. Ладонь обожженной руки покрылась волдырями. Пузыри стали такими большими, что пальцы почти не сгибались. Ценой невероятных мук он нажал на несколько кнопок и протрубил заветную мелодию. Стена перед ним раскрылась. Сунув рог в футляр, Кикаха пропихнул его ногой в отверстие и, приготовив лучемет, проскочил в створ врат. На его счастье, в особняке Орка по-прежнему никого не было.

После непродолжительных поисков он нашёл ванную комнату. Медицинский шкафчик над раковиной вмещал в себя множество пузырьков и пластиковых упаковок. На некоторых из них виднелись иероглифы властителей. Вскрыв тубик с зеленоватой мазью, он понюхал содержимое и намазал исцеляющим бальзамом покрытые волдырями губы, распухший нос и ладонь обожженной руки. Боль начала растворяться в нежной прохладе, а опухоль опадала на глазах. Взглянув на свое отражение в зеркале, Кикаха покачал головой и выжал на язык несколько капель из маленького пузырька. Минуту спустя дрожь утихла, мысли пришли в порядок, а чувство тошноты отступило. Закрыв тубик и флакон, он рассовал их в задние карманы брюк.

Эксперименты с воротами и встреча с псевдо-Ананой исчерпали почти весь запас времени. Выбежав из ванной комнаты, Кикаха направил раструб на стену коридора и протрубил мелодию. Эта часть дома оказалась довольно пустой, и следующее пятно появилось только при пятой попытке. Однако ни оно, ни последующие пятна не содержали того, что он искал.

В спальне ворота нашлись с первого раза. Стоило Кикахе направить раструб на стену, как она раскрылась, словно акулья пасть. За воротами по низким песчаным холмам тянулись ряды высоких белых треугольников. Между «акульими зубами» покачивались заросли пурпурных лиан, которые на фоне бледно-лилового неба казались огромной паутиной.

Вторые ворота вновь вели в короткий коридор, в конце которого виднелась закрытая дверь. И снова ему ничего не оставалось, как только войти и проверить это место. Он тихо открыл дверь и осторожно осмотрел комнату. Та ничем не отличалась от помещения с бассейном, где он увидел ужасного монстра. И похоже, кошмар начинался заново. В кресле, почти у самой воды, сидела Анана.

На этот раз она не читала книгу. Склонившись вперед и положив локти на колени, Анана уткнулась подбородком в ладони. Мрачный и неподвижный взгляд не предвещал ничего хорошего.

Он тихо окликнул ее, и она вздрогнула — совсем как та первая лже-Анана. Потом она вскочила, бросилась к Кикахе, и слезы блестели в ее глазах, стекая по щекам и падая на грудь. Рот приоткрылся в прелестной улыбке. Руки снова тянулись к Кикахе, предлагая ему плен своих объятий. Когда Анана выбежала из комнаты, он отпрянул назад и сурово приказал ей остановиться. Увидев нацеленный на нее луче-мет, она испуганно подчинилась. На милом лице появилось

выражение удивления и обиды. А потом Анана заметила его распухшие губы и обожженный нос. Ее глаза расширились, и в них опять заблестели слезы.

— Анана, — обратился он к ней, — какую колыбельную пела тебе мать десять тысяч лет назад?

Если это была очередная копия или искусственное существо, она могла иметь запись той информации, которую выведал у Ананы Рыжий Орк*. Но каким бы обширным ни оказался этот запас отрывочных сведений, его все равно не хватило бы для того, чтобы обмануть любовника Ананы. Всегда нашлись бы вещи, о которых Орк просто не догадался бы спросить. А кто станет интересоваться колыбельной? Анана однажды пела ее Кикахе, когда они скрывались от Звонарей в прериях Многорусного мира.

По-видимому, его вопрос озадачил Анану. Но потом, сообразив, что он вынужден подвергнуть ее проверке, Анана с улыбкой пропела прекрасную детскую песенку, которой научилась от матери в далекие дни ее детства — те дни, когда она еще не знала, насколько уродлива и зла жизнь взрослых властителей.

Но даже после этого он чувствовал некоторую напряженность, когда Анана целовала его. Дав ему убедиться, что она состоит из плоти и крови, Анана шепотом напомнила ему о некоторых интимных подробностях, о которых Рыжий Орк и подавно не стал бы спрашивать. Кикаха улыбнулся и оттаял. Они оба немного всплакнули, но он остановился первым.

— Поплачем позже, милая. Ты знаешь, где сейчас Вольф и Хрисеида?

Она покачала головой. Кикаха этого и ожидал.

— Тогда нам придется открывать каждые ворота в этом доме. А знала бы ты, какой он большой...

Кикаха рассказал ей, что с минуты на минуту сюда придут люди Уртоны.

— Пока я буду трубить в рог, ты ищи оружие.

Минут через десять Анана вернулась и показала предмет, похожий на авторучку. К сожалению, этот лучемет оказался неисправным. Кикаха сообщил, что обнаружил в ее отсутствие еще пару врат, однако они его не удовлетворили.

* Еще один промах Фармера. Анана находилась в плену у Уртоны. Кикаха разговаривал с ней по телефону примерно за час до этого момента. И вдруг оказывается, что ее допрашивал Рыжий Орк. Странно и то, что она находилась в его доме. Все это вносит путаницу в историю с рогом. Скорее всего Фармер в данном эпизоде перепутал имена властителей.

Кикаха и Анана быстро прошли по всем комнатам второго этажа. Он без перерыва трубил в рог, однако стены оставались пустыми.

На первом этаже нашлись еще несколько врат, но те не имели к Вольфу и Хрисеиде никакого отношения. Кикаха подсчитал, что прошло уже около сорока минут с тех пор, как трое громил покинули дом. И люди Уртоны вот-вот должны были вернуться.

— Давай-ка вернемся в комнату под лестницей, — сказал он. — Возможно, повторная активация заставит врата открыться в другие миры.

Иногда врата настраивали так, что они, слегка изменяя свои резонансные частоты, действовали как двери-вертушки. При первой активации они выводили в одну вселенную, а при следующей — в другую. Некоторые из них обеспечивали переходы в дюжину и более миров.

Врата, которые они проверили наверху, могли оказаться такими же, и следовало бы еще раз пройти по ним, проверяя их на многократное действие. Однако в данный момент со вторым этажом решено было повременить. Кикаха оставил этот вариант на тот случай, если врата под лестницей не порадуют их приятным сюрпризом.

Нацелив на дверь широкий раструб рога, он еще раз протрубил мелодию, потрясавшую стены между мирами. Маленький коридор под лестницей превратился в зал с голубыми стенами и прекрасными люстрами. Они были вырезаны из цельных кусков драгоценных камней: алмазов размером с голову гиппопотама, огромных изумрудов и гранатов. Под стать им оказалась и мебель, сложенная из рубинов и нефрита. Между камнями проглядывал золотистый раствор.

Однако Кикаха видел залы и побогаче. Его внимание привлекла арочная дверь в дальнем конце помещения. Из нее медленно выдвигался темно-красный цилиндрический предмет, паривший в футе над полом. Через несколько секунд из-за предмета показалась голова с рыжими волосами. Человек толкал предмет перед собой.

Эта фигура и волосы могли принадлежать только Рыжему Орку. Лишь он один мог толкать к вратам предмет, который, вне всяких сомнений, означал гибель для захватчиков дома и разрушение всех проходов, ведущих на вторую Землю.

Кикаха поднял лучемер, но, подумав, опустил ствол к земле. Прикосновение луча к цилиндру с мощной взрывчаткой могло привести к печальным последствиям. Он тихо и быстро закрыл дверь. Анана с удивлением взглянула на него. Очевидно, она не видела приближавшегося властителя.

Кикаха склонился к ней и шепнул:

— Беги к передней двери! Как можно быстрее и как можно дальше!

— Но с какой стати? — возразила она.

— Быстрее! — Он передал ей рог и футляр. — Не спорь со мной! Если он...

Дверь начала открываться. Из-за нее появился тонкий изогнутый предмет. Кикаха навел лучемер и срезал его наполовину. С другой стороны раздался гневный крик, но Кикаха толкнул дверь ногой, и она захлопнулась.

— Бежим! — крикнул он и потащил Анану за руку.

Выбежав из прихожей, Кикаха оглянулся. Раздался треск, а затем дверь под лестницей и часть стены вокруг нее разлетелись на куски. В комнату наполовину выдвинулся цилиндр и остановился.

Кикахе этого было достаточно. Волоча Анану за собой, он выскочил на крыльцо и сбежал по ступеням. Через полминуты они свернули за угол кирпичной стены и помчались в тени деревьев по тротуару. Кикаха в любую секунду ожидал взрыва, однако Рыжий Орк почему-то медлил.

В этот момент на перекрестке из-за поворота вылетела машина. Сделав крутой вираж, она проехала по середине улицы, с визгом въехала в ворота и понеслась по аллее к дому, из которого только что выбежали Кикаха и Анана. Кикаха заметил внутри салона силуэты шести голов. Возможно, там сидел и сам Уртона.

Они добежали до перекрестка и свернули за угол. Кикаха по-прежнему ожидал взрыва. Анана что-то кричала, но он продолжал тянуть ее за собой. В конце квартала им пришлось перейти улицу, и почти у самого тротуара их осветила фарами черно-белая патрульная машина. Она проезжала на сравнительно небольшой скорости, поэтому сидевшие в ней полицейские успели разглядеть беглецов. Любой, кто бродил в этом районе после наступления темноты, автоматически попадал под подозрение полиции. Тех же, кто убегал или пытался скрыться, без всяких слов увозили в участок для допроса. Двое беглецов несли большой футляр и что-то напоминавшее дробовик, поэтому у полицейских имелись все основания для ареста. И они пустились в погоню за подозрительной парой.

Кикаха выругался и помчался к ближайшему дому. Там горел свет и была приоткрыта дверь. За спинами беглецов раздался визг тормозов. Один из полицейских выскочил из машины и громким голосом приказал им остановиться. Но они продолжали бежать. Взлетев на крыльцо, Кикаха толкнул

решетчатую дверь. Он собирался уйти через задний двор, надеясь, что полицейские не будут открывать стрельбу в жилом доме.

Решетчатая дверь в прихожей оказалась закрытой. Кикаха с проклятием дернул ручку на себя и, вырвав ее вместе с замком, вбежал в вестибюль. Анана следовала за ним. Они ворвались в просторную гостиную, освещенную десятком ламп большой хрустальной люстры. В дальнем конце комнаты виднелась широкая винтовая лестница, которая вела на второй этаж. В зале стояли и сидели около дюжины мужчин и женщин, одетых в вечерние костюмы и платья. Женщины завизжали, мужчины закричали. Двое незваных гостей беспрепятственно пробежали между ними, и к шуму, поднятому участниками вечеринки, добавились окрики полицейских.

И тут раздался мощный взрыв. Он разметал голоса людей и с грохотом разбитых стекол встряхнул здание с такой силой, будто на дом обрушился девятый вал гигантской приливной волны. Всех швырнуло на пол.

Однако Кикаха этого ожидал, да и Анана, глядя на него, предполагала нечто подобное. Пока остальные приходили в себя, они выскочили через заднюю дверь. Кикаха изменил свой план и, выломав небольшую калитку, побежал вдоль стены обратно на улицу. Под ногами трещало битое стекло, вылетевшее при взрыве из окон дома. Тут же на дорожке валялись разбитые цветочные горшки, а тротуар оказался засыпанным сломанными ветками и вырванными с корнем кустами.

Патрульная машина, с работавшим двигателем и зажженными фарами, по-прежнему стояла у обочины. Бросив футляр на заднее сиденье, Анана влезла в автомобиль. Кикаха сел за руль и положил лучемер на пол рядом с собой. Они пристегнули ремни. Машина развернулась и помчалась в направлении Беверли Хиллз. Проехав четыре квартала, Кикаха нашел переключатель, который отключал сирену и мигалку.

— Мы поедem к дому Уртоны! — прокричал Кикаха. — Где-нибудь за пару кварталов бросим машину, а дальше пойдем пешком. Если Уртона был среди тех, кто подорвался на mine, Рыжий Орк предпримет захват его дома...

Анана покачала головой и указала на свои уши. Она по-прежнему ничего не слышала. И немудрено. Он сам едва различал сирену, когда она оглашала округу тревожным воем.

Через несколько минут, проскочив перекресток на красный свет, они повстречали патрульную машину, которая мчалась, мигая огнями, в другом направлении. Анана пригнулась, чтобы ее не заметили, однако патрульные, видимо,

уже получили сообщение об угоне этого автомобиля. Визгнув тормозами, машина замедлила ход и начала разворачиваться на широком перекрестке. Спортивный «мустанг», шедший на полной скорости по встречной полосе, попытался избежать столкновения и резко свернул в сторону, но это ему не помогло. Протаранив заднюю часть патрульной машины, он перескочил бордюр и вылетел на тротуар.

Взглянув в зеркало, Кикаха покачал головой и увеличил скорость. Через несколько минут он выехал под запрещающий знак к широкому перекрестку и, не обращая внимания на красный свет, промчался под самым носом у большого «кадиллака». Пожилой водитель едва успел нажать на тормоза. Его бросило на руль, и машина остановилась посреди перекрестка. Но едва он опомнился и двинулся вперед, как мимо него проскочила полицейская машина. Старик снова нажал на тормоза и грохнул кулаком по рулевому колесу.

— Ты меня уже слышишь? — крикнул Кикаха.

— Да! — ответила Анана. — Поэтому говори нормально.

— Мы въезжаем в Беверли Хиллз! Проедем на этой машине, сколько сможем, а потом бросим ее и попробуем оторваться от полиции на своих двоих. Возможно, придется выпрыгивать на ходу.

За ними увязалась вторая патрульная машина. Игнорируя запрещающий знак, она выскочила из боковой улочки, и еще один водитель, отворачивая в сторону, врезался в ограждение тротуара. Полицейские надеялись обогнать угнанный автомобиль и преградить ему дорогу, но им не хватило скорости. Кикаха взглянул на стрелку спидометра. Она дошла до отметки восьмидесяти миль в час, а это было многовато для улицы с многочисленными перекрестками.

Впереди сверкала деловая часть Беверли Хиллз. Светофор на перекрестке замигал желтым светом. Кикаха надавил на клаксон, обошел спортивный автомобиль и слегка притормозил. Внезапно машина попала в яму, и ее подбросило в воздух. Он нажал на тормоза, снижая скорость до шестидесяти миль в час, но и тогда машина едва не встала на два колеса. Какой-то миг Кикахе даже казалось, что они перевернутся.

Впереди появилась патрульная машина. Проехав полквартала, она развернулась боком и преградила им дорогу. Однако спереди и позади автомобиля оставались небольшие промежутки. Кикаха выбрал задний.

Из машины выскочили двое полицейских. Один стоял за багажником и целился из винтовки, второй пригнулся в проходе между передним бампером и припаркованными машинами.

Кикаха велел Анане пригнуться и, нажав на педаль газа, помчался к узкой щели. Раздался треск, автомобиль снес задний бампер патрульной машины и смял бок припаркованного микроавтобуса. Капот выгнуло треугольником, что-то со звоном отлетело, однако беглецам удалось проскочить. Секундой позже прозвучал выстрел, и заднее стекло разлетелось вдребезги.

В тот же миг из-за поворота выехала еще одна полицейская машина. Она шла на таран, целясь в левое переднее крыло. Кикаха нажал на тормоза, и, если бы не ремни безопасности, его и Анану бросило бы на ветровое стекло. Машина вильнула и врезалась под тупым углом в передок патрульного автомобиля.

Обе машины вышли из строя. Оглушенные Кикаха и Анана продолжали действовать рефлекторно. Они выбрались из машины и, пошатываясь, перебежали на тротуар. Кикаха сжимал в руках лучемер. Анана несла футляр. Услышав позади крики полицейских, они свернули на узкую аллею, усаженную деревьями и кустами. Небольшой сквер позади двух высотных зданий вывел их на следующую улицу. Выбрав северное направление, Кикаха увидел еще один проход между зданиями и увлек Анану туда. На высоте восьми футов над аллеей нависал бетонный козырек. Кикаха забросил на него лучемер и футляр, затем повернулся и сцепил руки в замок. Когда Анана поставила ногу на его руки, он поднял ее и подтолкнул вверх. Она без труда забралась на козырек. Кикаха подпрыгнул, подтянулся и оказался рядом с ней. Они распластались на пыльном бетоне, и в это время послышались торопливые шаги.

Несколько человек, задыхаясь, пробежали по аллее. Кикаха осторожно выглянул из-за края козырька и на фоне освещенной улицы увидел темные фигуры трех полицейских. Озадаченные исчезновением беглецов, они о чем-то поговорили друг с другом, и один из них стал возвращаться. Кикаха быстро пригнул голову, но все же заметил, как двое других свернули за угол здания.

Внезапно его осенила идея. Выждав момент, он приподнялся и прыгнул на полицейского. Сбив мужчину с ног, Кикаха оглушил его кулаком, а затем, на всякий случай, нанес мощный боковой удар в челюсть. Вытащив из кобуры офицера табельное оружие, он разрядил обойму, надел на себя форменную фуражку и принял из рук Ананы футляр и лучемер.

Спрыгнув в его объятия, она спросила:

— Зачем ты это сделал?

— Он мог отрезать нам путь к отступлению. Кроме того, на улице осталась неповрежденная машина, и мы должны ею завладеть.

Четвертый полицейский, сидевший в автомобиле, что-то говорил в микрофон. Он не видел Кикаху, пока тот не оказался на расстоянии сорока шагов. Выронив микрофон, офицер схватил с сиденья винтовку, но луч, установленный на «оглушающую» мощность, попал ему в плечо и наполовину выбросил из машины. Выпустив из рук оружие, страж порядка ударился головой об асфальт. Перетаскивая его на тротуар, Кикаха заметил на рукаве полицейского кровавое пятно. Мощный лучемет, даже будучи установленным на «оглушение», мог сломать кость, поранить кожу и нанести удар, от которого лопались кровеносные сосуды.

Анана села в машину, и они помчались в северном направлении. По встречной полосе к ним приближались два патрульных автомобиля. К счастью, полосы на этом участке дороги отделялись друг от друга бетонным ограждением. Проскочив на красный свет очередной перекресток, Кикаха взглянул в зеркало заднего вида и увидел, что полицейские машины преследуют его.

Движение впереди стало таким плотным, что прорваться сквозь поток машин уже не представлялось возможным. Кикаха решил свернуть в какой-нибудь переулок. Заметив боковой съезд с трассы, он выехал на узкую дорожку и помчался вдоль высокой кирпичной стены бакалейного склада.

В конце переулка Кикаха резко затормозил. Автомобиль занесло и протерло боком по кирпичной стене. Анана быстро перебралась на заднее сиденье и прижалась к левой дверце.

Полицейские машины отставали, но упорно продолжали преследование. Выждав момент, когда они обе свернули в переулок, Кикаха выстрелил по шинам первого автомобиля. Передок машины заскрежетал по асфальту, взвизгнули тормоза, и задняя часть запрыгала, как телега на ухабах. Двери открылись и захлопали, словно крылья взлетающей птицы.

Кикаха выбрался из автомобиля и побежал к торговому центру. Анана не отставала от него ни на шаг. Они пересекли стоянку у бакалейного магазина, прыгнули на пандус подъездного пути и деловым шагом вышли на улицу.

На светофоре у перекрестка вспыхнул красный свет. Машины остановились. Кикаха подбежал к спортивному автомобилю, за рулем которого сидел щуплый юноша с длинными черными волосами. Парень откинулся на спинку сиденья, поправил круглые очки и, пригладив щеточки черных усов под ястребиным носом, постукивал кончиками пальцев по

приборной панели, отбивая такт под хриплую какофонию из приемника. Музыка походила на вопли Сциллы и грохот Харибды, помноженные друг на друга и возведенные в квадрат. Он вздрогнул, когда рука Кикахи, подобно молнии, скользнула вниз из-за его плеча. Не успел юноша крикнуть, как ремень безопасности слетел с его груди, дверь открылась — и он засучил ногами, вырываясь из объятий рослого бродяги. Чуть позже его швырнули на тротуар, как мешок с тряпьем. Пару секунд он приходил в себя. Еще через секунду он вскочил на ноги и разразился яростными криками. Но Анана и Кикаха уже сидели в машине. Включился зеленый свет, и они помчались навстречу новым приключениям.

— А ведь мы, похоже, удрали, — сказала Анана, оглядываясь.

— Нас никто не преследует?

— Пока нет.

— Вот и хорошо. Нам осталось проехать две мили.

Им действительно удалось оторваться от погони, и вскоре Кикаха припарковал машину за полтора квартала от дома Уртоны.

— Сейчас я опишу тебе расположение комнат в доме, потому что блуждать там будет некогда. Мне кажется, мы еще захватим развязку драмы и, возможно, даже встретим Рыжего Орка. Он специально тянул со взрывом, ожидая появления Уртоны. И когда Орк удостоверился в смерти брата, он помчался сюда, спеша захватить контроль над планетарными механизмами. Однако Уртона хитер как лиса. Он мог почуять западню. Будь я на его месте, меня бы и силой не затащили в такое опасное место.

Во многих окнах особняка горел свет, но в сторожевой будке и гараже никого не оказалось. Кикаха и Анана смело прошли по главной аллее и взбежали на крыльцо. Входная дверь была закрыта на замок. Кикаха увеличил мощность луча и быстрым движением ствола устранил запоры. Они вошли в молчаливый дом и, проведя беглый осмотр, обнаружили там только попугая в клетке. Увидев людей, птица издала пронзительный крик и закачалась на толстом золотом кольце.

Кикаха вытащил из футляра серебристый рог и начал проверять резонансные точки. Прежде всего он обследовал спальню и кабинет Уртоны, ожидая найти здесь наибольшее количество врат. Однако его догадки не подтвердились. Как и в доме Рыжего Орка, он переходил из комнаты в комнату, наводя раструб на стены и воспроизводя уже поднадоевший ему звукоряд. Теряя надежды и терпение, Кикаха спустился

на первый этаж в прихожую. Едва он навел рог на стену большого чулана, как там возникло крошечное белое пятно, похожее на капельку света. Оно расширилось, превратилось в широкий проход, и Кикаха увидел точно такой же чулан, но только в другом мире.

Анана вдруг тихо вскрикнула и дернула его за рукав. Он повернулся, прислушиваясь к шуму, который вызвал ее тревогу. На крыльце послышались шаги, а затем раздалась трель входного звонка. Кикаха выбежал в прихожую, но на полпути остановился и бросил рог Анане.

— Держи ворота открытыми! — шепнул он ей и подкрался к окну.

Нежная мелодия заполнила комнату. Кикаха слегка приподнял штору и увидел трех полицейских, которые топтались на крыльце. Какой-то человек в штатском, пригибаясь под окнами, свернул за угол особняка. На стоянке у ворот сияли красными огнями две полицейские машины, а на улице стоял неприметный автомобиль явно гражданского типа.

Кикаха повернулся к Анане:

— Уртона оставил снаружи наблюдателя. Заметив нас, этот парень вызвал полицию. И теперь они уже окружили дом!

Им оставалось выбрать что-нибудь одно — завязать жестокий бой, сдаться или пройти через ворота. В первом случае Кикахе пришлось бы убивать ни в чем не повинных людей, чья единственная оплошность состояла в том, что они приняли его за обычного грабителя.

Сдавшись властям, он и Анана обрекли бы себя на смерть. Даже если они получат пожизненный срок, Уртона или Рыжий Орк доберутся до них и в тюрьме. Ведь наемников там хоть отбавляй — и по ту, и по другую сторону решетки.

Кикахе не хотелось рисковать с воротами, но на их проверку не оставалось времени. Он кивнул Анане и прыгнул в створ широкой дыры, приготовив лучемет для стрельбы на поражение. Анана, сжимая рог в руке, поспешила следом.

Кикаха пинком открыл деревянную дверь и отпрыгнул назад. Подождав минуту, он шагнул за порог. Чулан располагался под лестницей — точь-в-точь как его копия на Земле. Однако прихожая оказалась совсем другой. Это был огромный зал, с многоцветным мозаичным полом и яркими фресками на мраморных стенах. По периметру комнаты стояли ряды резных колонн.

В арочные окна заглядывала ночь, и поэтому дом освещался множеством масляных ламп. На стенах и медных подставках горели бездымные факелы, а в тени колоннады

виднелись несколько дверных проемов и массивная парадная дверь.

Тишину прихожей нарушало лишь потрескивание горевших факелов.

Кикаха перебежал в затемненную часть зала и осмотрел декорации стен. Фрески изобиловали изображениями дельфинов и осьминогов. Их вид подготовил его к тому, что он увидел, выйдя на огромное крыльцо. Он и Анана перенеслись на Землю номер два. И эту догадку подтверждали многие обстоятельства.

Само собой разумеется, луна, стоявшая в зените, ничем не отличалась от своей близняшки в соседней вселенной. И, осматривая с крыльца край горы и огромную долину, он мог бы поклясться, что смотрит на копию той части южной Калифорнии, где на Земле номер один находился Лос-Анджелес. Топография, насколько он мог судить в темноте, совпадала абсолютно, а ландшафт меняло только несоответствие двух городов. Местный мегаполис казался жалким подобием того мощного города, который знал Кикаха. Освещение улиц и домов уступало в яркости и насыщенности. Фонари располагались значительно реже. Вероятно, население этой долины составляло лишь треть от численности горожан Лос-Анджелеса номер один.

Воздух был сладким и чистым, а звезды и луна — большими и яркими. Кикаха усмехнулся, вспомнив смог и одуряющую вонь бензина. Здесь же сквозь томный аромат цветов пробивался слабый запах лошадиного навоза. Возможно, он строил свои предположения на ложных предпосылках, но ему казалось, что технология этой планеты не зашла еще в такие дремучие дебри, как на его родной Земле.

И видимо, Уртона нашел врата, ведущие в этот мир.

В прихожей послышались голоса, и Кикаха предостерегающе сжал руку Ананы. Едва они спрятались в тени колонны, как на крыльцо вышли двое мужчин и одна женщина. Одежда мужчин состояла из шотландских юбок, сандалий и матерчатых курток со стоячими воротниками, буфами на рукавах и длинными фрачными фалдами. Один из них — невысокий юноша с темными курчавыми волосами — походил на турка и напомнил Кикахе слуг Рыжего Орка.

Второй оказался долговязым живчиком, с румяным лицом и каштановыми волосами. Наряд пышной блондинки был довольно неприятным — юбка, котурны и расстегнутая куртка, которая демонстрировала обнаженную грудь, поддерживаемую жесткой планкой огненно-красного корсажа. Высокая замысловатая прическа и густой макияж придавали ей

вид дамы елизаветинского двора. Она вздрогнула, застегнула куртку и произнесла несколько фраз на языке, похожем на идиш.

По всей видимости, они занимали высокое социальное положение и, как все снобы, любили езду с ветерком. Из-за угла особняка выехал кабриолет, запряженный двумя прекрасными лошадьми. Коляска подкатила к крыльцу, и черно-волосый кучер, спрыгнув на землю, с поклоном открыл перед знатью дверцу. Его униформа состояла из плотной синей юбки, высоких ботинок, треуголки с ярко-красным пером и куртки с алым кантом и золотыми пуговицами.

Пассажиры устроились на широком сиденье, и коляска тронулась в путь. Кикаха с нежной тоской следил за удалявшимся фонарем, который раскачивался на заднике кабриолета. Вскоре тот исчез из виду на пологом спуске в долину.

Кикахе захотелось исследовать этот мир. Он с радостью пожил бы здесь год или два. Во времена сотворения обе Земли ничем не отличались друг от друга — те же народы, созданные пятнадцать тысячелетий назад, те же языки и нравы. А потом каждая из планет пошла своим путем, и постепенно незначительные различия эволюции привели к глобальным отличиям в климате, фауне и флоре. За пятнадцать тысяч лет образовались две независимые цивилизации — каждая со своей историей и культурной доминантой.

Он с удовольствием остался бы здесь и побродил по Земле номер два. Но сначала им следовало найти Вольфа и Хriseиду, а для этого надо было пленить Уртону. Их единственным преимуществом являлся рог Шимбаримена, и они надеялись, что он откроет верные врата.

Однако через несколько минут Кикаха понял, что сделать это будет не просто. Звуки рога привлекли внимание слуг. Скрываясь за колонной, Кикаха открыл по ним огонь из лучемета. Увидев, как в каменной плите появилась дыра, слуги испуганно закричали и бросились врассыпную. Кикаха велел Анане продолжать трубить в рог, но шум в глубине дома убедил их, что им лучше здесь не оставаться. Здание казалось таким огромным, что на проверку первого этажа требовалось не меньше шести—восьми часов, а врата, возможно, находились только в спальне и кабинете властителя.

Они побежали на второй этаж и на середине лестницы повстречали небольшую группу воинов в стальных конических шлемах. В основном их вооружение состояло из пик, мечей и круглых щитов, однако трое мужчин несли и большие неуклюжие мушкетоны с деревянными прикладами и кремневыми затворами.

Кикаха срезал лучом ствол одного ружья. Но, прежде чем он и Анана добрались до верхней площадки, воины рассредоточились, перегруппировались и изготовились к стрельбе. Кикаха рассек лучом основание мраморной колонны, а затем навел ствол на ее вершину. Она с грохотом рухнула на мозаичный пол, и удар потряс весь дом. Вооруженные люди разбежались.

Это обошлось дорого, потому что на прикладе лучемета внезапно замигал красный огонек. Заряда аккумулятора осталось совсем немного, а запасной батареи у него не было.

Они нашли спальню, которая, по всей видимости, принадлежала властителю. На фоне великолепия и роскоши особняка она выглядела бриллиантом в золотой оправе. Стены украшала коллекция оружия: мечи, топоры, кинжалы, метательные ножи, булавы, рапиры и — о, восторг! — прекрасные луки с колчанами стрел. Пока Анана трубила в рог, наводя раструб на пол и стены, Кикаха выбрал два метательных ножа и туго натянутый лук. Перекинув через плечо колчан, он почувствовал себя намного спокойнее. Заряда в лучемете хватило бы только на пару секунд, хотя он мог бы растянуть его на дюжину огнеметных и «оглушающих» выстрелов. Однако Кикаха понимал, что потом ему придется полагаться лишь на лук и стрелы.

Для Ананы он выбрал легкий топор, который она могла бы метать. У нее имелся богатый опыт в метании любого оружия, и в шуточных единоборствах с Кикахой она уступала ему только в силе.

Внезапно Анана перестала трубить в рог. С потолка на золотых цепях свисала кровать, а за ней на стене расширился круг света. Сияние померкло, и в проходе врат появились изящные колонны, которые поддерживали расписной потолок. Чуть дальше виднелась зеленая роща.

С губ Ананы сорвался крик удивления, в котором смешались и боль и восторг. Она бросилась вперед, но Кикаха удержал ее.

— К чему такая спешка? — спросил он.

— Там дом! — воскликнула она. — Мой дом! — Ее лицо лучилось от радости.

— Это врата в твой мир? — с удивлением спросил Кикаха.

— Нет-нет! Там мой дом. Дом, в котором я родилась! Мы нашли мир, где некогда жили властители!

На вид врата не представляли собой никакой угрозы, хотя это еще ни о чем не говорило. Однако шум голосов за дверью подсказывал, что тянуть с решением не стоило. Впрочем,

выбор был невелик — врата или схватка со слугами Орка. Первую атаку Кикаха мог бы отбить лучом, но потом пришлось бы воспользоваться стрелами и мечами. А при решительном натиске они не продержались бы долго.

— Уходим! — сказал Кикаха и прыгнул в проход.

Круг начал быстро сжиматься. Анана пригнулась и поспешила за своим спутником.

— Ты помнишь то высокое здание на бульваре Уилшир неподалеку от «смоляных ям»? — спросила она, поднимаясь на ноги. — Там еще висела вывеска «Калифорния федерал». Когда мы проходили мимо него вечером, оно все сияло огнями. Помнишь?

Кикаха кивнул.

— Этот летний домик находится как раз в том месте, — сказала Анана. — Вернее, на территории, которая соответствует тому месту.

Кикаха осмотрелся. Здесь не было и намека на бульвар Уилшир, какую-нибудь дорогу или хотя бы тропинку. Густые леса этого края не имели ничего общего с пустынными низинами южной Калифорнии. Но Анана объяснила, что властители намеренно проложили здесь русла рек и ручьев, а затем вырастили рощи и сады. Они построили тут множество дач и коттеджей, где любая семья могла остановиться на ночь, уединиться для медитации или предаться играм и порокам на свой вкус и лад. Однако люди отдыхали здесь только летом, а их постоянное жилье находилось в основном на побережье.

Со временем долина вышла из моды. В детские годы Ананы сюда приезжали только три семьи. Властители покидали родную планету и отправлялись создавать свои собственные миры. Эра междоусобных войн расторгла кровные и дружеские узы. Каждый видел в другом врага.

Кикаха с улыбкой следил, как Анана, вздыхая и ахая, ходила вокруг. Время от времени она звала его посмотреть на то, что вспоминалось ей из детства. И хотя в последний раз она навещала эти места три тысячи двести лет назад, он только диву давался, как ей удавалось еще о чем-то вспоминать. Подумав об этом, он спросил ее о вратах, которые она использовала в прошлый раз.

— Они находятся на вершине валуна в полумиле отсюда, — ответила Анана. — Здесь много разных врат, и все они хорошо замаскированы. О некоторых уже никто не помнит. Но я не знала, что в нашем доме тоже есть врата. Наверное, Уртона установил их давным-давно — возможно, десять тысяч лет назад.

— Этот дом такой старый?

— Он очень старый. В его стены и пол встроены механизмы, которые обновляют и очищают комнаты и мебель. А под поверхностью долины находятся устройства, поддерживающие лес в первозданном состоянии. Они компенсируют эрозию и смещения пластов.

— А тут можно найти какое-нибудь оружие?

— Его много за воротами валуна, — ответила Анана. — Но аккумуляторы лучеметов могли разрядиться от времени. К тому же у меня нет активатора... Хотя я забыла о роге. С ним мы, конечно, попадем туда. Однако сомневаюсь, что оружие можно будет использовать.

— И куда ведут эти ворота?

— Они ведут в комнату, где есть еще одна резонансная точка. Через нее мы могли бы попасть во дворец моего собственного мира. Но я установила там ловушку, и у меня нет прибора, который отключил бы ее. Когда в мой дворец ворвались Звонари, я бросила все и убежала в мир Ядавина*.

— Ладно, потом покажешь мне этот валун. В случае необходимости мы используем его ворота как временное укрытие.

Однако сначала они решили немного перекусить и по возможности выспаться. Анана показала Кикахе дом, и они потратили какое-то время на поиск ловушек. На кухне стоял резной мраморный шкаф. Он являлся частью фабрикатора — очень сложного механизма, который располагался в подвальном помещении. Открыв дверцу шкафа, Анана набрала на клавиатуре определенную комбинацию букв и цифр. Закрыв шкаф, она подождала пару минут, а затем вновь открыла его. На просторной полке появились два подноса с блюдами и кубками, в которых оказалась превосходная еда и напитки. Преобразователь материи, расположенный в подвале дома, ждал этого приказа несколько тысяч лет. И, подав людям пищу, он мог прождать еще одну сотню тысячелетий, чтобы приготовить следующий обед.

Утолив голод, они легли на постель, свисавшую на цепях с потолка. Кикаха стал расспрашивать Анану о пути к валуну, но она с улыбкой сказала, что вместо пустой болтовни они могли бы заняться кое-чем иным.

Чуть позже, заключив Анану в объятия, он тихо прошептал:

* В третьей книге «Многоярусного мира» Фармер описывал ее бегство немного иначе — через мир властителя Юдубры.

— Ты знаешь, у меня такое чувство, что мы тут оказались не совсем случайно. Я думаю, что нас заманил сюда Уртона или Рыжий Орк. Увидев в нас достойных соперников, один из властителей позаботился о том, чтобы в нужный час мы вышли на подготовленную им сцену. И вот увидишь, здесь же мы встретим его злейшего врага — второго властителя. Это будет финальный эпизод, спланированный со вкусом и выдумкой настоящего драматурга. Только Уртона и Рыжий Орк могли привести своих противников на родную планету. Представляешь, какой драматизм! Погибнуть в своей песочнице! Встретить смерть под небом, о котором тосковал долгие века! Я знаю, все это только мои предчувствия. Но я верю им. И буду держаться настороже.

— Можно подумать, что ты когда-нибудь вел себя по-другому, — хихикнула она. — Хотя мне кажется, твои слова могут оказаться пророческими.

Когда Анана заснула, Кикаха встал с постели и вышел в другую комнату: он решил понаблюдать за подходами к дому. Солнце начинало клониться к закату. Вокруг фонтана и пруда прохаживались прекрасные величественные птицы, предки которых были созданы в биолaborаториях властителей. Из леса вышел коричневый медведь. Он лениво прошествовал мимо беседки и скрылся за небольшим холмом. Затем Кикаха услышал звук, который взбодрил его и наполнил сердце радостью. Он услышал призывный клич мамонта. Кикахе вспомнились просторы Америк, где по прериям и лесам бродили миллионы слонов и мастодонтов. Он вспомнил просторы, на которых хватило бы места и Северной и Южной Америке. Потом его охватила тоска. Увидит ли он когда-нибудь свой мир? Кикаха с грустью подумал о хроваках — великом и прекрасном «медвежьем народе», который погиб в неравной битве с Черными Звонарями. Но нашлись бы и другие племена, которые с радостью приняли бы Кикаху в свои вигвамы, — включая и те, которые считали его заклятым врагом.

Он вернулся в спальню, разбудил Анану и, устроившись в теплой постели, попросил разбудить его через час. Она так и сделала. Кикахе страшно не хотелось вставать. Он с удовольствием проспал бы остаток дня и половину следующих суток. Но за десять тысяч лет Анана научилась будить мужчин. Они еще раз поели, сложили в корзину кое-какие припасы и отправились в лес.

Вскоре деревья обступили их плотной стеной. Анана, пригибаясь и обходя огромные стволы, уверенно вела Кикаху через поросль подлеска. Затем они вышли на тропу, которую, судя по следам и помету, проложили мамонты. Неподдалеку

раздавались крики и рев больших животных. Отсутствие мух и moskitов компенсировалось обилием жуков и других насекомых, которыми питались птицы.

Услышав грозное рычание, Кикаха остановился и снял с плеча лук. Они оба узнали рев саблезубого тигра. Подождав пару минут, путники снова пошли по тропе.

— Зачем твоей семье понадобилось разводить в своих владениях таких больших и опасных животных? — спросил Кикаха.

— Мог бы и сам догадаться, — ответила Анана. — Властители любят опасность. Она служит им приправой к вкусу вечности. Бессмертие ничего не стоит, если его невозможно у тебя отнять.

Правоту ее слов мог оценить лишь тот, кто был бессмертным. Но иногда Кикахе хотелось, чтобы этой приправы в его жизни стало немного поменьше. Он уже не помнил, когда по-настоящему отдыхал. Его нервы стали похожи на оголенные провода, изоляция которых оплавилась от перенапряжения.

— Как думаешь, кто-нибудь еще знает об этих вратах на вершине валуна?

— Трудно сказать наверняка, но мне кажется, что нет, — ответила она. — А тебя опять терзают предчувствия? Неужели ты считаешь, что Уртона предусмотрел и это? Но откуда он мог знать, что мы пойдем к валуну?

— И все же он это знал. Иначе устроил бы нам ловушку в доме. Наш противник догадывался, что мы отправимся к валуну, и сейчас наверняка ведет туда другого властителя. Где-то там, у камня, мы встретим твоих родственников, и тогда начнется последняя схватка.

— Все это только догадки и фантазии. Ты воспринимаешь мир через призму своей подозрительности и ожидаешь от других людей того, что сделал бы сам на их месте.

— Тебе осталось только назвать меня параноиком, — с улыбкой упрекнул он ее. — Хотя, возможно, ты и права. Но я повидал на своем веку столько хитрецов и умников, что буквально слышу, как тикают колесики в мозгу других людей.

Он отдал Анане лучемер, а себе оставил футляр с рогом, лук и стрелы.

На краю большой поляны Кикаха заметил на земле странную выпуклость. Она напоминала длинную узкую грядку в четверть дюйма высотой и два дюйма шириной. Через несколько шагов выпуклость исчезла, но, походив зигзагами, Кикаха нашел еще одну такую же полосу. Судя по изгибу

этих образований, они составляли часть какого-то огромного круга.

Анана с удивлением следила за его перебежками и наклонами. Пожав плечами, Кикаха вернулся к ней.

— Тебе что-нибудь известно о подземных работах, которые здесь велись?

— Нет, — ответила она. — А что?

— Впрочем, такие вещи случаются и при землетрясениях, — сказал он, подводя итог каким-то своим предположениям.

Валун оказался размером с однокомнатное бунгало. В далекие времена эту глыбу красно-черного гранита привезли вместе с другими камнями с севера, чтобы придать разнообразие ландшафту. Ее установили неподалеку от края поляны — в сотне ярдов к северо-востоку от «смоляной ямы». А яма, как отметил Кикаха, совпадала по размерам и местоположению со своей копией в Ганкок-парке на Земле номер один.

Они опустились на четвереньки и медленно двинулись к валуну. Когда до камня осталось каких-то тридцать ярдов, Кикаха по-пластунски прополз вокруг него и внимательно осмотрел огромную глыбу со всех сторон. Вернувшись к Анане, он задумчиво сказал:

— В общем-то я и не думал, что он станет прятаться за камнем. Скорее всего твой дядюшка прошел во врата и затаился внутри. А что? Хороший ход. И все же мне кажется, что он устроил там ловушку. Наверное, сидит где-нибудь в чаще и ждет, когда мы откроем врата.

— А возможно, он действительно ожидает появления третьего участника... — Анана вдруг замолчала, вцепилась в его рукав и тихо прошептала: — Я видела кого-то! Вон там!

Она указала на просвет в густой чаще — в том направлении, где на Земле номер один находился Художественный музей Лос-Анджелеса. Несмотря на все старания, Кикаха ничего не увидел.

— Это был мужчина, я уверена в этом! — твердила она. — Высокий мужчина. Скорее всего Рыжий Орк!

— А ты заметила какое-нибудь оружие? Лучемер, например?

— Нет, я увидела его мельком, а потом он спрятался за деревом.

Кикаха чувствовал себя все тревожнее.

Понаблюдав за поведением птиц, он обратил внимание на ворона, который сердито каркал неподалеку от того места, где Анана видела Орка. Внезапно птица свалилась с ветки,

и ветер понес по воздуху несколько вырванных перьев. Кикаха усмехнулся. Властитель понял, что рано или поздно это карканье выдаст его, и на всякий случай подстрелил неугомонную птицу.

В сотне ярдов слева, почти у края «смоляной ямы», несколько голубых соек устроили дикий гвалт, бросаясь на что-то в высокой траве. Кикаха насторожился, но через минуту из травы выбежала рыжая лисица и метнулась в чашу к югу от него. Сойки последовали за ней.

Затем наступила относительная тишина. В высокой траве с саблевидными стеблями становилось жарко. Время от времени над головой с жужжанием пролетали большие насекомые. Заметив мелькнувшую тень, Кикаха взглянул вверх и в двух футах от лица увидел стрекозу с трепетавшими золотисто-зелеными крыльями. Она взмыла в синее небо и исчезла в вышине, будто нырнув в молочно-белое облако. Издалека доносился рев мамонтов и тягучий тоскливый вой, похожий на стенания голодного волка. Откуда-то с необъятной высоты слышались хриплые крики какого-то пернатого хищника.

Они так и не увидели того человека, в котором Анана заподозрила Рыжего Орка. Но он по-прежнему прятался где-то в чаще леса. А возможно, он тоже заметил их и решил подобраться поближе. Эта мысль заставила Кикаху передвинуть их позицию немного вправо. Чтобы не раскачивать высокую траву, ползти приходилось очень медленно и осторожно. Через несколько минут они оказались в тени деревьев на краю поляны.

— Нам надо рассредоточиться, — сказал Кикаха. — Я углублюсь в рощу шагов на пятьдесят. Там у меня будет хороший обзор и надежное прикрытие.

Он поцеловал Анану в щеку и уполз.

Осмотрев кромку леса, Кикаха выбрал место на небольшом пригорке. Там росло несколько кустов и высокое дерево, за которым можно было спрятаться при приближении врага. Заняв эту высоту, Кикаха получил бы неплохой обзор, а густой куст заслонил бы его от тех, кто находился внизу. Единственным неудобством был почти открытый тыл, но Кикаха пообещал себе почаще оглядываться.

Он не видел Анану, однако точно знал, где она теперь находилась. Несколько раз трава сгибалась навстречу ветру. Если Орк или Уртон наблюдали за поляной, они наверняка заметили этот маленький промах. И возможно, кто-нибудь из них...

Кикаха замер. В двадцати ярдах справа от Ананы трава пригнулась и резко выпрямилась. Минут десять он не заме-

чал никакого движения, но потом высокие стебли начали пригибаться снова. Кто-то приближался к Анане. Трава плавно расходилась в стороны, словно кто-то медленно раздвигал ее руками, а затем так же плавно возвращалась на место.

Наблюдая за движением травы, Кикаха не забывал следить за лесом и поляной. Во время одного из таких быстрых осмотров он оглянулся и увидел бледное лицо, мелькнувшее среди ветвей примерно в шестидесяти футах слева. Кикаха хотел было спрятаться в лесу, но побоялся выдать себя тому, кого увидел первым. Хотя, возможно, тот его уже заметил. Немного подумав, Кикаха счел лучшим пребывать в бездействии.

Солнце клонилось к макушкам деревьев, все больше удлиняя тени. Тот, кто крался к Анане, двигался с большими паузами и очень медленно. Тем не менее теперь он находился в двадцати футах от нее, причем Анана могла об этом даже не подозревать.

Кикаха вытащил из футляра рог и положил его рядом. Вставив стрелу в тетиву, он замер в ожидании. Трава сбоку от Ананы вновь пригнулась, и тот, кто крался к ней, приблизился еще на один фут.

Быстро оглянувшись, Кикаха увидел, как между двумя деревьями спикировала птица с ярким красно-синим оперением. А потом на дальнем конце поляны появился большой черный волк. Судя по челюстям, он мог одним махом отхватить ногу человека по самую лодыжку. Животное достигало в холке четырех с половиной футов, и в мире Ядавина его многочисленных собратьев называли ужасными волками. Этот вид вымер на Земле десять тысяч лет назад. Не уцелел он и на планете властителей. Однако здесь его воссоздали в биолaborаториях и ввели в экологию края.

Животное двигалось с грацией и осторожностью тигра. Красный язык свисал, как флаг, попавший под ливень. Волк пробежал около двадцати ярдов и вдруг замер на месте. Потом настороженно повернул голову, осмотрел густой подлесок и, пригнувшись к земле, медленно двинулся вперед.

Попеременно наблюдая за передвижениями противников впереди и позади себя, Кикаха старался следить и за волком. Но он едва не прозевал того, что случилось дальше.

Волк метнулся в гущу деревьев и вдруг совершенно внезапно взвыл, стремительно развернулся и помчался через поляну в сторону Ананы. На его спине и задних лапах трепетали языки огня.

Кикаха понял, что в игру вступил пятый участник. Этот некто попытался отпугнуть животное «оглушающим» выстрелем.

лом и, видимо, в спешке установил переключатель мощности не на ту отметку. В результате пострадала волчья шкура. Впрочем, он мог поджечь животное с умыслом. Вероятно, ему захотелось посмотреть, кого испугнет разъяренный волк, и он двумя-тремя выстрелами направил зверя в нужную сторону.

Какими бы ни были его намерения, он расстроил планы того, кто подкрадывался к Анане. Да и сама она, услышав неистовый вой, приподняла голову, чтобы рассмотреть приближавшегося к ней зверя. Кикаха хотел еще раз оглянуться, но времени на это не осталось. Он вскочил на ноги, натянул лук и выпустил стрелу в человека, который приподнялся в пятнадцати шагах* от Ананы. Черный прорезиненный костюм мужчины дополнялся шлемом с темным забралом. Кикаха видел такие штуки у многих мотоциклистов Лос-Анджелеса. Но, в отличие от них, мужчина прижимал к плечу приклад короткоствольного лучемета.

Волк с воем пронесся мимо людей. Огонь перекинулся на сухую траву, и по поляне покатались волны пламени. В тот же миг, блеснув на солнце, в воздух взлетела стрела, описала дугу и попала мужчине под левую руку, которой он поддерживал ствол лучемета. Стрела отскочила от прочного и эластичного костюма, но от удара человек свалился на землю. Оружие выпало из его рук. Прожигая в траве огненный туннель, луч скользнул по телу убежавшего волка и отсек ему передние лапы. Тот с визгом упал и затих.

Огонь все больше охватывал поляну. Повалил дым, однако Кикаха разглядел Анану. Она быстро пробиралась к лучемету упавшего мужчины.

Кикаха резко обернулся, вынимая из колчана стрелу, и заметил фигуру высокого мужчины, который выглянул из-за дерева. Тот целился в него из лучемета. Выпустив стрелу и отпрыгнув за дерево, Кикаха пригнулся к земле, зная, что выстрел получился не совсем удачным.

Запахло горелой древесиной, и раздался глухой стук. Взглянув вверх, Кикаха увидел, как луч разрезал толстый ствол. Верхняя часть дерева осела вниз на пару дюймов, а затем ее гладко срезанный конец ударился о нижний обрубок ствола.

Кикаха отпрыгнул влево и вложил в выстрел все свое умение, накопленное более чем за два десятилетия непрерывных сражений. Многочасовая практика в невероятно трудных условиях дала себя знать, и стрела, слегка от-

* У Фармера — в сорока футах. Но тогда выходит, что этот тип сократил расстояние с двадцати ярдов до двадцати футов, а потом почему-то вернулся обратно.

рикошетив от выступавшего корня, взмыла вверх, едва не задев руку, сжимавшую лучемер. Человек отскочил назад. Дуло исчезло из виду. В тот же миг крона над Кикахой рухнула под тяжестью ветвей. Ему удалось отпрыгнуть в сторону и увернуться от падающего ствола, но разлапистая ветвь настигла Кикаху, и свет померк в его глазах...

Когда сознание вернулось, Кикаха взглянул на небо и понял, что прошло не так уж много времени. Солнце по-прежнему стояло над макушками деревьев. Голова болела так, словно в нее вращал корень, прорываясь среди самых чувствительных нервов. Ветвь давила на грудь. Ноги прижимала к земле неподъемная тяжесть. Кикаха мог немного двигать руками и поворачивать голову, но вообще-то чувствовал себя как человек, попавший под оползень.

Его окутал дым. Кикаха закашлялся и подошвами ощутил жар. Где-то рядом затрещали горевшие ветви. Понимая, что может сгореть заживо, он предпринял отчаянную попытку выбраться из-под кроны. В результате усилий голова разболелась еще больше, но ему не удалось продвинуться ни на дюйм.

Он подумал об остальных. Что же случилось с Ананой? Почему она до сих пор не попыталась его освободить? И где человек, который свалил на него дерево? Возможно, он сомневался в эффективности своего выстрела и осторожно подползал к поверженному врагу? А что произошло с мужчиной в черном, которого сбила с ног стрела? Где они все, и куда подевался тот, кто подстрелил волка и вызвал весь этот переполох? Если Анана не поторопится, скоро ей будет уже некого спасать.

Дым сгушался. Ступни и голени припекало. Кикахе стало интересно: задохнется он от дыма или сгорит в огне? Неужели это конец? Впрочем, конец бывает у чего угодно и даже у жизни властителей, которым удавалось прожить по пятнадцать тысяч лет. Но если ему суждено умереть, то пусть это случится в его любимом Многоярусном мире, а не здесь, на чужой и незнакомой планете.

Кикаха отбросил эти мысли. Он еще не умер. И он не собирался прекращать борьбу. Если бы ему удалось освободить грудь и ноги, он мог бы отползти подальше от огня и скрыться от врагов в гуще леса. Но где же Анана?

Негромкий голос заставил его вздрогнуть. Он прозвучал почти у самого уха. Кикаха повернул голову и увидел ухмылявшееся лицо Рыжего Орка.

— Так-так! Хитрый лисенок угодил в мой капкан!

— Конечно, ты же так и планировал, — ответил Кикаха.

Властители всегда отличались жестокостью. И этот, по-видимому, хотел уготовить ему медленную смерть. Он согласился бы ждать и час и два, лишь бы Кикаха испил всю горечь поражения. Как и все его сородичи, Орк привык убивать не спеша — особенно если обстоятельства позволяли продлить мучения и агонию жертвы.

Тем не менее Кикаха решил завязать разговор и отвлечь внимание властителя. Это могло помочь Анане, если она попытается приблизиться к ним.

Рыжему Орку тоже хотелось поговорить и поиздеваться над Кикахой. Однако бдительности он не терял. Присев рядом, он осматривался по сторонам, как перепуганная птица. Его палец лежал на спусковом крючке лучемета.

— Значит, твоя взяла? — спросил Кикаха, хотя ни минуты не верил в победу властителя, да и не поверил бы в нее до самой смерти.

— Тебя я одолел, — отозвался Орк. — А вот других еще нет. Но моя победа уже близка.

— Значит, Уртона все еще жив, — подытожил Кикаха. — Скажи, кто расставил эту ловушку? Он или ты?

Рыжий Орк перестал улыбаться.

— Я и сам не знаю, — ответил он. — Ловушка получилась слишком уж хитрой. До определенного момента все шло по моему плану. Но теперь мне кажется, что этот план меня заставил принять Уртона. Хотя какая разница? Так или иначе мы все оказались здесь — на поле решающей битвы. И это будет честный и открытый бой, когда никто уже не сможет спрятаться за спинами своих лебляббиев. Ты среди нас единственный землянин, но я убежден, что в твоих жилах течет добрая порция нашей крови. И ты определенно напоминаешь мне кого-то из нас. Возможно, я и есть твой отец. Или Уртона. Или Уриэль. Или даже тот темненький — Ядавин. В его генах тоже имеется предрасположенность к рыжим волосам. — Орк замолчал и улыбнулся. — Я начинаю склоняться к мысли, что твоей матерью была Анана. Это объяснило бы ее привязанность к тебе, как, впрочем, и твои потрясающие способности.

Густой клуб дыма закрыл лицо Кикахи, вызвав новый приступ надрывного кашля. Рыжий Орк тревожно осмотрелся, отполз в сторону и повернулся к Кикахе спиной, пока тот понемногу приходил в себя. С его ногами происходило нечто странное. Он больше не чувствовал жара, и ему казалось, что кто-то забрасывал их землей.

— Не знаю, к чему ты клонишь, Орк, но с Ананой ты перегибаешь палку. Мне точно известно, кто мои родители.

Они были фермерами в Индиане, и их родословная восходит к первым поселенцам Северной Америки. Во мне течет кровь норвежских, германских и ирландских эмигрантов. Я вырос в маленьком провинциальном городке севернее Терре-Хота, и мое рождение обошлось без тайн и интриг...

Он замолчал, потому что тайна все-таки была. Его родители переехали в Индиану из Кентукки, и случилось это перед самым появлением на свет их единственного наследника. Кикаха вдруг вспомнил таинственного дядюшку Роберта, который время от времени навещал их ферму. Однако странности на этом не кончались. Когда юный Пол Финнеган пошел добровольцем в кавалерию, у него возникли проблемы со свидетельством о рождении. А когда после войны он вернулся в Индиану, какой-то неизвестный благодетель прислал ему десять тысяч долларов. В коротком письме сквозили смутные намеки на поступление новых сумм при условии, что он станет учиться в колледже.

— Так говоришь, нет никакой тайны? — с усмешкой переспросил Рыжий Орк. — Тогда ты не знаешь того, что известно мне. Узнав, что тебя зовут Полом Янусом Финнеганом, я вспомнил кое-что и проверил некоторые данные. В результате...

Кикаха снова закашлял. Орк замолчал. Секундой позже в дыму возникла фигура, выскочившая из-за срезанного ствола. Она прыгнула вперед и свалила Рыжего Орка на спину, выбив у него из рук лучемер.

Орк явно не ждал нападения с этой стороны. Он закричал и попытался дотянуться до оружия, но нападавший отдал резкий приказ:

— Ни с места! Или я разрежу тебя на половинки!

Кикаха выгнул шею и как только мог повернул голову в сторону и назад. Он узнал этот голос, но все еще не мог поверить своим ушам. А потом он понял, что это Анана закидала землей его ноги.

Но как ей удавалось дышать в таком дыму? Дышать и не кашлять?

Целясь в Орка из лучемета, она повернулась лицом к Кикахе. Ее нос и рот прикрывала повязка из ткани, смоченной какой-то жидкостью — он подозревал, что скорее всего мочой. Анана всегда знала, как приспособиться к обстоятельствам, и могла из подручных средств сделать все что угодно.

Она жестом приказала Орку отодвинуться от упавшего лучемета. Злобно взглянув на нее, он послушно отполз назад на ягодицах, помогая себе руками. Анана шагнула вперед и,

отшвырнув в сторону свое оружие, схватила лучемер Орка. Прицелившись в него, она сдернула повязку с лица и, улыбаясь, сказала:

— Спасибо за лучемер, дядя. У моего иссяк заряд.

Орк выглядел так, будто его нашлепали пыльным мешком. Анана ткнула его стволом.

— Хватит отдыхать, дядюшка. Убери-ка с него дерево. И быстро!

— Но мне его не поднять, — возмутился Орк. — Я могу надорваться, и все равно ничего не получится!

— А ты попробуй, — посоветовала Анана.

На лице Орка появилось упрямое выражение.

— К чему стараться? В любом случае ты убьешь меня. Так лучше сделай это сейчас.

— Если ты не вытащишь его из-под дерева, я отрежу тебе ноги и выжгу глаза, — предупредила она. — А потом мы оставим тебя здесь, слепого и истекающего кровью.

— Хватит, Анана, — вмешался Кикаха. — Я понимаю твои чувства... Но только не отыгрывайся на нем за мой счет. Разрежь ветви лучом, и ему будет легче их поднимать. Не теряй времени! Где-то рядом прячутся еще двое!

Анана отступила на несколько шагов.

— Посторонись, дядя!

Она дважды рассекла ветвь, прижимавшую грудь Кикахи, а затем освободила его ноги. Орк без труда убрал толстые обрубки и выволок Кикаху из дыма. Повинуясь приказам Ананы, он перенес его в чашу подальше от горевшей травы и мягко опустил на землю. После чего покорно лег рядом на живот и положил руки на голову.

— Тот незнакомец в черной одежде прячется у валуна, — сказала Анана. — Когда я завладела его лучемером, он вскочил и побежал, спасаясь от меня и огня. Я могла бы его убить, но мне стало интересно, кто он такой. Конечно, глупо оставлять врага в живых. И возможно, я сделала ошибку. Тем не менее он от нас никуда не уйдет, и чуть позже мы устроим ему допрос.

Кикаха знал, что любопытство сгубило многих властителей. Оно толкало их на безрассудные поступки и часто приводило к потере всех преимуществ. Однако дело было сделано, и он решил воздержаться от замечаний. Тем более что сам он порою поступал точно так же.

Боль в груди разрасталась с каждой секундой. При каждом вдохе и выдохе легкие посвистывали, как порванная гармонь. Онемевшие ноги начали оживать. И вместе с покалыванием пришла тупая боль.

— Что-то мне плохо, Анана, — сказал Кикаха. — Наверное, какие-то внутренние повреждения. Я постараюсь помочь тебе по мере сил, но все остальное будет зависеть только от тебя.

— Жаль, что мы не знаем, где Уртона, — произнесла Анана. — Но он точно здесь — в этом можно не сомневаться. Я уверена, что именно он подпалил волка. И в его ловушку попали не только мы. Уртона обманул самого Рыжего Орка — великого властителя двух планет.

— Я знал, что это западня, — сердито ответил Орк. — Но я пришел сюда, чтобы раз и навсегда покончить с ничтожным и презренным врагом...

— Знаешь, дядя, я бы на твоём месте не хвасталась, — сказала Анана. — Сейчас нам надо подумать, как отсюда выбраться.

— Рог... — прохрипел Кикаха.

Ему казалось, что его грудь разрывала драконья лапа. Преодолевая адскую боль, он сел и прислонился к дереву. Дым с поляны вызвал новый приступ кашля.

— Ну как же так! — огорченно воскликнула Анана. — Я совсем про него забыла.

— Мы должны его забрать, — прошептал Кикаха. — Он лежит там... под деревом. Если наше положение станет еще хуже, мы откроем ворота в валуне и уйдем отсюда.

— Но не забывай, во второй комнате установлена ловушка! — напомнила она. — Чтобы пройти через нее, нужен особый дезактиватор.

— Мы просто отсидимся в первой комнате, а позже вернемся назад. Сквозь эти ворота Уртоне не пройти. Он подумает, что мы сбежали в другую вселенную, и не станет задерживаться здесь слишком долго.

Кикаха замолчал. Каждое слово вызывало жгучую боль. По приказу Ананы Рыжий Орк поднял его на ноги. Он сделал это так грубо, что с губ Кикахи сорвался тихий стон. Сверкнув глазами, Анана ткнула властителя в спину и грозно предупредила:

— Поосторожней, дядя, или я убью тебя прямо на этом месте!

— Если ты убьешь меня, тебе придется тащить его на себе, — с усмешкой ответил Орк. — Я понимаю, что ты уже освоилась под этим лебляббием, но поле битвы — не кровать, моя милая.

Анана взвизгнула от ярости и вскинула лучемет. Но прежде чем Кикаха успел вмешаться, дуло оружия упало на землю, и в руках Ананы остался лишь приклад.

Позади из-за деревьев послышался голос:

— А теперь вы будете делать то, что я вам скажу! Идите к валуну и ждите дальнейших указаний!

«Зачем он хочет загнать нас туда? — подумал Кикаха. — Возможно, Уртона знает о ловушке внутри врат и рассчитывает на то, что мы погибнем, пытаясь одолеть ее? Или он хочет запереть нас в первой комнате, пригрозив расстрелять каждого, кто попытается выйти? Без еды и питья мы рано или поздно выберем ту или иную смерть, а он получит садистское удовольствие, размышляя о нашей дилемме».

Уртона не сомневался, что противники теперь в его власти. И у него были на то все основания. Но он почему-то не хотел выходить из-за деревьев и приближаться к ним.

«И все же мы можем нащелкать его по носу, — сказал себе Кикаха. — Будь вертким и хитрым как лиса. Не принимай ничего на веру. Это правило спасало тебя и не в таких ситуациях».

Однако, судя по всему, его деньки на белом свете заканчивались.

— Идите к валуну! — повторил Уртона. — Немедленно! Или мне придется поджарить вам пятки!

Анана и Рыжий Орк повели Кикаху, поддерживая с обеих сторон. Каждый шаг отдавался в груди раненого невыносимой болью. Кусая губы, Кикаха сдерживал стоны. Едкий дым раздирал горло и жег легкие, вызывая кашель и смертельную слабость.

Они все ближе подходили к срезанному дереву, в полуобгоревших ветвях которого лежал рог.

— Посмотри, Уртона уже вышел из-за деревьев? — шепнул Кикаха.

Анана быстро оглянулась и сказала:

— Не больше, чем на пару шагов.

— Сейчас я споткнусь, и вы позволите мне упасть.

— Тебе будет больно, — возразила Анана.

— Ну и что? Отпускайте меня. Быстрее!

— С удовольствием, — произнес Орк и выпустил его руку.

Чуть помедлив, Анана попыталась поддержать Кикаху и, когда они упали, приняла удар о землю на себя. Тем не менее Кикаха едва не потерял сознание. На миг ему показалось, что в его грудь вонзились заостренные колья.

Уртона сердито закричал. Рыжий Орк замер и медленно поднял руки над головой. Кикаха попытался подползти к рогу, но Анана опередила его.

— Теперь труби! — прошептал он, задыхаясь от боли.

— Зачем? — хором спросили Анана и Орк.

— Делай, что я говорю! Объясню позже! Труби, пока еще можно!

Она поднесла мундштук к губам и громко протрубила семь нот, которые служили отмычкой для любых врат, попадавших в зону слышимости.

Когда они упали, Уртона заподозрил подвох и пробежал несколько ярдов вперед, чтобы не потерять из виду Анану и Кикаху. Но, рассмотрев предмет, который Анана поднесла к губам, пронзительно закричал. Кикаха подумал, что властитель станет стрелять, однако вместо этого Уртона круто развернулся и помчался в лес.

— Что происходит? — удивленно спросил Рыжий Орк.

Последняя из золотых нот растаяла в воздухе.

Уртона остановился, бросил лучемет на землю и в ярости затопал ногами.

Часть поляны и леса остались такими же. И на прогалине с выгоревшей травой все так же возвышался валун, на вершине которого сидел незнакомый человек в черной одежде. Рядом с ними лежала упавшая крона, а чуть дальше виднелся узкий ряд деревьев, окружавших поляну.

Но небо стало багрово-красным, солнце исчезло, и вокруг появились высокие холмы, покрытые рыжей травой. Неподалеку росли довольно странные кусты, листья которых походили на свастики в зелено-красную полоску. На холмах раскачивались высокие деревья. Их ветви и мощные стволы были покрыты черными, красными и белыми полосами. Огромные деревья раскачивались, как морские водоросли под струями мощного течения.

Уртона еще раз подпрыгнул и взлетел в воздух примерно на шесть футов. Плавно опустившись на землю, он схватил лучемет и огромными прыжками направился к остальным. Как видно, изменение гравитации не застало его врасплох, чего нельзя было сказать о Рыжем Орке. Тот повернулся к Анане, чтобы спросить ее, что произошло, и инерция движения развернула его на триста шестьдесят градусов. Взмахнув руками, он медленно повалился на землю.

— Не вставай, — сказал Кикаха Анане. — Я не знаю, куда мы попали, но сила притяжения здесь гораздо меньше, чем на Земле.

Над ними склонился Уртона. Его лицо приобрело такой же красный оттенок, как и небо над головами. В зеленых глазах пылала дикая ярость.

— Рог Шамбаримена! — закричал он. — А я-то гадал, что это там у вас в футляре! Как я мог забыть! Ведь я же знал о роге!

— Да, тебе следовало остаться за пределами гигантских врат, установленных вокруг поляны, — сказал Кикаха. — Скажи мне, Уртона, зачем ты пошел за нами? Почему ты погнал нас к валуну, когда мы и так уже находились внутри врат?

— Откуда ты узнал о них? — с удивлением спросил Уртона. — Как ты догадался?

— Я понял это в самый последний момент, — ответил Кикаха. — Подходя к поляне, мы с Ананой заметили на земле несколько закругленных борозд. Я сразу заподозрил неладное, но мне и в голову не пришла мысль о вратах. Впрочем, у меня вызывает подозрение все, что не поддается логическому объяснению.

И потом, ты все время скрывался за деревьями — даже когда держал нас на прицеле. Хотя, по правде говоря, я считал это обычной осторожностью, потому что мы действительно могли прятать в одежде портативные излучатели. Ты уже тогда мог активировать гигантские врата, но тебе захотелось большего. По твоим расчетам, у нас оставался только один-единственный путь — через врата в валуне. Ты хотел, чтобы мы спрятались там, довольные своей хитростью, а позже, выбравшись наружу, обнаружили вокруг этот странный мир.

Однако у Ананы не было активатора, и мы решили воспользоваться рогом. Тебе не удалось предусмотреть такую возможность. Ты увидел футляр, но не вспомнил об инструменте, потому что успел забыть, как он выглядит.

Подходя к месту, где лежал рог, я вдруг понял, какую ловушку ты нам приготовил. У меня даже не хватило времени объяснить все это Анане. Я заставил ее протрубить мелодию, и мы перенеслись в твой мир. Не имея другого выбора, я решил забрать тебя с собой!

Анана осторожно поднялась на ноги.

— Меняющийся мир! — сказала она. — Это же мир Уртоны!

На востоке или, вернее, там, где находился восток покинутого ими мира, над холмами восходило массивное красное светило. Оно быстро поднялось вверх, и они увидели небесный спутник, вчетверо превосходящий по размерам земную луну. Но в отличие от нее небесное тело имело продолговатую форму и дюжину щупалец, которые тянулись во все

стороны. Оно слегка напоминало чернильную кляксу. И Кикахе казалось, что конфигурация спутника постоянно меняется.

Он почувствовал, как почва под ним заходила ходуном. Его голова опустилась ниже ног, а гряда высоких холмов, стоявших в отдалении, внезапно прогнулась и начала оседать.

Кикаха сел. Боль немного унялась. Возможно, этому способствовала слабая сила притяжения.

— Уртона, эти врата односторонние? — спросил он.

— Конечно, — ответил тот. — Иначе я бы давно забрал у вас рог и вернулся на Землю.

— А где здесь ближайшие врата?

— Теперь мне незачем скрывать это от тебя, — сказал Уртона. — Тем более что, услышав мой ответ, ты не узнаешь ничего особенного. Единственные врата, ведущие из этого мира, спрятаны в моем дворце. А он находится где-то на поверхности этой массы. А может, той. — Он ткнул пальцем в сторону красноватого небесного тела. — Эта планета раскалывается на куски, меняет форму, соединяется с другими небесными телами и раскалывается вновь. Единственной аналогией подобного процесса является лавалит. Это лавалиновый мир.

Его объяснения прервал Рыжий Орк. Он высоко подпрыгнул и, едва не пролетев над головой Уртона, врезался в него, как торпеда. Оба покатались кувырком. Лучемет упал на траву, и Анана бросилась к нему. Кикаха вздрогнул, увидев ее неловкое и тяжелое падение. Поднявшись на ноги, она пошатнулась, но гримасу боли сменила усмешка. Услышав ее приказ, Уртона покорно подошел к Кикахе. За ним полз Рыжий Орк, шепча проклятия и угрозы.

— Я бы с удовольствием убила вас, дядюшки, но вы мне пригодитесь, чтобы нести Кикаху, — сказала она. — Считайте, что вам повезло. При такой силе притяжения больших проблем у вас не будет. К тому же, Уртона, ты многое знаешь об этом мире — и кому, как не его создателю, вести нас ко дворцу. А сейчас вы сделаете носилки для Кикахи, и мы отправимся в путь.

— В какой еще путь? — проворчал Уртона. — Нам некуда идти. Здесь нет ничего постоянного. Неужели ты это еще не поняла?

— Мы найдем твой дворец даже в том случае, если нам придется обшарить каждый дюйм этой кошмарной планеты, — ответила Анана. — За работу, дядюшки!

— Подожди немного, — сказал Кикаха. — А что произошло с Вольфом и Хрисеидой?

— Я отправил их сюда прошлым вечером, и теперь они где-то здесь — на поверхности этой массы. Или той... Или другой, которая нам еще не видна. Мне просто не удалось придумать для них худшего наказания. Кроме того, по правилам игры они получили небольшой шанс найти мой дворец. Но...

— Но даже если они его найдут, их ждут какие-то ловушки? — спросил Кикаха.

— Есть в этом мире и кое-что еще...

— Гигантские хищники? Враждебные существа?

Уртона кивнул:

— Да. Нам понадобится лучемер. Надеюсь, заряда хватит надолго. И...

— Так говори же, — прохрипел Кикаха.

— Надеюсь, поиски дворца не займут слишком много времени. Дело в том, что, если вы не родились в этом мире, он сведет вас с ума!

Содержание

От издательства	5
МНОГОЯРУСНЫЙ МИР	
Личный космос , роман, <i>перевод С. Трофимова</i>	11
За стенами Терры , роман, <i>перевод С. Трофимова</i>	205

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том второй

Составитель *Д. Смушкович*
Редактор *М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, И. Лаздина*
Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*
Оформление обложки: *И. Леонтьев*
Оформление шмуцтитлов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.83.

Подписано в печать 25.01.96. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 17,64. Тираж 20 000 экз.

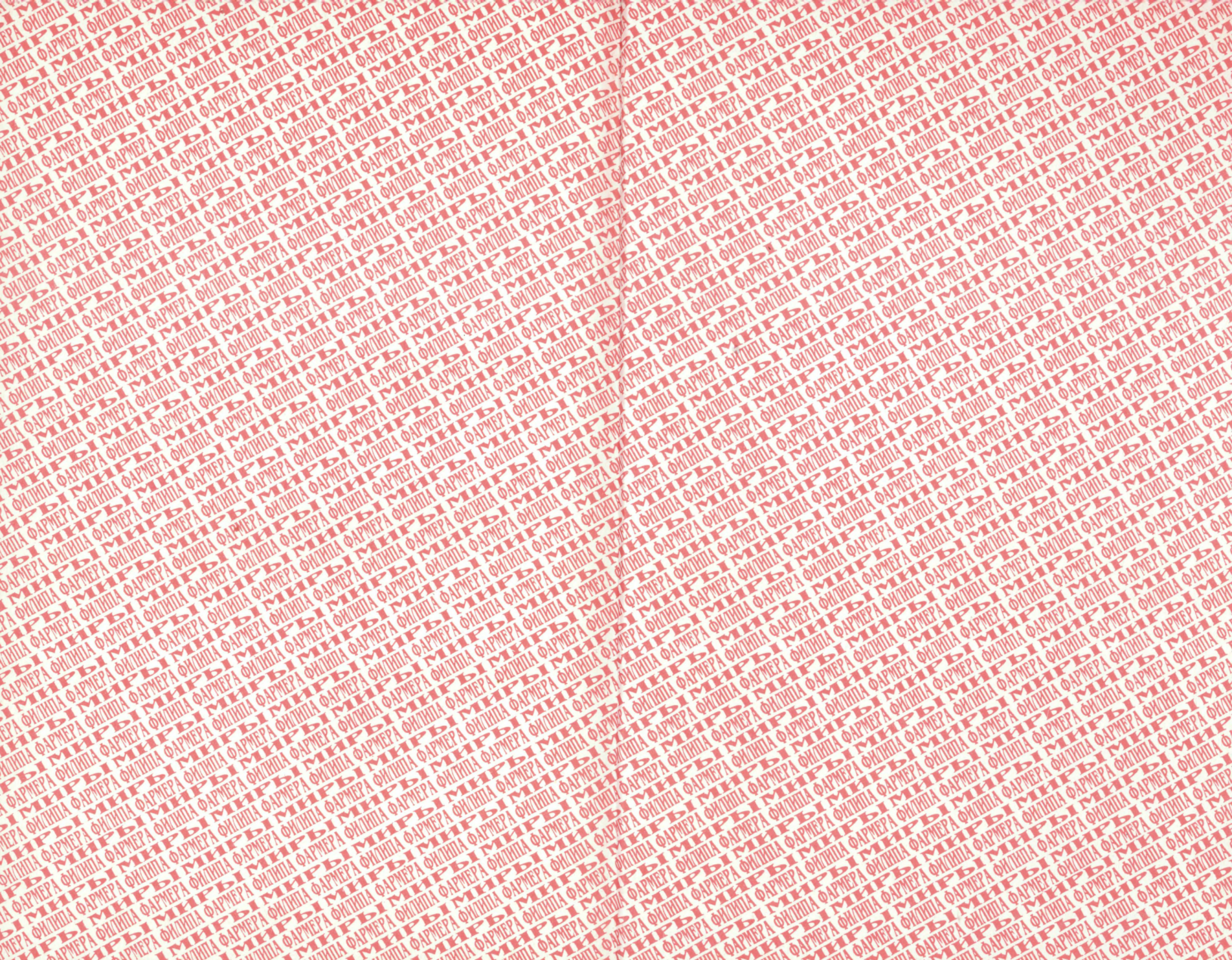
Заказ № 1531. С 139.

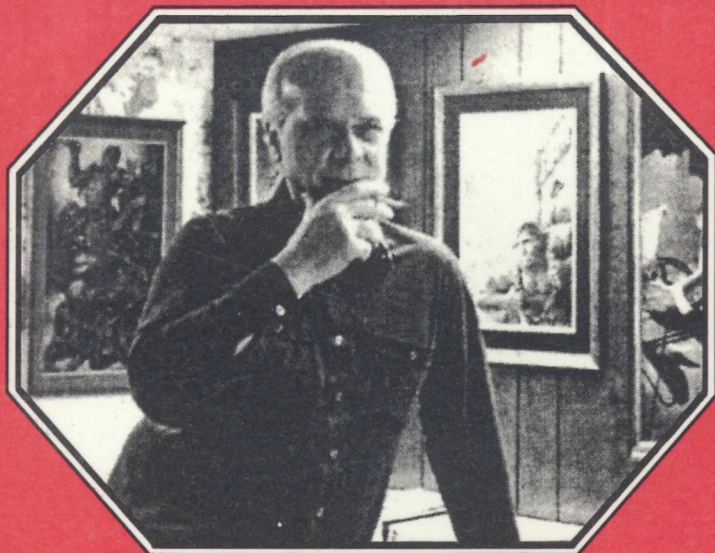
Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040 г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 4

Личный космос

Череда странных событий нарушает беззаботное существование Кикахи-Ловкача. Кто-то пытается убить его, правители ярусов забывают родные языки — и исчезает Властитель Ядавин, правящий Многоярусным миром. А потом через ворота проходят, спасаясь от страшной угрозы, трое властителей, и среди них — сестра Ядавина красавица Анана...

За стенами Терры

В погоне за последним из Черных Звонарей Кикаха и Анана оказываются на Земле. Но их охоте за злодеем в бетонных джунглях Лос-Анджелеса мешают Рыжий Орк — тайный повелитель Земли, самый безжалостный из своего недоброго племени, и соперник Орка в борьбе за нашу планету Властитель Уртона.

